Genre

love_contemporary

Author Info

Джуэл Э. Э. Энн

Нераспустившийся цветок (ЛП)

«Все, что скрывается за моим замаскированным «совершенством» — это ужасная правда, моя правда, моя действительность, моя судьба». У Вивьен Грэхэм есть письмо о приеме в Гарвард, вызывающая татуировка, преданные друзья, связи с марихуаной, зависимость от пончиков Данкин и досадная Д-карта (девственность). Каждый день она садится в метро на Красную ветку и едет на свою работу в «Зеленом горшке» в Бостоне, в то время как ее друзья проходят в такие желанные черные железные ворота для получения высшего образования. Последствия трагического несчастного случая заставили ее отложить свою жизнь в сторону, когда все вокруг продолжали наслаждаться собственной. После окончания юридического факультета Гарварда, уроженец Бостона, Оливер Конрад переезжает в Портленд, чтобы устроить свою жизнь и сделать карьеру. Три года спустя, после ужасающего открытия, он возвращается домой, меняя костюм-тройку на кожаные рабочие ботинки, а свой загородный дом на кондоминиум в Кембридже. Все, что он привез обратно на Восточное Побережье — это отвращение к подушкам и секреты, которые прячет за таинственной закрытой дверью. Дни Оливера предсказуемы, а ночи одиноки, пока он не встречает Вивьен в метро. Ее длинные черные волосы, зеленые глаза и ноги, длиною в милю, убийственно сексуальны, но то, как она «невинно» облизывает пальчики после пончика «Бостон Крем» можно описать только двумя словами — безусловная пытка. Когда их пути пересекаются на каждом повороте, то смех становится открытым, дружба — легкой, а любовь — непреднамеренной. Тем не менее, их будущее кажется невероятным. Переводчик: Юлия П. Редактор: Татьяна Г. Вычитка: Matreshka

Обложка: Mistress Переведено для групп-пы: <https://vk.com/stagedive> 18+

Джуэл Э. Энн

Нераспустившийся цветок

Глава 1

Пончики Лиги Плюща

Вивьен

Проснуться. Потянуться. Принять душ. Затем бежать среди суетливой толпы к станции метро через кофейню на углу. Калейдоскоп цветов и манящий горько-сладкий аромат любимого американского возбуждающего напитка щекочет мое обоняние.

Не в обиду Полу Ревире[1], но, когда я думаю о Бостоне и ассоциирующемся с ним внушающем списке исторических личностей, именно Вильям Розенберг[2] — то имя, что согревает мою душу и искушает желудок. Я глубоко убеждена, что его воодушевление и влияние в сфере бизнеса подпитывает мои амбиции в достижении высоких целей, благодаря чему я и была принята в хорошо известный университет на севере реки Чарльз.

— Бостон Крем и средний данкачино, пожалуйста.

Я игнорирую людей, пронзительно глядящих, закатывающих глаза и качающих головой, за моей спиной. Да, при росте пять футов одиннадцать дюймов (прим.ред. — примерно метр восемьдесят сантиметров) я могу есть все, что захочу и не набрать и фунта. Длинные, волнистые, чернильно-

черные волосы и зеленые глаза — внешность модели. Да, да, все это я уже слышала. Но все, что я вижу в зеркале — это долговязую, костлявую, с волосами ведьмы, глазами монстра и ужасными веснушками девушку. Крошечная улыбка появляется на моем лице, когда я сосредотачиваюсь на своем телефоне и провожу большим пальцем по экрану, чтобы отправить сообщение.

Я: Уже проснулись, сучки? Два часа на учебу, а затем тащите свои задницы на работу. Настоящий мир ждет вас.

Суждения — это всего лишь самонадеянные мысли, в лучшем случае — ошибочные мнения. Все, что скрывается за моим замаскированным «совершенством» — это ужасная правда, моя правда, моя действительность, моя судьба. Но сейчас я беру свое лекарство от депрессии и выхожу на улицу с легкой улыбкой.

Два года назад, после того как я прошла вступительное собеседование, я должна была посещать лекции в Гарварде, но не сейчас. Вместо этого я сажусь на Красную ветку метро на Гарвардской площади и еду до Центральной площади каждое утро, в то время как мои сучки заходят в желанные черные железные ворота «Расти в мудрости»[3]. Так как мои надежды на любовь и замужество угасли как факел, еще в выпускном классе средней школы, у меня была вся жизнь впереди для того, чтобы сосредоточиться на достижении цели — стать успешным предпринимателем.

Воздух становится густым и затхлым, когда я спускаюсь в метро. И вот я вижу его, мою наглядную слабость. Впервые он завладел моим вниманием неделю назад. Небоскреб в разнообразном море голов, поглощенных своими портативными технологическими богами и поклоняющихся им. Но если вы моего роста, то планка значения слова «высокий» достаточно высока. У него шесть футов четыре дюйма роста (прим.ред. — примерно метр девяносто сантиметров), худощавое телосложение, короткие светлые волосы и васильково-голубые глаза. Попивая свой данкачино, я смотрю поверх чашки и пробираюсь через утреннюю толпу, чтобы оказаться с ним в одном вагоне. Каждое утро он одет в потертые джинсы, старую футболку и кожаные рабочие ботинки. Возможно, он женат или у него есть девушка, но это не имеет значения. Моя безрассудная страсть не пойдет дальше, чем купание в его сексуальной ауре и запоминание его образа, чтобы в дальнейшем использовать все это для моего собственного удовольствия.

Поезд останавливается со скрежетом, и гидравлические двери открываются со свистом, это заставляет толпу двигаться. Обычно я нахожу место напротив моего строгого голубого воротничка. Мы, флиртуя, играем в прятки, когда я беззастенчиво глазею на него, пока он не взглянет на меня, а потом застенчиво отводит взгляд, глубоко сглатывая. Я ем свой пончик и попиваю кофе, не сводя с него глаз. Клик, клик, клик — делаю фотографии в своем воображении.

Но этим утром вагон забит битком. Я останавливаюсь рядом с ним, держа кофе в одной руке, а пончик в другой. Пока остальные пассажиры проталкиваются, я гляжу вверх на него и улыбаюсь. Он неуверенно улыбается мне в ответ, и впервые я вижу его ровные белые зубы и ямочки на щеках. Святое дерьмо! У него есть ямочки. Сердце бьется быстрее, когда я подношу пончик ко рту. Ямочки! Двери закрываются, и поезд трогается до того, как я успеваю удержать равновесие.

— Вот черт! Мне очень жаль!

Я испытываю ужасное унижение, снимая свой наполовину съеденный пончик с его серой футболки. Я не могу смотреть на него.

Взглянув украдкой, вижу размазанное пятно шоколада посередине его футболки. Grimаса искажает

мое лицо, когда я, рискнув поднять глаза, вижу его поднятые брови и взгляд, который мечется между мной и футболкой. Положив пончик в пакет, я достаю из сумочки пачку салфеток и начинаю вытирать его футболку, как мама ребенку. Он ничего не говорит и не двигается. Я улавливаю смешки и хихиканье со стороны нескольких пассажиров, ставших свидетелями этого несчастного случая. Возможно, теперь я должна буду ездить на автобусе или маскироваться, чтобы меня не узнали, как неуклюжую девушку с пончиком.

— Все нормально, — звучит глубокий голос. Длинные пальцы обхватывают мое запястье, останавливая мои безумные движения. — Это всего лишь футболка.

Сжав губы, я киваю, не в состоянии встретиться глазами. Он отпускает мою руку, и я бросаю салфетки в сумку.

— Я, эм... я просто такая, очень неуклюжая... растерянная, и еще раз... прошу прощения.

Я. Не. Сдвинусь. С. Места. Я буду стоять опозоренная, пока не выпрыгну с поезда при следующей возможности.

— Действительно, все нормально, нет никакой необходимости чувствовать себя плохо.

— Центральная площадь, — объявляют в микрофон, когда поезд останавливается.

Я как безумная пробираюсь к дверям вагона, что могу вынести несколько ничего не подозревающих пассажиров. Я не могу беспокоиться об этом; некоторые происшествия неизбежны и необходимы.

— Это ваша остановка? — спрашивает мистер Глазированная Футболка, вероятно, потому, что на прошлой неделе он сходил с поезда раньше меня.

Сегодня — да!

Мне повезло, что когда белая вывеска с цветочным горшком показалась за холмом, там не было целой очереди раздраженных людей, которые хотели попасть внутрь.

— Мэгги, мне так жаль, — говорю я извиняющимся тоном, бросая сумку под прилавок и повязывая свой зеленый фартук поверх соответствующей футболки и поношенных джинсовых шорт. — Мне пришлось сесть на автобус и пройти оставшуюся милю пешком.

— Вивьен, дорогая, зачем ты извиняешься? Я же сказала, чтобы ты взяла выходной.

Мэгги покачала головой, укладывая пакеты с семенами в картонные коробки. Я сменила ее, пока она пробивала заказ клиента.

— Я знаю, но это самое загруженное время года, и кто знает, когда Алекс и Кай появятся, чтобы помочь, и появятся ли вообще.

Мэгги, гордая владелица питомника «Зеленый горшок», начинала свой бизнес как прикрытия для выращивания марихуаны. Она не преступница, так сказать. Просто уже десять лет, как она борется с раком шейки матки.

— Разве ты не видишь, что я очень занята?

Я смеюсь. У Мэгги святое терпение и мне нравится работать на нее. «Зеленый горшок» стал оранжереей — одним из главных поставщиков для местных компаний, занимающихся ландшафтным дизайном, — но у нее все еще был тайник «странного табачка» для тех, кто не хочет проходить тяжелые испытания, чтобы получить его на законных основаниях. Ее единственное требование, чтобы VIP-клиенты не приходили все в один и тот же день в шарфах и банданах на голове с просьбой приобрести «особый коричневый пакет».

— Ченс скоро должен быть здесь, если хочешь, пойди и проверь еще раз, собран ли его заказ полностью.

О, Ченс Конрад, сексуально озабоченный владелец «Ловкого самца» — мастер на все руки. Ченс настоящий игрок и в его глазах я — главный приз в его игре в плейбоя. На протяжении двух лет он пытался обольстить меня и затащить в постель. На протяжении двух лет я отвергала его зачастую возмутительные попытки завоевать мое расположение.

Знакомый красный грузовик заезжает в зону погрузки на заднем дворе, как раз когда я заканчиваю проверять заказ.

— Вивьен, — бархатный голос Ченса ласкает мое имя, в то время как он раздевает меня обычным похотливым взглядом.

— Ченс, — я закатываю глаза, качая головой, как он и ожидал.

Я не настолько наивна, чтобы думать, что он ожидал в терпеливом воздержании, когда я поддаюсь его натиску. Вообще не могу представить, чтобы он хоть одну ночь провел без какой-нибудь легковверной обнаженной девицы, обернутой вокруг него. Не то чтобы я не находила его физически привлекательным, но я пообещала самой себе, что все мои оргазмы будут самопроизвольными. Ченс — приятный на вид, и это еще одно наглядное пособие для моих моментов уединения. Клик. Клик. Клик.

— Ненавижу разочаровывать тебя, я знаю, как ты с нетерпением ждешь наших сексуальных шуточек, но мой брат сейчас работает со мной, поэтому ты должна быть немного осмотрительнее в своих нападках, — говорит Ченс, опираясь на кузов грузовика и сложив руки на груди.

Безудержный смех вырывается из моей груди, но застревает в горле, и я чуть не задыхаюсь, когда другая дверь открывается и очень высокий парень с пятном от шоколада по центру серой футболки выходит наружу.

Убейте. Меня. Сейчас же!

— Вив, это мой брат Оливер. Не обращай внимания на его футболку. Какая-то цыпочка в метро протаранила его пончиком.

Мои глаза открыты так широко, что, я думаю, они уже не закроются.

— Ух, это действительно отстойно. Она, должно быть, чувствует себя ужасно.

— Да, как ты сказал? — Ченс смотрит на Оливера. — Что она убежала на следующей станции, поджав хвост? — Ченс смеется.

Оливер кривится, глядя на меня.

— Не думаю, что это именно то, что я сказал.

— Да, брат, это именно то. Ты также сказал...

— Уверен, она поняла.

Я киваю, скрестив руки на груди.

— Оливер прав. Я поняла. Могу себе представить. Но уверена, что она не убегала, поджав хвост.

Просто, вероятно, это была ее остановка, — я улыбаюсь Оливеру, плотно сжав губы, и протягиваю руку. — В любом случае, Вивьен Грэхэм, приятно познакомиться.

Оливер смотрит на мою руку несколько мгновений, затем мне в глаза.

— Приятно познакомиться с тобой, Вивьен.

Мы пожимаем руки, и моя хватка усиливается, выражая невысказанное неодобрение его версии

произошедшего сегодня утром.

— Не возражаешь, если я воспользуюсь уборной перед тем, как мы загрузимся и уедем? — спрашивает Ченс и, не ожидая моего ответа, направляется в здание.

Оливер и я отводим друг от друга глаза, когда неловкая тишина окутывает нас. Я смотрю на его футболку и начинаю безудержно хихикать.

— Какие шансы? — я смеюсь, качая головой и глядя ему в глаза. Он усмехается. — Мне действительно жаль. Я куплю тебе новую рубашку.

Потирая рукой засохшее шоколадное пятно, он облизывает губы и улыбается так широко, что ямочки на его щеках поглощают все мое внимание.

— Нет необходимости. Пятно отстирается, а если нет, то я абсолютно уверен, что у меня имеется, по крайней мере, двадцать таких же старых футболок.

— Давай загружать! — Ченс выбегает из здания, когда мы надеваем рабочие перчатки и начинаем укладывать растения в задней части грузовика.

Когда все погружено и закреплено, Ченс запрыгивает в грузовик, заводит двигатель и опускает стекло.

— Поехали, Оливер, не нужно флиртовать с моей девушкой. После двух лет отказа, я почти уверен, что она лесбиянка. Но, по какой-то причине, от этого мой член становится еще тверже.

Оливер закрывает глаза и качает головой, а я смеюсь.

— Пожалуйста, прости моего вульгарного брата. У него отсутствует фильтр между мозгом и ртом. Я пренебрежительно машу рукой.

— Я терплю его два года. Его грязный рот делает мой лесбийский день ярче.

Оливер хмурит брови и медленно кивает.

— Тогда хорошо, увидимся.

— Увидимся, парни, — я, подмигнув, протягиваю Оливеру накладную, и ухожу проверить как там Мэгги.

Оливер

— Теперь я знаю, почему ты берешь так много заказов по ландшафту вместо того, чтобы заниматься покосом и домашним ремонтом, — я мерю Ченса знающим взглядом.

— Она чертовски горяча, — он усмехается, выезжая с парковки.

Я качаю головой.

— Это продолжается два года. Я думаю, пора признать, что она не заинтересована.

Он пожимает плечами.

— Она вскружила мне голову и не дает покоя.

— Она вдалбливала тебе в голову свой отказ так много раз, что это повредило твой мозг, и ты больше не видишь, как у нее по коже бегут мурашки, когда ты говоришь о своем члене.

— Она милая девушка. У нас все хорошо. Разве ты не заметил, как она защищала ту цыпочку с пончиком?

— Дерьмо, — я смеюсь и пробегаю руками по волосам. — Она и есть та цыпочка с пончиком, придурок.

— О чем ты, черт возьми, говоришь?

Я опускаю окно с моей стороны и надеваю кепку «Ред Сокс».

— Вивьен — это та девушка, которая упала на меня в метро и испачкала пончиком. Благодаря тебе, я теперь выгляжу как настоящая задница, потому что ты разболтал мои комментарии по поводу ее побега.

Ченс смеется.

— Черт, ты удачливый сукин сын! Мне следует начать ездить на метро. Я, вероятно, упускаю огромную часть нетронутого женского населения. Они зря тратят свое время, врезаясь в тебя, в парня, который никогда не уделит им времени.

— Ты прав. Меня это не интересует.

Рискуя тем, что осталось от мужественности, согласно какому-то философскому дерьму, должен признать, что копать в грязи и находиться целый день на солнце каким-то образом возымело терапевтический эффект. Не могу устоять, чтобы мысленно не похвалить себя за то, что пришел к таким выводам без помощи психотерапевта. Чтобы сэкономить сто сорок долларов в час я могу спросить сам себя, что я чувствую и почему. Я думаю, что чувствую меньше обиды, чем при помощи всех тех проклятых терапевтов в Портленде.

Мы добавляем клумбы для отеля в районе Морского порта, чтобы они могли использовать свежие овощи и травы в своем ресторане. Просто одна из миллиона причин, почему я люблю этот город.

— Хочешь куда-нибудь пойти сегодня? — спрашивает Ченс, смешивая удобрения с почвой.

— Нет.

— Тара возьмет с собой сестру. Мы собираемся в какой-то новый Итальянский ресторанчик возле пристани, а затем к Майку поесть канноли[4].

— Кто такая Тара? — сев на пятки я вытираю пот с брови низом футболки с шоколадным пятном.

— Девушка, с которой я приходил на ужин в честь дня рождения мамы.

— Не заинтересован.

— Оливер, тебе нужно куда-нибудь выходить.

— Ты не знаешь, что мне нужно, и я говорил тебе не упоминать о моем проклятом прошлом.

— Черт побери, чувак! Я не говорю о твоём прошлом. Я говорю о настоящем! Просто ужин с привлекательной женщиной. Она чудесная и только закончила МТИ[5]. Такая же заучка, как и ты.

Это нормально хоть иногда позволять милой попке заставлять твой член дергаться. Дай отдых своей руке.

— Отцепись!

— Никто так больше не говорит, но в любом случае, ты многое теряешь.

Я ненавижу, что он прав, но я лучше откушу себе руку, чем признаюсь в этом вслух.

— Извини, Ченс, я просто... блин, я просто не готов. Я не говорю, что никогда не буду этого делать, просто не сейчас.

Он хлопает меня по плечу.

— Не волнуйся, брат.

Глубоко вздохнув, я закрываю глаза и пытаюсь отбросить образ одного человека, который заставляет мой член дергаться. И когда у меня это не получается, решаю закругляться. Не похоже, что у моей руки будет отдых в ближайшее время.

Уже два месяца, как я начал новую жизнь. Большую часть времени я чувствую себя как зомби. У пищи нет вкуса, я вижу солнце, но не могу чувствовать его тепло, в комедиях нет юмора, и монотонная жизнь окрашена приглушенными тонами. По крайней мере, все было именно так, пока на прошлой неделе я не начал работать вместе с братом.

Проживая в Кембридже, я езжу на Красной ветке метро до Южной станции. Каждое утро на прошедшей неделе я сидел напротив этой длинноногой женщины с волосами цвета вороньего крыла, спадающими непослушными локонами на ее изящные плечи и спину. Мягкие зеленые глаза глядели украдкой через длинные сексуальные ресницы, околдовывая меня, и я поймал себя на том, что сосредоточенно наблюдаю за ней, когда она ест пончик с кремом и шоколадной глазурью. Она делает полный беспорядок из этого, и к тому времени, когда заканчивает, у каждого парня в вагоне уже стойкая эрекция, пока они наблюдают за ней, слизывающей липкую сладость со своих полных губ и каждого длинного пальца, как звезда порнофильма «Данкин Донатс»[6].

Поэтому теперь единственная вещь, запах которой я слышу — это смесь ароматов кофе и пончиков. Я могу почувствовать вкус сладких вишнево-красных губ, которые я никогда не поцелую. Глупо, что я так увлечен ей, что одна лишь мысль о метро вызывает у меня жалкую улыбку, а ее образ возникает, словно в пьяном угаре, как только закрываю глаза. Но больше всего беспокоит то, что она заставляет оживать те части моего тела, которые я поклялся больше не использовать никогда.

Я так опьянен.

Глава 2

Добро пожаловать

Вивьен

— Привет, сучки, самое время вам показаться, — я обнимаю Кая и Алекс.

— Прости, Цветочек. Шон и Кай опоздали, — Алекс пронзает Кая буравящим взглядом, обнимая меня.

— Я ненавижу, когда ты ее так называешь, — говорит Кай, сжав челюсти.

— Она называет нас своими сучками, а ты все еще думаешь, что называть ее Цветочком, будто мы оба не знаем, что вытатуировано у нее на спине, это как? Неуважительно?

Я переплетаю наши с Каем мизинцы, а затем игриво подталкиваю его в плечо.

— Я могу придумать прозвище похуже.

Он не перестает хмуриться. Алекс думает, что знает все о событиях, которые заставили меня сделать татуировку, но это не так. Кай был там, и как бы он не хотел забыть, насколько та ночь изменила мою жизнь, он не может. Я надеюсь, что однажды мы сможем вспоминать какими мы были, а не какими стали.

— Я ненавижу ту проклятую татуировку, — говорит он.

— Ну, хорошо, что она моя, а не твоя. Кроме того, у Кейт на щиколотке вытатуирован знак бесконечности.

— Ах, Кай и Кейт. Это так плохо, что вы выглядите, как Кен и Барби, но серьезно, слышать ваши имена вместе — это слишком, — насмехается Алекс.

— Я не похож на Кена.

— Может быть, не на светловолосого Кена, но ты мог бы сойти за смазливую темноволосую куклу-мальчика, а Кейт определенно Барби. Я никогда не видел ее без каблучков. Ее ступни постоянно

находятся в таком положении? Она ходит на носочках даже когда босая? — Алекс смеется.

— Отсоси у меня, Алекс.

— Боюсь, что нет, детка. Мечта Шона о сексе втроем включает меня и Цветочка.

— Хватит, вы двое! — я складываю руки в форме буквы Т. — Я иду домой, пока вы помогаете Мэгги закрыться. Попробуйте быть милыми.

— Я сегодня не буду ночевать дома, — говорит Алекс, когда я перекидываю сумку через плечо.

— Ты никогда не ночуешь. Передавай Барби... я имею в виду Кейт, привет, — я хихикаю, подмигивая Каю

Он проверяет, никто ли не смотрит, а затем машет на прощание рукой, показывая средний палец.

Я надеваю наушники и уплываю вместе с Эдом Шираном[7] пока еду в метро обратно до Гарвардской площади. На Южной станции такое знакомое лицо заходит в вагон. Мы смотрим друг другу в глаза и улыбаемся.

— Ты меня преследуешь сегодня, — я вытаскиваю наушники.

— Могу тоже самое сказать о тебе, — Оливер садится рядом со мной.

— Твой несносный братец отпустил тебя пораньше сегодня?

Оливер смеется.

— Я не спрашивал. Я сам решаю, когда закончить. А что он сделает? Уволит меня? — его взгляд опускается, обжигая мою кожу. — А почему ты едешь домой так рано?

— Вообще-то сегодня не мой рабочий день, поэтому я оставила своих друзей убирать беспорядок и закрывать магазин. Кроме того, я пропустила ланч и умираю с голоду.

— Ты думаешь, это потому, что ты пропустила ланч? Или потому что оставила половину завтрака на мне? — Оливер тянет свою футболку с шоколадным пятном.

— Остришь? Я уже начала чувствовать себя не так плохо из-за утреннего происшествия.

Мы оба поднимаемся, когда поезд останавливается на Гарвардской станции.

— Пойдем, — он показывает головой, как только мы выходим, — я задолжал тебе пончик.

Я колеблюсь, пока пассажиры проталкиваются мимо нас.

— Это нелепо, но я голодна, поэтому позволю тебе купить мне пончик.

Мы поднимаемся по ступенькам и направляемся к Гарвардской площади. Я поднимаю палец и ныряю в магазин на углу, возвращаясь несколькими минутами позднее.

— Вот, мы в расчете, — я бросаю ему гарвардскую футболку. — Теперь ты можешь притвориться, что ходил в университет Лиги Плюща.

Он сбрасывает свою футболку, оставив меня смотреть с открытым ртом по сторонам, не наблюдает ли кто за нами. У меня текут слюнки, четко очерченные мышцы выделяются на его стройном теле, и я не могу скрыть румянец, который поднимается по моей шее, пока он надевает новую футболку, перед тем как выбросить старую в урну.

— Что заставляет тебя думать, что я не ходил в Гарвард?

Я пожимаю плечами.

— Ну, вероятно, кожаные рабочие ботинки. А что? Ты ходил в Гарвард?

Оливер продолжает идти по направлению к «Данкин Донатс».

— Возможно.

Я чувствую, как он усмехается, когда я закатываю глаза и подбегаю, чтобы догнать его.

— После тебя, — усмехаясь, Оливер держит двери открытыми.

— Спасибо, мистер Конрад.

Заказав пончики и кофе со льдом, мы занимаем места у окна.

— Итак, ты серьезно?

— Насчет чего? — он лукаво приподнимает бровь.

— Выпускник Гарварда.

— О, я возбудил твое любопытство?

— Немного, — я снимаю крышку со своего кофе.

Он смотрит на свой напиток, как будто ждет, что ответ всплывет на поверхность.

— Да, я ходил в Гарвард.

— Круто, — отвечаю, засовывая палец в отверстие в пончике, наполненное кремом, и облизываю его.

Широко открыв глаза, Оливер наблюдает, как я облизываю палец. Он прочищает горло.

— Да, думаю это круто.

Засовывая снова палец в отверстие, чтобы взять больше начинки, я смеюсь.

— Я не отношусь к этому пренебрежительно, просто пытаюсь не делать из этого большое событие.

Очевидно, что ты не пользуешься своим образованием, поэтому, если и получил таковое, я не хочу заставлять тебя чувствовать себя плохо оттого, что занимаешься в жизни чем-то другим.

Проведя языком по покрытому кремом пальцу, я ожидаю его ответа. Он снова смотрит на мои губы, раскрыв рот, и тяжело сглатывает, встречаясь со мной взглядом.

— Это, эм, интересный способ есть пончик.

Я облизываю губы и улыбаюсь.

— Мне нравится смаковать им. Ну, ты знаешь, как некоторые люди вначале слизывают глазурь из середины «Орео» прежде чем съесть само печенье?

Он кивает и прочищает горло.

— Я выпускник юридического факультета.

— Действительно? Ты когда-нибудь практиковал?

Он напрягся так, что на лбу появляются морщины, и выглядит, будто ему больно.

— Некоторое время, но... жизнь сложилась так, что я вынужден был бросить, — он говорит, тщательно подбирая слова.

— Думаешь, ты когда-нибудь снова начнешь практиковать?

Он продолжает смотреть в глаза, но взгляд становится остекленевшим.

— Несколько лет назад я сказал бы «нет», но теперь, надеюсь, я найду свой путь назад.

— Звучит так, как будто ты в растерянности.

Оливер отклоняется назад и переплетает пальцы за головой.

— Думаю, так и есть.

Я вытягиваю соломинку из чашки и жую пончик, обдумывая его ответ.

— Растерянность — это состояние сознания. Ты найдешь себя, когда поймешь, что находишься именно там, где должен быть в данный момент.

Он смеется.

— В «Данкин Донатс»?

— Нет, просто живой, — я улыбаюсь, но моя улыбка меркнет, когда я вижу, как краска сходит с его лица. — Я сказала что-то не то?

Ножки стула скрипят по полу, когда он поднимается.

— Нет, мне просто нужно идти.

Я беру свой напиток, вставляя соломинку обратно, и встаю.

— Ну, ладно, спасибо за поздний обед.

— Да, конечно. Увидимся, — он не ждет меня и, прежде чем я успеваю что-то сказать, он уже на улице.

И кто теперь убегает, поджав хвост? Что, черт возьми, только что произошло? Как Ченс может быть таким открытым, как например «Я трахну тебя в задней части моего грузовика», в то время как Оливер остается загадкой? Я поднимаюсь по ступенькам к своему дому, доставая ключи.

— Эй, Оливер, как дела?

Я оборачиваюсь и вижу Оливера, который машет рукой в открытое окно многоквартирного дома на противоположной стороне улицы, затем он достает ключи из кармана, держа в другой руке бумажный пакет из продуктового магазина. Он открывает дверь рядом с той, что с открытым окном, заходит и закрывает ее, ни разу не взглянув в моем направлении.

Не может быть! Оливер мой сосед?

Я ничего не могу предложить этому высокому сексуальному мужчине, но чувствую, что должна перейти улицу и поприветствовать его в нашем районе.

Тук-тук-тук!

Он открывает дверь и хмурит брови.

— Ты следила за мной?

Я указываю большим пальцем за плечо.

— Видишь ту красную дверь?

Он кивает.

— Там я живу. Я слышала, как твой сосед поприветствовал тебя, когда уже была готова открыть дверь. Как долго ты здесь живешь и почему бросил меня как сгоревший тост, затем выбежав из забегаловки?

Он откидывает голову назад и говорит:

— Эм, два месяца, и я не бросал тебя как сгоревший тост, мне нужно было идти.

Скрестив руки на груди, я отставляю ногу в сторону, выдвигая бедро.

— Как так получилось, что я не видела, как ты приходишь или уходишь? И да, ты бросил меня как сгоревший тост и убежал, поджав хвост.

Он кладет свободную руку на бедро и наклоняется, чтобы наши глаза были на одном уровне.

— У меня нет переднего двора или крыльца, где бы я мог отдыхать, поэтому не удивительно, что мы не встречались. И я не убежал, поджав хвост.

— Ну... ладно. Добро пожаловать в наш район.

Разворачиваясь на пятках, я отправляюсь вниз по ступенькам.

— Подожди!

Я останавливаюсь, оставаясь стоять к нему спиной.

— Спасибо за футболку. Просто ты сказала кое-что, что я принял слишком близко к сердцу и не знал, как реагировать, поэтому... я ушел. Это было грубо и ... мне жаль.

Я киваю и продолжаю переходить улицу.

— Эй, хочешь зайти выпить или еще что-то?

— Не сегодня.

— У нас все хорошо? — кричит он.

Открываю дверь и, не оглядываясь назад, показываю ему левой рукой «ОК».

Оливер

Я наливаю себе скотч и падаю на пол. Обычно я не прибегаю к крепким напиткам до пяти часов, но черная магия, которую плетет моя новая соседка через улицу, требует чего-то покрепче Сэма Адамса[8]. Превосходство было на моей стороне, когда она чуть не подавилась собственной слюной, увидев, как я снимаю футболку посреди Гарвардской площади. В этом не было необходимости, но я хотел увидеть, как она отреагирует. Не уверен, зачем это сделал, так как не имел намерения действовать согласно порывам своего члена. Она действует на него, как кровь на акул.

Парадоксально, но я честно думаю, что она не понимает, как действует на меня и любого другого случайного парня. Seriously, что это было сегодня? Сначала трахала пончик пальцем, а потом сосала его так, как будто давала уроки минета.

Я даже не узнаю голос в моей голове. Я подавлен, взволнован, растерян, голоден и чертовски возбужден. Уже более трех лет у меня не было секса. Три. Года! Ченс думает, что мне нужно трахаться, но я никогда не был парнем, который легко вступает в отношения на одну ночь. Но и постоянные отношения — не вариант, поэтому, я думаю, возьму свою подшивку журнала «Плейбой» и лосьон для рук, дабы уберечь бедных женщин Бостона от того, чтобы пасть жертвами моих эгоистичных потребностей и недостатка возможности повторить это когда-либо.

Скотч вызывает онемение, проникая в кровь с легкостью мелассы[9]. В такие моменты я как будто выхожу из своего тела, и становлюсь незнакомцем, наблюдающим за оболочкой мужчины, которым когда-то был. Я скучаю по тому Оливеру Конраду. Он был полон жизни, уверенный, добрый, целеустремленный и управляемый. Но по большей степени он был укоренившийся в этом мире и связанный с ним, преуспевающий в своем окружении, принимая все, что дает жизнь.

Потерянный. Сейчас я потерянный. Я все время потерянный, передвигаясь с трудом, пока один день плавно переходит в другой. Я не буду оглядываться назад, но я и не вижу, куда двигаться вперед.

Увязший — вот оно — я увязший. Я жду, что меня спасут? Найду ли я способ выбраться самостоятельно и двигаться дальше? Или я умру в этой темной дыре?

Было не очень много восходов солнца, которые я пропустил в своей взрослой жизни. Это мое любимое время суток. Раньше это было символом жизни — увидеть рождение еще одного дня, а сейчас это напоминание о том, что время не стоит на месте. На короткий момент я фактически чувствую, как земля движется под ногами, унося меня от прошлого.

Несколько месяцев назад я согласился переехать обратно домой при одном условии — моя семья никогда не будет вспоминать то время, что я провел в Портленде. В большей степени это вызов моей

матери, которая является психотерапевтом, притворяться, что ее сын не испорчен почти до уровня сумасшествия. Мой отец — кардиолог, открыто заявляет, что единственные сердечные проблемы, которые его волнуют, и он будет иметь с ними дело, — это те, которые находятся за закрытыми дверями стерильной операционной.

— Ты все еще хочешь поужинать, дорогой? Твой брат приводит «подружку», ты тоже можешь. Люблю тебя!

Тяжело вздыхая, удаляю голосовое сообщение с телефона. Моя семья действительно самая лучшая. Пока я рос в Бостоне, в нашем доме собирались все друзья, а когда он не был переполнен детьми, мои родители устраивали званые ужины и дегустации вин. Когда-то — это был дом из «Проделок Бивера»[10], теперь же его преследуют призраки моего прошлого и единственная вещь, которая была более неловкой, чем безличные и случайные разговоры — это ослепляющая боль в их глазах. Она говорит намного больше, чем можно выразить словами.

Я: Буду, приду один. Люблю тебя.

Я отправляю быстрое сообщение и направляюсь к Гарвардской площади. Прислонившись к бетонной колонне в переходе метро, замечаю Королеву Пончиков, спускающуюся по ступенькам. Любопытные глаза находят меня, когда она прячет улыбку за крышкой стакана с кофе. Это должно быть незаконно, чтобы кто-то с такими длинными ногами носил такие короткие шорты. Я жду, когда она как обычно пойдет в моем направлении, но вместо этого она смотрит на карты ТУЗМ[11], как будто не видела их прежде миллион раз. Пробираясь сквозь растущую толпу, я становлюсь позади нее, не говоря ничего.

— Эй, сосед, — говорит она, и я думаю, что слышу, как она улыбается.

— Сегодня без пончика?

Она поворачивается, держа стакан не далеко ото рта обоими руками.

— Я уже его съела. И это было в интересах всех остальных пассажиров.

Я улыбаюсь и киваю.

— Уверен, что буду не единственным разочарованным парнем из-за отмены порно-шоу с пончиком в семь тридцать утра.

Мы садимся в метро и располагаемся лицом друг к другу. Я смотрю на ее кофе, приподняв одну бровь, затем ей в глаза.

— Не беспокойся, — она улыбается, крепко удерживая свой напиток, когда поезд трогается.

— Я не о чем таком не думал, — я хихикаю.

— Ты думал, что я собираюсь задолжать тебе еще одну футболку. Я вижу по глазам. Это, должно быть, семейная особенность семьи Конрад, потому что глаза твоего брата не лгут.

— Ну, ты ошибаешься. Вообще-то я задумался о том, что ты ешь, когда не поглощаешь кофеин с сахаром.

— Если ты таким способом пытаешься пригласить меня на ужин, то я остановлю тебя немедленно.

Глядя вверх ее головы, я качаю своей и закатываю глаза.

— Я не приглашаю тебя на ужин или на свидание. Я просто общался.

— Хорошо, потому что я не хожу на свидания.

— Я тоже, — пожимаю плечами.

— Хорошо.

— Хорошо.

— Отлично.

— Отлично, — отвечаю я, когда мы подъезжаем к моей остановке. — Ну, увидимся.

Она кивает.

— Индийская! — я слышу, как она кричит, пока я пробираюсь к дверям. Я оборачиваюсь.

Она пожимает плечами с глупой улыбкой на лице.

— Так как ты поинтересовался... мне нравится индийская кухня.

— Мне тоже, — я отвечаю ей улыбнувшись и выпрыгиваю, как только двери начинают открываться.

Глава 3

Жизнь монахини

Вивьен

Три года назад

— Нам не обязательно это делать, — заверяет меня Кай.

— Я знаю. Но разве ты не хочешь?

— Да, конечно хочу... я просто, знаешь... я не хочу делать тебе больно.

Я снимаю сарафан и жду, когда он сделает следующий шаг. Его глаза исследуют мое тело, и я чувствую это. Желание. Не знала, почувствую ли я его, смогу ли, но Кай хочет меня и, когда он снимает шорты, выставляя напоказ свои трусы со стояком, мои надежды оправдываются.

— Ты уверена, что родители придут домой поздно? — шепчет он, как будто в доме еще кто-то есть.

— Уверена. Кроме того, в следующем месяце мне исполняется девятнадцать. Что они могут мне сделать?

Кай кивает, снимая рубашку. Он является олицетворением высокого, смуглого и красивого молодого человека с оливковой кожей, темными каштановыми волосами, карими глазами и выдающейся мускулатурой, благодаря неустанным тренировкам в бассейне. Не могу поверить, что парень, которого я знаю со времен детского сада, который называл меня скелетом из-за того, что мое тело не могло удержать ни капли жира, когда я начала интенсивно расти, стоит передо мной и готов забрать мою девственность.

Потребовалось двенадцать лет нашей дружбы, чтобы она расцвела в нечто прекрасное. Мы пережили много эмоций и драм. Но после того как он много лет отдавал предпочтение всем девушкам, кроме меня, наконец-то настал и мой черед. Кай хочет быть со мной, не как друг, а как любовник. Я отгоняю ревнивые мысли. Нужно это или нет, но я не хочу вспоминать, что он обратил на меня внимание только после того, как я проявила интерес к кому-то другому. Небольшое соревнование — это хорошо. Ему было необходимо это, чтобы понять, что единственная нужная ему девушка была все время рядом.

Мои ноги дрожат, когда я подхожу ближе. Кладу руки на его обнаженную грудь, а он запускает пальцы в мои волосы. Наши губы соединяются, и моя кожа натягивается, когда легкий холодок проходит по ней, вызывая мурашки. У нас уже были все виды интимных отношений, кроме секса. Моя рука проходит привычный путь вдоль живота, проникая под плавки. Он стонет мне в рот, и я глажу его. Мне нравится, каким твердым он становится для меня.

Кай кладет руки мне на плечи, мягко опуская меня. Снимая трусы, я беру его в рот, как делала много раз раньше. Его голова падает назад, и он тяжело вздыхает. Мы делали это, и, как бы мне не

нравилось доставлять ему удовольствие, я хочу большего. Хочу чувствовать его внутри себя. Хочу, чтобы он забрал то, что я хранила только для него.

— Кай? — я выпускаю его изо рта, но продолжаю поглаживать рукой.

— Не останавливайся, детка.

— Кай, я хочу большего. — Я встаю, завожу руки за спину, чтобы расстегнуть бюстгальтер. Как только он падает на пол, наблюдаю за глазами Кая. — Дотронься до меня.

Кай никогда не доводил меня до оргазма. Я хочу, чтобы сегодня это изменилось. Может, если не будет никаких препятствий, он воспользуется моментом. Наша близость обычно заканчивается сразу после его освобождения. Может, почувствовав его проникновение, я смогу испытать собственное удовольствие.

— Пожалуйста, Кай, дотронься до меня.

Он неподвижен. Я спускаю трусики, выхожу из них, беру его руку. Как только я поворачиваюсь, чтобы пойти к кровати, слышу, как он затаил дыхание, и хватка на моей руке усиливается. Мне не следует оглядываться, потому что я знаю, что увижу, и это уничтожит меня.

Мое тело предает меня. Повернув голову, вижу это. Жалость.

— Кай?

— Вив... — он качает головой — ...мне так жаль. Это больно?

Вырывая свою руку, я вздыхаю.

— Нет, не больно! От чего действительно больно, так это от твоего взгляда. Черт, Кай, ты трогал это раньше!

— Я знаю, просто... это первый раз, когда я... вижу это полностью. Я не думал, что это будет выглядеть так...

— Как так? Так ужасно? Так отвратительно? Так уродливо? Как, Кай? Скажи мне!

У него на глазах наворачиваются слезы.

— Не смей. Не смей плакать!

— Мне жаль, Вив. Может, нам следует подождать...

— Нет. — Я перекидываю волосы через плечо, чтобы он беспрепятственно видел мою спину. — Хорошо рассмотри, потому что это последний раз, когда ты видишь это. Последний раз, когда я мирюсь с трогательной жалостью в твоих глазах.

— Вив, не надо.

Подбираю свое платье и надеваю его.

— Что ты делаешь? — спрашивает он.

— Оставляю себе свою девственность и забираю все, что осталось от гордости как можно дальше от тебя. Черт, я заберу свою девственность с собой в могилу!

— Вивьен!

— Уноси свою жалкую задницу куда-нибудь в другое место. Я не собираюсь принимать участие в твоей вечеринке скорби. Ни сейчас, ни когда-либо! Ни ты, ни я не можем изменить того, что было. Твои непрерывные извинения съедают меня живьем, но этот взгляд... он опустошает меня! Один.

Взгляд.

Наши дни

— Кейт уезжает с родителями в Италию утром. Я в твоём распоряжении на месяц, — Кай вразвалочку заходит в дом и падает на диван.

— Это смешно. Ты считаешь, я хочу зависать с твоей скучной задницей весь следующий месяц. Кстати, проходи, присаживайся, чувствуй себя как дома.

Он смеется, закидывая ноги на кофейный столик.

— Спасибо. Почему бы тебе не принести мне пива?

— Возьми сам, сучка. — Я сталкиваю его ноги со столика. — Был тяжелый день. Я хочу просто лечь спать, а не нянчить тебя. А что делают все твои парни из братства сегодня вечером?

— Отдыхают или трахаются.

— Кто отдыхает или трахается? — спрашивает Алекс, бросая сумку за дверь.

— Похоже, все, кроме Кая, — посылаю ему злобный взгляд.

— И Вив, — он ухмыляется в ответ.

Я показываю ему язык.

— Кто назначил тебя ответственным за мою девственность? Может, я уже трахалась. Или я должна была разослать всем сообщения или что-то в этом роде?

Кай закатывает глаза.

— Цветочек, есть что-то, чего ты мне не рассказываешь? — Алекс приподнимает бровь.

— Нет, она ничего от тебя не скрывает. Поверь мне, если бы что-то и было, она никогда бы не позволила тебе называть себя этим проклятым прозвищем!

Я иду по направлению к входной двери, отвесив Каю подзатыльник.

— Не будь таким уверенным.

— Эй, куда ты собираешься? — Кай подпрыгивает, готовый последовать за мной, как потерявшийся щенок, каким и будет на протяжении всего следующего месяца.

— Мне нужны тампоны, но буду рада компании.

Он падает обратно на диван с таким видом, будто его протащили по грязи.

— Думаю, я останусь с Алекс.

— Я только возьму чистую одежду и возвращаюсь обратно к Шону. Прости, Кай-Пай[12], — Алекс выпячивает полную нижнюю губу, проходя мимо него, чтобы подняться наверх.

Кай берет свою сумку и выходит вместе со мной.

— Ты знаешь, единственное прозвище, которое я ненавижу больше, чем Цветочек — это Кай-Пай.

Я иду в противоположную сторону.

— Прости, я занята.

— Увидимся в семь, — кричит он.

Я заворачиваю за дом и иду обратно. Тампоны были уловкой. Мне нужно было отшить Кая на ночь.

Как бы я не любила своего друга, он все еще эгоистичный и озабоченный, особенно, когда нет Кейт.

Я не исключаю завтрашний ужин, но сегодня вечером у меня нет энергии и терпения, чтобы иметь дело со своим приставучим другом.

— Для того, кто знает тебя около шестнадцати лет, нахожу странным, что он не знает твою привычку запасать тампоны, как переживший голод запасает еду. — Алекс смеется, доставая бутылку вина из холодильника.

Я опираюсь на кухонный островок.

— Я плохой друг, не так ли?

— Не для меня, Цветочек, — Алекс обнимает меня.

— Я устала и хочу есть.

— Тогда поешь и ложись спать. Увидимся в воскресенье, — Алекс хватается сумку и подмигивает мне. Ужин может подождать. Вытягивая тряпичную сумку из шкафа у входа, я выхожу на переднее крыльцо и сажусь на ступеньки. Обычно я так не делаю, но сейчас я хочу, чтобы люди меня видели. Ну, хорошо, может, чтобы один человек видел. Вытягивая моток пряжи и спицы, я возобновляю работу над моим последним творением: варежками. Я начала вязать после того, как решила сохранить свою девственность. Это не сексуально, но такое занятие заставляет меня сосредотачиваться, и мне нравится чувствовать радость, когда я получаю готовое изделие. Моя семья и друзья обычно становятся счастливыми обладателями таких произведений. Папа сказал, что чувствует себя восьмидесятилетним стариком, когда получил от меня в подарок на Рождество плед, но я знаю, что он пользуется им, чтобы согреться, когда смотрит игру Гигантов[13], развалившись в кресле.

Минуты плавно переходят в часы и уже почти не видно, что я делаю из-за опускающихся сумерек. Уверена, что пропустила больше, чем одну петлю. И как раз, когда разочарование овладевает мной, я вижу Оливера. Он выходит из черного БМВ перед своим домом. Да, я ожидала, надеясь хоть мельком взглянуть на него, но теперь, когда он здесь, я чувствую себя нелепо. Когда он смотрит в мою сторону, я возвращаюсь к вязанию.

Мои нервы восторженно гудят, когда он приближается.

— Даже не уверен, что более странное в этой ситуации.

Я смотрю на него большими глазами, как будто удивлена видеть его.

— Прости?

Он садится рядом со мной, когда я кладу пряжу назад в сумку. Его чистый аромат сосны и сандалового дерева доносится до меня, и, не смотря на то, что около часа назад начало холодать, мою кожу обдает теплом от его близости.

— Не думал, что ты умеешь вязать.

— Много молодых женщин вяжут в наше время. Вязание производит терапевтический эффект, как медитация, — я пожимаю плечами.

— Ты всегда вяжешь в темноте? — он придвигается ближе, улыбаясь во все тридцать два зуба, отчего появляются эти проклятые ямочки.

— Ну, эм... по большей части я делаю то на ощупь и темнеть начало не так давно. Я как раз собиралась заходить в дом.

Мой желудок урчит в злом протесте; этот мерзкий звук. Я ерзаю, пока с лица не сойдет пунцовый цвет.

— Вау! — он смеется.

Обхватив руками живот, я пытаюсь физически подавить этот звук.

— Я немного проголодалась. Пропустила ужин.

Вероятно, решение пропустить ужин, чтобы показаться перед соседями было слегка опрометчивым.

— Пойдем, — он поднимается, показывая головой в сторону своего дома. — Я только что ужинал в доме родителей, и мама передала мне домой слишком много еды. Ты любишь тилапию, молодой

картофель и спаржу?

— Да, но... — моя неуверенная улыбка исчезает.

— Это не свидание, Вивьен. Это остатки еды. Ничего такого, что я не отдал бы бродячим животным.

— Ты намекаешь, что я бродячее животное? — поднимаясь во весь рост, я склоняю голову набок.

Он качает головой и протягивает мне руку.

— Пойдем, прекрати придирается ко всему, что я говорю.

Посмотрев короткое мгновение на его руку, я вкладываю в нее свою и позволяю ему перевести меня через улицу. Я очень сильно стараюсь не придавать значения множеству физических ощущений, которые пробудило во мне его прикосновение. Пульс учащен, сердце несется галопом, и бабочки просыпаются в животе, когда тепло его руки вызывает покалывание в моей собственной. Очень редко я не чувствую себя высокой и долговязой, когда не хочу сутулиться, чтобы не выделяться из толпы, но прямо сейчас я чувствую себя маленькой и женственной в его присутствии. Перед тем как мы направляемся в дом, Оливер берет коричневый пакет с заднего сиденья машины.

— Хочешь бокал вина? — спрашивает он, раскладывая еду на тарелке.

Я сжимаю губы.

— Нет, лучше не надо. Я быстро пьянею, мне далеко идти домой и все такое...

Мне нравится, как Оливер смеется: искренне и неожиданно, как будто пытается сдержаться, но не может.

— Тогда воды?

— Да, спасибо.

Он ставит мою тарелку на тканую теплоизолирующую подставку цвета серого металла и отодвигает для меня стул.

— Как-то странно есть одной. Ты будешь просто наблюдать за мной? — мои губы складываются в мрачную линию.

— Нет.

Я слышу шуршание пакета, затем он садится с квадратным стеклянным контейнером и ложкой напротив меня.

— Что это? — спрашиваю я, проглотив кусочек лучшей рыбы, которую я когда-либо пробовала.

— Клубнично-ревеневый коблер[14]. Я был сыт после ужина, поэтому взял десерт с собой.

— Ммм, выглядит хорошо.

— Так и есть. Моя мама прекрасно готовит, — бубнит он сквозь салфетку, вытирая рот.

— Я следующая, — я указываю вилкой на свою тарелку. — Это лучшая тилапия, какую я когда-либо ела.

Несколько минут мы едим в уютной тишине, наслаждаясь кулинарными оргазмами. Я бросаю на него нервные взгляды, в то время как он кладет коблер в рот ложку за ложкой, издавая жующие звуки. Съев все со своей тарелки, я посылаю ему самый лучший щенячий взгляд, когда замечаю, что осталось всего несколько кусочков десерта.

— Кажется, тебе понравилось, — он улыбается.

— Да, было очень вкусно.

Оливер кивает.

— Боже, этот коблер восхитительный. Он все еще теплый.

— Должно быть, вкусный, ты просто поглощаешь его, — мой комментарий получается немного резче, чем я хочу.

Он берет последний кусочек и подносит на несколько дюймов от моего рта. Я смотрю на Оливера, сузив глаза.

— О... ты хотела попробовать кусочек? — он спрашивает с дьявольской ухмылкой.

— Нет, все отлично. Это же твой десерт, а не мой, — я отодвигаю тарелку в сторону и ставлю локти на стол.

— Тогда хорошо, — он пожимает плечами.

Никогда раньше мои глаза не были настолько близко к тому, чтобы вылезти из орбит. Я открываю рот, хватая воздух.

— О Боже! Не могу поверить, что ты съел последний кусочек.

Оливер хмурит брови, медленно вытягивая ложку изо рта и тщательно облизывая ее губами.

— Что? Я только что спросил у тебя, хотела ли...

— Может, я и сказала вслух «нет», но мои глаза умоляли об одном маленьком кусочке! Черт, нельзя повторять снова и снова какой он вкусный и издавать те смешные звуки, не думая, что, возможно, я могу захотеть попробовать.

Он смеется, а я пытаюсь подавить улыбку.

— Вот, — Оливер толкает контейнер в мою сторону, — можешь вылизать тарелку.

— Как будто я буду вылизывать тарелку, — говорю, закатывая глаза.

— Как хочешь.

Он тянется к тарелке, но я хватаю ее и тяну ближе к себе, не трачу зря времени и засовываю внутрь палец, облизывая его со стоном удовлетворения.

— Боже мой! Ты определенно — сущее наказание, женщина, — Оливер откидывается на стуле и складывает руки на груди, наблюдая, как я вычищаю тарелку, словно изголодавшееся животное. Я меняю тему разговора, как будто не хотела откусить ему голову всего несколько секунд назад.

— Так ты умеешь готовить?

Оливер не отводит глаз от моего рта и выглядит так, будто очень голоден, но пища его не интересует. Такой же вид он имел в булочной. Не уверена, почему он так увлекается, наблюдая за тем, как я ем. Странно.

Он прочищает горло и тяжело сглатывает.

— Да, я умею готовить. Моя мама научила нас с Ченсом готовить, стирать и пришивать пуговицы.

— Вау, если бы я знала, что твой братец такая хорошая партия, может быть, не отвергала бы его столько раз.

— Говорит девушка, которая не ходит на свидания.

— Говорит парень, который не ходит на свидания.

— Туше, Вивьен.

— Так ты часто ужинаешь с родителями?

Оливер кивает.

— Один раз в неделю с тех пор, как вернулся из Портленда.

— Мэн[15]?

— Орегон[16].

— О, и как долго ты жил там?

Он сжимает губы.

— Три года.

— Почему переехал туда?

Он прочищает горло, отводя глаза и усаживаясь удобнее на стуле.

— Я получил там работу в юридической фирме.

Прикусывая уголок нижней губы, жду, пока он посмотрит мне в глаза.

— Я надоедаю, прошу прощения.

Оливер встает и собирает нашу посуду, сдерживая волнение. Чувствую, что пора уходить, поэтому встаю и следую за ним на кухню.

— Ну, спасибо за ужин. Чувствую себя попрошайкой. Передай своей маме, что все было прекрасно... хотя нет. Вероятно, ты не хочешь, чтобы она знала, что ты кормил остатками еды «бродячих» соседей.

Он стоит спиной ко мне, руки прижаты к столешнице, голова опущена. Воздух кажется густым, почти удушающим. Не так я себе представляла конец вечера.

— Хорошо... так я просто...

— Останься.

Я не уверена, что расслышала его, поэтому жду подтверждения. Мой внутренний голос приказывает мне сдерживаться от выяснения абсурдности сложившейся ситуации. Меня притягивает этот мужчина, и я не могу дать ему то, что могут другие женщины, но каждый взгляд, каждое прикосновение, легкий смех заставляют желать его. Возможно, только лишь возможно, он может дать то, что мне нужно — отношения, основанные на эмоциях, без необходимости физического удовлетворения.

Оливер

Мое сознание говорило «иди», а губы сказали «останься». Вивьен обладает невинностью, какой нет в этом мире, и я сам не свой, когда нахожусь рядом с ней. Нас переносит в какую-то параллельную вселенную, где прошлого не существует, а будущее не имеет значения. Мне нужно, чтобы она ушла, так как рядом с ней я сам себе не доверяю. До боли хочу прикоснуться к ней. Когда она взяла меня за руку, мне пришлось побороть желание бросить ее на заднее сиденье машины, раздеть и попробовать каждый дюйм ее тела. Мне следует принимать какие-нибудь медикаменты или посещать терапию. Раньше я никогда не был таким. Все дело в ней, я не знаю почему. Да, Вивьен красива — точнее сногшибательна, — но есть что-то большее, и я не знаю, как это назвать.

Возможно, всего лишь возможно, она может дать то, что мне нужно — физическое удовлетворение без эмоционального вложения.

Я поворачиваюсь лицом к Вивьен, позволяя своим глазам впитывать ее мягкие черты: шелковистую кожу, полные губы, изумрудные глаза и черные волосы, спадающие бесконечными волнами по спине и поверх груди. Образ дерзкой груди, проглядывающей сквозь толстую черную ткань, и того, как она садится обнаженная верхом на меня, заставляет шевелиться мой член. Если бы ее взгляд переместился на несколько градусов южнее, она бы узнала, как я реагирую на нее. Мне следовало бы, побеспокоиться и попытаться скрыть это, но мне плевать.

— Останься. Выпей немного вина или еще воды просто... останься.

— Вина, но только если ты пообещаешь отнести меня домой, когда я отключусь после двух глотков,

— она отбрасывает волосы назад и облизывает губы, нервно прикусывая верхнюю.

Я превращаюсь в своего брата, представляя, что все сказанное или сделанное ею является приглашением залезть в трусики. Я «милый» парень: поцелую в щеку на прощание, открываю двери, задариваю цветами и драгоценностями, ожидаю третьего свидания, чтобы поцеловать в губы и месяц, чтобы признаться в чувствах. Тот Оливер настаивал бы на том, что секс должен быть только через шесть недель, но мой член не обращает внимания на такие замечания. Этот новый, полностью потерянный Оливер, готов связать ее и отшлепать... даже не уверен, почему люди делают такое, но думаю, современным женщинам это нравится, поэтому наверняка попробовал бы.

— Тогда вино, — усмехаюсь, доставая два бокала из шкафчика. — Ты живешь одна?

— А что? Ты планируешь преследовать меня и изнасиловать? — Вивьен смеется.

Хорошо, думаю шлепки нужно отложить. В любом случае, вероятно, я бы не смог сделать это правильно.

— Страдаешь паранойей немного?

— Моя соседка — Алекс, ее родители владеют квартирой. Они богатые, как я понимаю. Ее парень и мой друг Кай — хорошие друзья, они представили нас друг другу, когда мне нужно было переехать в Кембридж. Алекс редко бывает дома, поэтому ей очень нужна была соседка, которая искала бы работу и могла приглядывать за квартирой. Мэгги, ее тетя, владеет «Зеленым горшком» и нуждается в помощи в питомнике, так как уже на протяжении многих лет борется с раком. Родители Алекс согласились оставить квартиру, вместо того чтобы заставить ее переехать в студенческое общежитие, при условии, что она будет работать у Мэгги неполный рабочий день. Таким образом, я получила работу и недорогую квартиру, а Алекс появляется время от времени в питомнике, но большей частью занимается тем, что тратит деньги, которые я ей плачу за квартиру. Мы обе в выигрыше.

Я протягиваю ей бокал вина и подталкиваю к дивану.

— А родители Алекс согласны с таким положением дел?

Она делает глоток вина.

— Они не знают. Я редко появляюсь, когда они приезжают.

— И тебя не смущает, что ты обманываешь людей, которых даже не знаешь?

Она пренебрежительно машет рукой, делая глоток.

— Я знаю их. Я «прихожу в гости» каждый раз, когда они в городе. Они любят меня, конечно же, потому что я оказываю такое хорошее влияние на Алекс.

— Так почему просто не рассказать им правду?

Вивьен подтягивает под себя ноги.

— Они хотят, чтобы Алекс занималась учебой и работой и не отвлекалась на парней.

— То, что вы вдвоем делаете — это жульничество.

— Ты и половины всего не знаешь, — она делает еще один глоток вина и еще один, и еще один.

Я предвкушаю, как увижу ее голой в течение часа. Подливаю ей вина, когда она еще не выпила и половины.

Боже! Черт возьми, что не так с моими мозгами?

— Так почему тебе нужно было переехать в Кембридж? — спрашиваю я.

Она хихикает, а я ерзаю, так как уже представляю ее потемневшие глаза, взывающие ко мне.

— Мои родители думают, что я получаю свою степень в бизнесе в Гарварде, — опять хихикает.

Мой член официально стал второстепенным участником разговора. И насколько бы я хотел избежать слишком личных деталей, ее ответ возбуждает мое природное любопытство.

— Почему они так думают?

— Потому что меня приняли.

Этого я никак не мог ожидать. Вивьен не просто удивляет, она сбивает меня с ног, у меня нет слов относительно всего, что она говорит и делает.

— В Гарвард?

— Да, Оливер, в Гарвард. Не удивляйся так.

Я ставлю свою выпивку на кофейный столик и сажусь так, чтобы быть лицом к ней.

— Я правильно понимаю? Тебя приняли в Гарвард. Твои родители думают, что ты посещаешь Гарвард. Ты переехала в Кембридж, чтобы они поверили, что ты ходишь в Гарвард, но ты не ходишь в Гарвард?

Она массирует виски большим и средним пальцами, затем проводит пальцами по лбу.

— Да, я слишком много выпила, — смеется она. — Поэтому не уверена, что запомнила все твои вопросы или утверждения или что это было, но... да, да, да... и да.

Полные губы растягиваются в большую и ох-какую-гордую улыбку, как будто она только что сдала какой-то важный тест.

— Я не понимаю.

— Ох, Оли-вер, ты и не должен все понимать, — она наклоняет голову назад и закрывает глаза. — Мне нужно пописать.

— Ванная наверху, первая дверь направо.

Она не двигается.

— Мне нужно отнести тебя наверх?

Она открывает глаза и усмехается, опуская ноги на пол.

— Нет, я просто хотела посмотреть, предложишь ли ты. После инцидента с коблером меня заинтересовало, какой ты джентльмен.

Вивьен встает, слегка покачиваясь. Я беру ее за талию, и яркие глаза вспыхивают скрытым интересом, когда она смотрит в мои глаза и прижимает ладонь к моей щеке.

Все неприличные мысли, которые у меня были о ней исчезают, оставляя темный след на моей совести.

— Ты опасно красив. Знаешь это? — шепчет она, легонько проводя большим пальцем по моим губам.

Я закрываю глаза, приказывая себе стоять спокойно, побороть желание положить свою руку поверх ее, взять в рот ее палец, притянуть девушку так близко, что между нами не осталось бы и миллиметра пространства.

Она уходит, но мое дыхание задерживается в груди. Открывая глаза, я выдыхаю. Ладно, может, мне нужно что-то большее, чем просто ее тело.

Помутнение

Вивьен

Ступеньки оказываются большим испытанием, чем я ожидала. Не знаю точно, сколько выпила. Не много, по крайней мере, я так думаю. Оливер все время подливал мне вина еще до того, как я выпивала полностью предыдущую порцию. Первая дверь слева. Я врезаюсь в сплошную деревянную дверь и неуклюже пытаюсь повернуть ручку, чтобы открыть ее. Закрыто, серьезно — закрыто. Кажется немного странным, что дверь в ванную комнату закрыта на замок. Я смотрю направо. Ага! Он, должно быть, сказал справа, а не слева.

Мурашки идут по коже, когда я сажусь на унитаз. Мне нравится Оливер. Он такой красивый, особенно сегодня вечером: его соломенно-светлые волосы, торчащие в разные стороны и сексуальная однодневная щетина вдоль линии скул. Мне нужно было прикоснуться к ней, и эти губы... такие притягательные. На мгновение я забыла, что наши отношения не могут зайти так далеко. Это все из-за алкоголя. Я просто должна ему показать все и покончить с этим, но проблема в том, что мне нравится, как он смотрит на меня. Позволить себе, чтобы кто-то смотрел на меня, всю меня, не как иначе как с желанием — самое невероятное чувство, пока я не возвращаюсь назад в действительность — в мою действительность. Если Кай, мой друг и человек, который любит меня безоговорочно, не может пережить это, тогда ни один мужчина никогда не сможет.

Выходя из ванной, я останавливаюсь и изучаю дверь напротив. Не похоже, чтобы она как-то отличалась от других.

— Все в порядке? — я пугаюсь звука его голоса. Он стоит посередине лестницы.

— Ух, да, я просто... только что вышла.

Оливер ждет, а затем следует за мной.

— Мне нужно идти, — я концентрируюсь на каждом шаге, скрывая тот факт, что мои ноги стали как желе.

Он протягивает мою сумку с вязанием.

— Я проведу тебя домой.

— Я живу на противоположной стороне улицы.

— Да, но ты выпила больше алкоголя, чем положено, и это моя вина, поэтому теперь я просто обязан убедиться, что ты добралась домой без происшествий.

Я переступаю порог, забывая, что снаружи на несколько дюймов ниже, и этого как раз достаточно, чтобы показаться более захмелевшей, чем есть на самом деле.

— Осторожно. Видишь, оказывается, перейти улицу намного тяжелее, чем ты думала, — он смеется, взяв меня за руку, в этот раз, переплетая наши пальцы. Мне бы хотелось, чтобы эта прогулка продолжалась дольше, но это не так и я вынуждена отпустить его руку, чтобы достать ключ.

Он ожидает, пока я открою дверь.

— Спокойной ночи, моя быстро пьянеющая соседка, — он улыбается, заправляя волосы мне за ухо с одной стороны.

Больше, чем пончиков, кофе, и невероятного коблера его мамы, я хочу, чтобы Оливер поцеловал меня. Мой рот действует согласно своим собственным потребностям.

Я беру его за запястье, которое задержалось за моим ухом, передвигая его руку к моей щеке и шепчу:

— Ты мог бы поцеловать меня, только сегодня вечером... просто один раз.

Он улыбается, и, подражая тому, как я проводила большим пальцем по его губам, делает то же самое с моими и качает головой.

— Нет, не думаю, что могу поцеловать тебя только сегодня и просто один раз... — он убирает руку от моего лица, когда отступает назад. — Приятных снов.

Мой взгляд прикован к утонченным изгибам его высокой фигуры, пока он переходит улицу широкими плавными шагами. Ладно, может мне нужно что-то большее, чем просто эмоциональная связь.

Шумная компания из «Зеленого горшка» заполняет каждый дюйм теплицы. Алекс всеми своими действиями показывает, как соскучилась по Шону, но Кай здесь и сегодня я искренне рада видеть его, иначе мы с Мэгги просто бы закопались.

— Доброе утро, старая вяжущая леди из дома по соседству, — я держу крепче корзину с астрами, зная, что этот мягкий голос заставляет меня чувствовать слабость в ногах и других частях тела.

— Эй! — я поворачиваюсь и вижу Оливера в поношенной рабочей одежде, кепке «Рэд Сокс», надетой задом наперед и уже двухдневной щетиной. Продолжаю идти к прилавку в передней части магазина, а он следует за мной.

— Ченс отменил заказ, потому что не помню, чтобы видела его?

— Нет, мы только заканчиваем с садом для отеля, но нам нужна еще дюжина красных мангольд[17] и шесть штук итальянской петрушки.

Я ставлю астры в тележку для покупателей и пробиваю товар, в то время как Оливер продолжает стоять за моей спиной.

— Сэр, ожидайте своей очереди, — говорит Кай.

— Я жду Вивьен, — отвечает Оливер.

— Ему нужно полдюжины итальянской петрушки и дюжина красных мангольд, — отвечаю я, проводя кредитной картой клиента по терминалу.

— Ну, Вивьен занята, поэтому я принесу их, но вам все равно нужно встать в конец очереди, сэр, — Кай уже не такой вежливый и я узнаю собственнические нотки в его голосе, когда он произносит мое имя.

Я вздыхаю, нахмурившись.

— Я возьму их. Встань за прилавок. — Кай раздражен, но прикусывает язык, в то время как губы Оливера изгибаются хитрой улыбке. — Не будь таким нахальным, все в той длинной очереди мечут кинжалы в твою сторону, — я пробираюсь в заднюю часть магазина.

— Да, ну, просто считай, что возвращаешь мне услугу.

— Прости? За что? За то, что напоил меня? — мой голос поднимается на октаву.

— За то, что поделился коблером моей мамы.

Я останавливаюсь и поворачиваюсь так резко, что Оливер чуть не сбивает меня с ног.

— Ты не поделился! Ты съел последний кусочек и заставил меня, как собаку, вылизывать тарелку!

— я чувствую, как огромное количество глаз смотрит на нас, и слышу несколько смешков.

Оливер осматривает наших слушателей с нерешительной улыбкой.

— Я не заставлял тебя вылизывать тарелку.

Я разворачиваюсь и захожу в дверь в помещение, где хранится рассада овощей и трав.

— У меня есть только десять мангольд, но петрушка в полном количестве. — После того, как я все укладываю в картонную корзину, толкаю ее в грудь Оливеру. — Я добавлю их стоимость в счет Ченса, а сейчас ты должен мне услугу.

— Какую? — хихикает он.

Я пожимаю плечами.

— Еще не знаю наверняка, но дам тебе знать.

Он облизывает губы и изучает мое лицо своими ярко-голубыми глазами.

— Я хотел поцеловать тебя.

— Да? — я морщусь нос.

Он кивает.

Я остаюсь спокойной внешне, в то время как внутри ликую.

— Ну, момент упущен и его не вернешь.

Оливер склоняет голову набок.

— Его не вернешь?

— Нет, он как коблер... исчез навсегда. Но я, возможно, позволю тебе облизать мою руку или расчесать мне волосы как-нибудь, ты знаешь, в качестве утешительного приза.

Он поднимает брови, и я хотела бы прочесть его мысли, но он мастерски скрывает их.

— Как бы я ни хотела выяснить, что означает этот взгляд, но мне нужно возвращаться к работе.

Оливер дарит мне однобокую улыбку.

— Увидимся позже, соседка.

— Кто этот парень, который получает привилегированное обслуживание? — спрашивает Кай, когда мы вместе собираем по частям то, что осталось в теплице после нашествия покупателей, которое здесь сегодня было.

Я сметаю листья и грязь в совок, который он держит.

— Брат Ченса.

— Ох, черт, еще один Конрад от которого тебе приходится отбиваться, — Кай качает головой.

Не уверена, как мне ответить на это, я просто пожимаю плечами. Я не хочу отбиваться от Оливера. Нападать на него? Да. Это проблема. Я так заинтригована ним, что не могу ясно мыслить. У меня помутнение зрения и рассудка.

— Оливер — не Ченс.

— Откуда ты знаешь? — Кай поднимается, отряхивая рубашку.

— Ну, он не приглашал меня никуда и не пытался лапать меня возле компостной ямы.

— Пока, — он принимает невозмутимый вид.

— Да, ну, может быть, я бы и хотела.

Он высыпает мусор из совка в мусорное ведро и поворачивается, упираясь одной рукой в бедро.

— Что это должно означать?

Меня выводит из себя тот факт, что Кай ведет себя так, будто это нелепо заинтересоваться Оливером.

— Это означает именно то, что ты думаешь.

Он качает головой.

— Он не стоит тебя.

— Ты даже не знаешь его! — я скрещиваю руки на груди, постукивая пальцами.

— Все в порядке? — Мэгги откидывает свои прямые платиново-светлые волосы с лица, доставая ключи из сумочки.

— Все отлично, — бормочу я.

— Я измотана, поэтому увидимся в понедельник, — она надевает очки в красной оправе на нос.

Я вижу огонек любви в ее по-детски голубых глазах, когда она наклоняется обнять меня, а затем машет пальцем в сторону Кая.

— Будь милым.

— Мэгс, я всегда милый, — Кай подмигивает ей, как будто его мальчишеское очарование действует на того, кто старше его мамы.

Это безумие, но Мэгги краснеет, когда Кай расплывается в своей безупречной улыбке. Она никогда не была замужем. Я бы сказала, что она выглядит хорошо на свои пятьдесят, но, по правде говоря, она выглядит хорошо для любого возраста. Она полностью изменила образ жизни с тех пор, как ей диагностировали рак в первый раз, начав употреблять в пищу только продукты растительного происхождения и занимаясь спортом каждый день. Она стройная и маленькая, едва достигает моей груди. Это Алекс через тридцать лет, только грудь Алекс больше и длинные светлые волосы доходят до уровня попы.

— Ты невероятный, — я закатываю глаза, когда Мэгги идет к своему белому «Приусу».

— Невероятно привлекательный? Невероятно красивый?

— Невероятно самонадеянный, — игриво толкаю его.

— Итак, куда ты ведешь меня на ужин? — Кай обнимает меня за плечи, когда я закрываю заднюю дверь. По какой-то причине, может в целях самосохранения, мое сознание стерло обещание поужинать, которое я дала Каю этим утром, когда он согласился помочь нам с Мэгги.

— Так как ты за рулем сегодня, я думала заехать в Макдональдс, за мой счет, конечно же.

Кай, демонстрируя свои манеры, открывает пассажирскую дверь своей серой «Хонды пилот».

— Превосходная идея! Мы сэкономим кучу времени, чтобы найти и посмотреть какое-нибудь хорошее порно на Netflix[18], а ты в это время будешь драть мне на диване. В конце концов, я думаю, это обязанность лучшего друга, когда моя вторая половинка находится за пределами страны. Он закрывает дверь до того, как я имею возможность ответить, и бежит машину, чтобы сесть на место водителя.

— Ты прав, я позвоню Шону и узнаю, сможет ли он втиснуть тебя в свой график по выполнению «ручной работы» сегодня вечером.

— Боже, Вив! Говори сколько угодно о том, как вы с Алекс удовлетворяете друг друга... я к этому привык, но если ты еще когда-нибудь упомянешь Шона и мой член в одном предложении, я выложу тебе перед лицом все, что ел за ланчем. Гадость!

— Поэтому ты смотришь порно у себя дома и никакой «ручной работы», — я смеюсь, когда Кай выезжает со стоянки.

В наших отношениях с Каем нет ничего обычного. Я ненавижу его настолько же сильно, насколько и люблю. Решение о том, что мы всегда будем только друзьями, принадлежало мне, и я еще ни разу об

этом не пожалела. Тем не менее, я все еще чувствую укол ревности, когда вижу его с Кейт.

Понимаю, что все так, как и должно быть. Кай — зона моего комфорта. Я его знаю, и никогда не появляется чувство, что мне нужно произвести на него впечатление, когда мы шутим. Я знаю, что он выбрал бы меня, остался со мной и, в конце концов, мы, возможно, смогли бы забыть и любить друг друга так, как каждый заслуживает.

Но за последнее время произошли изменения. Лицо, которое я когда-то очень хотела увидеть, сейчас я стараюсь избегать, например, случай с тампонами. Кай смотрит на меня через призму прошлого. Думает, он знает меня лучше, чем кто-либо, поэтому если я пытаюсь идти другим путем, он первый напоминает мне, что, скорее всего, я потеряюсь. Кай, как мать, которая кричит своей дочери, когда та выходит из дома на свое первое свидание: «не забудь принять свои лекарства от прыщей, сладенькая, я не хочу видеть, как твое лицо утром будет похоже на гамбургер». Нет ничего хуже, чем пытаться произвести первое хорошее впечатление, когда кто-то, кто знает твои самые темные секреты и наибольшие опасения, стоит за твоей спиной с мегафоном.

— Что ты делаешь завтра? — спрашивает Кай, подъезжая к моему дому.

— Мою голову, — я открываю дверь, а он хватается за руку.

— Что с тобой происходит в последнее время?

Я вздыхаю с сожалением.

— Ничего, я просто...

— ПМС?

Я смеюсь, потому что Кай, может быть, и блестящий студент и, вероятно, однажды будет таким же блестящим доктором, но, когда дело касается женщин, которые не хотят с ним секса, он проявляет догадливость на уровне детсадовца.

— Да, конечно, у меня, вероятно, просто ПМС.

— Ну, тогда выпей «Адвил»[19] и съешь немного шоколада, или что-то в этом роде. Я позвоню тебе завтра, — он улыбается, снова не обращая внимания на то, что в действительности происходит в моей жизни.

— Пока, Кай-Пай.

— Перестань называть меня...

Я хлопаю дверью и усмехаюсь его обидчивому выражению. Он съезжает с тротуара, что позволяет мне посмотреть на ступеньки на противоположной стороне улицы. Я смотрю по сторонам и перехожу дорогу к моему безумно красивому соседу.

— Тебе не хватает только мотка пряжи и вязальных спиц, и будешь выглядеть как мужлан, сидящий здесь всего за несколько минут до заката субботним вечером.

Оливер торопливо исследует меня, потирая указательным пальцем нижнюю губу.

— Не припоминаю, чтобы кто-то когда-нибудь называл меня мужланом.

— По крайней мере, не в лицо, — хихикаю я.

Он смотрит мне в глаза и качает головой с легкой улыбкой.

— Заходи, выпьем немного вина, — он протягивает руку.

— Спасибо, но нет, — я показываю на свою одежду. — Я в полном беспорядке после рабочего дня, отчаянно нуждаюсь в душе, и это немного жутко, что ты опять пытаешься меня напоить.

— Тогда пригласи меня к себе и прими душ, пока я немного напьюсь.

Собирая волосы в руку, поднимаю их с шеи, чувствуя, что вспотела.

— Ты действительно думаешь, что это хорошая идея?

Оливер потирает лицо руками.

— Возможно, нет, но на сегодня все хорошие идеи закончились.

Глубоко вздыхая, я протягиваю ему руку.

— Ты еще более опасный, чем твой брат.

Он берет меня за руку и встает.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что ему отказать легко.

Я в душе, голая, а Оливер внизу. Я в душе, голая, а Оливер внизу.

Крутится у меня в голове. В наиболее эротический момент в своей жизни я нахожусь в душе одна.

Расцветает желание, а его присутствие внизу повышает мою чувствительность. Его руки массируют мою голову, вспенивая шампунь, скользят вниз вдоль шеи на грудь, дразня возбужденные соски.

Закрывая глаза, чувствую его пальцы, проникающие глубоко между ног, дразня меня.

— О, боже! — я издаю стон, опираясь одной рукой о стену душевой кабинки, в то время как мои пальцы — его пальцы — двигаются вокруг наиболее чувствительной точки.

Тук-тук-тук!

— Я собираюсь сбежать домой взять телефон, сейчас вернусь, — голос Оливера будто обливает меня холодной водой.

— Х-хорошо, — «квакаю» я.

Я пропускаю оргазм — не первый раз, когда такая возможность утекает, как вода в канализацию.

Вытершись, я достаю пару легких розовых кружевных трусиков и соответствующий бюстгальтер. Не для того, чтобы выглядеть сексуально — это был бы проигрышный вариант, — просто, чтобы чувствовать себя сексуальной. Для того чтобы чувствовать себя таковой, нужно, чтобы это сказали.

Я знаю, что это меняет полностью мой образ. Однажды я надела длинный сарафан без белья и Алекс сказала, что моя походка стала более подпрыгивающей.

Наношу на тело лосьон, парфюм, немного макияжа и подсушиваю волосы, затем возвращаюсь к Оливеру. Повернувшись спиной к зеркалу в полный рост, оборачиваюсь, чтобы посмотреть насколько моя татуировка выглядывает из-под тонких бретелей майки. Не на много, как раз достаточно, чтобы выглядеть загадочно, сексуально и вызывающе. По крайней мере, так говорит Алекс, но мне нравится ход ее мыслей.

— Ищешь предложение получше? — дразню я, спускаясь по ступенькам, когда замечаю, что Оливер занят телефоном.

— Да, но, кажется, ты — самое лучшее, что мне может достаться сегодня вечером.

— Остришь?

— Обычно нет.

— Ты уже захмелел? — я беру свою сумочку.

— Еще нет. Ты оказалась не очень обходительной хозяйкой.

— Тогда пойдем, — я открываю дверь и жду.

— Пойдем куда? — он встает и немного колеблется перед тем, как подойти.

— В «J.P. Licks»[20] за щербетом с манго.

— Ты хочешь, чтобы я кончил наблюдая, как ты ешь мороженое?

— Что ты только что...

Он чешет свою щетину.

— Дерьмо, я не это имел в виду или то, что я имел в виду... ух, блин! Я просто имел в виду, что мы идем вместе... черт! (прим.ред. — в англ. языке глагол come можно перевести как идти и как кончить).

Я смеюсь так, что могу намочить трусики, пока он заикается, потирая лицо, и тянет себя за волосы.

— Не обращай внимания, просто пойдем, — бубнит он и идет в мою сторону.

Я вытираю слезы в уголках глаз. Спешу догнать его, беру за руку и переплетаю наши пальцы. Он смотрит вниз на наши руки, затем на меня.

— Подумала, что могу занять руку.

— Смешно, — говорит он, концентрируя внимание на тротуаре.

— Я тоже так думаю.

— Первый поцелуй? — спрашиваю я.

— Джена Рид, второй класс. Твой?

— Милфред Мамфорд, третий класс. Впервые разбили сердце?

— Подожди минуту... ты впервые поцеловалась с девочкой?

— Нет, Милфред определенно не девочка. В выпускном классе он был самым большим спортсменом и неоспоримым лидером в игре в регби.

— Милфред?

— Его мама была уверена, что будет девочка и решила назвать в честь бабушки, Милфред, даже когда он родился с пенисом. А его папе нравилось имя Фред, поэтому после многочисленных споров, когда его уже неделю называли малыш Мамфорд, они пришли к решению назвать его Милфред.

— О, боже! Разве у него не было второго имени, чтобы пользоваться ним?

— Хейзел.

— Ты издеваешься?

Я качаю головой и хихикаю, слизывая с ложки щербет. Оливер охотно играет в мою игру «Первый раз» пока мы наслаждаемся холодными десертами. Я знаю, что первый раз он попал в больницу со сломанной ногой после игры в футбол. Первый полет на самолете был в Мичиган в гости к его бабушке и дедушке, когда ему было шесть месяцев. Первым автомобилем был красный «Камаро». Первый раз он нарушил закон, когда ехал на своей красной «Камаро» со скоростью более ста миль в час по межштатному шоссе сразу за Бостоном в два часа ночи в семнадцать лет, тогда его лишили прав.

— Первый колледж Лиги Плюща, который ты притворялась, что посещаешь? — Оливер стучит ложкой по зубам.

— Ага, тут ты и попался. Тебя сводит с ума то, что ты не можешь выяснить, почему я не хожу на занятия. — Он не отвечает, а просто продолжает стучать, как часы. — Хорошо, — я вставляю ложку в тающее мороженое. — Вскоре после того, как я поступила, папа потерял работу и у нас были неожиданные медицинские растраты, на которые пошли деньги, отложенные на мое образование.

Мой методист был уверен, что я получу хорошую стипендию, но, когда не получилось, у меня не хватило духа рассказать родителям, что я больше не могу позволить себе посещать Гарвард. Не то чтобы они были глупыми или что-то в этом роде. Просто они доверили своему ребенку, который окончил школу со средним балом 4,0 и планировал получить степень по бизнесу, выяснять и улаживать все финансовые дела. Они придавали такое большое значение тому, что их ребенок ходит в Гарвард, поэтому сказать, что они гордились мной, было бы значительным приуменьшением. Вот почему, когда моего лучшего друга Кая приняли тоже, мы оба подумали, что это в интересах всех и каждого притвориться, будто я хожу в Гарвард, пока не накоплю достаточно денег, чтобы по-настоящему ходить туда... что должно произойти этой осенью.

— Ты начинаешь учиться осенью?

— Они дали мне два года отсрочки, что практически невозможно получить, если ты не состоишь в Корпусе Мира или тому подобной организации. Тем не менее, из-за потери работы, медицинских и финансовых проблем, с которыми столкнулась моя семья, мне удалось получить два года вместо одного.

Он морщит губы, и шестеренки в его голове крутятся так громко, что, уверена, люди на другой стороне улицы могут это слышать.

— Тебе когда-нибудь приходило в голову, что, возможно, в аду для тебя и Алекс специально уготовано место, за тот грандиозный обман, который вы выстроили по отношению к вашим родителям? — Оливер приподнимает бровь.

— Без сомнения, — смеюсь я. — Но если ты чувствуешь себя, как будто уже побывал в аду и вернулся, то по какой-то причине возвращение туда после смерти уже не кажется таким большим делом. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Лицо Оливера становится мрачным.

— Да, думаю, я знаю, что ты имеешь в виду. Как много времени тебе понадобилось, чтобы вернуться? — его слова пропитаны болью; они тяжелые, высасывающие воздух из комнаты.

Я пожимаю плечами, откидываясь на стуле, все еще ощущая пережитки путешествия в ад.

— Чуть меньше двух лет.

— Как ты поняла, что вернулась?

Я украдкой смотрю на его напряженное лицо и улыбаюсь.

— Однажды утром я не узнала себя в зеркале.

Оливер кивает, возможно, обдумывая мое утверждение, считая, что это метафора, но это не так. Я имела в виду это в прямом смысле слова.

— Итак, ты всегда жил в Кембридже?

Он улыбается.

— Да. Родился и вырос. Я был непоколебим в своем намерении следовать по стопам наших родителей, окончить Гарвард и покорить мир. Ченс страдал синдромом дефицита внимания с гиперактивностью и, хотя его оценки были хорошими, не имел никакого желания продолжать сидеть в классе после окончания старшей школы. Наши родители были разочарованы, но всегда были любящими и поддерживающими наши решения, поэтому помогли Ченсу подняться и начать свой собственный бизнес.

— Тебе нравится работать с Ченсом?

— Мне нравится играть в грязи. Работа с Ченсом... — он усмехается, — ...это еще не решено.

— Ты скучаешь по Портленду?

— Нет. Пойдем? Тебе все еще нужно напоить меня, а затем делать неуместные сексуальные предложения, о которых мы оба пожалеем утром, — его глаза загораются, может даже слишком.
Я. В. Беде.

Он сексуальный, неотразимый и ... осмотнительный.

Оливер

Не понимаю. Не имею ни малейшего понятия, что я делаю, почти преследуя молодую девушку, которой не нужна такая головная боль, как Оливер Конрад. Проблема в том, что я не могу остановиться. Вивьен такая простая, что вызывает во мне дикий интерес. Никогда не видел, чтобы она пудрила носик или поправляла помаду. Люди оглядываются на нее, потому что она по-настоящему сногшибательная, но она не обращает внимания на все эти восхищенные взгляды. Когда она берет меня за руку, это ощущается так, будто я держу свою собственную.

Я не заслуживаю ничего, но все же жажду каждого ее слова, каждой улыбки, ее смеха... и сегодня вечером хочу ее прикосновений.

— Которая из машин твоя? — спрашиваю я когда мы подходим к ее дому.

— У меня нет машины. Я королева общественного транспорта. Он не наносит вред окружающей среде, а иногда это еще и развлечение, а самое главное — это дешево, — смеется она. — Может быть, когда я буду генеральным директором компании, которая сотрет с лица Земли «Амазон»[21], я приобрету какую-нибудь старую железяку, чтобы можно было покупать больше, чем один пакет продуктов в магазине.

— Стереть «Амазон» с лица Земли, да? Это могущественная честолюбивая мечта.

Она отпускает мою руку, чтобы открыть дверь.

— Может быть, но я смотрела интервью с Джеффом Безосом[22] и он признал, что, в конце концов, появится другая компания, которая будет лучше, чем «Амазон», просто потому что такова жизнь.

Ничто не длится вечно и в какой-то момент происходит или появляется что-то лучше, — она бросает сумочку и ключи, когда мы заходим. — Так почему не я? Почему я не могу быть этим лучшим?

Я следую за ней на кухню, стараясь не заглядывать на ее ноги, которые просто бесконечны.

— Пиво или вино?

— Лучше воды.

Она смотрит на меня в изумлении.

— Воды? Точно? Как ты можешь захмелеть от воды? Как я должна буду делать неуместные сексуальные предложения?

— Ты опасна. Я думаю, лучше придержу свои шуточки при себе, — говорю я, подмигивая.

Она смеется.

— Да, потому что я сексуальная охотница. Если бы ты только знал, — Вивьен протягивает мне стакан воды и, как обычно, оставляет меня в недоумении относительно ее последнего комментария.

Раздается звонок.

— Присядь, пока я найду свой телефон.

Она выбрасывает странные вещи из своей сумочки, такие как пряжа, майка, два «Сникерса» и

бутылку острого соуса, прежде чем находит свой телефон на дне.

— Что такое, Кай? — она закатывает глаза. — Нет, машина у Алекс... ну, возьми такси. Я думала, ты собираешься домой. Это, каким нужно быть тупым, чтобы пойти в бар одному? — она поворачивается ко мне спиной, понижая голос. — Нет, я занята. Нет, я не одна. Не свидание, просто компания. Ну, тогда езжай на метро, а машину заберешь утром, гаденьш.

Она бросает телефон обратно в сумочку и загружает ее снова своими необычными предметами первой необходимости.

— Прости, девушки моего друга нет в городе и, я уверена, она забрала с собой его мозг.

— Нужно позаимствовать тебе машину, чтобы ты забрала его?

— Черт, нет! Кай — пиявка. Он все время берет и берет и любит, когда его балуют. Он не сядет за руль пьяным, просто не хочет оставлять машину на ночь, а это чертовски плохо.

— Ты какая-то пылкая сегодня. Это, должно быть, из-за того соуса, что ты непонятно зачем носишь в сумочке.

Она усмехается и ее тело расслабляется, когда она садится на диван рядом со мной, подобрав под себя ноги.

— Я случайно взяла его в итальянском ресторане. Собиралась его вернуть.

— Ты не серьезно, — я хихикаю.

— Абсолютно серьезно. Существует разница между заимствованием и воровством. У меня есть моральные принципы, ты знаешь.

Я слушаю ее, о чем свидетельствует неудержимая улыбка на моем лице, и ловлю себя на том, что считаю светлые веснушки на ее переносице и скулах. Если соединить их в правильном порядке, раскроется ли секрет ее притягательной личности?

— Да, заимствование, воровство, моральные принципы. Понял.

Моя рука непроизвольно тянется к ее лицу. Я слышу, как она затаила дыхание, когда я провожу тыльной стороной по ее щеке.

— Не свидание, а?

Она качает головой.

— Мы не... ходим на свидания. Помнишь? — каждое слово произносит дрожащим шепотом.

Я киваю.

— Какое несчастье, потому что, если бы это было свидание, я бы поцеловал тебя... вот так.

Я — эгоистичное ничтожество. В какой-то момент за прошедшие несколько дней, я убедил себя, что должен попробовать ее губы. Глазами, полными страсти, она смотрит на мои губы, когда я наклоняюсь к ней. Я рассматриваю это как разрешение. Я провожу своими губами по ее, поднимая руку к ее лицу. Она тает в моих руках, когда я провожу языком между губ. Она открывает для меня рот и вся кровь из головы перетекает в мой член. Я чувствую медленную пульсацию, возникающую в рекордные сроки.

— Ммм... — стонет она, когда я поглощаю каждый дюйм ее рта.

Я смертельно хочу переместить руки с лица на шею, затем на ее грудь... грудь, которая, как я представляю, тяжелая с твердыми сосками. Просто ощущение ее сосков, которые превращаются в тугие бутоны от моих прикосновений, привело бы меня к освобождению. Прошло слишком много времени с тех пор, как я притрагивался к женщине, а Вивьен не похожа ни на кого из них.

Я отрываюсь от нее, как будто медленно срываю лейкопластырь. Ее глаза широко открыты, и она затаила дыхание. Мне нужно убираться отсюда к черту. Вход в опасную зону был нарушен и предупреждающие сирены звучат у меня в ушах.

Она высовывает язык, проводит ним по губам, как будто наслаждается моим вкусом на них.

— Какое несчастье, — она усмехается, а мой член продолжает натягивать мои джинсы и понимаю, что облегчения в ближайшее время не будет, когда вижу по глазам, какие у нее намерения. —

Потому что, если бы это было свидание, и ты меня так поцеловал, я бы захотела заползти на тебя... вот так, — она становится на колени и садится верхом, располагая ноги по обе стороны от меня.

Ох, бл*дь!

Я кладу руки ей на бедра, когда она садится мне на колени. Эти сексуальные зеленые глаза закрываются, когда ее промежность касается выпуклости в моих штанах. Ее рот приоткрыт, и видно как грудь поднимается и опускается при каждом коротком и быстром вдохе.

— А затем я бы запустила руки тебе в волосы... вот так.

Ее пальцы путаются в моих волосах.

— И... о, боже... — она облизывает губы, и ее глаза закрываются на короткий момент. — ...

чувствуя твое упругое тело своим, я захотела бы большего, — она крепко сжимает мои волосы в руках и, потянув за них, снова притягивает мой рот к своему.

Я как зверь, запертый в клетке, готов вырваться и напасть на нее. Я собираю волю в кулак, чтобы не сорвать с нее одежду и не похоронить себя глубоко в ней.

Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо!

Ее изголодавшийся язык поглаживает мой, в то время как таз повторяет его движения и трется о мой член. Что, бл*дь, она со мной делает? Голос разума у меня в голове начинает говорить. Он всегда так делает, но я называю его голосом разрушения, потому что он испортил столько приятных моментов.

Я отрываюсь от нее.

— Если бы это было свидание, я бы остался подольше, но... так как это не так, я ...

— Потрогай меня, — она шепчет, тяжело дыша. — Покажи мне, как бы ты трогал меня, если бы это было свидание.

Она не дразнит или соблазняет; в ее словах — отчаянная мольба. Я наблюдаю за ней, и наше молчание говорит само за себя. Я провожу руками вдоль боков к ее груди. Тонкая ткань майки, так же как и бюстгалтера, не может скрыть возбужденно торчащих сосков.

— Если бы это было свидание,.. я бы трогал тебя вот так, — мой голос ломается на последнем слове, когда она кладет руки мне на плечи, ее веки подрагивают. Мои дикие потребности меркнут на фоне, когда я массирую ее грудь, медленными твердыми движениями обводя соски большими пальцами.

Загипнотизированный. Это я сейчас. Когда Вивьен поддается моим прикосновениям, ее лицо напрягается, и она запрокидывает голову, длинные волосы спадают на спину. Не знаю как, но я позволяю этому происходить с ней, для нее. Даже когда ее бедра врезаются в меня снова и снова, я остаюсь неподвижным. Только мои руки двигаются с единственной целью — доставить ей удовольствие.

— Оливер... пожалуйста, не останавливайся, — говорит она с нескрываемой уязвимостью.

Она моргает, впиваясь ногтями мне в плечи. В последний раз прижимает свои бедра ко мне, и ее глаза закатываются.

— О... боже, — она стонет в экстазе.

Клянусь, что образ Вивьен, кончающей от моих прикосновений, навсегда отпечатался в моей памяти. Ее лоб соприкасается с моим, я передвигаю руки к ее голове и целую ее один раз долго и медленно.

— Спасибо, — она улыбается. — С меня должок.

Я посмеиваюсь, когда поднимаю ее и встаю.

— Нет. Если бы это было свидание, тогда — может быть, а так, все, что сейчас произошло, было... гипотетически.

Она смотрит в пол с потрясающей улыбкой на лице.

Я открываю дверь.

— Я хорошо провел время.

— Обманщик, — она смотрит на меня и закатывает глаза. — Хорошо проведенное время не должно заканчиваться холодным душем.

— Я не собираюсь принимать холодный душ, — я целую ее в щеку и вдыхаю ее притягательный аромат. — Спокойной ночи, Вивьен.

— Спокойной ночи, — она краснеет.

Я не врал. Я не собираюсь принимать холодный душ. Я собираюсь лечь спать, поместив свои яйца в ведро со льдом.

Глава 5

Ревность

Вивьен

Я не знаю как вести себя после того, что произошло вчера вечером. Конечно, меня трогали парни до этого... Ну хорошо, только один до вчерашнего вечера, но Кай трогал меня так, чтобы доставить удовольствие себе. Оливер делал приятно мне. И. О. Мой. Бог... как мне было приятно.

— Эй, Цветочек, как там твоя игрушка для котика? — усмехается Алекс, когда они с Шоном заходят в дом.

— Это варежки, — я смотрю на нее ехидно.

— Варежки для кошечки, — хохочет Алекс.

— Которые согревают ее киску, — тихо говорит Шон и идет следом за Алекс в кухню.

— Я все слышала, засранец.

— Да, ну, засранец собирается окончить школу бизнеса Гарварда намного раньше тебя, — Шон вставляет большие пальцы в уши и вращает ими, высывая язык.

— Да, ну, однажды ты будешь подавать мне кофе, когда я стану единственным генеральным директором, желающим предоставить твоей жалкой заднице работу.

— Будьте милыми, детки, — Алекс протягивает Шону кока-колу.

— Мы просто шутим, — Шон открывает банку и делает глоток, подмигивая мне. — Не могу дождаться, когда Вив станет моим боссом, с этими длинными ножками в мини-юбке от делового костюма, и будет шлепать меня весь день кнутом, — он делает еще один глоток.

Алекс шлепает его между ног, и он выплевывает то, что выпил.

— Что это на фиг такое? — он наклоняется немного вперед, держась за промежность.

— Ой, прости, дорогой. Я хотела убить муху и не заметила тебя. Может, если бы у меня были ноги длиннее, я бы тебя лучше видела.

Шон не законченный идиот. Он вместе с Алекс уже достаточно долго, чтобы понять, когда нужно вынести наказание, как мужчине, и заткнуться к чертям. Он садится в кресло, а она запрыгивает к нему на колени лицом ко мне, как будто ничего не произошло.

— Так кто был твоей компанией вчера вечером? — спрашивает она.

Я не осмеливаюсь оторваться от вязания, потому что мое лицо никогда не сможет скрыть правду.

— Компанией?

— Не пытайся выиграть время, притворяясь тупой. В такие игры играют только парни, и ты это знаешь.

— Эй, сейчас... — говорит Шон.

— Закройся, членоголовый, — она заводит руку назад и снова сжимает в кулаке его промежность.

— Боже, женщина! Ты сотрешь мои яйца в порошок!

Алекс игнорирует его, и я краем глаза вижу, что она мне улыбается, с нетерпением ожидая ответа.

— Откуда ты узнала, что у меня была компания?

— Кай позвонил Шону, чтобы тот забрал его пьяную задницу из бара. Теперь колись.

Я пожимаю плечами, не сбиваясь с ритма вязания.

— Наш сосед через улицу.

— Парень?

Я киваю. Уверенная в том, что пропустила петлю, но, тем не менее, продолжаю.

— Действительно? — она говорит, растягивая слово. — Я пропустила вечеринку в нашем квартале или что-то такое? Как ты с ним познакомилась?

— В теплице. Он...ну, он брат Ченса.

— Брат Ченса Конрада? — она подпрыгивает. — Вон отсюда, — она тянет Шона за руку, пока он не поднимается.

— Что? — спрашивает он.

— Я сказала вон отсюда. Я должна поговорить с Цветочком наедине. Позвоню тебе позднее.

— Но я думал, что мы собираемся...

— Тут кое-что выяснилось, а теперь — вон!

Не могу удержаться от смеха, когда Алекс выталкивает Шона за дверь — игрока в регби весом двести двадцать с лишним фунтов (прим. пер. примерно сто килограмм).

— Так ты теперь встречаешься? Это же чудесно! — она прыгает на диван рядом со мной.

— Нет, не встречаюсь.

— Так что он здесь делал вчера вечером?

Занимался сексом со мной.

— После того, как Кай подвез меня, я увидела, что Оливер сидит на ступеньках перед домом, ну и закончилось все тем, что мы пошли в «J.P.» и вернулись сюда выпить. Вот и все.

— Сколько ему лет?

— Не знаю, но уверена, что он старше Ченса.

— Он живет один?

— Да, ну, я так думаю.

— У него есть девушка?

Алекс задает такие блестящие вопросы. И только теперь до меня доходит, что это то небольшое, что я

должна была спросить перед тем, как просить его ласкать мою грудь, пока я не испытала мой первый оргазм, спровоцированный мужчиной, в результате трения о бугорок его промежности.

— Думаю, что нет.

— А ты спрашивала?

Я морщусь.

— Нет.

— Так почему ты решила, что нет?

— Потому что мы... целовались.

— Иииии! — визжит Алекс, становится на диван и прыгает, хлопая в ладоши, как цирковая обезьянка.

Наконец, она садится обратно.

— Он видел твою...

— Нет.

— Но ты собираешься позволить ему...

— Нет! Я имею в виду... — Я засовываю свое вязание в сумку. — Я не знаю, он мне нравится, и он смотрит на меня как ребенок, который впервые увидел Диснейленд. Я просто хочу немного насладиться этим пред тем, как увижу взгляд, который неизбежен.

— Ты этого не знаешь, и твоя татуировка красивая, Цветочек. Он, может, даже не заметит. — Она гладит меня по волосам, как старшая сестра, которой у меня никогда не было, хотя она всего на шесть месяцев старше меня. — Итак, он так же горяч, как Ченс? — она хихикает, поднимая настроение.

— Горячее, — я лучезарно улыбаюсь.

Я должна была пойти постучаться к Оливеру вчера, чтобы пережить неловкое столкновение после сеанса петтинга, перед тем, как начать новую рабочую неделю. Сейчас же я в равной степени нервничаю и предвкушаю встречу, спускаясь в метро, где, я знаю, он будет стоять весь такой сексуальный в поношенных джинсах, футболке и рабочих ботинках.

Он такой высокий, что его практически невозможно не заметить, но этим утром я его нигде не вижу. Класс. Он, вероятно, поменял маршрут, чтобы избежать встречи с жалкой соседкой, которая умоляет его подарить ей оргазм, ничего не давая взамен. Зачем нужно было быть такой ненасытной?

Двери открываются, я протискиваюсь в вагон в утренней толпе и берусь за поручень. Я не знаю его номера мобильного телефона, и будет ли он сегодня в питомнике. И чем больше я проигрываю события субботнего вечера у себя в голове, тем сильнее становится чувство незащищенности.

— Я думаю пригласить свою соседку на свидание. Ты посоветуешь цветы или шоколад? — он шепчет мне на ухо, и я замираю. Я прикусываю губы, чтобы подавить улыбку, которая перерастает в заметные эмоции на моем лице.

Происходит необычное явление: мое тело закипает и в то же самое время холодок проходит по шее и позвоночнику от его дыхания возле моего уха.

— Ни то, ни другое, если тебе, конечно, не нравятся пятидесятилетние, — отвечаю я и поворачиваюсь.

Леди, сидящая справа от того места, где я стою, вероятно, лет пятидесяти, усмехается и краснеет,

уткнувшись носом в букет красных роз. Парень рядом с ней, одетый в форму охранника, держит коробку шоколада и пожимает плечами, когда я смотрю на него.

У Оливера на лице улыбка чеширского кота, хотя он пытается выглядеть обычно и невинно.

— Привет, — говорит он.

— Привет, — я расплываюсь в улыбке. — Итак, это твоя соседка, каковы, как ты думаешь, шансы, что она ответит «да»?

Он поднимает глаза к потолку и почесывает подбородок.

— Думаю пятьдесят на пятьдесят. Она непредсказуема.

Поезд замедляет ход, подъезжая к его станции. Он наклоняется и проводит губами от уголка моих губ к уху.

— Хорошего дня, — шепчет он, оставляя меня лужицей на полу вагона метро.

— Я думала, ты требуешь, чтобы твои ВИП-клиенты не показывались большими группами, — я улыбаюсь сквозь сжатые зубы, когда Мэгги продает уже седьмой «особый коричневый пакет» подряд за наличные без рецепта.

— Ты думаешь на другой стороне улицы засада или что? — смеется она.

— Нет, я думаю, члены правоохранительных органов тоже благоустраивают участки вокруг своих домов, и не думаю, что они надевают свою форму только, чтобы предупредить тебя, чтобы ты припрятала свою травку.

— Ты же понимаешь, дорогая, что несколько моих ВИП-клиентов являются членами правоохранительных органов, не так ли?

— Это не поможет тебе в суде.

Она машет рукой, прогоняя меня.

— Твой «Ловкий самец» скоро будет здесь, иди и проверь его заказ.

И я сразу же забываю о проступках Мэгги. Теплая дрожь поднимается в груди, когда я иду в заднюю часть питомника. Никогда раньше от словосочетания «Ловкий самец» мое сердце не пускалось вскачь. Мне интересно, сказал ли Оливер что-то Ченсу. Моя способность посчитать растения и свериться с заказом куда-то исчезла.

Когда грузовик заезжает на парковку с заднего двора, я пытаюсь работать как обычно: то надену рабочие перчатки, то сниму; посмотрю то на грузовик, то на заказ; засуну ручку за ухо, затем прицеплю ее к рубашке.

— Официально, понедельник больше не отстой, — Ченс моментально переключается на флирт, как будто у него никогда не бывает другого настроения.

— Привет, Ченс, — я улыбаюсь, пытаюсь смотреть на него, а не на другую дверь грузовика.

— О, твой голос сегодня звучит бодрее. Счастливые нотки, которые я различаю, звучат оттого, что ты меня видишь? — он тянется к ручке на моей рубашке, чтобы подписать чек.

Я кошу глазами, всматриваясь в заднее стекло грузовика. Я удивлена, что Оливер до сих пор не вышел.

— Итак... все еще работаете в отеле? — я симулирую равнодушие.

— Да, последний день. Оливер, вероятно, выкопает все лунки, пока я вернусь туда. Он сегодня работает с какой-то дополнительной энергией, хотел бы я сказать то же самое о себе.

Фейерверки взрываются у меня внутри, думая о том, что у Оливера дополнительная энергия из-за меня.

— Не сомневаюсь, что это из-за той горяченькой официантки из отеля, которая постоянно приносит ему холодные напитки. Я предложил остаться и покопать, но он настаивал на том, чтобы я поехал за растениями. Он решил вымазаться в чем-то другом, чем настоящая грязь, — посмеивается Ченс, загружая багажник.

Фейерверки гаснут. Я могла бы легко отделаться от комментария Ченса по поводу официантки, в конце концов, уверена, он думает, что все мужчины похожи на него, но не могу понять, почему Оливер послал Ченса за растениями, зная, что я здесь.

— Ты говоришь так, будто Оливер монах.

— Мог бы быть. Не имею права сказать почему, но могу сказать, что у него не было секса... много лет. Поэтому, естественно, он готов взорваться и эта официантка — определенно та искра, которая ему необходима.

— Мне не нужно было это знать, — я пытаюсь говорить обиженно относительно еще одного дерзкого комментария Ченса, но правда заключается в том, что мне действительно нужно это знать. Дерьмо! До меня доходит, насколько, вероятно, Оливер близок к тому, чтобы сдать, особенно после того, что я с ним сделала в субботу вечером, или точнее сказать не сделала.

— Да, но не упоминай об этом при нем. Он очень чувствителен к этой теме, — говорит Ченс, загружая последнее растение.

— Потому что ты знаешь, что у меня есть привычка обсуждать сексуальную жизнь людей, особенно тех, которых знаю меньше недели. — Я качаю головой, пытаюсь не переигрывать с выражением лица «почему я должна говорить об этом с Оливером».

— Справедливо замечено, — Ченс улыбается. — Счастливо оставаться, красавица.

Я хочу рассердиться и рассказать о том, какие мужчины все одинаковые, но это у меня был оргазм тем вечером. Черт, я попросила о нем! Острая боль разочарования появляется оттого, что я позволила себе приоткрыть двери души и допустить мысль о том, что Оливер отличается от других, что он сможет увидеть меня, а не мои шрамы.

Оливер

Я не могу припомнить, когда в последний раз мне хотелось летать. Наверное, поэтому я чувствую себя так, будто я застрял и потерялся. Когда я перестал убегать от моего прошлого, но еще не увидел будущего, время остановилось. Я слышал, что это называют «жить одним днем», но я думаю, что нужно ценить этот день. Поэтому для меня, смотреть на часы и предвкушать что-то в будущем, даже если это всего лишь на несколько часов вперед, это явный прогресс. И опять-таки, я сам себе ставлю диагноз и сам лечу свое испорченное сознание. А это экономия денег.

— Что, черт возьми, происходит с тобой сегодня? — спрашивает Ченс. — Ты обогнал меня в работе на несколько кругов и все еще полон энергии.

— Я всегда обгоняю тебя на несколько кругов в работе, — посмеиваюсь я.

— Да, но не так. Ты что-то принимаешь? Мне следует волноваться? Или мне тоже следует это принимать?

— У меня были хорошие выходные, это все.

— Хорошие — это когда была скидка на твой любимый скотч, или когда у тебя хорошая компания,

— Ченс опирается на ручку лопаты, застрявшей в земле, пока я продолжаю обгонять его в работе.

— Я встретил одну из своих соседок, и мы ходили есть мороженое.

— Соседку женского пола?

— Да, я уверен, что слово «она» употребляется для определения женского пола, — смеюсь я.

— Ну, черт, Оливер, она горячая?

— А как насчет «она милая, веселая, чем она занимается»? А не «она горячая»?

— Ты прав, как я могу быть таким нечувствительным. Она хорошо выглядит? Чем она занимается в постели?

— Я думаю, разговор закончен, и я тоже на сегодня закончил.

Я забрасываю инструменты в кузов грузовика и хватаю бутылку воды.

— Ладно, хорошо. Просто скажи, она бы мне понравилась? — Ченс снимает перчатки и вытирает пот со лба.

— Ты осознаешь, что для этого много не нужно? Как я понял, две груди и влагалище — обычно единственное обязательное требование. Кроме тех случаев, когда ты слишком много выпил, тогда и трансвестит с ватой в лифчике вскружит тебе голову или головы.

— Пошел ты! — он пытается выглядеть обиженным, но это бесполезно.

Даже Ченс не может испортить моего головокружительного настроения сегодня, поэтому я смеюсь.

— Прости, мужик, я не смог устоять. Ответ на твой вопрос — да. Что-то подсказывает мне, что она, несомненно, тебе понравится.

Я не пытаюсь скрыть правду, а, скорее всего, пытаюсь защитить хрупкие и неопределенные отношения с Вивьен еще на некоторое время.

— Когда я с ней познакомлюсь?

Мы оба садимся в грузовик.

— Если я и покажу ее, то только тогда, когда наступит время.

— Покажешь? Что это значит? Черт, Оливер, она несовершеннолетняя?

— Да, ты поймал меня. Решил добавить изнасилование несовершеннолетних в список изнасилований семи Конрад.

Бл*дь! Не могу поверить, что я только что это сказал.

— Оливер...

— Не нужно, пожалуйста, просто забудь, что я это сказал. Хорошо? Просто... не нужно.

Ченс кивает, и мы проезжаем остаток пути в тишине.

Мы не обменялись номерами, поэтому я не могу позвонить ей, но так как я смертельно хочу ее видеть, постучать в ее дверь кажется мне самым подходящим вариантом.

— Одну минуту, — я слышу ее приглушенный голос. — О, боже, что ты здесь делаешь? — кричит она с обратной стороны двери. Я полагаю, что она смотрит в глазок.

— Ну, если бы я был Богом, я бы ответил «Я здесь, потому что я везде, дитя мое», но, так как я на самом деле им не являюсь, то скажу «Я здесь, чтобы видеть твое прелестное личико», — я широко улыбаюсь перед глазком.

— Уф! — стонет она. — Ты можешь просто сказать, что ты здесь, чтобы увидеть меня?

— Окей. Я здесь, чтобы увидеть тебя.

Дверь открывается, и я вижу занавес черных волос, закрывающих ее лицо, когда она смотрит вниз.

— Увидел меня? А теперь можешь прийти на следующей неделе?

— Вивьен, что... — я убираю волосы с ее лица. Я повидал достаточно всего в жизни, что потрясли меня. В результате в моем сознании хранится бесконечное количество образов, которые мой мозг использует, когда решает вызвать в воображении хороший ночной кошмар. Но с другой стороны, у меня есть непоколебимый контроль над своими реакциями по отношению к определенным вещам, например, к лицу Вивьен. Оно ярко-красного цвета, опухшее и потертое в некоторых местах. Выглядит так, будто она нашла дыру в озоновом слое и стояла под ней слишком долго. Тем не менее, я знаю по некоторым судебным делам, с которыми я помогал во время учебы, что, вероятно, она делала химический пилинг сегодня.

— Я думал, мы могли бы поесть что-нибудь из индийской кухни сегодня. Можем пойти куда-нибудь или заказать домой, не имеет значения для меня, — я делаю выражение лица нейтральным.

— Ты слепой?

— Нет, никогда не нуждался в очках, — хмурюсь я.

Пальцем она указывает на свое лицо.

— Это. Это «прелестное личико», которое ты пришел увидеть? — тон ее голоса выражает не злость, а скорее недоверчивость.

— Да.

Она качает головой.

— Я не знаю, в чем заключается твоя игра, но неважно. Алекс скоро будет дома, поэтому мы могли бы поесть у тебя. Очевидно, ты не понимаешь почему, но я предпочитаю никуда не ходить сегодня вечером.

— Все, что хочешь.

Глава 6

Не отступать

Вивьен

Я росла в семье, где не было много денег, что научило меня искать хорошие скидки. Намерение владеть собственной компанией сделало меня приверженцем реальных скидок. На «LivingSocial»^[23] есть отличные, если поискать. И я поискала и нашла респектабельное место, где делают химический пилинг за полцены. Алекс делала такой несколько раз за прошедшие годы, но она думала, что это странно, что я хочу попробовать. Я сделала и сейчас справляюсь с побочными явлениями — «незначительными» покраснением и отеком, а все из-за моей истории, что я в этом эксперт и, кстати говоря, «незначительный».

Оливер, тем не менее, не должен был видеть мое лицо. Он должен был бы перебежать через улицу и закрыть за собой дверь на засов. Я выглядела, как злодей из какого-то фильма о супергероях. А вместо этого он просто отступил, когда убрал волосы с моего лица. Сейчас, после ужина и десерта, мы развалились в его гостиной, окна которой выходят на яркий красочный общественный сад, а он так и не спросил о моем лице. Я даже не могу поймать его на том, как он рассматривает красные пятна, которым потребуется больше времени, чтобы зажить.

— Ченс думает, что, возможно, мы получим заявку на частичное благоустройство кампуса. Это

будет хорошая работа для нас и объемные продажи для «Зеленого горшка», когда...

— Хватит! Я больше не могу это терпеть, — когда я это говорю, он вскидывает голову. — Скажи уже что-то, что-нибудь, но не смотри на меня так, будто не замечаешь моего лица!

Губы Оливера расплываются в легкой улыбке. Он садится и протягивает руку. Я смотрю на нее, ожидая, что он что-то скажет, но он молчит. Он притягивает меня к себе, и я сажусь верхом ему на колени, так же, как делала в прошлый раз.

Отбрасывая мои волосы назад, он наконец-то смотрит на мое лицо.

— Я все заметил, но я вижу только те вещи, которые имеют значение.

Что. За. Черт?

Он не представляет, какое эти слова имеют для меня значение, не может быть, чтобы он понимал. Я не могу сдержать слез, которые заполняют мои глаза.

— Эй, нет, не плачь.

Я вытираю слезы.

— Прости, просто... иногда обычные слова имеют необычное значение. Ты знаешь, что я имею в виду?

Он нежно берет меня за голову и притягивает к себе, мягко целуя мои волосы.

— Думаю, я знаю.

Я сажусь и изображаю «мне лучше знать» улыбку.

— Я сделала химический пилинг. Я знаю, это выглядит, как будто что-то пошло не так, но предполагалось, что все так и будет. К следующей неделе у меня будет самая сияющая кожа, которую ты когда-либо видел.

— Ну, тебе для этого не нужен был пилинг, но делай все, что твоей душе угодно.

Я киваю, раздумывая, спрашивать ли мне о том, что целый день крутится у меня в голове.

— А что твоей душе угодно?

Оливер проводит пальцем по моей ключице, затем опускает его до выступающей части моей груди, посылая знакомые импульсы по моему телу к наиболее интимным его частям.

— С недавних пор... тебя.

Я наблюдаю за его пальцем, загипнотизированная тем, какие чувства он во мне вызывает, угрожая сбить меня с толку.

— А не сексуальных официанток, приносящих тебе холодные напитки, пока ты работаешь?

Он замирает, смотря мне в глаза.

— Нет, — он ухмыляется. — Невозможно плавать на лодке в луже, когда она уже бороздила океан.

Он поднимает мою голову, поставив палец под подбородок.

Я тяжело сглатываю, когда он наклоняется и целует мою открытую шею, дразня языком чувствительную кожу.

— Тем не менее, это было мило с твоей стороны, потакать моему братцу в его искаженном взгляде на действительность.

— Он сказал, что ты велел ему ехать вместо себя. Почему ты не захотел увидеть меня? — шепчу я дрожащим голосом, когда он своими прикосновениями превращает меня в комок страсти.

Он останавливается, расправляя плечи.

— Я хотел тебя видеть, поэтому остался. Я знал, что он будет флиртовать с официантками вместо

того, чтобы заниматься делом, и все закончится тем, что мы будем работать, пока не стемнеет, чтобы уложиться в график. Поэтому я пожертвовал несколькими минутами с тобой ранее, чтобы провести несколько часов с тобой сейчас.

Как это возможно, чтобы кто-то говорил правильные вещи в нужное время, и это звучало так непринужденно?

Я обнимаю его и играю пальцами в его волосах на затылке.

— Ты мягкий. Ченс тоже мягкий, но его мягкость как у «Nestle Crunch»[24]. А ты мягкий как шоколадный трюфель «Godiva»[25].

Он смотрит искоса.

— Это хорошо?

Я медленно киваю.

— Да. Один слегка искушает в моменты крайней слабости, когда перед другим просто невозможно устоять.

— Ты только что сделала мой вечер, — он сжимает мои бедра своими большими руками.

Ты только что сделал мой целый год!

— Слушай, я знаю, что мы знакомы меньше недели... — я начинаю говорить.

— Две недели, если учитывать то время в метро, когда ты преследовала меня, до происшествия с пончиком.

Я смотрю искоса, качая головой.

— В любом случае... как я говорила... — я глубоко вздыхаю, потому что готовлюсь сказать то, что мне нужно сказать, но не могу объяснить, а он не поймет. — ...то что ты сказал ранее... о том, что замечаешь все, но видишь только то, что имеет значение.

— Да, — шепчет он.

— Обещаешь не отступать от своих слов?

— Что ты...

Я кладу пальцы на его губы.

— Просто... обещаешь?

Он кивает, целуя мои пальцы.

— Обещаю.

После двух недель восстановления кожи на лице и ужинов то у меня, то у Оливера дома, моя надежда уже вознеслась и парила над горизонтом. Физически мы не заходили дальше поцелуев и держаний за руки; такое впечатление, как будто никогда не было того вечера с оргазмом. Я знаю, что он хочет большего, но никогда не пытался воспользоваться моментом. Этого почти достаточно, чтобы представить себе или надеяться, что я не проживу всю жизнь девственницей.

Мы с такой легкостью разговариваем обо всем и в то же самое время ни о чем. Оливеру двадцать девять лет, хотя я полагала, что он на несколько лет моложе. Он, тем не менее, не хочет думать о моем возрасте: мне двадцать один.

Между нами неопишуемая связь; это одновременно как волнение от первой встречи и комфорт, приобретенный годами. Но существует дверь. Этот Форт Нокс[26] напротив ванной комнаты. Я так и не отважилась спросить его об этом, но знаю, что он чувствует мое любопытство, когда видел, как я

смотрела на нее более чем один раз. По правде говоря, я боюсь, что если спрошу, то это изменит наши отношения, а то, что находится за дверью, окажется нестоящим этого.

Оливер на девяносто девять процентов отзывчивый, веселый, сексуальный, заботливый и непредсказуемый, но иногда я вижу тот один процент, когда он поглощен чем-то или кем-то. Отсутствующий взгляд или натянутая улыбка, которые появляются ниоткуда и так же быстро исчезают, напоминают о той его стороне, которая так мне близка.

— Ты глазеешь, — говорит Оливер, когда я сижу на столешнице, скрестив ноги, а он моет пол в кухне.

— Мне нравится вид, — усмехаюсь я.

Стоя на четвереньках, он поднимает на меня взгляд.

— Мне нужно надеть назад рубашку?

— Это как будто режиссер на Бродвее спрашивает зрителей, нужно ли ему опускать занавес посередине вручения премии «Тони»[27].

Он качает головой и продолжает мыть песочного цвета кафель.

— Потом мы пойдем к тебе, чтобы ты могла помыть пол, топлес?

— Хм, дай подумать... нет.

Оливер продолжает работать с опущенной головой.

— Я когда-нибудь увижу тату на твоей спине?

Он не сбивается с ритма движений и не смотрит на меня. Это хорошо, потому что я уверена, что краска сошла с моего лица.

— Я увидел ее края, когда ты была в майке и подняла вверх волосы.

Раньше я убеждалась, что все мои рубашки закрывают тату, но последние несколько месяцев я позволила ей частично выглядывать, чтобы иметь возможность носить то, что мне больше нравится.

Я уверена, что люди ее видели, но еще никто не просил меня показать.

— Только привилегированная группа людей видела ее.

Оливер снова поднимает взгляд на меня.

— Какие условия принятия в группу?

— Ты должен быть мастером татуировок, моим доктором, Алекс или Каем.

— Кай видел ее?

Я киваю.

— Как он попал в группу?

Я смотрю на исключение среди всех других живых мужчин. Оливер может это выдержать, по крайней мере, я пытаюсь себя в этом убедить. Мне следовало бы показать ему, когда мы впервые встретились, сказав «прими меня такой, какая я есть, или оставь меня». Но я этого не сделала. Сейчас я слишком напугана, что это может раздавить меня, не только потому, что он мне нравится, а потому что я принимаю его за человека, которым хочу, чтобы он был. А что если он не такой? Что если еще слишком рано?

— Кай был... вдохновением для этой татуировки, — когда я это говорю, то это звучит иначе, чем у меня в голове.

— Счастливчик, — Оливер продолжает выполнять свою задачу. Если бы я знала его лучше, то сказала бы, что он зол, но я еще никогда не видела его злую сторону, поэтому не знаю наверняка.

— Думаю, он бы не согласился, — я морщусь при мысли о том, что Кай услышал бы завистливые слова Оливера.

— Да, ну, никогда еще девушка не делала на себе постоянную метку для меня.

Закрывая глаза, я качаю головой.

— Она не для него, а из-за него. В любом случае не имеет значения. Уверена, он хотел бы быть на твоём месте и ничего не знать о ней.

Оливер выливает грязную воду из ведра в раковину.

— Это не большое дело. Некоторые двери лучше оставлять закрытыми.

Хо-ро-шо.

Это говорит парень, который держит таинственную дверь наверху запертой. Секреты. Вот к какому соглашению мы пришли, не говоря ни слова.

— Мы говорим о моей двери или твоей?

Он замирает, стоя спиной ко мне.

— Мне нужно принять душ перед тем, как я поеду на ужин к родителям. Хочешь позавтракать утром?

Я спрыгиваю со столешницы.

— Я уезжаю утром к родителям в Хартфорд, так как родители Алекс приезжают в гости на неделю.

Он поворачивается.

— Ты уезжаешь на неделю? Тебе не нужно ходить на работу?

— Нет, я уезжаю на два дня, и нет, мне не нужно ходить на работу. Они думают, что она работает у Мэгги, поэтому ей приходится это делать, когда они здесь, — я расплываюсь в улыбке и подмигиваю ему.

— Так, где ты будешь находиться все остальное время?

— У Кая.

Он складывает руки на груди, расставив ноги.

— У Кая. Разве у него нет девушки?

— Есть, но ее не будет всю следующую неделю, и в любом случае они не живут вместе. Она ничего не имеет против того, что я остаюсь у него. Я делаю так все время.

— Понятно. Вы когда-то были...

Меня успокаивает то, что ему любопытно, или, может, он даже ревнует.

— И да, и нет. Мы друзья со времен детского сада и не были чем-то большим до первого года в старшей школе. Но это длилось всего пару лет.

— Так вы были... — он смотрит на меня вопросительно, широко раскрыв глаза.

— Мы были... что?

Оливер закатывает глаза.

— Близки.

— Ты имеешь в виду секс? — я смеюсь, чтобы скрыть боль.

— Мне не нужно знать, — он разворачивается и поднимается наверх.

— Подожди!

Он оборачивается ко мне.

— У нас не было секса...

Оливер поднимает руку.

— Я сказал, мне не...

Я прохожу полпути по ступенькам к нему.

— Я знаю, что ты сказал, — обнимая за шею, я притягиваю его к себе. Наши губы соприкасаются в мягком поцелуе. — Но мне нужно было, чтобы ты знал. Я не была с Каем, фактически я не была ни с кем.

Да, вот оно. Замер, глаза широко раскрыты, медленно моргает, Оливер в шоке. Я могла бы подождать, когда у него прорежется голос, но я предвижу, что это не случится в скором времени.

— Итак... приятно проведи время с родителями за ужином. Позвоню, когда вернусь в город.

Ничего.

Я улыбаюсь и спускаюсь по ступенькам, оглядываясь на каменную статую, в которую превратился

Оливер.

Оливер

Мне нравится эта невероятная женщина, которая на восемь лет младше меня. Она достаточно взрослая, чтобы пить спиртное. Возраст не имел значения, пока она не засветила свою Д-карту! Я не такой старый, но не в том возрасте, чтобы лишать кого-то девственности.

Мой мозг кричал, чтобы я остановил ее, потому что нам нужно было обсудить новость, которую она, как бомбу, сбросила на меня, но мой рот не мог пошевелиться. Теперь она уезжает на два дня, а я сойду с ума. Ченс подумал бы, что я сорвал джекпот, но это не мой случай. Эта Д-карта напечатана слишком мелким шрифтом.

Ожидания.

Такие слова, как любовь, объятия, сказки, вечность, брак, дети и минивэны напечатанные на ней, как пропуск в ад. Я не могу быть сказочным принцем для Вивьен, и даже если это не то, что она хочет, это то, что она заслуживает. Это звучит так мелко, как будто только внешний вид имеет значение, но девушки, которые выглядят, как Вивьен, в двадцать один год уже не девственницы. Она подверглась насилию? Или это по религиозным убеждениям? Какова ее история?

— Привет, мам, — я крепко обнимаю ее, когда она приветствует меня на пороге.

— Я надеялась, что ты приведешь с собой свою подругу-соседку, — она проводит своей рукой по моей вверх и вниз, когда мы выходим на задний двор к папе и Ченсу.

— У кого-то длинный язык, — говорю я громко, чтобы услышал Ченс, когда мама протягивает мне пиво.

Ченс поднимает бутылку и делает большой глоток, скрывая улыбку.

— Ты отшивал меня, чтобы проводить с ней каждый вечер, поэтому я пришел к выводу, что на этой неделе мы с ней познакомимся.

— Мы просто друзья и всегда будем ими. Она слишком молода для меня и, пригласив ее сюда, мог бы произвести на нее и других неправильное впечатление.

— Оливер, несколько дней назад ты вел себя так, будто разница в возрасте не имеет значения.

Почему такие внезапные изменения? — спрашивает Ченс.

Я делаю глоток пива.

— Она просто молодая и должна еще многое повидать в жизни, вот и все. Мы можем поговорить о

чем-то другом?

— Мы с папой думаем полететь в Портленд на следующей неделе. Хотел бы ты, чтобы я и тебе купила билет? — мама говорит с такой легкостью и уверенностью, будто диктует папе список покупок по телефону.

— Нет.

— Ты же понимаешь, что это...

— Да, мама, я понимаю! — я выливаю остаток пива. — Найдите другой предмет для разговора или я ухожу.

Она потягивает вино и смотрит на папу. Он слегка качает головой и вытягивает еду с гриля.

— Вы, мальчики, идете со мной на игру? — мой отец знает, как сменить тему и сохранить мир.

— Да, — мы с Ченсом отвечаем одновременно, и напряжение, которое витало в воздухе, испаряется.

Это то, что мне нужно: незамысловатый, лишенный эмоций разговор.

Вивьен: Еду к родителям. Надеюсь, ты хорошо провел время у своих. Позвоню, когда вернусь.

Не так я хотел начать день, но мне нужно прояснить ситуацию. Написать сообщение может показаться трусостью, но меньше всего мне нужно, чтобы Вивьен думала, что мы пара на протяжении двух последующих дней.

Я: Я думаю, мы должны остаться соседями-друзьями. Окей?

Вивьен: Я сделала что-то не так?

Я: Нет. Разница в возрасте не подходит мне.

Вивьен: ЧЗХ? (прим. пер. — что за хрень?)

Я: Пожалуйста, не сердись.

Вивьен: Я недостаточно взрослая или у меня недостаточно опыта?

Я: У меня нет того, что ты хочешь.

Вивьен: Не припоминаю, чтобы рассказывала тебе, что я хочу, но ты прав, ты — задница, а это не то, что я хочу!!!

Я: Мне жаль, не надо так.

Я жду ответа, но ничего не получаю. Несмотря на то, как сильно я хочу позвонить ей, я этого не делаю. Она рассержена, и не зря. Мне приходится постоянно напоминать себе, что я ее недостойн. Тяжелее всего признать, что я никого не достоин. Последние две недели я не чувствовал себя одиноким, как это было на протяжении последних трех лет. Сейчас это ощущение вернулось, и я снова стал лишь оболочкой человека. Может, моя мама права. Может, мне нужно присоединиться к группе поддержки, чтобы «излечиться». Хотя я знаю, что все в таких группах по одной и той же причине: страдание любит компанию.

Я знаю, что в нескольких милях отсюда мой отец тоже наблюдает за восходом, в то время как мама продолжает спать. Он скоро будет здесь, чтобы забрать меня. Если его не вызывают в больницу, у нас складывается установленный порядок: восход, кофе и гребля. Мой папа занимался греблей всю свою жизнь. В колледже он был в составе команды тяжеловесов, и я пошел по его стопам, после того как он познакомил меня с греблей в старшей школе. Он много лет был членом Кембриджского лодочного клуба и быстро продвинул мое заявление на вступление, когда я вернулся в город.

— Похоже, сегодня идеальное утро, — комментирует папа, когда мы наблюдаем за несколькими

лодками, которые уже скользят по воде, пока мы допиваем свой кофе.

— Да.

— Ты какой-то тихий сегодня, — он всегда говорил немного, но прямо.

Я пожимаю плечами.

— Устал, плохо спал, — и мы оба продолжаем смотреть на воду.

— Это из-за Портленда или девушки?

Я отвечаю ему смешком.

— Ни то, ни другое и оба сразу. Черт, если бы я знал.

— Тогда пойдём. Тебе нужно очистить голову, — он допивает кофе и показывает на воду.

Пошло уже четыре дня, как я в последний раз видел Вивьен. Я нервничал, как курильщик, который бросает пагубную привычку. Я груб с Ченсом — нервный, несчастный и не сосредоточен. Это усугубляется еще и тем, что мама продолжает мне напоминать об их поездке в Портленд через три дня.

— Полегче, брат, это уже пятый укладочный камень, который ты сегодня разбил, — Ченс качает головой. — Что, черт возьми, с тобой происходит? Ты дразнил свой член той девушкой слишком много раз?

Я отбрасываю молоток в сторону и беру бутылку воду.

— У нас никогда не было секса, засранец.

— Что? Почему, черт возьми?

Вытирая бровь, я качаю головой.

— Девственница.

Ченс падает на колени, наклоняется и бьет кулаками в перчатках землю.

— Почему, почему, почему все думают, что ты умный? Ты абсолютный тупица!

Я беру еще один камень и продолжаю работать. Единственная вещь, которая меня удивляет в реакции Ченса, это то, что она не такая как я ожидал. Я думал, он начнет умолять дать ему ее номер телефона.

Он поднимается и берет лопату.

— Это не меняет того факта, что ты придурок, но я прошу тебе это сегодня, так как у меня свидание на этих выходных, — Ченс усмехается хитрой кошачьей улыбкой, и я вижу торчащее перо канарейки.

— Свидание, ха? Это когда ты звонишь девушке и планируешь что-то заранее, вместо того, что бы просто пьяным подцепить кого-то в последнюю минуту?

— Ну, на самом деле, это она мне позвонила. Но это еще не самое главное. Как ты знаешь, я не тот парень, который угощает девушек, но одна девушка, которую я хотел бы пригласить на ужин и насладиться проведенным с ней временем, сказала мне, что ужин — это обязательная часть свидания.

— Кажется, она — жемчужина, такая, которую можно познакомить с родителями, — посмеиваюсь я.

— Именно, она такая. Ты ее знаешь.

Я сажусь на пятки и искоса смотрю на него.

— Кто?

— Вив, — усмехается он.

— Вивьен?

— Да, Вивьен Грэхэм из «Зеленого горшка».

Я качаю головой в неверии или, может, чтобы прояснить ее, потому что не может быть, чтобы я его правильно услышал.

— Ты — мешок с дерьмом.

Ченс смеется.

— Иногда, но не в этом случае. Она позвонила мне вчера вечером и сказала, что годы моего раздражающего, но усердного нитья должны быть вознаграждены. Она сказала «только один вечер» и ужин — обязательные условия. У меня, может, и нет ученой степени Гарварда, но я знаю, когда девушка предлагает секс без обязательств.

Как она это делает? Как она может выносить мне мозг снова и снова? Это смешно и больше, чем глупо с ее стороны.

— Ченс, ты не можешь спать с ней.

— Теперь видишь разницу между нами. Я не вижу проблемы в обычном сексе по обоюдному согласию. Ты хорошо рассмотрел ее? Эти длинные ноги обернутые...

— Да! Я видел ее. Просто перестань говорить о ней. Прояви немного уважения, пожалуйста.

Он поднимает руки.

— Остынь, чувак! Не надо быть таким обидчивым. Что с тобой происходит в последнее время?

— Просто прекрати болтать и возвращайся к работе, — вздыхаю я.

Глава 7

Прогресс

Вивьен

Оливер заслуживает награды «самое большое ничтожество». Какой парень не хочет быть у девушки первым? Заявить свои права на нее? Установить свой флаг? Поставить свою метку? Может, он просто эгоист и пришел к выводу, что я не буду хороша в постели и не смогу удовлетворить его. Я слишком быстро возвела его на пьедестал.

Моя бедная мама подумала, что я до сих пор нахожусь в депрессии из-за несчастного случая, а папа — типичный представитель мужского пола, — что у меня просто ПМС, когда я на протяжении двух дней пребывала в мрачном настроении. Сначала мне было больно, потом я злилась, потом опять мне было больно, и наконец, я стала раздражительной и неудовлетворенной. Оливер на мгновение, на очень короткое мгновение, заставил меня поверить в то, что однажды я могу быть с мужчиной. Он напоминал мне, что красота — это не только внешний вид. Затем ясно дал понять, что сексуальный опыт имеет очень большое значение.

Поэтому я собираюсь избавиться от своей девственности, как от уродливой родинки. Ее значение переоценено. Я не чувствую себя особенной. Я не могу указать на это в резюме или где-то еще. В первый раз будет колоть, щипать и жечь, как во время прокалывания ушей или укола. Я не делала большого события из прокалывания ушей. Не то чтобы специалист, которая проделала две дырки, посылает мне открытки на Рождество и день рождения. Черт, я даже не знаю, говорила ли она мне свое имя когда-нибудь.

Как всегда, Кай позволил остановиться у него, пока родители Алекс не уедут. И как всегда, меня

пригласили на ужин Алекс и ее родители в месте, которое я называю домом девяносто процентов времени. Как раз подходящее время. Мне нужно взять сменную одежду на остаток недели.

— У тебя есть свои ключи? — спрашивает Кай, когда я собираюсь уходить.

— Они будут дома, зачем мне ключи?

— Нет, ключи от твоей комнаты.

Я всегда закрываю дверь своей спальни на ключ перед тем, как родители Алекс приезжают в гости. Она сказала им, что рисует, но еще не готова показать свои шедевры миру. Самое смешное? Они ей верят.

— Спасибо, и да, у меня есть ключи.

— Ну, ты знаешь, где я буду, — вздыхает он.

Я даже не благодарю его пред тем, как закрыть за собой дверь. Кейт возвращается домой через неделю, а Кай пообещал перекрасить гостиную, пока ее не будет, потому что она не переносит запаха краски. Он как раз все накрывает. В результате Кейт все равно будет его пилить, потому что почувствует запах и будет знать, что он откладывал это до последнего. Но хорошо то, что Кай будет чем-то занят, и мне не нужно развлекать его.

От дома Кая до нашего одна миля (прим.пер —примерно полтора километра). Я проходила ее пешком так много раз за прошедшие два года, что могла бы сделать это с завязанными глазами. Первое, что я замечаю, это черный SUV[28] родителей Алекс с нью-йоркскими номерами, припаркованный на тротуаре. Затем я замечаю своего соседа, направляющегося в противоположную сторону к своему дому. Он все еще одет в свою рабочую одежду, поэтому понимаю, что он только что вышел из метро. Когда он замечает меня, я быстро отвожу взгляд и молюсь, чтобы он ничего не сказал до того, как я войду в дом.

— Вивьен?

Слишком поздно!

Не отрывая взгляда от дороги, я быстро машу ему.

— Вивьен, подожди!

Краем глаза вижу, как он переходит улицу. Набираясь смелости, я останавливаюсь и поднимаю на него глаза, скрестив руки на груди.

— Да, сосед? — фальшиво улыбаюсь.

Он вздыхает.

— Слушай, я прошу прощения за сообщение. Было достаточно грубо с моей стороны не позвонить или не сказать лично. Я просто...

Я поднимаю руку.

— Побереги дыхание. Все отлично. Я отлично. Мне все равно, — я прохожу мимо него.

— Вивьен, подожди!

Я останавливаюсь, оставаясь стоять спиной к нему.

— Ты действительно пригласила моего брата на свидание в эти выходные?

— А это имеет значение?

— Я так думаю, так как он представляет себе, что ты ищешь отношений на одну ночь.

— А это имеет значение?

— Боже, Вивьен! Он просто собирается использовать тебя.

Я разворачиваюсь.

— Нет, это я использую его.

Оливер упирается кулаками в бедра.

— Чтобы заставить меня ревновать?

Качая головой, я смеюсь.

— Ты слишком много на себя берешь, — я поднимаюсь по ступенькам к входной двери и оборачиваюсь. — Кроме того, Ченс ближе мне по возрасту. У него больше выносливости, чтобы не отставать от меня, когда я буду скакать на нем, как будто на Кентуккском Дерби[29]. — Я стучу в дверь и, как только она открывается, я улыбаюсь ему в последний раз. — Увидимся позже, сосед. Не знаю точно, что отражает взгляд на его лице: ужас или шок, но в любом случае, я чувствую горьковато-сладкое удовлетворение.

— Вив! — мама Алекс приветствует меня с распростертыми объятьями, когда я вхожу и закрываю за собой дверь.

— Аннабель, как приятно вас видеть. Ммм, что так вкусно пахнет, и я знаю, что это готовила не Алекс.

Аннабель улыбается.

— Ты права, это не Алекс готовила, но не потому, что она не умеет. Не позволяй ей убедить тебя, что я не научила ее готовить.

— Это так... — я перевожу взгляд на Алекс, которая смотрит телевизор с отцом.

— Чтоб ты знала. Я никогда тебе не говорила, что не умею готовить, я сказала, что я не готовлю.

— Эй, Вив! — ее отец улыбается.

— Привет, Марк. Какой счет?

— Ноль — три, — ворчит он.

Алекс подвигается ближе к нему, толкая локтем его руку.

— Ты имеешь в виду ноль — твоя команда и три — моя.

— Осторожно, юная леди, или я перенесу твою задницу в такое место, где ты вспомнишь, что значит быть болельщиком Янки[30].

— Да, да, как хочешь. — Алекс прыгает с дивана. — Итак, я наконец-то повстречала старшего из братьев Конрад сегодня. Они забирали какие-то кустарники и святое дерьмо, как я могла не знать, что он наш... эм, я имею в виду мой сосед? — она быстро исправляется. К счастью, ее мама поглощена приготовлением ужина, а отец утопает в горе оттого, что его команда проигрывает в горячем противостоянии.

— Не уверена, но он больше не в поле моих интересов.

Алекс садится на столешницу и начинает клевать салат, который делает ее мама. Аннабель шлепает ее по руке. Алекс бросает помидорчик черри в рот и усмехается.

— Так, колись, что случилось?

Я складываю из пальцев букву «Д». (прим. пер. — большой и указательный на одной руке, а под ними указательный другой руки)

— Серьезно? Это проблема?

— Выходит, что так, — я пожимаю плечами.

— Какая проблема? — спрашивает Аннабель.

Мы обе широко раскрываем глаза и Алекс хихикает.

— Ничего, просто есть парень, который нравится Цветочку, но он странно относится к ее... росту. Я закатываю глаза.

— Вив, ты красивая молодая женщина. Я бы хотела, чтобы у меня были такие длинные ноги, как у тебя, дорогая. Уверена, ты просто пугаешь его, что означает, что он не для тебя.

Алекс кивает.

— Да, он просто напуган твоим ростом и твоими длинными ногами, которые, если их расставить, вместе с полом образуют идеальную букву «Д», — опять хихикает Алекс.

Аннабель шлепает ее по попе.

— Почему ты ведешь себя так глупо сегодня? Спрыгивай и накрывай на стол.

Алекс прыгает, и мы вдвоем несем тарелки и приборы в столовую.

— Он действительно бросил тебя, потому что ты девственница? — шепчет она.

— «Бросил» — это слишком громко сказано, но да, он решил, что нам следует быть соседями или друзьями из-за разницы в возрасте и потому, что у него нет того, что я хочу. Что означает «из-за того, что я девственница», особенно если принять во внимание тот факт, что это был наш последний разговор перед тем, как он решил... ну, да, бросить меня.

— Гм, — Аннабель прочищает горло, когда она и Марк стоят за нашими спинами с блюдами в руках. Великолепно! Новость о моей девственности распространяется как вирус. Мне нужно избавиться от этого, пока она не пошла дальше.

— Ты пригласила Ченса на свидание? — визг Алекс отражается от стен моей спальни, когда я собираю кое-какую запасную одежду.

— Я так и сказала, — смеюсь я.

— Да, но... почему? Это чтобы заставить Оливера ревновать?

— Нет, определенно не поэтому, — я плюхаюсь на кровать. — Если я расскажу тебе, можешь никому не говорить?

— Конечно. Ты ж меня знаешь, — Алекс откидывает волосы за плечо, как будто мой вопрос смешон.

— Конечно, могу. Вот почему Шон знает все, что я когда-либо тебе рассказывала.

— Не все.

— Угу, неважно, — я морщусь, делая глубокий вдох. — Я просто использую Ченса, чтобы лишиться невинности.

— Что? Цветочек, ты серьезно? — Алекс садится рядом со мной.

Я киваю.

— Я делаю это не для того, чтобы вернуть Оливера. Это очевидно, что если бы была такая возможность, я бы выбрала его брата. Это просто потому, что Оливер заставил меня поверить в то, что это не моя судьба оставаться девственницей, и, если такое случится, я хочу знать, что, когда правильный парень встретится, мне не придется иметь дело с проблемой девственности снова.

— Мне нравится, как ты обозначила это «проблемой девственности», как возбудитель инфекции или что-то такое, — Алекс хихикает.

— Ну, если бы ты видела, как Оливер смотрел на меня, когда я сказала ему, то, вероятнее всего, это и

есть возбудитель инфекции или заболевание передающееся половым путем, если на то пошло.

— Ты уверена, что Ченс — самый хороший вариант? Я думала, он тебя не интересует.

— Так и есть. Это и делает его идеальным. Он абсолютный игрок и отношения на одну ночь — это его специальность. Он хорошо выглядит и относительно милый, даже если его доброта выражается часто неуместными комплиментами.

Алекс теревит нижнюю губу.

— Но... разве ты не хочешь, чтоб твой первый раз был особенным?

— А твой был?

— Нет, но... — она пожимает плечами.

— Но что?

— Я не знаю, — она смеется. — Я так сказала, потому что думала, что так нужно сказать. Ты знаешь, как разговаривать с кем-то, кто стоит у края скалы.

— Спасибо, но мне двадцать один, а не пятнадцать, — посмеиваюсь я.

— Он знает?

— Ченс?

Алекс кивает.

— Не думаю. Если только Оливер ему не сказал. Я просто пригласила его на свидание, в основном упоминая, что мы будем трахаться, и это будет всего один раз. Я не сказала «привет, заинтересует ли тебя ужин, кино и моя девственность?».

— А должна была бы.

Мы хихикаем.

— Что насчет твоей спины?

— Это еще одна причина, по которой я выбрала Ченса. Что-то мне подсказывает, что если я надену правильную юбку или платье, без трусиков, он относится к тому типу парней, которые с удовольствием сделают дело, не снимая одежды. Я думаю, что надену рубашку на пуговицах, бюстгальтер с застежкой спереди и юбку, длиной до колена.

— Только моя мозговитая деловая подруга может относиться к потере девственности как к стратегической передаче бизнеса.

— Так помоги мне боже, если ты расскажешь Каю, я убью тебя сразу после того, как поведаю твоим родителям о нашей маленькой договоренности относительно квартиры и работы.

— Мяу, спрячь свои коготки. Прибереги свою «кошачью битву» для женщин, которые возненавидят тебя за то, что ты возвращаешься на «рынок».

Я сталкиваю ее с кровати.

— Заткнись. Я просто избавляюсь от своего возбудителя инфекции, ничего больше.

Она стоит, пряча глупую улыбку.

— О, кстати... мои родители уезжают сегодня вечером. Папе нужно возвращаться на встречу, а я иду к Шону, как только они уедут. Так что не нужно собирать вещи, — она показывает на мою сумку. — Ты будешь здесь сама наслаждаться своей уже не девственностью. Если, конечно, не останешься на ночь у Ченса.

— Да, такого не будет.

Оливер

Еще один диагноз, поставленный самому себе. Я возвращаюсь к детской модели поведения, выбрасывая игрушку и решая вернуть ее обратно, когда мой младший брат предъявляет свои права на нее. Различие в том, что я не хочу Вивьен, я в ней нуждаюсь. Не потому что хочу. Я не хочу. Последняя вещь, которую я когда-либо хотел, это снова нуждаться в ком-то.

— Куда мне повести Вив на ужин сегодня вечером? — спрашивает Ченс, когда мы загружаем грузовик.

Ему удалось не упоминать о своем свидании на протяжении прошедших двух дней до настоящего момента.

— Я не знаю. Куда ты обычно ходишь... о, правда, ты же обычно просто занимаешься бессмысленным сексом и отправляешь их с деньгами на такси и подарочным сертификатом в «Panera»[31].

— Чтоб ты знал, я даю им «CharlieCard»[32] для проезда в метро или автобусе, так как плата за такси — это слишком дорого, и подарочную карту в «7-Eleven»[33], а не «Panera».

Мы оба садимся в грузовик, он поправляет свою бейсболку со своей обычной усмешкой «тупая задница» на лице.

— Ты идиот.

— Я лучше буду идиотом, который приведет домой Вив сегодня вечером, чем болваном, который идет домой один.

— Как хочешь, — вздыхаю я, глядя в окно. Мне следовало бы сказать, что Вивьен моя соседка, девушка с которой я виделся, девственница, но я не могу. Он бы не понял, почему я нуждаюсь в ней. Я не могу этого объяснить даже себе. Может, он заболит. Может, она передумает в последний момент. Может, я потеряю последнюю каплю здравомыслия, сидя один дома и представляя себе их вместе.

Вероятнее всего, я напьюсь и отключусь, потому что, о чем бы я ни подумал, доставляет мне боль. Я едва держусь, зная, что мои родители сейчас в Портленде. Куда бы ни уносились мои мысли, везде дорожное ограждение. Я мог бы поехать в объезд и разбираться с одной проблемой за раз, но легче просто ничего не делать, пока не закончится бензин, застрять посередине ничего, абсолютно одному.

— Как насчет того, чтобы поменяться машинами сегодня? — спрашивает Ченс, заезжая на тротуар возле моего дома.

Я смотрю на противоположную сторону улицы и мечтаю, чтобы Вивьен вышла из дома, Ченс уловил связь и, может, их свидание отменится. Не с моей удачей.

— Ты не думаешь, что она поинтересуется, почему ты водишь мою машину?

— Как она узнает, что машина твоя? Она у тебя подписана что ли?

— Она подумает, почему ты за рулем «БМВ».

— Ха, потому что я успешный владелец собственного бизнеса. Это только произведет впечатление, что у меня есть машина не для работы.

— Тогда, почему у тебя ее нет? — я открываю дверь.

Ченс широко открывает глаза и высовывает голову.

— Потому что я не настолько успешный, но ей не обязательно знать об этом.

— О, обязательно. Поезжай на грузовике. Может, она расскажет Мэгги, насколько ты беден, и мы

получим хорошую скидку на следующий заказ. Так что, увидимся и не будь придурком сегодня вечером, — я захлопываю дверь.

Я провел годы, изучая, наблюдая и имея дело с правовыми последствиями саморазрушающего поведения. Любой другой на моем месте убежал бы и прятался, зная, что фитиль подожжен с обоих концов. Но не я. Я не могу контролировать свои эмоции, не те, которые расцвели и ждут увядания, или те, которые раскрылись, и ждут признания. Они запутываются в моей голове и просачиваются в каждую мысль.

Мама: Они цветут, Оливер! О Боже, они цветут! Может, они ждали тебя.

Я смотрю на свой телефон.

Я: Может, они ждали солнца.

Мама: Да, сынок.

Я на время выключаю свой телефон, чтобы она поняла, что я не собираюсь с ней это обсуждать. Затем я смотрю на свой диван и вижу маленькую декоративную подушку в синюю и серую полоску, которую мама купила в прошлом месяце. Она прожила дольше, чем остальные. Я думаю о ее сообщении, затем о Ченсе, затем о Вивьен. Она из тонкого хлопка и сшита свободными стежками, а я обычно разрываю такие непрочные подушки, как пакет с чипсами, но по какой-то причине я беру на кухне нож и вонзаю его раз за разом, пока не остается ничего, кроме оборванной оболочки и белого наполнителя из синтетического волокна повсюду.

Хрен с ним! Хрен с ней! Хрен со всеми!

Бросая нож на кофейный столик, я падаю на диван, взъерошиваю руками волосы, бездыханный из-за сдерживаемой злости. Я достаю телефон из кармана и снова включаю его.

Мама: Ты именно там, где должен быть. Всеу свое время, дорогой.

Я замечаю время: семь вечера. Взяв ключи и кошелек, я выбегаю за дверь, ведомый чем-то, что еще не приобрело смысла в моей голове. Может, это то, где я должен быть в это время.

Я останавливаю машину на улице, что на противоположной стороне аллеи от того места, где паркуется Ченс. Через несколько минут вижу, как его грузовик останавливается на тротуаре, и, как джентльмен, которым он на самом деле не является, он открывает пассажирскую дверь. Его рыцарство выводит меня из себя больше, чем, если бы он просто щупал ее задницу и показал свое настоящее лицо. Юбка Вивьен, длиной до колен, развеивается при легком ветерке, так же, как и ее черные волосы, пока он ведет ее по аллее, положив руку на поясницу. Они останавливаются возле его двери, и он наклоняется, чтобы прошептать ей что-то на ухо. Вивьен откидывает голову назад, смеясь, пока он открывает свою дверь.

Мое колено неконтролируемо дергается, руки сжимаются в кулаки в устойчивом ритме. Я мог бы позвать его и притвориться, что произошло что-то непредвиденное, но это будет лишь временным решением проблемы. Это произойдет другим вечером. Я смотрю на часы на своем телефоне, пытаюсь решить: я здесь, чтобы остановить ее или собрать по кусочкам, когда она выйдет от него позже.

Боже, это вопрос на миллион долларов. Если я хочу ее, тогда мне стоит посмотреть, сможет ли она сделать это и, возможно, это станет для меня ответом. Если она нужна мне, то я никак не могу позволить Ченсу использовать ее сегодня.

Тик-так.

Колено дергается.

Кулаки сжимаются.

Сердце рвется из груди.

Хрен с ним! Она нужна мне.

Не знаю, сколько шагов между квартирой Ченса и моей машиной, но я уверен, что сократил их вдвое.

Бах-бах-бах!

Ченс открывает дверь с лицом, искаженным в замешательстве.

— Брат, что ты здесь делаешь?

Я прохожу мимо него. Вивьен сидит на диване с бокалом вина — она, вероятно, уже пьяна — и какая-то приятная музыка льется из колонок. Ее глаза становятся больше, когда я подхожу.

— Оливер, что ты делаешь?

— Чувак, что происходит? — кричит Ченс позади меня, но я продолжаю смотреть на Вивьен, протягивая ей руку.

Она смотрит на нее, затем на меня.

— Нет, — она качает головой.

— Оливер, ты не хочешь рассказать нам, что происходит? — Ченс кладет руки мне на плечи, но я сбрасываю их.

— Вивьен — моя соседка, — говорю я сквозь зубы.

— Твоя... кто? Она та, с которой ты был...

— Да, и сейчас она идет со мной.

Вивьен ставит вино и встает, вызывая скрепя руки на груди.

— Я никуда не иду с тобой.

— Вив, ты девственница? — спрашивает Ченс.

Вивьен вскидывает руки.

— О, боже! Это запустили в виде вируса в интернете? Уже все знают, что я девственница? — она хватается за сумочку, выходя за дверь. — Почему это такая чертовски большая проблема? — кричит она.

Ченс не двигается. Его мозг явно наверстывает упущенное. Я следую за Вивьен за дверь.

— Не прикасайся ко мне и не иди за мной! — она грозит мне пальцем, когда я делаю попытку схватить ее за руку.

— Куда ты идешь? — кричу, когда она топает по аллее.

— Собираюсь пойти «сорвать свою вишенку», ублюдок!

Что?

— Вивьен, подожди! — я бегу за ней. — Не будь смешной, — я беру ее за руку, а она вырывается.

— О, это говорит мне парень, который бросил меня из-за того, что моя девственная плева до сих пор нетронута, — она разворачивается и шагает дальше.

— Мне жаль.

Все еще идет.

— Я был тупицей.

Все еще идет.

— Черт! — я гонюсь за ней. Хватая ее за талию, притягиваю к себе, когда она пытается вырваться и убежать. — Просто послушай меня.

— Нет! — она извивается в моих руках, толкаясь локтями из стороны в сторону.

Не видя другого выбора, я перекидываю ее через плечо, и она кричит:

— Стой, моя юбка... я не надела...

Я вытягиваю руку, чтобы натянуть ее юбку... на ее голую попу!

— Где, черт возьми, твое белье?

Она бьет кулаками меня по спине.

— Оно у меня дома. Теперь опусти меня!

— Ты не успела постирать?

— Нет! Ты действительно так глуп?

Я сажу ее на пассажирское сиденье.

— Пристегнись.

Она складывает руки на груди.

— Почему я должна с тобой ехать?

Я опускаю голову и кладу руки на крышу машины.

— Потому что ты мне нужна.

Она смотрит на меня безжалостным взглядом, когда я закрываю дверь с ее стороны.

— Почему я тебе нужна? — спрашивает она, когда я съезжаю с тротуара.

Продолжая смотреть на дорогу, я качаю головой.

— Я не знаю. Это я и пытаюсь выяснить.

Мы едем в полной тишине, мой голос находится в заложниках у налитого эмоциями языка. Я предчувствую, что она побежит на другую сторону улицы к своему дому, как только я остановлю машину, но она этого не делает. Она ждет, пока я открою ей дверь. Взяв за руку, я веду ее к своему дому, и она следует за мной без колебаний.

Вивьен останавливается только за дверью, когда я продолжаю идти, бросая ключи на столешницу.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — я ненавижу неуверенность, которая звучит в моем голосе, как будто я только что сделал громадную ошибку и теперь не знаю, что с этим делать.

Она качает головой, когда напряженный взгляд, полный неуверенности, следит за каждым моим передвижением. Мой телефон звенит в кармане. Пропущенный звонок и сообщение с неизвестного номера. Я слушаю его, когда Вивьен продолжает наблюдать за мной, разглядывая и оценивая меня.

Это не слова сообщения и не голос, это точно подобранное время. Я ничего не слышу из-за собственного стучащего пульса, а все что вижу — красный. Прошло три года, а я ненавижу ее всеми фибрами души. Я швыряю телефон на столешницу, разбивая экран. Вивьен подпрыгивает, стоя посередине гостиной. В какой-то момент она идет в сторону бардака: наполнителя подушки и кусков ткани, которые все еще разбросаны по полу и дивану.

— Мне... жаль. Мне не следовало приводить тебя сюда.

Мои ноги сами ведут меня к лестнице, потому что я такой онемевший сейчас, что единственное, что чувствую — это удушающее давление в груди, как будто мои легкие борются за воздух.

— Про-сти.

Спотыкаясь, я захожу в свою комнату и захлопываю дверь, срывая рубашку, потому что даже легкий хлопок ощущается, как свинец на моей груди. Сидя на краю кровати, я сгибаюсь, положив голову на руки, и плачу. Боль выходит наружу как смесь крови и кислоты. Ненависть — всепоглощающая, а боль — уродливая.

Дверь открывается. Эмоции застревают в горле. Я не могу взглянуть вверх, поэтому все, что вижу — ее голые ступни, обращенные в противоположную сторону от меня.

— Пожалуйста... уходи, — мой голос дрожит.

Она не двигается с места. Ее рубашка падает у ее ног на пол. Я могу видеть только заднюю сторону ее ног от колен и ниже. Что она делает? Ее бюстгальтер присоединяется к рубашке на полу.

Она ждет.

Она стоит ко мне спиной, и затем меня осеняет — ее спина обнажена для меня.

Убирая руки с лица, медленно дюйм за дюймом, я поднимаю глаза к ее спине. Она дрожит, как осиновый листок, ее волосы перекинута через одно плечо. Я вытираю слезы — переплетенные ветви с цветами. Цветы повсюду и ни один... ни один не распустился.

О. Боже!

Каждая замысловатая деталь закрывает то, что под ней скрыто: шрамы — они повсюду. Затем она поворачивает голову и блестящие зеленые глаза встречаются с моими, когда она кусает дрожащие губы.

— Вивьен... — шепчу я. — ...красивая, ты... идеальная.

Слезы текут по ее щекам.

— Не отступишь?

Я улыбаюсь и беру ее за руку. Она разворачивается и становится у меня между ног, убирая волосы с груди. Прижимаясь губами к ее ладони, я закрываю глаза и распадаюсь на части. Весь мой мир рушится, и она даже понятия не имеет, что в этот момент бросает мне спасательный круг.

— Не отступлю.

Меня убивает то, что кто-то такой великолепный как внутри, так и снаружи жил в страхе, что люди изменят свое мнение о ее красоте. Мне интересно, сколько она жила с такой незащищенностью. Еще больше мне интересно, мужчина ли заставил ее чувствовать себя неидеальной. Боль в ее глазах, когда она смотрит на меня, говорит мне, что ответ «да».

Она начинает стягивать юбку с бедер, но я хватаю ее за запястья.

— Не сегодня. Я просто... — я вздыхаю. — У меня слишком много всего в голове, но скоро.

Хорошо?

Она снова натягивает юбку и кивает, подбирая бюстгальтер и рубашку. Слегка улыбаясь, она отворачивается от меня, чтобы одеться.

— Вивьен?

— Хм?

— Ты же не расстроилась?

Она качает головой. Я встаю и подхожу к ней спереди, когда она застегивает последнюю пуговицу.

— Ты уверена?

Она смотрит на мою грудь.

— Да. Увидимся завтра или как-то так.

Я целую ее мягкие губы. Мне необходима вся сила воли, чтобы отпустить ее сегодня, но она заслуживает моего полного внимания, а сейчас я распадаюсь на части.

— Я проведу тебя домой.

— Не будь идиотом. Я живу через дорогу, — ее голос лишен эмоций, когда она поворачивается и идет по коридору к лестнице.

Я чувствую, что она, по крайней мере, немного разочарована, но я не знаю, что я еще могу сказать или сделать сегодня. Выглядывая из окна спальни, я наблюдаю, как она сбегает вниз по ступенькам и бежит через дорогу. Я замечаю, что когда она нащупывает замочную скважину, чтобы вставить ключ, ее рука продолжает вытирать глаза.

Дерьмо! Она плачет.

Глава 8

Время останавливается

Вивьен

Между домом Оливера примерно двадцать шагов, но я преодолела это расстояние меньше, чем за десять. Держать себя в руках, пока не доберусь до безопасности своего святилища, мучительно, но не настолько, как слышать еще один отказ. Я видела его боль, но я ничего не смогла рассмотреть за ней. Сообщение на телефоне, изрезанная подушка, его всхлипы, пронизанные болью, я хотела забрать его боль и думала, что он сможет сделать то же самое для меня. Позволяя своей защите пасть, позволяя ему видеть меня... всю меня.

Я положила свое сердце на пол его спальни; своими словами он подобрал его, а глазами — вернул мне его. Впервые кто-то смотрел на мою спину, и у него не было жалости в глазах. Врачи, мои родители, Кай, Алекс, у всех у них было одинаковое выражение лица, но не у Оливера. В его глазах я видела женщину, а не жертву, и у той женщины шрамы исчезли, а мое сердце возродилось. Потом он это все забрал. Измученная нервозностью, которая сотрясала всё мое тело, мне нужно было, чтобы он обнял меня, унял мою боль, незащищенность и уродство, которые беспокоили мое тело и душу. Он оставил меня ни с чем, а я оставила ему видение, которое будет изводить его сознание, пока он не очнется и не увидит то, что видели все до него — слишком много, чтобы пережить это. Я знаю, что тот момент был настоящим, но он прошел и я боюсь, что мы никогда не сможем его вернуть. Закрывая за собой дверь, я вытираю глаза. Комната ощущается холодной, пустой и одинокой. Алекс ушла, но я хотела бы, чтобы она была здесь. Мне нужны были чьи-либо объятия, неважно чьи. Стук в дверь пугает меня. Сердце стучит в груди, а тело замирает возле двери. Я приоткрываю ее и вижу Оливера.

Он здесь!

Он протягивает мою сумочку, висящую у него на пальце.

О, я просто забыла сумочку.

— Эм, спасибо, — я пытаюсь схватить ее, не открывая полностью дверь. У него есть свои собственные проблемы; мне не нужно быть одной из них.

Он убирает ее, когда я пытаюсь ее схватить.

— Вивьен?

— Гм?

— Открой дверь.

Я вытираю глаза и открываю дверь со вздохом поражения. Оливер бросает мою сумочку на пол и берет мое лицо в свои руки. Мой мозг хочет противиться его прикосновениям, а тело не может. Его глаза крадут мое дыхание, и я сдаюсь, оставляя слова, которые хотела сказать, на потом. Прямо сейчас я позволяю ему обмануть меня: растрепанные медно-русые волосы, которые обычно аккуратно зачесаны, его сильная челюсть с легкой щетиной под выдающимися скулами, бледные алые губы, которые не могу не желать. Оливер невероятно красив.

Он качает головой, выдавливая грустную улыбку, когда вытирает слезы на моих щеках.

— Вивьен, я же сказал тебе, что не отступлю.

Оливер целует меня, и земля перестает вращаться у меня под ногами, как будто наш поцелуй превосходит все остальные, которыми обмениваются более семи миллиардов людей во всем мире в этот самый момент. Время просто... останавливается.

Где-то между настоящим моментом и вечностью, он несет меня вверх по лестнице, ударяясь телами от стены к стене, так как я отказываюсь разрывать поцелуй.

— Сюда, — мычу я, когда мы начинаем проходить мимо моей комнаты.

Он закрывает дверь ногой, поставив меня на ноги. Проводя кончиками пальцев по своим распухшим губам, я усмехаюсь. Оливер поднимает бровь, глядя на мою кровать.

— Односпальная кровать?

Я киваю, затем он.

— Хо-ро-шо, — он стягивает одеяло и сбрасывает подушку на пол.

У него какие-то серьезные проблемы с подушками.

— У меня был дерьмовый день... пока не встретил тебя, — он расстегивает мою рубашку. — С тобой... — он стягивает рубашку с моих плеч и расстегивает бюстгальтер, — ... все становится лучше.

Мое тело дрожит, и мне ненавистна мысль о том, что моя нервозность так очевидна. Оливер целует меня. Это единственная часть наших тел, которая соприкасается. Наши языки дразнят, а губы ласкают. Мне с трудом удается держать глаза открытыми, когда он проводит языком вдоль моей шеи, вниз к грудям, останавливаясь между ними, замедляясь прямо над моим сердцем. Мои веки тяжелеют, но я не хочу пропустить ни секунды. Каждый взгляд, которым мы обмениваемся, наполнен миллионом бессловесных эмоций.

Он тянет вниз мою юбку и смотрит на меня с крошечной улыбкой, как будто он только что вспомнил, что на мне нет трусиков. Я пожимаю плечами и улыбаюсь.

Стоя, он толкает меня спиной на кровать, пока я не сажусь. Затем ложусь на спину и подтягиваю ноги на кровать и расставляю дрожащие колени, пока он снимает свою рубашку.

Будет колоть, щипать и жечь. Будет колоть, щипать и жечь.

Моя грудь поднимается и опадает из-за моего учащенного дыхания.

Будет колоть, щипать и жечь.

Оливер расстегивает джинсы и спускает их, оставаясь в одних только белых боксерах. Он возбужден.

О. Мой. Бог! Я возбуждаю его. Я смотрю на него, и он усмехается. Он замечает, как я смотрю на стояк в его трусах.

Делая глубокий вдох, я тяжело сглатываю и крепко зажмуриваю глаза, а мои руки сжимают простыни.

Будет колоть, щипать и жечь, колоть, щипать и жечь.

— Не волнуйся обо мне, я могу это выдержать. Тебе не нужно сдерживаться, просто... сделай это! — я стискиваю зубы и стараюсь держать ноги раздвинутыми для него.

Я жду.

И жду.

Ничего.

Приоткрывая один глаз, я вижу, что Оливер так и стоит передо мной все еще в своих боксерах. Он улыбается, испуская смешок. Он становится на колени на кровать между моих ног и берет мою правую ступню. Поднося ее ко рту, целует подушечку большого пальца, затем подъем, не отрывая от меня глаз.

Мои пальцы ослабляют смертельную хватку на простынях. Его губы и язык воспаляют мою кожу, когда он проделывает путь вверх по моей ноге. Примерно на три дюйма (прим. пер. — семь с половиной сантиметров) выше колена он проводит языком по внутренней стороне бедра и медленно продолжает двигаться вверх.

Я резко сажу ноги вместе, стискивая его голову, как клещами, не давая ему продвинуться дальше.

— Вивьен? Что ты делаешь? — его голос заглушен моими ногами.

— Что ты делаешь? Ку-куда ты продвигаешься?

Он берет меня за колени и раздвигает мне ноги, освобождая свою голову.

— Я подготавливаю тебя.

Я сглатываю.

— Для чего?

— Для меня.

— О... эм... ох...

Он берет мою руку и кладет мне между ног так, что она накрывает меня. Его губы прижимаются к тыльной стороне моей руки, целуя костяшки и каждый пальчик. Затем, то же самое проделывает его язык, и моя рука дергается. Мой пульс взлетает, рот открывается, дыхание становится тяжелым. Я сгибаю пальцы и трогаю себя. Оливер проскальзывает языком между моими влажными пальцами, задевая чувствительную плоть. Он втягивает мой палец в рот и, когда я вытягиваю его, то скольжу им вверх по своему животу и расслабляю ноги, предоставляя всю себя ему.

— А-ах! — кричу я, отрывая бедра от кровати, когда его рот накрывает меня.

Он не останавливается, и мне становится стыдно от того, как быстро я вижу звезды.

— Ол — Оливер... остановись... Я... Я сейчас... — я хватаю его за волосы и тяну так сильно, что он рычит, но не прекращает свою безжалостную атаку.

— О, боже! О, боже! О... Оливер! — кричу я, поворачивая голову из стороны в сторону, когда оргазм высасывает из меня жизнь штормовыми волнами.

В моем теле не остается ни одной напряженной мышцы. Вообще, я чувствую себя так, как будто могу отключиться от измождения. Оливер прокладывает поцелуи от живота к груди и мурлычет, когда берет сосок в рот. Отпуская его, он садится и снимает свои боксеры, затем возвращается к моей второй груди.

— Тебе понравилось? — спрашивает он, продолжая путь вдоль моей шеи.

— Да, — я, наконец, выравниваю дыхание. — Ох! — кричу я, когда его рот захватывает мой, и он входит в меня одним резким движением.

Колет, щипает, жееет! Прощай, девственность.

Оливер замирает, пока его язык исследует мой рот. Мои пальцы впиваются в его упругую попу, затем он начинает двигаться — сначала медленно. Его рот ни на мгновение не покидает мое тело; он на моих губах, шее, ухе, грудях, отвлекая меня от вторжения внизу.

Мне на самом деле не с чем его сравнить, кроме как с книгами и кино, но Оливер не очень громкий во время секса. Он, должно быть, думает, что я крикуха. А еще моя односпальная кровать, которая у меня с шести лет, ее каркас скрипит и пищит, как ржавый вагон, который тащится по дороге, усыпанной булыжниками. Я так рада, что Алекс нет дома, и она не слышит симфонию «Вивьен и ее детская кровать занимаются страстным сексом с самым горячим парнем на планете».

— Ай! — кричу я.

Оливер отвлекает меня от моих мыслей, когда останавливается, находясь глубоко во мне, и кусая мой сосок немного жестче, чем нужно. Я смотрю на него, и он улыбается, все еще удерживая мой сосок между своими зубами, и я вижу капельки пота у него над бровями.

— Садист, а?

Он отпускает мой сосок и целует его, качая головой.

— Не совсем.

Расслабляясь, он начинает выходить из меня, и я не могу скрыть легкую гримасу на моем лице. Он копирует мое выражение.

— Прости.

— Все отлично, — я качаю головой.

Я сажусь, опираясь на руки, смотрю вниз и вижу на нем немного крови и кое-что еще, чего нет.

— О, боже! Где твой презерватив? Пожалуйста, скажи, что ты воспользовался презервативом! Не помню, чтобы ты его надевал. О, бо...

Он целует меня, и я немного расслабляюсь. Отпуская мои губы, он опускает взгляд и стоит, надевая трусы.

— У меня не может быть детей, прости.

Я оборачиваю вокруг себя простынь и сажусь.

— За что ты просишь прощения?

Он проводит рукой по волосам.

— Потому что я должен был тебе сказать до того как все пойдет... так далеко.

— Ты решил, что я хочу детей и, если ты будешь со мной, то введешь меня в заблуждение?

Он кивает, и боль на его лице такая удручающая. Я стою, позволяя простыни упасть. Положив руки ему на грудь, я смотрю на него.

— До того, как я встретила тебя, решила, что мой удел — оставаться девственницей до конца жизни,

— я прижимаюсь губами к его груди, а его рука нежно ложится мне на затылок. — Поэтому, у меня действительно не было мыслей о детях с тех пор, как я маленькой девочкой играла в куклы.

Понятно?

Оливер целует меня в макушку.

— Но ты заслуживаешь...

— Я заслуживаю этого, — я обнимаю его за шею и притягиваю к себе. — Не отступать.

Он кивает с грустной улыбкой, когда обнимает меня. Я не могу насытиться ним. Он как мороженое в

жаркий летний день, арахис и «Рэд Сокс»[34], попкорн в кинотеатре, торт со свечами на мой день рождения. Мои губы находят его и становятся требовательными, когда мои руки движутся к пуговице на его джинсах.

— Ни в коем случае, — он хватается меня за запястья. — У тебя будет все болеть. Ты должна подумать о том, чтобы принять горячую ванну, — переплетая наши пальцы, он передвигает наши руки мне за спину. — Увидимся утром. Хорошо?

Мои губы расплываются в вынужденной улыбке, чтобы он не видел моего разочарования. Это не из-за секса. Он прав, мне немного... ладно, очень больно сейчас. Мне просто не хочется покидать комфорт его рук, а моя односпальная кровать не такая заманчивая, поэтому просить его остаться было бы смешно.

Он снова меня целует и снова, и снова.

— Пока, — улыбается он и целует меня в лоб.

— Пока, — я жду, пока он не закроет дверь, затем сажусь на кровать, притягивая колени к груди и обнимая их. Нет ничего хуже, чем оставаться наедине со своими мыслями. Я должна быть взволнована. Ранее сегодня я планировала отдать свою девственность Ченсу наименее возможным романтическим способом: полуодетой на его диване. Вместо этого все закончилось с Оливером, и он заставил меня почувствовать себя красивой, сексуальной и удивительной. Так почему же мне грустно?

Я поднимаю глаза, когда слышу, как моя дверь открывается.

Оливер усмехается.

— Ты можешь бросить какую-то одежду в сумку и пойти принять ванну у меня дома... со мной.

И снова, мир прекращает свое движение. Только мы.

Оливер

Вивьен настаивает на ванной с пеной. Я настаиваю на том, что мое мыло без лаурилсульфата натрия не создаст много пены. Вылив почти всю бутылку геля для душа, у нас образовался слабый слой пены, но Вивьен, тем не менее, выглядела довольной.

После ванны я был тоже доволен, потому что она лежала обнаженная рядом со мной, на моей королевского размера кровати[35].

— Мне нужно было принести свою подушку.

Я предлагаю ей свою руку. Она кладет на нее голову, и я притягиваю ее ближе.

— Могу я спросить, почему у тебя такое отвращение к подушкам? Проблемы с шеей или что-то еще?

— Это что-то, что касается моего прошлого, я поделюсь с тобой этим потом, не сейчас.

Она поднимает голову и целует мою челюсть, без слов принимая мое неопределенное объяснение. Я знаю, что так будет не всегда. Я не помню, когда в последний раз чувствовал такое удовлетворение... возможно, никогда.

Людям привычки, таким как мы с папой, не нужен будильник. Восход зовет меня, поэтому я неохотно оставляю обнаженную женщину рядом со мной и иду на террасу встречать новый день.

После того, как я чувствую формальное начало, окончание еще одной темноты, я бегу в «Данкин Донатс» и покупаю пончики и кофе.

Вивьен все еще спит к тому времени, как я возвращаюсь, и я не могу поверить, как ей удалось

расположить свое длинное тело по диагонали моей кровати. Я думал, что тот, кто спит на двуспальной кровати каждую ночь, сжался бы на краю. Слишком много теории.

Я ставлю завтрак на ночной столик и снимаю рубашку и шорты, перед тем как нахожу небольшое пространство на кровати рядом с ней. Она спит на животе, спутанные волосы скрывают ее лицо. У меня свободный вид на ее спину. Конечно, мне любопытно, откуда ее шрамы, но я не буду спрашивать. Это, должно быть, ее прошлое, которым она поделится потом, не сейчас. Я наклоняюсь над ней и целую один из закрытых бутонов, скрывающий шрам, затем другой, затем еще один.

— Оли, — говорит она слабым голосом.

Я опускаюсь ниже и целую мягкий изгиб ее попы.

— Ты только что назвала меня Оли?

— Угу, — она потягивается с характерным звуком, затем переворачивается и садится. Ее соски торчат, а угольно-черные волосы повсюду, и это так чертовски сексуально. Мой уже и так твердый член пульсирует. Я пытался вести себя сдержанно прошлой ночью, как будто принимать с ней ванну или спать с ней голой не изводило меня. Насколько я глуп?

— Я чувствую запах пончиков, — она поворачивает голову и хватается коробку.

— Пончиков? Только ты можешь чувствовать запах пончиков в коробке до запаха дымящегося кофе. Она открывает крышку и так широко улыбается.

Пам-пам-пам... пульсирует мой член.

— «Бостон Крем», — она подбирает немного шоколадной глазури и медленно слизывает ее с пальца.

— Ммм...

Пам-пам-пам.

Я хватаю свой кофе и делаю глоток, надеясь, что кофеин нейтрализует эффект, который она на меня оказывает.

Она вставляет палец в середину, прокручивает его и достает кремообразную начинку, слизывает ее с мягким стоном, закрыв глаза.

ПАМ-ПАМ-ПАМ.

Я давлюсь кофе, когда он обжигает небо и язык.

— С тобой все хорошо?

Я киваю, отставляя кофе обратно на ночной столик, прочищая горло. Она снова вставляет свой палец в эту чертовую середину пончика.

— Прекрати!

Она широко раскрывает глаза и снова засовывает палец с начинкой в рот.

— Прекратить что? — бормочет она с пальцем во рту.

Ее невинность в этом деле делает все только хуже. Нет ничего сексуальнее, чем женщина, которая не осознает, что она сексуальна.

— Это! — я вытягиваю палец из ее рта и засовываю в свой, затем вытаскиваю, обводя его языком. — Трахать пальцем свой пончик. Прекрати. Трахать. Пальцем. Свой. Пончик.

— Это не то, что я делаю, — хихикает она.

— Нет, это именно то, что ты делаешь и это...

Она медленно, соблазнительно слизывает глазурь с поверхности пончика.

— Это что? — клянусь, она мурлычет эти слова.

— Ничего, — я качаю головой.

Вивьен склоняет голову на бок.

— Ты заводишься оттого, что наблюдаешь, как я ем этот пончик, Оли?

— Почему Оли? И как ты думаешь? — я показываю на свою эрекцию, упирающуюся в трусы.

Она облизывает губы и усмехается, толкая меня на кровать. Я вижу озорство, пляшущее в этих очаровательных глазах, когда она освобождает меня от трусов. Оседлав мои бедра, она садится прямо и проводит языком по глазури на своем пончике снова.

ПАМ-ПАМ-ПАМ.

Затем засовывает палец в середину и достает шарик кремовой начинки и вытирает ее о мой член.

— Что? Ах, не делай так... — я начинаю протестовать, пока она не начинает облизывать меня и... О, боже... сосать... меня. — Да, ох... еще... пожалуйста... сделай это...

Мы сидим в кровати и допиваем кофе, а Вивьен доедает свой пончик, будто она только что не слизала половину его с моего члена. То, что только что произошло, — это, должно быть, какое-то серьезное нарушение норм здравоохранения, но она оставила меня с широченной улыбкой на лице. — Я упала на тлеющие угли костра, когда была в выпускном классе. Это был несчастный случай. Я потеряла шесть дюймов волос (прим. пер. — примерно пятнадцать сантиметров) и получила ожоги третьей степени.

Эм... хорошо. Давай поговорим об этом.

Я потерял дар речи. Я не думал, что она откроется так скоро. В какой-то мере облегчение накрыло меня. В моем воображении возникало так много различных вариантов, некоторые из них включали насилие.

— Можно было сделать пересадку кожи, но была вероятность инфицирования, поэтому я решила отказаться от процедуры. Донорская ткань была бы взята с моих ног, оставляя еще одну поверхность на моем теле в шрамах.

Я беру ее чашку и ставлю рядом с моей, затем притягиваю к себе и сажу между своими ногами спиной ко мне. Она собирает волосы и перетягивает на одну сторону на плечо, и я полностью ощущаю эту новую ответственность.

Доверие.

Вивьен впустила меня в свою жизнь и показала ту свою часть, которую очень немногие люди когда-либо видели. Она отдала мне свое доверие и сейчас показывает все, потому что она надеется, что я приму ее и защищу наиболее уязвимую ее часть.

Я провожу пальцами по ветвям и обвожу цветы, чувствуя неровную поверхность из-за шрамов. Она поворачивается и смотрит на меня. Намек неуверенности все еще остается в ее напряженных глазах. Я улыбаюсь и целую ее плечо.

— Не отступать, — шепчу я.

Вивьен освежается в моей ванной, пока я убираю катастрофу с подушкой и оцениваю степень повреждения своего телефона. Невероятно, что она все еще здесь. Мое поведение вчера должно было напугать любого, кто не знал меня на протяжении долгого времени.

— Ты работаешь сегодня или покупаешь новый телефон?

Я поднимаю глаза и вижу, как она спускается по лестнице в очень коротких шортах и майке, а волосы аккуратно завязаны сзади.

— И то, и другое, — я поднимаю вверх свой разбитый телефон. — Это не я. То, что ты видела вчера... Я обычно не вспыльчивый.

Она пожимает плечами и запрыгивает на столешницу, хватая меня за рубашку и притягивая к себе между ног.

— Этим утром, что я делала... — она усмехается, — ... я обычно не слизываю наполнитель «Бостон Крем» с члена моего соседа.

Я набрасываюсь на кожу ее шеи, проделывая путь вверх к губам, тем самым губам, которые были вокруг моего члена часом ранее. Не могу сдержаться, чтобы не взять в руки ее груди, и, когда она стонет и наклоняет голову в сторону, приглашая меня притронуться, я понимаю, что начинаю то, что не смогу закончить, и, по правде говоря, мой член не будет мной очень доволен.

— Нам не следует продолжать, — мой голос звучит не очень убедительно.

Она оборачивает ноги вокруг моей талии.

— Ты уверен?

Я беру ее за лодыжки и освобождаюсь от ее «многообещающего предложения»

— К сожалению, да, я уверен.

— Поужинаем сегодня? — она смотрит на меня с надеждой.

— У меня сегодня ужин с родителями. Может, ты сможешь зайти, когда я вернусь.

Она сжимает губы и кивает.

— Вообще-то, я совсем забыла. У меня есть планы на сегодняшний вечер.

— Да?

Она спрыгивает со столешницы.

— Да.

— Ну ладно, утром я с папой буду в Лодочном клубе, но мы можем придумать что-то днем.

Она поднимается на носочки и целует меня.

— Звучит классно. Увидимся завтра, если, конечно, не пересечемся раньше.

— Ты поедешь на метро этим утром?

— По субботам меня подвозит Алекс, — говорит она, открывая дверь.

Я киваю, немного ошеломленный ее отстраненным отношением.

Глава 9

Все в семье

Вивьен

Не нужно никогда недооценивать женщину, чьей целью в жизни является переплюнуть «Амазон».

Оливер умный, у него есть бумажное доказательство этому из Гарварда, но я целеустремленная, а в данный момент это превосходит его ученую степень в юриспруденции. Наиболее успешные в жизни люди знают, что существует более одного способа получить приглашение на особые мероприятия.

Сегодня это я.

— Я сегодня как-то неясно мыслю. Давай посмотрим, правильно ли я тебя поняла, — Алекс наблюдает, как я поливаю фруктовые деревья, в то время как она потягивает свой напиток, развалившись на одном из стульев «Адирондак»[36], выставленных на продажу. — Оливер залетел и

забрал тебя от Ченса прошлым вечером, чтобы самому лишиться тебя девственности. А сейчас ты сходишь по нему с ума, но он не пригласил тебя на ужин к своим родителям сегодня, поэтому ты идешь с Ченсом, потому что он пригласил тебя?

— В основном, все так.

— Как ты заставила Ченса согласиться все еще взять тебя с собой?

— Я заманила его в ловушку. Позвонила и извинилась за вчерашний вечер и, как и ожидала, он сказал, что увидит меня сегодня вечером, решив, что Оливер приведет меня с собой. Когда я сказала ему, что не получила такого приглашения, он напомнил, что я получила такое приглашение от него во время ужина вчера. Я делала вид, что неуверенна по поводу целесообразности моего визита, но он настоял и сказал, что Оливеру иногда необходим небольшой толчок.

— Должна сказать, что я тебя недооценивала, Цветочек.

— Все недооценивали, — я посылаю ей хитрую улыбку.

— Думаешь, Оливер разозлится, когда все узнает?

— Возможно, но у меня все под контролем.

— Я жду полного отчета завтра, — Алекс закатывает глаза.

Я брызгаю на нее водой, она визжит.

— А я жду, что ты оторвешь свою задницу от стула и поможешь мне сегодня!

— Ладно, ладно, ладно! — она соскальзывает со стула и убегает.

Ченс подбирает меня в конце улицы. Конечно, я втайне волнуюсь, потому что он хочет, чтобы это стало сюрпризом для Оливера, так же как и я.

— Эй, Вив, мой тупоголовый брат уже уехал? — спрашивает Ченс, когда я сажусь в грузовик.

— Нет, его машина все еще на улице. Вы сегодня встречались?

— Да. Но я даже не подал виду, что он обломал мой член вчера, но тебе действительно стоило рассказать мне о вас двоих, — смеется Ченс.

— Я знаю, прости. Просто он такой...

— Упертый? Разочаровывающий? Своевольный?

Я хохочу.

— Да, да и да. Да, он мне нравится... очень.

Ченс смотрит на меня краем глаза и улыбается.

— Ты ему тоже нравишься. Этот идиот выглядел, как Джокер из «Бэтмена» сегодня, с тупой ухмылкой на лице.

— Действительно?

— Действительно.

Мы прибываем к дому их родителей, и ко мне подкрадывается нервное возбуждение, когда Ченс ведет меня по вымощенной булыжником подъездной дорожке к их двухэтажному кирпичному дому, спрятанному за лесом высоких деревьев. Биение сердца отдается в горле, ладони вспотели — великолепно для первого знакомства.

— Не нервничай. Они полюбят тебя, а когда выяснят, что ты с Оливером, то полюбят еще больше.

— Почему бы это? — я искоса гляжу на него.

— Он нуждается в тебе больше, чем я, — Ченс открывает дверь и заводит меня до того, как у меня

появляется возможность сказать что-то еще.

Его родителя находятся на заднем дворе, попивая вино и расслабляясь на открытом воздухе, что напоминает мне о том, что я видела на канале «Дом и Сад»: джунгли цветов, плющ, кормушки для птиц, зажженные фонарики, свисающие с ветвей деревьев.

— Привет, это моя подруга Вивьен. Она работает в «Зеленом горшке», который поставляет большинство необходимых мне товаров. Она также живет по соседству с Оливером.

Его мама приветствует меня первой, когда они вдвоем встают.

— Вивьен, очень рады познакомиться с тобой. Я — Джеки, а это мой муж — Хью.

Она заправляет свои светлые волосы длиной до подбородка за ухо. Она высокая с худощавым телосложением, похожим на мое, а голубые глаза такие же, как и у обоих ее сыновей. Хью улыбается мне с высоты своего роста. У него полностью лысая голова и серо-карие глаза.

Я пожимаю им обоим руки.

— Мне тоже. У вас прекрасный дом. Спасибо за приглашение.

Джеки отмахивается от моего комментария.

— Мы так рады, что Ченс пригласил тебя. Мне становится немного скучно, когда трое моих парней обсуждают бейсбол и греблю. В этом месте должно быть побольше эстрогена[37].

Я смеюсь, когда нервное напряжение испаряется.

— Могу я предложить тебе вина? — Хью протягивает бокал красного вина.

— Да, спасибо, — я принимаю его.

— Пожалуйста, присаживайся, ужин скоро будет готов, — Джеки указывает на стулья, расставленные вокруг выложенного камнем углубления для огня и накрытые подушками с цветочным принтом.

— А вот и он, — Хью встает и заходит в дом, оставляя дверь на веранду открытой.

— Твой брат привел общего друга, она там во дворе, — я слышу, как Хью говорит Оливеру.

— Кто это? — Оливер резко останавливается в дверях, когда встречается со мной взглядом.

Я улыбаюсь и пытаюсь прочесть мысли по его лицу, но сегодня оно пустое, ни тени эмоций.

Ченс протягивает ему бутылку пива и хлопает его по спине.

— Вчера я пригласил Вив на ужин. Предположил, она придет с тобой сегодня, но, когда мы болтали по телефону ранее, она сказала, что ты об этом не упоминал. Я заверил ее, что это была оплошность с твоей стороны, и настоял на ее приходе.

Я думала, что это хорошая идея, но сейчас Оливер хмурит брови. Он выглядит шокированным и, возможно... разочарованным? Мое сердце падает в пятки.

— Присаживайся, дорогой, — говорит Джеки Оливеру. — Я принесу салат, пока Ченс помогает папе с грилем.

Ченс сжимает плечо Оливера, а затем идет к Хью, который стоит возле гриля. Джеки наклоняется и целует Оливера в щеку, когда проходит мимо него по пути назад в дом.

Он идет ко мне, где я одна сижу у костра. Мне бы хотелось, чтобы он улыбнулся или сказал что-то, чтобы дать мне понять, что произошедшее прошлой ночью, и я не являемся его маленьким грязным секретом. Он делает глоток пива, ставит его и протягивает мне руку. Я беру ее, и он поднимает меня на ноги, но затем он шепчет мне на ухо, и мои ноги больше не касаются земли, а его слова уносят меня высоко за пределы гравитации.

— Ты выглядишь красиво, — он целует мое ухо. — Я — задница. Мне следовало пригласить тебя, — затем одним движением лишая меня дара речи, он целует меня. Не быстро, а медленно, будто утверждает «я рад, что ты здесь».

Я улыбаюсь и моргаю, пытаюсь остановить слезы. Это была моя игра, но он взял реванш и управление этим вечером. Меня это устраивает.

Я слышу, как кто-то прочищает горло, и мы вместе поворачиваемся. Его родители и Ченс смотрят на нас.

— Я не говорил маме с папой, что Вив больше, чем просто твоя подруга, но, думаю, они теперь знают, — Ченс улыбается и, к моему облегчению, его родители тоже.

Он притягивает меня к себе и смотрит с озорством, играющим на губах.

— Да, мы больше, чем друзья. Мы соседи. — Он подмигивает мне.

— Ну, давайте есть, — говорит Хью.

Оливер провожает меня к столу, все еще держа за руку. Джеки смотрит на нас, и я могу поклясться, что вижу слезы в ее глазах, когда она улыбается. Оливер идеальный джентльмен: отодвигает для меня стул, наполняет мой бокал вином. Подняв брови, смотрю на него, так как уже чувствую опьянение, и еще один бокал может привести к ненужному конфузу на глазах его семьи.

— Ты уроженка Бостона? — спрашивает Джеки, расставляя тарелки.

— Нет, я из Хартфорда. Мои родители до сих пор живут там.

— Что привело тебя в Кембридж? — спрашивает Хью.

Я отпиваю глоток воды.

— Я буду посещать Школу Бизнеса в Гарварде осенью.

— Первый курс? — спрашивает он.

— Да, у меня были непредвиденные расходы, поэтому не имела возможности начать сразу после школы. Мой друг учится на медицинском факультете Гарварда. Он познакомил меня с моей соседкой по квартире, которая в свою очередь представила меня своей тете, которой принадлежит питомник, в котором я работаю на протяжении последних двух лет. Простите, я, вероятно, сбиваю вас с толку, — я осознаю, что мои нервы управляют моим поведением.

— Нет, совсем нет, — Хью улыбается.

Я не смотрю на Оливера, потому что боюсь его взгляда «ты пропустила ту часть, где родители думают, что ты уже посещаешь школу».

— Вив? Как так получилось, что я знаком с тобой два года и не знаю, что ты тоже собираешься, стать гарвардским снобом? — говорит Ченс, и его родители смотрят с неодобрением на него.

— Ты бы знал, если бы проводил больше времени, узнавая ее, а не пытаюсь подцепить, — Оливер качает головой.

Ченс пожимает плечами и набивает полный рот едой.

— Вероятно, ты прав, — бормочет он.

Идеально непринужденный ужин переходит в еще более легкий разговор у огня. Я завидую тому, что родители Оливера и Ченса не только находятся близко, но еще и часто с ними общаются. У меня прекрасные родители, и когда мы вместе, нам весело, но, когда я росла, один или другой — а чаще всего оба — работали, чтобы свести концы с концами. У нас не было званых ужинов и вина у огня. Я пыталась нейтрализовать действие вина, употребляя больше еды и выпивая много воды, но это

приводит только к тому, что нужно посещать ванную комнату каждые двадцать минут. В этот раз, когда я возвращаюсь, Оливер тянет меня к себе на колени, до того как я добираюсь до своего стула. Его семья смотрит на нас с обожанием на лицах, которое можно увидеть при мягком свете костра и фонариков на деревьях.

— Я думаю, нам лучше скоро уйти, — шепчет он мне на ухо.

Моему умеренно опьяненному телу уже тепло, но его дыхание у моей шеи поднимает мою температуру почти до испарины.

— Но я так хорошо провожу время, — я кладу голову ему на плечо и наблюдаю за завораживающим пламенем.

— Я думаю, ты хорошо проведешь время и у меня тоже, — его губы трутся о мое обнаженное плечо рядом с бретелькой сарафана, а язык увлажняет кожу, заставляя меня вертеться у него на коленях.

Когда он спускает меня, мы оба встаем.

— Мы собираемся уходить.

— Да, я собираюсь еще немного побыть здесь, тебя не затруднит, если я попрошу тебя подбросить Вив до дома? — Ченс поднимает бутылку с пивом, чтобы спрятать свою саркастичную усмешку.

Оливер не удосуживается отвечать ему словами. Вместо этого берет его пиво и выливает оставшееся в траву.

— Эй, что за черт? — кричит Ченс.

— Если ты не притормозишь, ты даже сам себя домой отвезти не сможешь, — Оливер отвечает ему подзатыльник.

— Большое спасибо за ужин. Он был невероятным, и я отлично провела время сегодня, — я адресую искреннюю благодарность Джеки и Хью.

— Нам тоже было очень приятно. Надеемся увидеть тебя на следующей неделе. У тебя есть постоянное приглашение на случай, если один из наших сыновей забудет продемонстрировать свои манеры и пригласить тебя.

Оливер качает головой.

— Утром все в силе, сын? — спрашивает Хью у Оливера.

— Конечно, увидимся с утра пораньше.

Джеки встает и обнимает нас обоих.

— Пока, Ченс. Спасибо за приглашение, — я наклоняюсь и целую его в щеку.

Оливер быстро тянет меня за руку и отодвигает подальше от своего брата.

— Пока, Вив. Передай моему большому брату, чтобы он остыл. Мы можем тобой делиться. Это все в семье.

Оливер ведет меня к машине, и его руки на мне повсюду. Даже мое опьянение не может скрыть сексуальное напряжение, искрящееся между нами. Где-то между шагом и вздохом ему удается прижать меня к машине, лицом к пассажирской двери. Если бы мы играли в ролевую игру «хороший полицейский — плохой полицейский», он явно был бы не первым.

— Я говорил, как мне нравится это платье? — его голос глубокий, хриплый и надламывается к концу. Я чувствую, как его эрекция прижимается к моей попе, а его руки ползут вверх вдоль моих боков и накрывают груди.

— Да, — шепчу я.

— Без бюстгальтера?

— Без, были бы видны бретельки.

Мои глаза закрываются. Вино, его руки, его голос и эти бедра, пульсирующие возле меня, растворяют все связные мысли. Я могу потерять сознание.

И в то же самое мгновение он уже не прижимается ко мне. Я не больше, чем безжизненная букашка, распластавшаяся на его машине.

— Поехали.

Я отрываю себя от окна, когда он открывает дверь. Мое тело падает на сиденье, кто-то, обладающий большей ловкостью, чем у меня, пристегивает ремень безопасности, и дверь закрывается. Оливер заводит двигатель и наклоняется, чтобы вытянуть из меня последнее дыхание своими жадными губами и требовательным языком. Его рука скользит по моему обнаженному бедру, и мои несуществующие нервы не делают ничего, чтобы остановить его движение, когда я беззастенчиво расставляю для него ноги.

Он замирает, когда мое желание достигает красного знака тревоги.

— Где, черт возьми, твое белье?

Мои глаза резко открываются, а губы расплываются в сексуальной усмешке.

— Я не надела.

— Это очевидно! Почему? — его голос на грани.

— Я чувствую себя сексуальной без него, — я пожимаю плечами.

Он садится, пристегивается ремнем безопасности и сдает назад.

— Экстренное сообщение, Вивьен, ты ходячая «влажная мечта»[38] независимо от того, в сарафане без трусиков или в доспехах.

Сжав губы вместе, стараюсь скрыть улыбку. Он больше ничего не говорит, пока мы не останавливаемся на нашей улице. Открывая мою дверь, он протягивает мне руку. Что-то подсказывает мне, что я последую за этим мужчиной куда угодно.

Он включает свет, как только мы заходим.

— Ты взял дополнительную гарантию? — я показываю на его новый телефон, который заряжается на столешнице.

Оливер поворачивается ко мне с мягкой улыбкой. Его взгляд ласкает мою кожу.

— Как ты это делаешь? — шепчу я.

— Делаю что?

— Заставляешь меня чувствовать все, не прикасаясь ко мне.

Он закрывает глаза. В этот момент я бы проползла по пустыне, пила бы песок и рискнула бы быть съеденной живьем змеями или скорпионами, просто чтобы хоть одним глазком заглянуть в его мысли.

— Расскажи мне, о чем ты думаешь, — я кладу лоб на его грудь.

— Я покажу тебе.

Обнаженная. Я выхожу из лужи хлопка у моих ног. Долговязые ноги, костлявые бедра, волосы, как у ведьмы и картина чернилами, скрывающая рассеянные шрамы на спине, но все это исчезает под его

взглядом. В его глазах я вижу свое совершенство.

Он снимает рубашку и усмехается. Она немного дерзкая, слегка мальчишеская и всецело сексуальная. Я сажусь на его громадную кровать, перекатываюсь на середину и скрещиваю ноги.

Оливер смотрит на меня, вопросительно сморщив лоб.

— Продолжай, — я прикусываю ноготь большого пальца и усмехаюсь.

Он поворачивается, расстегивает штаны, стягивает их с одной стороны, глядя на меня через плечо и прикусывая нижнюю губу.

Я хихикаю.

Он опускает брюки с другой стороны.

Еще раз сексуально смотрит на меня.

Я снова хихикаю.

Он продолжает усердствовать, раздеваясь для меня, и я поглощаю все это — одно вкусное дразнящее движение за другим. И когда он уже полностью обнажен, он переплетает пальцы рук на затылке и напрягает свои упругие ягодицы для меня. Все его тело имеет вид красивого совершенства, а его кожа... безупречна.

Оливер смотрит на меня через плечо снова с игривой улыбкой, которая меркнет, когда он видит мое лицо.

— Эй, — он разворачивается и заползает на кровать, притягивая меня в свои объятия. — Что не так?

— Ты. Ты... самоуверенный и сексуальный и... идеальный, — я проглатываю свои эмоции. — И твоя кожа, она...

Оливер прижимает палец к моим губам и качает головой. Затем его губы приходят на смену пальцу. Нежные и сильные руки скользят по моему телу, обходя изгиб за изгибом.

Он показывает мне.

Каким-то образом Оливер знает, когда слов недостаточно. Я ощущаю его страсть и плотское желание, сдерживаемое в узде под невероятным контролем, когда исследует мое тело своим, доводя меня до края. Мое тело умоляет его, каждый миллиметр пространства между нами невыносим.

— Оли... пожалуйста! — говорю я, задыхаясь, когда его невероятные губы трутся о мои соски, поднимаются вверх по шее и находят мои, и он утопает во мне.

Я оборачиваю свои ноги вокруг его талии, а руки вокруг шеи, и держусь. Оливер может забрать меня куда угодно.

Оливер

Я немного в затруднительном положении. Мой план относительно того, чтобы наши с Вивьен отношения оставались исключительно на физическом уровне, катастрофически проваливается.

Физическая сторона даже не в этом измерении. Это как будто она умирает с голоду, а я единственный человек во всем мире, у которого есть все, что ей необходимо для выживания.

Наступит ли такое утро, когда она проснется и осознает, что я отравил ее? Выживу ли я, если и она выживет?

Мое тело, длиной почти шесть с половиной футов (прим. пер. — примерно метр и девяносто восемь сантиметров), сворачивается до пяти (прим. пер. — примерно метр и пятьдесят два сантиметра) на двух футах пространства (прим. пер. — примерно шестьдесят один сантиметр), в то время как

Вивьен спит по диагонали моей кровати. Она была на мне, пока я не выскользнул встречать рассвет. В любом случае мой отец скоро будет здесь, но я не могу упустить еще нескольких мгновений, которые у меня есть, чтобы понаблюдать за ней. Я досчитал ее веснушки до двадцати восьми.

— Я чувствую, как ты тарацишься на меня, — бубнит она.

— Лежи спокойно, я не закончил.

Она открывает один глаз, но только на щелочку.

— Не закончил что?

— Считать твои веснушки.

— О, боже! — она закрывает лицо рукой. — Еще одна нежелательная моя черта.

Я поднимаю ее руку и целую веснушчатый нос, щеки, а затем ее полные вкусные губы. Должен поправить свой стояк, потому что она так чертовски сексуальна, что я даже не могу подумать о ней, чтобы мой член не стоял в полной готовности.

— Вивьен, клянусь, я сделаю целью своей жизни доказать тебе, что твоя яркость затмевает солнце.

Она проводит ладонями по моему лицу.

— Я тебя не заслуживаю.

Я целую её и встаю, медленно отпуская её руку.

— Ты права. Ты заслуживаешь лучшего.

— Она мне нравится, — пыхтит отец, когда загребает воду веслами.

— Мне она тоже нравится, — я прилагаю все свои усилия, вытягивая ноги и напрягая руки. —

Может, даже слишком сильно.

— А это проблема?

— Она так молода и ничего обо мне не знает, — я говорю слова сквозь сжатые зубы, когда ручейки пота стекают вниз по моему лицу.

— Что ты о ней знаешь?

— Она очень умна, у нее безупречная трудовая этика. Она хочет покорить мир, хотя и не претенциозна, — я делаю еще один тяжелый вдох. — Она добра в своей детской невинности и семьдесят пять процентов ее спины покрыто шрамами от ожогов третьей степени, которые скрыты под татуировкой.

Мой папа останавливается и смотрит на меня.

— Я видел часть татуировки возле шеи и плеча, но волосы закрывали большую часть. Я понятия не имел...

Я качаю головой.

— Она упала в костер. Боже, папа, это пугает ее больше, чем кого-либо другого.

Он кивает.

— Ты знаком с ее родителями?

— Нет, конечно, как ты знаешь, они здесь не живут, и я не знаю, готов ли быть тем человеком в ее жизни, которого она пригласит домой.

— Ты, возможно, прав, или, возможно, тебе нужно быть немного пожестче по отношению к себе. Но она заслуживает знать правду, сынок. Хоть ты и не хочешь распространяться об этом, но это не изменит случившегося, и все секреты откроются однажды.

Я делаю глоток воды и вздыхаю.

— Да, я знаю.

Я не думаю, что мы принимаем осознанные решения относительно того, какие образы выжигаются в нашем сознании. Некоторые из моих будут преследовать меня всегда, но лишь один я заберу с собой в могилу и сохраню для следующей жизни.

— Эй, Оли.

Длинные голые ноги, выглядывающие из одной из моих футболок «Гарвард Кримсон»[39], растянулись на моем диване, скрестившись в области лодыжек. Копна черных волос собрана в запутанный пучок на ее голове, на ней надеты очки в толстой черной оправе, когда она читает газету — реальную газету. Именно этот образ непослушной школьницы и будет сохранен.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, хватая стакан воды и не отрывая от нее глаз. Я бы и не смог, даже если бы хотел.

— Читаю газету, особенно раздел посвященный бизнесу. А на что похоже то, что я делаю? — она перегибает газету и смотрит на меня поверх оправы очков.

— Где ты взяла газету? Ты знаешь, что можешь получить всю информацию в интернете сейчас, — я выпиваю воду до дна, вытирая рот тыльной стороной руки.

— Я взяла газету у себя дома. Я делаю подписку. И, да, я в курсе, что эта информация есть онлайн,

— она подносит газету к носу и нюхает. — Ох, но этот запах. Ты не можешь услышать его онлайн. Я люблю запах газет и книг. Редко пользуюсь своим Киндл. Кроме того, они напоминают мне о моих бабушке и дедушке. Они раньше жили рядом с нами, и я останавливалась у них дома по дороге в школу. Моя бабушка наливала мне апельсиновый сок, в один из тех маленьких стаканчиков для сока с цветочками на внешней стороне, я попивала его и наблюдала, как они с дедушкой пили свой кофе и читали газету. Она все еще пахнет точно так же.

Прямо сейчас во мне борются два противоречия. Мне следовало бы почувствовать непреодолимое желание поделиться одним из моих детских воспоминаний. Но я парень... когда она выглядит так, как сейчас на моем диване, единственное непреодолимое желание, которое я испытываю — это перегнуть ее через спинку дивана и заставить кричать в экстазе. И я этим не горжусь.

Я подхожу ближе.

— Очки, да?

— Мне они нужны только для чтения, иначе у меня будет болеть голова, — Вивьен кивает.

Я поднимаю подол футболки, которую она надела. Без белья, снова!

— Ты была так одета, когда ходила домой?

Она снова смотрит на меня поверх очков.

— Да, а что?

Боже! Соседи должны обожать ее. Я качаю головой, поднимаю глаза к потолку и вздыхаю.

— Ничего, я иду в душ.

Очень холодный душ!

— Я собираюсь домой принять душ и одеться, — кричит Вивьен в ванную, когда я в душе.

— Это было прекрасное утро на воде. Нам нужно поплавать на лодке, — я перекрикиваю шум воды.

— Поплавать на лодке? — говорит она с неуверенность в голосе.

— Да, у моих родителей есть лодка. Мы можем взять ее, возьмем собой какую-нибудь еду, проведем там день.

— Эм...

— Я не приму «нет» в качестве ответа. Иди и захвати свой купальник, собери сумку, возьми солнцезащитный крем и что там тебе еще нужно.

Я намыливаю волосы и жду ответа, но не слышу ничего. Может, она уже ушла. Высовывая голову, вижу, как она стоит, облокотившись на дверной косяк, кусая нижнюю губу, опустив вниз глаза.

— Что не так?

— Ничего... Ну, у меня нет купальника. Все они дома у родителей. Я просто надену сарафан или шорты и майку на тонких бретелях.

— У тебя нет купальника?

Вивьен качает головой.

— Как такое может быть, что у тебя нет...

Ее взгляд нерешителен, и я физически ощущаю боль, которую она излучает.

— В таком случае, прими душ, оденься, и я буду готов забрать тебя через час.

Она глядит на меня украдкой.

— Никаких вопросов, просто иди, — я подмигиваю ей и улыбаюсь.

Ее плечи тяжело опускаются, и она кивает несколько раз, перед тем как развернуться и выйти, как заблудившийся ребенок. Я хочу побежать за ней, обнять и выжать всю болезненную неуверенность с ее тела, но я не делаю этого. Интригующие подробности ее неуверенности в себе, которые спрятаны под поверхностью, не могут быть разгаданы за один день. Я знаю об этом, но это не остановит меня от попытки.

— Куда мы направляемся? — спрашивает Вивьен, когда мы поворачиваем на Солджерс Филд роуд[40].

— За покупками.

— Какими?

Я смотрю на нее искоса и усмехаюсь.

— Предметами первой необходимости.

— В Кембридже больше одного «7-Eleven».

— Не совсем то, что нам нужно. — Моя правая рука лежит на ее голом бедре.

— Нам?

— Да, нам.

Вивьен качает головой и смотрит в боковое окно со своей стороны. Каким-то чудом я нахожу парковочное место и ставлю свою машину между двумя SUV.

— Ньюбэри-стрит[41]? Надеюсь, ты взял с собой свою черную карту[42]

— Смешно слышать это от девушки, которая, вероятно, однажды будет владеть Ньюбэри-стрит.

Вивьен открывает свою дверь до того, как я успеваю выйти.

— Уолл-стрит, Оли, а не Ньюбери, — усмехается она и выпрыгивает из машины.

Мы надеваем наши солнцезащитные очки, я беру ее за руку, и мы идем по тротуару, оглядывая

многоэтажные торговые центры и бутики.

— Почему ты называешь меня Оли?

— Это сокращенно от «Оливер», разве больше никто тебя так не называет?

— Нет, с тех пор как я был ребенком.

Она поднимает на меня взгляд.

— Тебе не нравится?

— Не нравилось пока...

— Пока что?

Не могу утаить усмешку. Она останавливается и поворачивается лицом ко мне.

— Скажи мне.

Наклоняясь, я провожу своими губами по ее.

— Пока ты не умоляла меня прошлой ночью «Оли... пожалуйста!».

Она краснеет и толкает меня в грудь.

— Придурок. Как тебе нравится такое? Это твое новое имя, потому что ты смеешься надо мной.

Я кладу ладонь ей на затылок и притягиваю к себе, пробуя на вкус каждый дюйм ее рта, пока ее тело не тает от моих прикосновений. Я уверен, что люди глазеют на нас, но мне наплевать.

— Я не смеюсь над тобой, — шепчу я, когда она растирает губы между собой. — Теперь давай купим то, что нам надо, и доберемся до воды.

Глава 10

Я могла полюбить тебя

Вивьен

— Я это не надену, — кричу я из примерочной.

— Дай я посмотрю, — хохочет Оливер, сидя на лавке снаружи.

— Нет. Скажи продавцу, пусть принесет мне цельный купальник с неглубоким вырезом на спине.

— Вивьен, тебе двадцать один, а не пятьдесят. Ты не получишь цельный купальник. Я единственный, кто будет тебя видеть в нем.

— Оли — Оливер, он не прикрывает...

Он открывает дверь и проскальзывает ко мне в примерочную.

— Убирайся! — я стараюсь прикрыться.

Он ухмыляется.

— Для тебя — Оли, и я уже видел тебя голой. Что ты пытаешься спрятать от меня?

Я фукаю, испуская вздох, и опускаю руки по бокам. Его чарующие глаза поглощают мое тело, когда он высовывает язык, чтобы облизать губы.

— Повернись.

Я качаю головой.

Он склоняет голову набок.

— Действительно?

— Хорошо! — я разворачиваюсь.

Он убирает мои волосы со спины и целует меня в шею, пока мы смотрим друг на друга в зеркало.

— Заманчивая, увлекательная, божественная, завораживающая, элегантная, изысканная, сияющая, восхитительная ... потрясающая, — шепчет он.

— О чем ты говоришь? — я закатываю глаза.

— О тебе. В том случае, если ты устала от того, что я называю тебя красивой. У меня есть, по крайней мере, еще сто определений. Я могу продолжить.

Я смотрю на простое белое бикини, которое выбрал Оливер. Оно едва закрывает мои наиболее интимные части тела, не говоря уже о моей спине. Но по какой-то причине, я хочу угодить ему сегодня.

— Я беру его. Теперь убирайся отсюда.

Оливер загорается, как фейерверки четвертого июля[43]. Одновременно он тянет за веревочки на моих бедрах, позволяя материалу упасть на пол. Я приподнимаю бровь.

— Просто пробую... на будущее, — он ухмыляется. — Я одобряю.

— Извращенец.

— Пока еще нет, — он тянет за веревочки на верхней части, обнажая мою грудь. — Теперь — да, — он подмигивает. — Увидимся через несколько минут.

Он выглядит слишком довольным собой, когда я выхожу из примерочной.

— Вот, — он протягивает руку, когда я выхожу с тонким материалом.

— Ты не покупаешь его.

— Да, покупаю.

— Хотели бы вы, чтобы я положила его к остальным вещам? — спрашивает продавец.

— Остальным вещам?

— Да, мисс. Джентльмен купил также кое-какое нижнее белье для вас.

Я посылаю Оливеру смертельный взгляд, прищурившись.

— Трусики? Ты покупаешь мне трусики?

Он подходит к продавцу, чтобы взять мой купальник и протягивает ей свою кредитную карту. Она не черная.

— Мне не нужны трусики.

— Я не согласен, — говорит он, стоя спиной ко мне, когда подписывает чек на прилавке. Он берет сумку в одну руку, а другой берет меня за руку. — Пойдем, — он ведет меня на выход из магазина.

— Во-первых, у меня множество трусиков, во-вторых, я не надеваю их иногда, потому что это заставляет меня чувствовать себя сексуальной.

Он открывает мою дверь и ставит пакет у моих ног, после того как я сажусь. Затем наклоняется на расстоянии миллиметра от моего лица и проводит рукой вверх по моей ноге. Большой палец проникает под мои шорты. Он останавливается и качает головой, когда дотрагивается до моей обнаженной плоти, без белья.

Мое лицо искажается в притворной улыбке, и я виновато пожимаю плечами. Он прижимает большой палец к моему уже влажному центру. Мое лицо расслабляется, когда я втягиваю воздух и пытаюсь сократить расстояние между нашими губами. Он отодвигается от меня. Усмехается и продвигает палец немного выше. Я стону, когда он медленно выводит круги.

— Как ты себя чувствуешь? — шепчет он.

— Хорошо, — я хватаюсь сбоку за сиденье и позволяю голове откинуться назад.

— Как еще?

— Возбужденной, — я закрываю глаза.

— Как еще?

Я приподнимаю бедра, когда он возносит меня так высоко, что я боюсь собственной реакции на предстоящее падение.

— Оли...

Он ускоряется, прижимаясь губами к моей шее, и когда его зубы царапают мою чувствительную кожу, я сдаюсь.

— Как. Еще? — шепчет он мне на ухо, когда ослепительные ощущения проходят сквозь меня.

— Сексуальной... Я чувствую себя... сексуальной, — я пытаюсь поймать дыхание, в то время как моя голова все еще кружится.

Он жестко целует меня, а затем закрывает дверь.

Я ненавижу, что не могу себя контролировать, чтобы отказать ему в предоставлении мне оргазма на стоянке с открытыми дверями на людной улице. Сейчас у него до смешного самодовольная усмешка, пока он вливается в поток уличного движения.

— Какова была цель этого всего? — я нарушаю тишину.

— Я хотел доказать, что это я заставляю тебя чувствовать себя сексуальной. Теперь, когда ты это знаешь, ты можешь начать носить белье.

— Какое это имеет значение, если никто больше не может видеть, что на мне нет белья?

— Во-первых, некоторые из платьев, которые ты носишь, ужасно короткие. Во-вторых, я знаю, что на тебе нет белья, а мне не нравится ходить, приветствуя всех прохожих стояком.

— Приветствуя?

Он смотрит на меня взглядом «ты знаешь, что я имею в виду».

— Как хочешь, просто ты странный.

— Я парень.

— Я так и сказала. Ты странный.

— Можешь поверить, что я никогда не видела Бостон с залива, вот так? — говорю я, сидя у него на коленях, когда мы отплываем все дальше от берега. На мне надето бикини, а на нем — шорты для плавания.

— Ты серьезно?

— Знаю, это сумасшествие. Существует множество экскурсий по воде, даже наблюдение за китами, но я никогда не ездила. Я даже никогда не была дальше аэропорта.

Он зарывается лицом мне в волосы и целует в затылок.

— И что ты думаешь?

Я смеюсь.

— Это удивительно. Когда ты думаешь о земле, которая была создана искусственно, и обо всех тех зданиях, которые стоят на том месте, где раньше была вода... это невероятно.

— Я думаю, ты невероятная, — он целует мое плечо, прижимая меня крепче.

— Я думаю, ты жил здесь так долго, что принимаешь все это как должное.

Он скользит рукой по моему животу к груди, проникая пальцами под купальник.

— Я думаю, нам нужно выбросить якорь и спуститься вниз.

— Оли... — мое дыхание сбивается, когда он накрывает мою грудь.

— Не могу дождаться. Ты в моей футболке и тех сексуальных очках сегодня утром, а теперь это бикини... Боже, я умираю, Вивьен.

— Как много женщин наблюдало этот вид с тобой?

Его тело замирает. Мы покачиваемся на океанских волнах.

— Это имеет значение? — его рука покидает мою грудь и возвращается к талии.

— Конечно же нет. Это ничего не меняет. Мне просто любопытно.

Мне двадцать один год и во мне столько неуверенности, что можно потопить эту лодку, но, все же, я слишком умна, чтобы думать, что это то, чем мы должны делиться, но я слишком молода, чтобы не сгорать от любопытства.

— Не могу точно сказать. Это не моя лодка, поэтому я был здесь с друзьями моих родителей и друзьями Ченса...

— Это не то, что я имею в виду.

Он оставляет лодку на холостом ходу на беспокойной воде.

— Тогда что ты имеешь в виду? — он встает, заставляя меня слезть с его колен. Поднимая крышку кулера, берет пиво. Стоя спиной ко мне, делает глоток и смотрит на бездну соленой воды.

Я сажусь и жду. Я больше ничего не могу делать. Я вижу тот один процент Оливера, который поглощен чем-то другим — чем-то, что пугает меня. Это тот ад злости, в который он падает иногда, но, я думаю, что он пропитан болью. Я вижу это в его глазах, как тем вечером, когда он разбил телефон. Мужчина, который плакал в своей комнате — это Оливер, которого я не знаю. Где мы сейчас находимся и куда мы сможем двинуться отсюда, если он не покажет мне свои шрамы — обнажит свою душу мне?

— Нам стоит вернуться.

— Нет! — его голос такой резкий, что разрезает воздух. — Мне просто... нужна минута.

У каждого есть кнопка, при нажатии на которую он сходит с ума, и она спрятана, как земляная мина в ожидании, когда ее взорвет какой-то бедный ничего не подозревающий человек, который просто случайно сделал неверный шаг. Оливер должен следить, куда ступает... он только что наступил на мину.

— Конечно! Столько времени, сколько нужно. Я просто буду ждать, положив сердце на плече, так как у меня нет рукавов, чтобы прикрепить его к одному из них[44], потому что ты выбрал для меня эти нелепые лоскутки на веревочках, которые выставляют всю меня на обозрение всему миру! Или, может, я нырну в воду, чтобы меня съели акулы, так как я все равно выгляжу как приманка для акул, а ты не должен будешь отвечать на один простой вопрос о своем прошлом!

Оливер поворачивается.

— Две. Две женщины до тебя наблюдали этот вид со мной — моя мама и девушка, с которой я встречался в колледже.

Он поднимает крышку одного из задних сидений и достает сарафан из моей сумки. Я опускаю сложенные в защитной позе руки, когда он надевает его на меня. Плечи опущены, голова наклонена, он притягивает меня к себе, обнимая, и мы садимся на сиденья, когда полуденное солнце прячется за сгустившимися облаками. Ветерок охлаждает мою кожу, и Оливер притягивает меня ближе к себе, защищая от ветра, мира... самой себя.

— Раньше я любил ездить в Мичиган к моим бабушке и дедушке. У них повсюду были стеклянные и

пластиковые контейнеры с конфетами и печеньем. У нас дома мы ели конфеты только на Хэллоуин и Пасху, поэтому мы с Ченсом опустошали их тайники, пока нас не скручивало в туалете от тошноты. Но к следующему утру мы уже чувствовали себя лучше и готовы были громить кладовую снова, которая была забита самыми лучшими хлопьями, которые мы видели по телевизору, но редко ели. «Fruit Loops» были моими любимыми. Я съедал целую коробку с половиной галлона (прим. пер — почти два литра) цельного молока, — смеется он. — Молоко никогда не было таким вкусным — сахар с красителями.

Я поворачиваюсь в его руках и кладу голову ему на грудь.

— Мне жаль.

— Не стоит, мы любили это, поэтому оно стоило боли в животе...

Я прижимаюсь к его губам своими. Он мне улыбается.

— Мне тоже жаль, — бубнит он.

Складываю ноги на его бедрах, подношу руки к его лицу и углубляю поцелуй. Он скользит рукой вверх по моей ноге под мой сарафан, положив руку мне на задницу и жестко сжав ее.

Я стону ему в рот, скользя по его языку своим. Оливер вызывает во мне эмоции, о существовании которых я не знала. Я девушка, которая плывет по течению, оставшаяся в живых, та, что любит жизнь. Похоронив свои эмоции, завуалировав их внешним видом, я хочу, чтобы люди видели, что я особенная. Но я не могу этого делать с Оливером. Я хочу, чтобы он видел меня, всю меня, даже уродливую. Он принимает все это и делает его лучше.

Рот Оливера движется вдоль линии челюсти, когда я делаю глубокий вдох.

— Нам следует выбросить якорь... и спуститься вниз, — мои слова беспокойны, а тело отчаянно.

Оливер усмехается, покусывая мочку моего уха.

— Блестящая идея.

Борясь с раскачиванием лодки, мы спускаемся по лестнице к кровати. Я стягиваю платье через голову и встречаю восхищенный взгляд, наблюдающий за мной. Я тянусь к завязкам на бикини.

Оливер качает головой, а я усмехаюсь. Он тянет за веревочки на бедрах сразу с обеих сторон, затем проделывает то же самое с верхом купальника. Я не оставляю ему ни секунды, чтобы посмотреть на меня. Одним прыжком я оказываюсь у него на руках, обернув ноги вокруг его талии.

Он делает два шага, и мы падаем на кровать. Подушки сбрасываются на пол, пока его жаждущий рот исследует мою грудь, и он стягивает шорты с бедер. Я опускаю руку, обхватывая его эрекцию. Он резко втягивает воздух, его рот замедляется, веки становятся тяжелыми, когда я начинаю поглаживать его.

— Оли, я люблю твое тело, — я смотрю вниз, наблюдая, как он делает небольшие толчки в мою руку. Его руки, пресс и ноги напряжены; сухие мышцы вздымаются при каждом движении. Я толкаю его спиной на кровать и сажусь верхом на его живот. — Ты красивый, — провожу руками по его груди. — Я знаю, тебе, вероятно, не нравится, когда тебя называют красивым... — я отвожу руку назад и продолжаю гладить его, — ... но ты такой и есть. Ты безупречный.

Его глаза опаляют меня, а челюсть сжимается, когда я отодвигаюсь назад и сажусь на него. Я делаю это медленно, дюйм за дюймом, пока он растягивает меня. Мои глаза закрываются от напряжения.

Он садится и захватывает мой рот, а наши тела двигаются в унисон. Я ищу удовольствие в его прикосновениях, так же как и жажду доставить удовольствие ему.

— О, боже! Секс с тобой... невероятный! — я посасываю его шею и тяну за волосы, пока не нахожу его губы снова и целую его, как будто это последний раз, когда мы целуемся.

Он стонет, но не говорит ни слова. Он выражается при помощи рук, сжимающих мою попу; бедер, которые толкаются в меня снова и снова; и губ, которые пожирают мою кожу. Я не гонюсь за оргазмом. Я наслаждаюсь этим сексуальным путешествием, сосредотачиваясь на том, как моя плоть ощущается на его плоти. Я не хочу, чтобы это когда-нибудь заканчивалось.

Оливер

Я увяз так глубоко с этой женщиной, что не знаю, как выбраться, и, если честно, мне плевать. Я мог бы утонуть в ней и умереть счастливым. Ее страсть затягивает меня в мир, который я никогда не знал. Думаю, это могут быть небеса.

— Ты уверена, что тебе нужно спать в своей собственной кровати сегодня? — спрашиваю я, провожая Вивьен до дверей.

— Алекс дома сегодня и мне нужно постирать. Последнее время я была отвлечена и отстала в некоторых делах, — она просовывает свои руки под мои, положив голову мне на грудь. — Ты можешь остаться со мной сегодня.

— Спать с тобой на твоей односпальной кровати? — я смеюсь.

— Спокойной ночи, красавчик, — она смотрит на меня с усмешкой.

Я рассматриваю ее — растрепанные ветром волосы, поцелованная солнцем кожа, и веснушки, которые я нахожу невинными, но все-таки невероятно сексуальными. Затем я не могу устоять, поэтому просто целую ее, пока не удостоверюсь, что она не может стоять на ногах. Я делаю это неумышленно, но каждый день я чувствую, что это происходит. Я принимаю все, что она дает мне, и однажды этого может быть слишком много.

— Спокойной ночи, Вивьен.

Она открывает дверь, затем оборачивается для еще одного поцелуя.

— Спасибо за сегодняшний день. Он был идеальным.

Я усмехаюсь и киваю.

Последнее время у меня появилась такая проблема. Усмешка на моем лице... она постоянная. Я дохожу до своей двери и оборачиваюсь. Вивьен и Алекс глазеют на меня в окно. Они отскакивают назад и закрывают шторы. Я качаю головой. Я бы многое отдал, чтобы услышать этот разговор сегодня!

Хватая стакан воды, я направляюсь вверх, в кровать. Я останавливаюсь и прикасаюсь рукой к двери. Позор, сожаление и так много боли спрятано за ней. Иногда я могу оправдывать это по-своему испорченным способом. Там находятся просто вещи, и я знаю, что они мне не нужны, и, вероятно, мне не стоит их хранить, но я не могу от них избавиться. Если Вивьен когда-нибудь выяснит, она не поймет. Рационально мыслящий человек никогда такого не делает, но я не рациональный... больше.

Я ни разу не открывал дверь с тех пор, как впервые ее запер. Сегодня — самое время. Вивьен сделала меня сильнее. Может, мне это все уже не надо. Поднимая кобальтовую вазу со столика в коридоре, я переворачиваю ее, и оттуда выпадает одинокий ключ. Открывая замок, я кладу голову на дверь. Боже, как это произошло? Как такая темнота прокралась в мою жизнь?

Я поворачиваю ручку, как будто нож в своем сердце; грохот в моей груди становится еще более болезненным с каждым поворотом. Дверь скрипит, когда я приоткрываю ее на дюйм. Закрываю глаза, даже одни ощущения практически невыносимы. Делаю один шаг внутрь — этого достаточно. Облокачиваюсь на стену сразу за дверью и сползаю на пол. Сила, которая, как я думал, у меня есть, исчезает. Подтягивая колени к груди, я сжимаю глаза еще сильнее, но все еще могу видеть все это. Ненависть поглотила любовь и это заставляет меня ненавидеть ее еще больше.

Несмотря на беспокойную ночь, которая отразится на моем состоянии через несколько часов, я просыпаюсь с восходом солнца и выполняю свои обычные дела по утрам. Завязывая шнурки на своих кожаных рабочих ботинках, я смеюсь сам с себя. Кто бы подумал, что я сменю костюм-тройки и распитие кофе в зале заседаний с партнерами фирмы на кожаные ботинки и рабочие перчатки?

Когда я открываю дверь, восьмичасовые мучения исчезают, как пробуждение от плохого сна. Вивьен сидит на ступеньках перед входной дверью, поставив локти на колени и опираясь подбородком на одну руку, а второй играя с несколькими длинными черными локонами.

Моя усмешка снова возвращается, и я чувствую себя невероятно. Она встает, ослепляя меня своей собственной идеальной улыбкой, перед тем как перебежать улицу и прыгнуть мне на руки. Я целую ее, еще раз принимая все, что могу, все, в чем нуждаюсь.

— Доброе утро, — она шепчет у моих губ.

— Теперь доброе, — я целую ее еще раз и опускаю, пока она не встанет на ноги. — Все постирала?

— Да, мамочка, — она заводит руку мне за спину и засовывает в задний карман, затем слегка толкает меня, чтобы я начал идти.

— Ты сегодня надела белье?

— Ты бы не хотел проверить? — она сжимает мою задницу.

— Лучше бы надела.

— Что ты собираешься делать, если нет? Отшлепаешь меня?

Я чуть не проглатываю язык. Она хочет, чтобы я отшлепал ее?

— Ух... я...

Она смотрит на меня, а я чувствую, как горит мое лицо. Уверен, она видит это тоже.

— Я шучу.

— «Бостон Крем» и данкачино? — я открываю ей дверь в «Данкс», желая сменить тему.

Она кивает, облизывая губы, затем сжимает их с такой соблазнительной улыбкой, что я могу воспламениться в чертовом магазине пончиков.

У нас есть десять минут, поэтому мы садимся, чтобы она могла, по крайней мере, съесть пончик до того, как сядем в метро.

— Черный кофе без пончика? Как скучно, Оли, — она проводит языком по шоколадной глазури.

— Я ел в пять утра сегодня.

— Не могу поверить, что ты наблюдаешь за восходом солнца каждое утро. А это было почти три часа назад. Разве ты не голоден снова? — она вставляет палец в отверстие с начинкой.

Я провожу рукой по волосам, затем потираю лицо, испуская разочарованное рычание.

— Просто ешь этот чертов пончик, Вивьен!

Она слизывает крем с пальца.

— Немного раздражителен сегодня?

Я начинаю ерзать на стуле, но ее голая ступня проскальзывает между моих ног, и я останавливаюсь, похолодев.

— Вивьен... — я оглядываюсь вокруг, чтобы убедиться, что на нас никто не смотрит.

Она не останавливается. Не сводит с меня глаз, продолжая демонстрировать свою версию завтрака, категории «18+».

Я хватаю ее ступню.

— Надень обратно свои туфли.

Сжимая пальцами мою промежность, она качает головой и вытягивает палец изо рта.

— Неа, — говорит она.

— Я серьезно.

— Оли, ты хочешь отшлепать меня?

— Что?

Ее нога гладит меня.

— Ты казался... возбужденным, когда я пошутила об этом.

Ради Бога, женщина, ты действительно сидишь здесь, пытаешься заставить меня кончить посреди «Данкин Донатс», пока спрашиваешь, хочу ли я отшлепать тебя!

— Я ... не... предавал этому... большое... значение.

Боже, я не могу думать. Я твердый как сталь, и пытаюсь найти какое-то самообладание, но не могу. Вместо этого, своей рукой направляю ее ногу. Где-то между мыслями об облизывании глазури с ее сисек и моими воспоминаниями о том, как она слизывала ее с моего члена, мне удается выдавить несколько разумных мыслей. Что я скажу своей семье, когда им позвонят, чтобы внести за меня залог в тюрьме, так как меня арестовали за непристойное и неприличное поведение?

Она пожимает плечами.

— Хорошо. Ну, Алекс и ее парень Шон, собираются провести эти выходные на Кейп-Код[45]. У его родителей там дом для отдыха. Алекс спросила, хочу ли я поехать и она пригласила тебя тоже, — ее нога продолжает подводить меня так близко к извержению, что я едва могу ее слышать. Вивьен, тем не менее, продолжает, есть свой пончик, и потягивать кофе, как будто под столом ничего не происходит. — Кай со своей девушкой тоже едут.

Не уверен, смог бы я говорить, если бы захотел. Просто держать глаза открытыми становится невероятной задачей. Мой мозг усердно пытается понять то, что она только что сказала. Я думаю, что-то о члене... или, может, это был код, Кейп-Код и Кай?

— Я знаю, что осталось не много времени, и это время года загружено у вас с Ченсом, но, может, ты мог бы узнать у него, сможешь ли освободиться на эти выходные.

Я сжимаю руки: одну вокруг чашки с кофе, а другую — вокруг ее стопы. Я тяжело сглатываю, так как каждый последующий вздох становится тяжелее предыдущего.

— Так что, Оли? — она обсасывает остатки глазури с пальца, то погружая, то вытягивая его изо рта.

— Думаешь, ты можешь освободиться?

— Дерьмо! — кричу я сквозь стиснутые зубы, когда сжимаю чашку с кофе, разбрызгивая повсюду горячую жидкость, и то же самое делает мой член в штанах.

Мы вдвоем подскакиваем на ноги, когда люди вокруг нас шепчутся и таращат глаза.

— О, боже, сэр! — одна из работниц спешит к нам с полотенцем. — С вами все в порядке? — она быстро вытирает стол.

— Нет... эм, простите, — я поднимаю глаза на Вивьен. Она изо всех сил старается скрыть свою садистскую улыбку. Я хватаю ее за руку и тащу на улицу. Она задыхается, когда я прижимаю ее всем телом к боковой стороне здания. — Насладилась? — я пытаюсь контролировать свой гнев вызванный унижением.

Она не отвечает. Широко раскрытые зеленые глаза смотрят на меня, не моргая.

— Ну, ответ на твой вопрос — «да». Я так чертовски сильно хочу тебя отшлепать прямо сейчас, и я никогда раньше не хотел никого отшлепать, — я говорю возле ее уха. — Поэтому, поздравляю, ты будешь у меня первой, — шепчу, уходя без нее и не оглядываясь.

Глава 11

Я и мой доминант

Вивьен

Просто обычное утро понедельника. Алекс пригласила меня и моего доминанта на Кейп-Код на этих выходных. Как обычно я завтракала пончиком и кофе. Затем я опоздала на работу на пятнадцать минут, потому что мой Дом угрожал — зачеркните это — он пообещал, что отшлепает меня, тем самым вынуждая прятаться от него, как ребенку и сесть на следующий поезд метро.

Я: Тебя когда-нибудь шлепали?

Алекс: Да, мои родители были сторонниками того, что «пожалеешь розгу — испортишь ребенка».

Я: Не то, что я имею в виду.

Алекс: Не улавливаю...

Я: Шон когда-нибудь шлепал тебя... в постели.

Алекс: Эм... НЕТ!

Я: Ладно, просто поинтересовалась. Хорошего дня!

Алекс: Даже, черт побери, не думай! Оливер шлепал тебя?!

Я: Нет... пока нет.

Алекс: ?

Я: Просто сегодня утром в «ДД» произошел инцидент, включающий в себя пончики, кофе и поглаживание члена. Короче говоря, все это не закончилось хорошо. Объясню позже, пока!

Алекс: Мой шаловливый маленький Цветочек! Не могу дождаться!

Я даже не знаю, кто тот парень, который был сегодня утром. Мой Оли сексуальный с пряным вкусом и сладким послевкусием. Парень, который прижал меня к стене этим утром, был стопроцентным перцем хабанеро на стероидах.

— И как твой новый парень? — спрашивает Мэгги, подготавливая особый коричневый пакет, который сегодня разделят.

— Горячий, он очень-очень горячий.

— Звучит так, будто ты им полностью поглощена. Все время, когда он здесь, кажется, что он самый милый молодой человек, настоящий джентльмен. Я думаю, ты определенно выбрала лучшего из двоих мальчиков Конрад, — она мурлычет как пума, с которой она у меня всегда ассоциировалась. Не уверена, что джентльмены, которых она упоминает, все еще существуют. У каждого человека

есть предел прочности, и я нашла его у Оливера этим утром. Он сел на первый поезд без меня и не звонил или писал мне с тех пор. Уверена, он думает то же самое обо мне. Вероятно, именно мне следует первой написать ему; извинение будет подходящим вариантом в данном случае.

Я: Ты обжегся кофе утром?

Я решаю подойти к вопросу последовательно, показав участие в его самочувствии, перед тем как вдаваться в детали, так сказать, попробовать воду.

Оливер: Нет.

Не тот ответ, которого я ожидала.

Я: Мне жаль, похоже, я должна тебе еще одну новую футболку.

Я жду, но не получаю ответа. Он зол, в этом я уверена. Я заканчиваю поливать растения на улице, затем снова проверяю телефон.

Ничего.

Я: Ответ «да» был только относительно «отшлепать» или касался выходных тоже?

Я мешкаю мгновение, а затем нажимаю «отправить».

Оливер: И то, и другое.

Что мне на это сказать? Он собирается ехать, что, безусловно, волнует меня, а как насчет другой части?

Я: Первое произойдет перед вторым?

Оливер: Ты не захочешь знать.

Дерьмо!

Я: Пожалуйста, за оргазм.

— Так что произошло? — Алекс выпытывает у меня, как только я захожу в дверь.

— Я тоже очень рада тебя видеть. Как прошел день?

— У меня нет на это времени. Я встречаюсь с Шоном, чтобы поужинать и позаниматься, поэтому колись.

Я пью воду, в то время как Алекс запрыгивает на кухонный стол.

— Я вроде как заставила его кончить в «Данкин Донатс» сегодня утром, а он разбил свою чашку с кофе, когда... освободился. Я думаю, он был немного смущен, а по пути туда возник разговор о «шлепках», но только в шутку... я думаю. В любом случае после происшествия с кофе, он сказал, что планирует отшлепать меня и это последний раз, когда я его видела.

— О, мой Бог, он был серьезен?

Я пожимаю плечами и допиваю воду.

— Не знаю, я имею в виду, возможно. Он выглядел действительно рассерженным; я даже не узнала его голос, когда он говорил это. До этого момента, он был застенчивого сексуального типа, но сегодня утром... я почти ощущала, как металлические наручники врезаются в мои запястья, и слышала шлепок его руки о мою голую задницу. Он был настолько серьезен.

Алекс жует свои ногти.

— Вау, Цветочек, просто... вау! Я имею в виду, ты прыгнула в сексуальный бассейн с Оливером и сразу в глубокую его часть. Тонуть или плыть, что ты собираешься делать?

— Я не знаю. Он не сделает мне больно, я знаю это. Но меня не воспитывали так, как тебя. Меня

никогда не били. Черт, я не думаю, что меня когда-нибудь ставили в угол. Хотя это не имеет отношения к боли. Я имела дело с болью, которая намного хуже, чем просто получить по заднице. Я думаю, что дело в унижении. Я имею в виду, разве это не унижительно?

Алекс спрыгивает со столешницы.

— Я слышала, что дело в доминировании. Некоторые мужчины считают, что им необходимо таким образом утвердиться, а другие делают это потому, что думают, что женщин заводит контроль сильного мужчины. Так же присутствует фактор ролевой игры. Мужчины угрожают отшлепать, женщины намеренно неповинуются им, чтобы их фактически отшлепали. Лично я предпочитаю быть доминирующей стороной. Может, мне следует начать шлепать Шона по заднице. Бог знает, он этого заслуживает.

— Ну, я этого не заслуживаю и чертовски уверена, что не играла с ним в ролевую игру.

— Цветочек, ты приставала к нему в долбаном «Данкин Донатс», а затем он разлил весь кофе на себя из-за этого. Черт побери, даже у меня есть искушение отшлепать тебя за это, — она хватается свою сумку и открывает входную дверь. — Делай то, что я делала раньше. Прими это как «мужик» и двигайся дальше. Кстати, ты едешь на выходных?

— Да, мой Дом и я будем там, — киваю я.

— Спокойной ночи, Цветочек, — смеется Алекс.

— Спокойной ночи.

Если бы не было инцидента с кофе, я бы уже стучалась в дверь к Оливеру, чтобы увидеть его. Я не боюсь просить прощения, я боюсь получить отказ. Несмотря на всю уверенность, которую вселил в меня Оливер, и все страхи, которые он забрал, все еще сохранились остатки небезопасности, имеющие свою собственную память, что, возможно, никогда не уйдет.

Его, вероятно, нет дома. Его машина припаркована перед входом, но он ездит на метро и ходит пешком, поэтому я не могу полагаться на его машину в определении его местоположения. Я могу подбежать к его двери и выломать ее или могу взять вязание и выбросить белый флаг со ступенек у входа. Если он дома, это заставит его выйти, если нет, ну, по крайней мере, я кое-что сделаю.

К восьми часам моя задница онемела, и я подумываю о том, чтобы распустить варежки и начать заново. С тех пор, как я повстречала Оливера, работа превратилась в ночной кошмар. Я пропустила слишком много петель и не оставила отверстия для большого пальца. Я могла бы их оставить себе. В любом случае, в очень холодные дни я засовываю его вместе с остальными пальцами.

Как раз когда я начинаю вставать, думая, что мой белый флаг проигнорировали, подъезжает Ченс и высаживает Оливера. Перед отъездом он машет мне рукой и улыбается грязной знающей улыбкой, вызывая появление мурашек на коже.

Оливер не смотрит в моем направлении. Наоборот, он, спотыкаясь, поднимается по ступенькам к своей квартире. Он все еще одет в рабочую одежду с пятнами кофе на ней и, кажется, он пьян.

Отличный способ начать неделю.

Я наблюдаю, как он безуспешно пытается вставить ключ в замочную скважину, извергая несколько ругательств. Мой мозг твердит мне зайти в дом и позволить ему самому справляться со своими проблемами, но мое сердце не слушает.

— Дай мне свой ключ, — я выхватываю его из неуклюжих рук Оливера.

— Виин-вьен... я скучал по тебе... сегодня, — я пытаюсь не засмеяться, но то, как он невнятно произносит слова и в то же самое время пытается быть сексуальным — это мило, смешно и очень забавно.

Я открываю дверь, и он обнимает меня рукой за плечи, когда я помогаю ему зайти.

— Ты пахнешь как грязь и пиво.

— Да? — спрашивает он с недоверием.

Я смеюсь. Пьяный Оливер игривый.

— Да. Поднимайся по лестнице.

Мы идем, шатаясь между перилами и стеной.

— Виин-вьен?

— Да?

— Я кончил... так сильно... в кафе.

Я сжимаю губы, чтобы сдержать смех.

— Да, я знаю, — толкаю его рядом с умывальником, чтобы он мог облокотиться на что-то, пока я включаю воду в душе.

— Я бы хотел трахнуть тебя... в душе. Мы еще не делали... так.

Сосредоточься, Вив!

Как его пьяные слова могут звучать так соблазнительно? Я поворачиваюсь и осознаю, что он уже это делает, только глазами. Я полностью одета, но все же он раздел меня. Когда он нащупывает пуговицу и молнию на джинсах, я вижу доказательство того, что мысленно он сделал больше, чем просто снял с меня одежду.

— Дай, — я отталкиваю его руки от его штанов и стягиваю рубашку через голову, затем присаживаюсь, чтобы снять ботинки и носки.

— Ты знаешь... в скольких позициях... я имел тебя... мысленно?

Не могу сдержать смех. Парень, который во время секса молчалив, делится со мной своими нецензурными мыслями. Если бы только Мэгги могла слышать моего «джентльмена» сейчас. Не уверена, стоит ли мне его только слушать или можно выпытать все его секреты, включая тот проклятый, который находится за закрытой на ключ дверью в коридоре.

— Ну-ну, мистер Конрад, вы сегодня определенно болтливы, — я стягиваю вниз его трусы.

— Я могу подумать о других вещах... — он хватает меня за задницу и дергает меня к своему оголенному телу. — Я бы лучше сделал это... — его веки тяжелые, — ...своим ртом.

— Да, ну, как бы заманчиво это не звучало... — и о, боже, ничто не звучало так заманчиво. — ...я думаю, нам нужно сначала тебя помыть.

— Да, нам нужно, — он толкает меня в душ.

— Оли! Моя одежда!

— Сними ее, — он нападает на мою шею и шупает мою грудь через мокрую футболку. — Затем наклонись. Я возьму тебя сзади.

Даже в пьяном состоянии у него есть влияние, чтобы заставить мое тело покраснеть целиком.

Оливер Конрад — соблазнительный придурок. Я спихиваю его руки и давлу на грудь, пока он не спотыкается, приземлившись на угловое сидение большой душевой кабины, облицованной кафелем.

— Просто веди себя хорошо минутку, ладно? — я намыливаю руки и мою ему голову, затем

опускаюсь по его телу, делая все быстро. Скольжу руками вниз по его ногам.

— Ты что-то забыла? — он ухмыляется, хватая мою руку и передвигая ее к своей эрекции.

Я качаю головой и скольжу мыльной рукой по нему вверх один раз, а затем опускаю ниже по ногам.

— Ох, конечно, сейчас ты не хочешь гладить мой член. Тебе нравится это делать только тогда, когда у нас есть зрители, а?

Я улыбаюсь, чувствуя, как снова зарождается смех.

— Ты думаешь, это весело? — он смеется, что делает весь наш разговор еще более веселым

— Я думаю, ты очаровательный пьяница, — я беру насадку душа и ополаскиваю его.

Он хватается мою руку и направляет душ на мою промежность.

— Ты делаешь так себе дома? Тебе нравится, как он вибрирует на твоей киске?

Смехотворно! О боже, Оливер вынудит меня пописать прямо в душе, и с моей удачей, он обязательно наступит в это, сейчас нет ничего, чтобы он сказал или сделал, что шокировало бы меня. Когда он поднимает на меня взгляд, я приподнимаю бровь, так как мне интересно, когда он осознает, что душ, прижатый к промежности моих шорт из толстого материала, не производит на меня никакого действия.

Запертая дверь в коридоре находится на вершине моего списка любопытства, но пока действует это «сыворотка правды» мне нужен честный ответ на еще один вопрос. Я массирую ногтями его голову, когда он поднимает на меня взгляд.

— Что ты на самом деле подумал о моей спине, когда я впервые тебе ее показала?

Он смотрит мне в глаза и улыбается.

— Я подумал, что ты была подарком, извинением от Бога.

Признаюсь, что была неправа. Он только что шокировал меня.

Я не уверена в том, что это было, но знаю, что он только что открыл огромную часть своего прошлого мне. Тем не менее, его загадка слишком запутанная, чтобы выяснить, что это все означает на самом деле.

— Я промокла, — я брызгаю ему в лицо. — Давай выбираться отсюда, — закрывая воду, отжимаю волосы, затем хватаю полотенце.

— Ты сегодня дразнишь мой член, — он качает головой, вставая на ноги.

Я бросаю полотенце ему в грудь, затем беру себе еще одно. Он не вытирается. Вместо этого он оборачивает его вокруг головы. Честно признаюсь, никогда не видела, чтобы парни делали так. Вода блестит на его теле, и я чувствую, как мои соски упираются в кружевной бюстгальтер под мокрой футболкой. Что я нахожу привлекательным в парне? Оливер. Его имя теперь стало синонимом словам красивый, рассудительный, веселый и жгуче сексуальный. Он является официальным пределом совершенства для всех остальных мужчин.

Он немного покачивается, затем делает несколько неуверенных шагов мимо меня. Я смотрю на его упругую голую задницу и не могу сдержаться.

Шлепок!

Он замирает, даже не поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня.

— Ты. Только. Что. Не. Шлепнула. Меня.

Я открываю рот, затем закрываю его. Мое лицо искривляется в нервной гримасе.

— Я... я не шлепнула тебя. Я... просто похлопала тебя по попе.

— Ты шлепнула меня.

— Это был игривый... шлепок.

— Это был шлепок.

— Шлепок — это когда перекидывают через колено и бьют по заднице. Это было... я не знаю, как... «дать пять» твоей попе, как спортсмены делают друг другу.

Он поворачивается, и я вижу, как в его глазах пляшут озорные чертики. Когда он подступает ближе, я смотрю налево, затем направо, чтобы оценить ситуацию и спланировать план побега. Я замечаю, что он все еще слегка покачивается. Его опьяненное тело должно дать мне небольшое преимущество. Я делаю обманное движение вправо, затем иду налево в спальню и направляюсь к двери. Сначала он таранит стену, затем делает выпад в мою сторону, когда я поворачиваю за угол.

БАМ!

— Черт побери!

Я поворачиваюсь.

— Оли! Вот дерьмо, ох, нет... — он на полу, а по лицу стекает кровь. — Что случилось? — я беру полотенце, спадающее с его головы и прикладываю к ране возле глаза.

— Я споткнулся и ударился об угол черного комода!

— Выглядит плохо, думаю, тебе понадобится наложить швы.

— Нет, дерьмо!

Я не одобряю его отношения, но, учитывая обстоятельства, просто не обращаю внимания.

— Ох... держи это у своей головы, пока я не найду тебе что-нибудь надеть, — я бегу в его гардеробную и хватаю первые попавшиеся вещи. Одевать Оливера трясущимися руками, учитывая, что ему недостает координации, и кровь, что течет из раны — это можно назвать испытанием.

Я помогаю ему спуститься вниз по ступенькам.

— Мне так жаль, Оли.

— Возьми мои ключи.

Я помогаю ему выйти за дверь и спуститься по ступенькам на улице. Он тащится на сторону водителя.

— Оливер, ты не поведешь.

— Ну, и ты тоже.

Я открываю пассажирскую дверь и качаю его ключом.

— Поведу. А теперь усаживайся!

Он падает на сиденье, проявляя больше координации, чем я ожидала. Должно быть, алкоголь испаряется. Я проскальзываю на водительское место и пристегиваюсь.

— Ааах... ты мокрая! Мои кожаные сиденья!

Я смотрю на него.

— Серьезно, Оли? Ты пьяный, а кровь все еще течет по твоему лицу, но ты волнуешься о кожаных сиденьях?

Я выезжаю на улицу, и он хватается за подлокотник свободной рукой.

Возможно, я говорила, что вожу машину, как маньяк.

— Притормози!

— Успокойся.

— Я серьезно.

Я ускоряюсь и захожу в поворот на значительно большей скорости, чем нужно.

— Господи! Притормози!

— Остынь, Оли. Я сдала вождение на «отлично».

Оливер

Вивьен опасна для моего здоровья. На ней должен быть огромный предупреждающий знак и список побочных эффектов. Я думал, что мы все втроём погибнем по пути в больницу — она, я и моя машина. Гонщики по сравнению с Вивьен как «Шофёр мисс Дейзи»[46].

Мой пьяный мозг постепенно начинал гудеть, но достаточно, чтобы чувствовать себя немного энергичнее.

— Я думаю, восемь швов будет достаточно, — врач неотложной помощи заканчивает зашивать мою голову, спрашивая: — Как это произошло?

— Она шлепнула меня, пока я был голый, а затем я упал на угол комода.

Доктор улыбается. Он явно забавляется моим комментарием. Вивьен... не очень.

— О, боже! Я... — ее глаза округляются, а челюсть падает на пол. — Он шутит... все было не так.

Как говорится, если бы взгляд мог убивать... да, я был бы уже мертв.

Доктор поворачивается и усмехается Вивьен.

— На улице дождь?

Она смотрит вниз на свою мокрую одежду и берет несколько прядей мокрых волос.

— Эм... нет...

— Она даже не могла дождаться, чтобы снять одежду перед тем, как прыгнуть со мной в душ.

Еще один убийственный взгляд.

— Я буду в комнате ожидания! — обижается она.

— Ты не тот сын, которого я ожидал увидеть в комнате неотложной помощи, — мой отец входит в комнату.

— Эй, а как ты узнал, что я здесь?

Он подходит ближе и смотрит на мое рассечение, качая головой.

— Я указан как человек, которому нужно звонить, если с тобой что-то случится, и так как это не несчастный случай, они просто проявили профессиональную этику. Как это произошло?

Доктор усмехается. Уверен, он ждет, дам ли я такое же пояснение своему отцу.

— Слишком много выпил с Ченсом сегодня. Упал лицом на угол комода.

— Ты не думаешь, что слишком стар, чтобы проводить вечера понедельника в баре?

— Вероятно. Что я могу сказать... был тяжелый день. Ты закончил работу?

— Только вышел из операционной, поэтому, да, я направляюсь домой. Тебя нужно подвезти?

— Я на машине, — я сползаю со стола.

— Ты не в том состоянии, чтобы садиться за руль.

Я указываю на комнату ожидания.

— Вивьен здесь.

— О, да, ну. Я поздороваюсь, прежде чем уйти.

Я следую за ним, понимая, что превосходство, которое у меня было десять минут назад, быстро

ускользает.

— Вивьен!

Она стоит со смесью усмешки и гримасы на лице.

— Мистер Конрад.

— Пожалуйста, называй меня Хью, — он пожимает ее руку, что довольно необычно для него. У меня такое ощущение, что если бы сегодня были команды, то он был бы в команде Вивьен.

Он отстраняется, осматривая ее.

— На улице идет дождь?

Она закатывает глаза, затем смотрит на меня, сжав челюсть.

— Нет, это побочный эффект заботы о вашем пьяном сыне, — ее губы изгибаются в улыбке «видишь, как это чувствовать себя, как будто тебя бросили под автобус».

Папа поворачивается, смотря на меня широко раскрытыми глазами. Я пожимаю плечами.

— Ну, спасибо за заботу о нем. Убедись, что он относится к тебе должным образом.

Теперь моя очередь закатывать глаза. Если бы он только знал, через что эта женщина заставила меня пройти сегодня.

— Ох, конечно, — она улыбается.

Папа хлопает меня по плечу.

— Выглядит так, будто ты в хороших руках.

Он бы так не говорил, если бы она повезла его домой.

— Угу, да. Увидимся, па.

Вивьен опять трясет ключом.

— Поедем?

Мы добрались назад за рекордное время, скрежет тормозов и шепот моих отчаянных молитв были единственными звуками разрезающими тишину.

Она бросает ключи на столешницу.

— Эм... итак, тебе что-нибудь еще нужно перед тем, как я пойду домой?

Я усмехаюсь и смотрю на нее, и мне нравится, как она испытывает неловкость от этого. Она беспокойная, неуверенная, куда смотреть и что делать с руками.

— Собственно говоря, есть еще одна вещь, которая мне нужна, — я подхожу ближе, заставляя ее придвинуться спиной к стене.

Она бросает быстрый взгляд на меня и сглатывает.

— Что это? — пищит она.

Я снимаю ее влажную футболку, и мой член становится твердым как цемент, когда вижу ее упругие соски, прижатые к красному кружеву. Ее шорты следующие. Я люблю наблюдать, как ее грудь поднимается и опускается подобно сильной волне, когда полные красные губы раскрыты, а мягкие глаза смотрят на меня, стоящего на коленях. Прижимаясь носом к соответствующим кружевным трусикам, я вдыхаю ее аромат и улыбаюсь, когда слышу, как сбивается ее дыхание.

Рядом с ней я не узнаю себя. Мысли и желания, которые я подавлял, вырываются на волю, и я больше не могу их игнорировать. Хватая ее за бедра, я впиваюсь зубами в резинку ее трусиков и стягиваю их вниз по ногам.

Она хватается меня за волосы руками.

— Оли... твоя голова...

— В порядке.

Я поглощаю ее. Она является противоядием моему прошлому. Раскрывая ее, я беру всё до тех пор, пока стена и мои руки на ее бедрах не остаются единственным, что ее держит. Она выкрикивает мое имя снова и снова, отчаянные слова переходят в мягкое хныканье, которое доносится до моих ушей, когда ее сладкий вкус проникает в мой рот.

Затем я снимаю свою одежду, разворачиваю ее, прижав ее руки к стене... и беру еще.

И вот я здесь, снова. Солнце появляется над горизонтом и, несмотря на унижение, горячий кофе, грозящий сжечь мои яички, мою чрезмерную интоксикацию алкоголем, рассечение на голове и практически смертельную поездку в больницу... я жив. Тем не менее, моя голова хочет, чтобы всё было иначе. Это всего лишь тупая травма головы, но этого достаточно, чтобы похмелье ощущалось как работа отбойного молотка в мозгу.

— Эй, — слышится сонный шепот за моей спиной. Вивьен шурится, волосы спутанные и, кажется, объявили сами себе войну.

Одега лишь в мою футболку, она поднимает стройную ножку и садится на меня, растянувшегося на шезлонге, верхом. Ее губы трутся о разноцветный край моего глаза и защитой кожи.

— Мне жаль.

— У тебя есть татуировка, а я лицо со шрамом. Мы по-настоящему потрясная парочка.

Она так улыбается, что, кажется ярче солнца.

— Ты рано встала, — я трусь своим носом об ее.

— Мне было одиноко в постели.

Я усмехаюсь, а затем морщусь, так как это делает пульсацию в моей голове еще сильнее.

— Я сомневаюсь. У тебя есть привычка красть одеяло и вытеснять меня из моей же кровати.

Она целует меня в лоб и нежно трет кругами мои виски.

— Думаю, ты преувеличиваешь.

Я скольжу руками вверх по ее бедрам.

— На самом деле, нет, но ничего страшного. Мне нравится видеть твое обнаженное тело, растянувшееся на моей кровати, даже если это вид с пола.

Она качает головой.

— Я собираюсь домой. Мне нужно принять душ и сухая одежда.

Еще одна гримаса искажает мое лицо, когда я пытаюсь улыбнуться.

— Ты принял что-нибудь от боли?

— Я принял тебя у стены вчера вечером и еще два раза в постели.

— Секс? Действительно? Это твое обезболивающее?

Я скольжу руками по ее животу к голой груди.

— Да, и действие последней дозы заканчивается.

— Мне нужно подготовиться к работе, — она трется об меня, доказывая, что ее тело не согласно с ее словами.

— Я быстро, — скольжу большим пальцем вниз между ее ног и делаю круговые движения по

чувствительной влажной коже.

— Но люди могут нас увидеть, — она закрывает глаза, и я знаю, что она придумывает всякие отговорки, которые не изменяют того, что происходит.

— Это не остановило тебя вчера.

Она сдается. Ее губы обрушиваются на мои, когда она толкается в меня своими бедрами.

— Мм-мой телефон, — она вырывается и слазит с меня.

Тянусь к ней, но она быстрее. Я вздыхаю.

— Ты слышала о голосовой почте? Ты работаешь по вызову или что?

— Никто не звонит мне так рано, если не произошло что-то серьезное.

Выходит, что поднявшийся пенис не расценивается ею как что-то серьезное.

— Мне нужно идти, — она быстро целует меня в щеку.

— Тпру, подожди! Куда ты собралась?

— Я нужна Каю.

Я борюсь с барабанной дробью у себя в голове, встаю и иду за ней.

— Кай, который твой бывший парень?

— Который мой лучший друг, — она хватает свою скомканную мокрую одежду с пола рядом с дверью.

— Он болен или у него проблемы?

— В какой-то мере болен.

— Не понимаю.

Она открывает входную дверь.

— Кейт, его девушка, оставила его.

— Ты же не серьезно, это не может быть экстренной ситуацией?

— Не будь таким бесчувственным. Увидимся после работы.

— Подожди! Ты не пойдешь по улице, одетая только в мою футболку.

— Остынь, Оли! У меня есть платья, которые открывают больше от моих ног, чем у меня открыто сейчас, — она шлет мне воздушный поцелуй и закрывает дверь.

Мне не нужно было этого знать.

Глава 12

Трое — это компания

Вивьен

Я ненавижу оставлять Оливера, особенно когда мы собирались заняться сексом. Я люблю секс с Оли.

Если бы у меня была машина, то я приклеила бы наклейку на бампер, которая бы гласила это.

Может, мне следует сделать такое тату. А может, и нет. И снова-таки, а если это все не из-за Оли?

Что если я просто люблю секс? Я имею в виду, существует же зависимость от секса. Может, у меня как раз такой случай? Как бы мне узнать?

Я спускаюсь на носочках по парадной лестнице босыми ногами и останавливаюсь, когда поднимаю взгляд. На противоположной стороне улицы Кай сидит на ступеньках.

— Я сказала, что приду к тебе, — я останавливаюсь внизу лестницы перед ним.

Его глаза следуют по всей длине моего тела.

— Ты также сказала, что ты дома.

— Нет, я сказала, что собираюсь принять душ.

Кай сжимает челюсть, глядя на меня темными глазами.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты не отдала ему свою...

— Мою что? Девственность?

Кай не отвечает.

— Это не твое дело, — я иду вверх по ступенькам мимо него к двери. — Кейт выгнала тебя из твоего собственного дома? Ты поэтому здесь вместо того, чтобы ждать, когда я приду к тебе?

— Нет, она ушла два дня назад, — он следует за мной в дом и закрывает за собой дверь.

Я разворачиваюсь.

— Что за черт? Тогда почему ты мне звонишь в полшестого утра весь такой обозленный и обезумевший, будто она буквально только что разорвала отношения с тобой?

— Ты провела ночь в его доме? Это его футболка?

Я качаю головой.

— О ч-чем ты говоришь? Почему ты спрашиваешь меня об этом? Я думала тебе нужно срочно меня увидеть.

— Просто ответь на вопрос!

— Какой вопрос? — я так сбита с толку. Предполагалось, что мы будем говорить о Кейт, но он ни разу не упомянул ее имени.

— Ты спала с ним?

— Да! Господи, почему тебя это волнует?

Он ходит по комнате.

— Я не хочу, чтобы тебе сделали больно.

Скрещивая руки на груди, я смеюсь.

— Ты видишь иронию в том, что именно ты говоришь мне об этом, верно?

— Боже! Мне жаль, я все испортил. Что еще я могу сказать? Что еще могу сделать?

— Ничего! В том то и дело. Я не ожидаю, что ты будешь что-то делать. Я не прошу тебя извиняться.

Но не проси меня провести всю оставшуюся жизнь, уверяя тебя в том, что все в порядке. Я в порядке. Я двигаюсь дальше, и тебе следует делать то же самое.

— Вив...

— Не Вивкай мне. А теперь, хочешь ли ты поговорить о Кейт?

Он качает головой.

— Иди домой, Кай. Мне нужно собираться на работу.

Когда мой отец был слишком занят на работе, Кай учил меня ездить на велосипеде без тренировочных колес. Он жил на четыре дома дальше от меня, и вполне уверена, что я полюбила его с того самого момента, когда он разломил свой виноградный двойной фруктовый лед и дал мне, после моего первого падения с двухколесного велосипеда. Мы были неразлучны. Я играла с ним в «ниндзя», а он со мной в «дочки-матери». Мой первый поцелуй был с ним, а его — со мной. Нам было по семь лет, и наши мамы заставили нас поцеловаться для фотографии на день Святого Валентина, но это все равно считалось. Я хотела быть у Кая первой во всем, и чтобы он был первым во всем у меня.

Я: Прости, что сбежала так рано. Я **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** хотела остаться

Оли: Ланч?

Я: Не могу, Мэгги сегодня нет.

Оли: Ты одна?

Я: Только я и конопля.

Оли: Что?

Я: В медицинских целях, конечно же.

Оли: Смешно.

Я: Да?

Оли: Увидимся через час.

Я: !!!!!

— Пришлось взять своего кореша. Нам нужно будет перенести свой полуденный перепихон. Прости, Вив, — Ченс заходит первым, неся коробку с пиццей.

Я развязываю свой зеленый фартук и подмигиваю, проходя мимо него и направляясь прямо в руки Оливера. Он обнимает меня и поднимает, оставляя долгий громкий поцелуй на моих губах.

— Привет.

— Привет, — усмехается он.

Я целую по очереди ямочки на его щеках.

— Что ты делаешь?

— Целую твои восхитительные ямочки.

Он качает головой и опускает меня.

— Не ямочки.

Я скольжу руками в задние карманы его штанов.

— Оли, ты считаешь мои веснушки, ради Бога. Я думаю, это дает мне право целовать и сходить с ума от твоих ямочек.

— Оли? — Ченс поворачивается с громадной ухмылкой. — Ты позволяешь ей называть себя Оли?

— Заткнись!

Мой взгляд мечется между ними двумя. Оливер хмурится с сердитым видом, предупреждая, в то время как Ченс притворяется невинным и улыбается, показывая при этом одну ямочку.

— Мне кто-нибудь объяснит, в чем здесь проблема? Оли — это общепринятое сокращение имени Оливер.

Ченс переводит на меня взгляд.

— Первая девушка Оливера, когда ему было... Сколько тебе было? Девять? Десять?

Оливер продолжает смотреть на него.

— Неважно, ее звали Молли. Оли и Молли, сидят на дереве[47]...

Оливер начинает сокращать расстояние между ними, сжав руки в кулаки.

Ченс поднимает руки.

— Ладно, ладно... Я отвлекаюсь, должен сказать, что дерево все еще растет на заднем дворе у наших родителей с инициалами «О+М», обведенными сердцем, которые вырезаны на коре. Моли разбила ему сердце, неделей позже, оставив его ради Томми, который был на год старше и, по ее словам, «вырос из своего мальчишеского имени и теперь назывался Томасом». В этот день Оли стал

Оливером и угрожал избить любого, кто когда-либо пытался назвать его Оли снова.

— Это правда? — смеюсь я.

Оливер смотрит на меня и кивает один раз.

— По моему мнению... — высказывается Ченс, — ... ты, должно быть, обладаешь какой-то магической киской, если он позволяет тебе называть его Оли.

— Заткнись. Ты такой грубый.

Мысленно, я покатываюсь со смеху, держась за живот. После прошедшей ночи, я знаю, что у обоих мальчиков Конрад в голове бродят грязные мысли. Единственное различие в том, что Оливер более утонченный, проявляя сдержанность и фильтруя свои мысли перед тем, как они достигают рта — если только он не пьян.

Ченс складывает свой кусок пиццы пополам и засовывает половину в рот.

— Так ты освободился на эти выходные? — я выбираю черную маслину со своего куска пиццы.

Они оба смотря на меня в недоумении.

— Кейп-Код? На этих выходных? Алекс и Шон пригласили нас поехать с ними?

Оливер медленно пережевывает, прищурившись.

— Я спрашивала тебя вчера в «Данкс».

Ченс давится пиццей. Оливер качает головой и закатывает глаза. Я вижу то, что не должна была услышать.

— Ты рассказал ему?

Оливер качает головой, проглатывая то, что у него во рту. Ченс хихикает, отказываясь смотреть мне в глаза.

— Ты сказал ему!

— Нет, не говорил. Я только сказал, что разлил кофе, вот и все. Я клянусь. Я не знаю, почему он ведет себя как тупоголовый, который знает что-то, чего на самом деле не знает.

Я смотрю на Ченса, он поднимает палец, проглатывая.

— Это правда. Когда он показался на работе, он сказал, что облился кофе.

Оливер распрямляет плечи и смотрит округлившимися глазами «я же тебе говорил».

— Но... он поделился со мной другой более интересной историей после четвертого пива прошлым вечером, — Ченс шевелит бровями, а я хочу умереть.

Теперь давится Оливер.

— Я... нет!

— Да-да, братец. И я подозреваю, что ты урезал эту историю, но оставим ее на следующий раз, когда будем пить пиво. Кстати, Вив, можешь брать меня на завтрак в любое время, когда захочешь, — он подмигивает.

Я не ставлю под сомнение слова Ченса, так как сама наслушалась вчера пьяной болтовни Оливера.

Оливер качает головой и хохочет.

— Почему я так огорчен, как будто сделал что-то неправильно? Неужели публичного унижения, горячего кофе на ногах и поездки в неотложную помощь не достаточно, чтобы гарантировать прощение за несколько нескромных поступков, которые я, возможно, совершил?

Хватая его за ворот футболки, я притягиваю его ближе и целую его рассечение.

— Я прощаю тебя, Оли.

— Ой, спасибо.

— Итак, то, что я пыталась сказать тебе вчера — у родителей Шона есть дом на Кейп-Код, и нас пригласили поехать с ним и Алекс туда на выходные, — я смотрю на Ченса. — Это, конечно, если твой босс отпустит тебя.

— Оливер ни о чем меня не спрашивает. От меня не зависит, поедет ли он, — Ченс бросает коробку от пиццы в мусор. — Сворачивайся, я жду тебя в машине. Спасибо за полуденный переписхон, Вив.

— Пока, Ченс, — я смотрю на Оливера, пытаюсь расшифровать, что означает его безэмоциональное лицо. — Так ты поедешь на выходные?

— Не знаю. Выходные с твоими друзьями это...

— Как? Весело? Увлекательно?

— Серьезно.

— Серьезно? — я изгибаю губы в одну сторону и делаю шаг назад, прислонившись к кассе. — Ладно, но я все-таки еду.

Он кивает.

— Конечно. Это же твои друзья и ты, вероятно, весело проведешь с ними время.

— Я бы провела время еще лучше, если бы ты поехал, — я разочарована и мне больно, но я позволяю ему увидеть только мое разочарование. В какой-то момент на протяжении последних двух недель, я подумала, что мы пришли к негласному соглашению, что наши отношения серьезные — оказывается, что нет.

Он протягивает руку, я беру ее и позволяю ему притянуть меня в объятия.

— Мне нужно идти, но увидимся позже.

Поцеловав меня и улыбнувшись, он выходит за дверь. Я ругаю себя за то, что позволила себе так думать. Оливер — это все, чего я никогда не ожидала. Просить чего-то большего — как бросить милостыню в лицо. Я приму каждый взгляд, каждое прикосновение и каждый шепот, который он захочет дать мне. Проблема в том, что единственное место, где я могу их хранить — это мое сердце.

Оливер

Утреннее солнце стало разогревом для настоящей звезды моих дней — Вивьен. Она является тем ослепительным светом, что заставляет меня забыть, где я был и не волноваться о том, где буду. Я не знаю, кто мы, мы просто есть.

— Ты будешь по мне скучать, — она надевает сарафан, без белья. Я кладу руки за голову, переплетая пальцы, и наслаждаюсь видом с кровати.

— Да, поэтому тебе следует остаться на ночь у меня, чтобы я мог насытиться тобой перед отъездом.

Она стреляет в меня своими кружевными трусиками, как из рогатки.

— Оставь себе, как сувенир. Я не могу остаться, нужно собирать вещи. Кай забирает меня в шесть утра.

— Кай? — я приподнимаюсь на локти и не могу сдержать улыбки, когда она облизывает губы, глядя на мой напряженный пресс.

— Ох... да, я еду с ним, так как Алекс и Шон уехали вчера.

— Значит только ты и Кай?

— Да. Предполагалось, что Кейт поедет тоже, но из-за разрыва она, очевидно, не едет, ты тоже не

едешь, значит, мы будем только вчетвером, — она целует меня снова, проведя языком. — Пока, Оли, — шепчет она.

Она на спине, а я нависаю над ней в долю секунды.

— Оли!

— Я передумал, — мои руки скользят по ее бархатистым ногам, поднимая платье. — Тебе не нужно проводить время со своими друзьями. — В тот момент, когда мои губы находят ее, она расслабляет ноги, и я проскальзываю в нее. Мягкий стон срывается с ее губ, когда она оборачивает свои длинные ножки вокруг моей талии. Как будто ее тело говорит моему показывать дорогу, и что она пойдет за мной куда угодно.

После того, как я беру ее все с той же развращенной жадностью, с которой я украл ее невинность, я наблюдаю, как она уходит от меня. Она оглядывается назад, и я вижу звезды в ее изумрудных глазах. Они наполнены мечтательными иллюзиями, как будто она знает меня, но... она не знает. Хотел бы я, чтобы она знала.

Я никогда не знаю, что принесет с собой восход. Иногда яркое синее небо приносит чувство ясности. Иногда я вижу скрытые послания в унылом красно-оранжевом горизонте. В иные дни облака постепенно выстраиваются в знак вопроса, что без сомнения символизирует мое состояние в последнее время. Сегодня, тем не менее, послание ясно. Женщина, которая проникла в мою жизнь всеми возможными способами, поедет в Кейп-Код со мной, а не с Каем.

Моя сумка собрана и лежит в багажнике моей машины. Я стою, прислонившись к водительской двери, когда подъезжает Кай на своей серой «Хонде».

— Кай, не так ли? — я протягиваю ему руку, когда он выходит из машины. — Я — Оливер Конрад. Мы встречались в «Зеленом горшке».

Он смотрит на мою руку примерно мгновение, перед тем как пожать ее.

— Ты рано встал просто чтобы попрощаться с Вив?

— Вообще-то, мой график работы поменялся и я еду с вами, — даже если то, что я наслаждаюсь тем, что стер со смазливой личика Кая самоуверенное выражение, делает меня засранцем, то пусть так и будет. После того, как он отнесся ко мне как к пустому месту, когда мы впервые встретились, и забрал от меня Вивьен с помощью своей «сказки» о том, что он нуждается в друге после того, как его бросила девушка, я думаю, что имею право на небольшую расплату.

— Вив знает? Я только что с ней разговаривал, и она ничего не сказала.

Я не могу скрыть ухмылку, и будто по плану, красная дверь на противоположной стороне улицы открывается.

— Привет, красавица! — я встречаю ее, когда она тянет сумки по ступенькам. Она смотрит на Кая, и меня выводит из себя то, что она сдерживается при нем. Если бы его здесь не было, она бы уже запрыгнула мне на руки, засунув язык мне в горло, и терлась бы о мой всегда твердый для нее член. Вместо этого, она целомудренно целует меня в губы и слегка улыбается.

— Привет, Оли. Тебе не нужно было вставать просто, чтобы увидеть меня перед отъездом.

Я беру ее сумки и несю в мой грузовик.

— Что ты делаешь?

— Ну, Вив, похоже, что твой друг, в конце концов, едет, — говорит Кай.

Я не смотрю на него, несмотря на то, что он усердно пытается вывести меня из себя своим тоном нытика-мудака.

— Да?

Я бросаю ее сумки к своей.

— Да. — Она награждает меня пронзительным девчачьим визгом и обнимает меня так, как я ожидал несколько мгновений назад.

— Что заставило тебя передумать?

Я смотрю на Кая, притягивая ее к своей груди.

— Ничего конкретно. Просто я не хотел быть без тебя на выходных.

Кай смотрит искоса на меня. Но, я это замечаю.

— Бросай свои сумки назад, Кай. Я поведу, — я подмигиваю.

Вивьен идет к пассажирской двери и открывает ее.

— Ты не против этого, Кай?

Мой язык увеличивается в размерах втрое, от того что я так чертовски сильно прикусил его. Не могу поверить, что она спрашивает у него, не против ли он. Она нянчится с ним, как с ребенком.

— Как хочешь, Вив.

Я не упускаю того, как он закатывает глаза, когда берет сумку и солнцезащитные очки.

— Ты только что сделал мои выходные, — улыбается Вивьен, когда я сажусь в машину.

— Ты сделала мой вечер, перед тем как уйти вчера, — я сжимаю ее голую ногу.

Ее глаза округляются при моих словах, когда Кай садится на заднее сиденье.

— Не перед... — говорит она сквозь зубы, указывая на него головой.

Это мило, действительно мило. Я предполагаю, что женщина в такой ситуации сорвалась бы и побежала бы к своей лучшей подруге, чтобы поплакать над тем, что другая женщина претендует на внимание ее мужчины. Она бы выказала свое громадное недовольство, сказав мужчине, что это его вина и лишила бы его секса со злости и ревности. В мире мужчин все совсем по-другому.

Нет никаких слез и лучших подружек, ожидающих с коробкой бумажных платков. Мужчины просто меряются членами, соревнуются, кто писает дальше всех, и метят территорию. К тому времени как мы доберемся до Кейп-Кода, Кай узнает не только, как много раз я имел Вивьен, растянувшуюся на моей кровати, он узнает, как громко я заставлял ее кричать. И сегодня не будет никакого воздержания от секса. А наоборот. Я буду брать ее так жестко, что кровать пробьет гипсокартон, а зеркала и окна разлетятся на миллионы мелких кусочков.

Ну, ладно, всё, возможно, не будет именно так.

Глава 13

Тестостерон

Вивьен

Полуторачасовая поездка в Кейп-Код была изнуряющей. Я должна была быть в приподнятом настроении оттого, что двое моих любимых парней будут со мной на этих выходных. Должна была, но это не так.

Как только машина останавливается, Кай выпрыгивает и открывает дверь с моей стороны.

— Ох, спасибо, — я улыбаюсь.

— Я возьму сумки, — говорит Оливер, открывая багажник.

Кай идет следом за мной к дому.

— Помоги ему занести сумки, — я поворачиваюсь и смотрю на Кая.

Он закатывает глаза и дуется, возвращаясь к машине.

— Цветочек! — Алекс выбегает из дома, практически сбивая меня с ног своим восторгом. — Как поездка?

— Кошмар. Я должна была оставить их обоих.

— Борьба членов?

— Да, и у меня такое ощущение, что она еще не закончилась.

Алекс хихикает, глядя мне через плечо.

— Думаю, ты права.

Я разворачиваюсь и становлюсь свидетелем того, как мои утонченные гарвардские мужчины играют в «перетягивание каната» моими сумками.

— Видишь, что я имею в виду? Кай рассказал всё, что знает обо мне, кажется, он даже упомянул о моей группе крови.

— Почему?

— Думаю, чтобы доказать, что он знает меня.

— Что делал Оливер?

— Он лапал меня всю дорогу. Даже злость не может остановить мою реакцию на него. Я почти получила оргазм от его собственнической руки постоянно шупающей меня. Это меня смутило.

— Так же как в «Данкин Донатс»?

— Туше. Но в любом случае, я начинаю понимать, почему Кейт порвала с Каем.

— О чем ты? Это Кай порвал с ней.

Выражение замешательства на моем лице было очевидным.

— Что ты...

— Я забиваю зеленую комнату, — говорит Кай, проходя мимо нас и поднимаясь по ступенькам на крыльце.

— В своих мечтах. Ни в коем случае один парень не займет самую большую комнату со смежной ванной. Шон и я забили ее вчера вечером. Цветочек с Оливером могут занять синюю гостевую комнату, а ты будешь в кабинете.

— Я не буду спать на том чертовом раскладном диване!

— Тогда разбей палатку на пляже, приятель, потому что это единственный вариант для тебя.

— Алекс, рад тебя снова видеть, — говорит Оливер, обнимая меня за талию.

— Привет, Оливер. Рада, что тебе удалось приехать, — она подмигивает мне. — Заходите в дом, я познакомлю тебя с Шоном.

Когда мы заходим в дом, я вижу мои сумки, висящие у Оливера на плече.

— Вижу, ты победил.

— Победил в чем?

— Ни в чем, — я усмехаюсь и качаю головой.

— Оливер, это мой парень Шон.

Они пожимают друг другу руки.

— Приятно познакомиться.

— Спасибо за приглашение. Это чудесное место.

— На самом деле, нет, — Кай выходит из кабинета. — Здесь только две спальни, две ваннные комнаты, полы скрипят и этот дом стар, как грех.

— Ну, для тех, кого в детстве не баловали... — смеется Шон и указывает на Кая и Алекс, — ... это рай. Он принадлежал моим бабушке и дедушке, а после их смерти родители решили оставить его в качестве дома для отдыха. Время от времени они сдают его в аренду. Кай прав, он маленький и старый, но вид, который открывается с него, такой же изумительный, как и с комплекса Кеннеди[48]. — Он удивительный, — я тяну Оливера за руку и веду его к крытой площадке, с дорожкой, ведущей к раскинувшемуся пляжу и захватывающему виду на океан. Старый серый дом с белыми ставнями на первый взгляд не самый привлекательный на этом отрезке земли, но он уютный, очаровательный и наш на эти выходные.

Оливер ставит наши сумки и подходит к краю площадки, поставив руки на бедра.

— Не то, что ты ожидал?

Оливер ухмыляется.

— Я не питал никаких надежд, — он поворачивается и притягивает меня в свои объятия. — Моя соседка полна сюрпризов, поэтому я учусь плыть по течению.

— Ты говоришь так, будто она невероятная.

— Она непредсказуемая и опасная... — он указывает на рассечение возле глаза, — но, да, наиболее невероятным образом.

Поднимаясь на носочки, я целую его. Он обхватывает руками мою голову, когда скользит своим языком по моему.

— Снимите комнату! — ворчливый голос Кая проникает в наш личный пузырь. — О, правильно. У вас же уже есть. Это же я бедное придурок, который будет спать в кабинете.

— Кай-Пай, уверена, ты найдешь какую-нибудь старую леди, чтобы зависать на этих выходных.

— Замолчи, Алекс.

— Поэтому ты порвал с Кейт? Она была недостаточно зрелой для тебя? — Алекс любит подкалывать Кая, а он всегда глотает наживку.

— Нет, я не поэтому порвал с ней, — Кай смотрит прямо на меня, и его пронизывающий взгляд и намекающий тон заставляет меня содрогнуться.

— Давай занесем наши сумки наверх, — я подталкиваю Оливера к двери, избегая любого контакта глазами с Каем.

— Ты будешь милым на выходных?

Оливер ставит наши сумки на кровать.

— С кем?

Я подхожу к нему сзади и прислоняюсь щекой к его спине, обнимая руками за талию.

— С Каем.

— Я что, ребенок?

— Так казалось в машине.

— Что мне будет за то, что я буду милым? — ухмыляется он.

Я скольжу рукой под пояс его шорт и поглаживаю его.

— Я уверена, что смогу что-нибудь придумать.

Он становится толще в моих руках, когда дыхание в груди сбивается. Я начинаю вытягивать руку, просто намереваясь подразнить его немного.

— Не останавливайся, — он хватается мое запястье и толкает мою руку обратно.

— Это только анонс.

— Ну, мне нужен более длительный анонс. Не останавливайся, пока не доберешься до многообещающего достоинства.

— Они ждут нас внизу, — смеюсь я.

— Тогда поспеши, — его голос напряженный и нуждающийся.

— Развернись, — я вытягиваю руки, и на этот раз он не сопротивляется.

Становясь на колени, я расстегиваю его штаны, когда смотрю вверх на него, и мы обмениваемся грязными сексуальными улыбочками. Я пробегаю языком по всей его длине и обвожу головку. Его бедра дергаются вперед, и я улыбаюсь в полном удовлетворении.

— Сними свою рубашку.

— Для этого? — он морщит лоб.

Я киваю и поглаживаю его, в то время как мой язык продолжает дразнить головку. Он сбрасывает рубашку, и я смотрю вверх на его твердую рельефную грудь, а мои губы растягиваются в удовлетворенной ухмылке.

— Тебе нравится смотреть на меня?

Я киваю, и он улыбается.

— Ну, а мне нет, — говорит Кай, стоя в дверном проеме.

— Кай! Убирайся!

Оливер поворачивается и застегивает штаны, пока я поднимаюсь на ноги, покраснев от стыда.

— Прости, Вив, не хотел прерывать. Алекс хочет пойти с тобой в магазин.

Я топаю к двери и толкаю Кая в грудь.

— Скажи ей, что я спущусь через минуту. Вон! — я хлопаю дверью и разворачиваюсь, прислоняясь к ней. — Мне жаль.

Оливер натягивает рубашку.

— Не стоит.

— Я смущена.

Он проводит пальцами по моему лицу, слегка касаясь кожи, и ухмыляется.

— Это же не тебя поймали со спущенными штанами.

— Я знаю, просто...

— Что? Тебе стыдно за меня? Думаешь у меня маленький член?

— Что? — мои глаза округляются.

— Я шучу. Знаю, тебе не с чем сравнивать, но поверь мне...

— Подожди, что ты... а, девственность, — я усмехаюсь. — Оливер, я была девственницей в буквальном смысле, а не в широком спектре «нецелованная».

— Действительно? — он вскидывает голову.

— Действительно, и нет, я не думаю, что у тебя маленький член, — я начинаю обнимать его за талию, но он хватается мои запястья и отступает.

— Тебе лучше идти. Уверен. Алекс ждет тебя.

— Ты же не обижаешься?

Он отворачивается и кладет руки на бедра, опустив голову.

— Нет... просто... все хорошо.

Хватая его за руку, я тяну, пока он не поворачивается ко мне.

— Ты резко затормозил в ту же секунду, когда выяснил, что я девственница, а теперь знание того, что твой член не первый, который я увидела, является проблемой?

Он вырывается.

— Я сказал, все хорошо... просто иди.

— Невероятно. Временами ты действительно недоумок.

— Никогда!

Я подпрыгиваю на месте от его жесткого тона.

— Никогда ... не... называй меня так.

Он только что дал мне словесную пощечину. Снова этот один процент. Та часть Оливера, которая чужда мне. Это та сторона, которую я не хочу знать, но мне это необходимо, потому что это либо соединит нас, либо разделит. Один процент — это практически ничего, но у меня такое ощущение, что для нас — это все.

Я ненавижу то, что он даже не может смотреть на меня.

— Я вернусь.

Кай становится счастливым обладателем моего смертоносного взгляда, когда я беру свою сумочку.

— Я буду в машине, Алекс.

Кай ухмыляется, а мои руки сжимаются в кулаки, борясь с непреодолимым желанием стереть эту тупую ухмылочку с его лица.

— Что происходит? — спрашивает Алекс, садясь в машину.

— Мой лучший друг — задница, а мой парень — придурок.

— Ой. И что теперь?

— Я не могу понять, что происходит с Каем. Почему он сказал мне, что Кейт оставила его, почему он ведет себя, как придурок по отношению к Оливеру, и почему он смотрит на меня, как будто я ему принадлежу?

Алекс съеживается.

— Что?

Она жует губу.

— Что?

Быстро глянув на меня искоса, она вздыхает.

— Он сказал Шону, что у него есть к тебе чувства. Вот почему он порвал с Кейт.

— Чувства? Что это должно означать? — я скрещиваю руки на груди.

— Ты знаешь, что это значит.

— Нет, не знаю. Кай просто устал от Кейт и ему скучно, поэтому он думает, что хочет меня, но это не так. Он просто хочет кого-нибудь, кого угодно.

Алекс приподнимает плечи.

— Возможно, но Шон сказал это так, будто Кай пришел к какому-то жизненно важному решению, что ты именно та единственная, созданная для него.

На это не существует ответа. Тяжело вздохнув, я смотрю в окно.

— Что сделал Оливер?

— Ничего, все... — я закатываю глаза, — я не знаю. Он что-то скрывает, но я понятия не имею, что это.

— Скрывает что? Например, жену или что-то такое?

— Нет, — смеюсь я. — Что-то из его прошлого, что преследует его. Я встречалась с его семьей. Они бы не приветствовали меня с распростертыми объятьями, если бы был какой-то камень преткновения.

— Почему ты не спросишь его?

— Не могу. Что бы это ни было, ощущается это как грань между Джекилом и Хайдом[49].

— Ты боишься того, как он отреагирует, если ты спросишь?

— Я боюсь всего — его реакции, моей реакции, потерять его, потерять нас. У него в коридоре есть дверь возле его спальни, которая заперта на ключ... на чертов ключ. У кого дверь в спальню или в кладовую, или куда-либо еще закрывается на ключ?

— Ты его спрашивала об этом?

— Он не один раз ловил меня на том, что я смотрю на нее, но я никогда не спрашивала. В эти моменты я вижу легкую тень Хайда в его глазах. Ну, и учитывая мое собственное прошлое, наполненное секретами, у меня проблема с тем, чтобы спросить его об этом. Я думаю, он расскажет мне, надеюсь раньше, чем позже.

Алекс заезжает на парковку.

— Шон и я встречались год, перед тем как он рассказал мне о своем дяде.

Я растягиваю губы в грустной улыбке. Мы с Шоном все время подкалываем друг друга, но на самом деле, он мне нравится, а его прошлое разбивает мне сердце. Его дядя принуждал его к сексуальным отношениям на протяжении десяти лет перед тем, как это выяснилось. Я знакома с его родителями, и они — лучшие. Я даже не могу представить себе, как это повлияло на них, когда они узнали.

— Я дам ему время. Как бы я не умирала от любопытства, всему свое время.

Мы выходим из машины.

— Может, у него какой-то странный фетиш, например, он коллекционирует фарфоровых кукол или плюшевых мишек. Может, он занимается каким-то эксцентричным дерьмом и прячет за той дверью кнуты и трости. Могу поспорить, у него есть одна из тех сексуальных качелей, свисающая с потолка. Seriously, он же говорил, что хочет тебя отшлепать.

— Да, уверена, все именно так, — смеюсь я, и в то же самое время его угроза отшлепать меня задерживается у меня в подсознании и горит неоновым светом.

Оливер

Я ненавижу ее. Я, бл*дь, ненавижу ее. Это как будто тебя наградили ВИЧ в качестве подарка на вечеринке после одноразового секса. Она — яд, растекающийся по моим венам. Яд, который отравит любого, к кому я когда-нибудь прикоснусь.

— Эй, в холодильнике есть кое-что попить, а на столешнице, наверное, несколько батончиков. Дамы

должны скоро вернуться с кое-какой едой. Алекс только что написала мне, что они возвращаются, но Вив захотела остановиться, чтобы съесть свои пончики.

— Спасибо, Шон, но я ничего не хочу сейчас, — я сижу на шезлонге рядом с ним, даже не глядя в сторону Кая.

— Алекс сказала, ты закончил юридический факультет Гарварда.

— Да, — киваю я.

— Но ты работаешь со своим братом сейчас? — Шон поднимает свою банку «Red Bull».

— Да. А ты?

— Я получаю свою Степень магистра делового администрирования, как и Вив.

— Что планируешь делать, когда закончишь?

— Подожду Вив, — смеется он. — Ты же понимаешь, что она планирует покорить мир? Лучшей протекции у меня нет.

— Да, она определенно одержима.

— Откуда ты знаешь? Ты же знаком с ней, сколько... две секунды? — Кай решает открыть свою варезку и вставить свои две копейки.

Шон смотрит на него и качает головой, глядя на него с предупреждением. Я что-то упускаю, но прямо сейчас мне наплевать.

— Наши с ней отношения — не твое дело.

Кай встает и ухмыляется.

— Как хочешь. Она хорошо делает минет, не так ли?

Я прихожу в бешенство, слышу свой гроыхающий пульс и ничего не чувствую, кроме лица Кая, соприкасающегося с моим кулаком.

Шон помогает ему встать, когда Кай использует свою рубашку, чтобы задержать кровь, льющуюся из носа.

— Спасибо за приглашение, но думаю, я вернусь в Кембридж. Привезете Вивьен домой в воскресенье?

— Черт, я думаю, ты сломал мне нос!

Шон смотрит на меня и кивает один раз перед тем, как позаботиться о своем друге-засранце. Я хватаю свою сумку наверху и выезжаю с подъездной дорожки, не задумываясь ни на секунду. Губы Вивьен вокруг члена Кая — это не та картинка, которая быстро забудется — не без помощи «Джека Дэниэлса»[50].

Глава 14

Я тебя люблю

Вивьен

Машина Оливера исчезла. Может он повез парней на ланч. Мне не следовало настаивать на том, чтобы остановиться и купить свои пончики, но мы выехали рано и не останавливались по пути.

— Шон говорил, что они куда-то собираются?

Алекс протягивает мне два пакета продуктов.

— Нет, но это же парни, ты знаешь, забывчивые и непредсказуемые.

— Правда.

Мы несем пакеты в кухню.

— Что за черт? — говорит Алекс.

Кай сидит за кухонным столом, прижимая пакет со льдом к кровоточащему носу, а Шон стоит, облокотившись на столешницу.

— Что произошло? Где Оливер?

Кай смотрит на меня из-за пакета со льдом.

— Очень мило, Вив. Я сижу здесь с размазанным лицом, а все, что тебя интересует, это «где Оливер?».

Я ставлю пакеты на стол.

— Нет, я также спросила, что произошло.

— Кай не смог держать рот на замке, за что и получил в нос, — ухмыляется Шон.

Я перевожу взгляд с Шона на Кая.

— Что произошло?

— Эй, детка, может, мы пройдемся и оставим этих двоих поговорить.

— Тогда поторопись помочь мне разобрать пакеты, — отвечает Алекс.

— Кай? — я подхожу ближе и смотрю на него.

— Он ударил меня.

— Почему?

— Не знаю. Просто с цепи сорвался, — он пожимает плечами.

Шон прочищает горло. Кай смотрит на него и вздыхает.

— Должно быть, я кое-что сказал.

— Что?

Он продолжает смотреть на Шона, затем снова на меня.

— Я сказал, что ты хорошо делаешь... минет.

Шлеп!

— БЛ*ДЬ! Мой нос!

Пакет со льдом падает на пол, а я смотрю на кровь на моей ладони.

— Да, пойдём, Шон, — Алекс хватается за руку, оставляя продукты на столешнице.

Я бросаю Каю рулон бумажных полотенец. Глаза наполняются слезами, а руки трясутся. Он пытается оторвать кусок.

— Что с тобой не так, черт возьми?

— Со мной? — спрашивает он в неверии.

— Где он?

Кай наклоняется, чтобы поднять пакет со льдом одной рукой, а другой придерживает бумажные полотенца у своего носа.

— Он уехал домой.

Мое сердце разбивается. Оливер уехал думая... Бог знает что произойдет, и я не могу дозвониться до него. Я бегу к лестнице.

— Вив, подожди! — Кай следует за мной. — Ты не понимаешь.

— Ты прав, я не понимаю, — я качаю головой. — Друзья так не поступают, — я начинаю подниматься по ступенькам.

— Я люблю тебя, Вив.

Я останавливаюсь.

— Я знаю, что, кажется, это неподходящее время, но я люблю тебя. Думаю, я всегда любил, просто был слеп, чтобы понять это... понять тебя.

Мои глаза наполняются слезами, когда я поворачиваюсь.

— Почему? Почему сейчас? Ты хоть понимаешь, как долго я ждала, чтобы услышать, как ты говоришь мне эти слова? Боже... я любила тебя, сколько себя помню, — я соплю и вытираю слезы.

— Слишком поздно, Кай, — я качаю головой.

— Нет, Вив, никогда не поздно. Ты знаешь, что мы принадлежим друг другу. Я знаю, что в сердце ты это чувствуешь.

Я даже не могу видеть Кая, все, что я вижу — это Оливер.

Я люблю Оливера.

— Я не твоя игрушка, больше нет. Ты хочешь меня только тогда, когда понимаешь, что не можешь иметь. Но я не люблю тебя так больше.

— Он недостоин...

— Не нужно! Не смей мне этого говорить. Ты меня недостоин, Кай. Ты сломал меня, а я тебе позволила.

— Вив, ты обещала...

— Мне плевать! — слезы злости заменяют слезы грусти, и они как кислота. — Мне плевать, что я обещала никогда не обвинять тебя. Я виню тебя за то, что случилось. Ты был пьян в жопу тем вечером и, если бы другие отдыхающие не увидели, я могла бы умереть. Ты понимаешь это?

Кай смотрит на меня с угрызением совести, что читается в его глазах, но уже слишком поздно.

— Ты понимаешь, Кай? Ты. Понимаешь. Это?

Он кивает и сглатывает, а глаза снова наполняются слезами.

— Я так больше не могу. В какой-то момент это... — я машу в воздухе рукой, — ...мы, то, что было, становится ядовитым, а мы были слишком слепы и упорты, чтобы заметить это. Но это закончилось... нас больше нет. Перестань звонить мне, приходи, просто... держись от меня подальше, — я разворачиваюсь и прохожу остаток пути по лестнице.

— Вив?

Я продолжаю идти, даже когда слышу незнакомый звук редких всхлипов Кая. Я видела его плачущим один раз прежде — когда проснулась в больнице после несчастного случая.

Я: Где ты?

Я пишу сообщение Оливеру и жду, но он не отвечает, поэтому я звоню ему. Меня отправляет на голосовую почту. «Оли, мне жаль. Кай не имел права говорить тебе это. Пожалуйста, перезвони мне».

Затем пишу сообщение Алекс.

Я: Возвращайся. Меня нужно подвезти на железнодорожную станцию.

Алекс приходит в течение минуты и следует за мной к машине. Она воздерживается от того, чтобы что-то сказать, но в конечном итоге нарушает тишину, когда мы приближаемся.

— Шон сказал, что Кай — засранец.

— Я не хочу говорить о Кае.

Алекс кивает, когда мы заезжаем на железнодорожную станцию.

— Мне жаль. Надеюсь, у тебя все-таки будут хорошие выходные.

— Не переживай об этом, — Алекс обнимает меня. — Мы напоим Кая, пока он не вырубится, и затем займемся своими делами.

— Алекс, спасибо за все, — говорю я, улыбаясь.

— Удачи, Цветочек.

— Спасибо, она может мне понадобиться.

Поездка на поезде была эмоционально опустошающей, так как я оплакивала потерю лучшего друга. Я никогда не представляла, что в момент, когда Кай признается мне в любви, я его отпущу. Это не должно было произойти. Друзья не должны выбирать. Как бы я ни была зла на него, я чувствую болезненную пустоту внутри. Заполнит ли мужчина, которого я люблю эту пустоту... будет ли он тоже меня любить?

Его машина здесь и он тоже. Я чувствую это, как биение своего собственного сердца в груди. Мои руки дрожат. Я едва могу сжать их в кулак, чтобы постучать в дверь. Я никогда не хотела полностью открываться другому человеку. Если Оливер не любит меня, я уверена, что умру.

Я стучу.

Ответа нет.

Я снова стучу.

Ответа нет.

Я пишу сообщение ему.

Я: Я знаю, ты дома. Пожалуйста, позволь мне войти.

Ответа нет.

Я: Оли, ПОЖАЛУЙСТА!!

Ответа нет.

Я снова стучу, затем прислоняюсь щекой к двери. Слезы катятся градом. «Оли, пожалуйста». Я снова стучу. Не знаю сколько времени прошло, но, в конце концов, я отрываю лицо от его двери и тащу сумки через улицу. Перед тем как подняться на последнюю ступеньку, я оглядываюсь назад.

Оли.

Он стоит в дверном проеме. Если бы можно было пережить еще больше боли сегодня, я бы так и сделала. Глядя на Оливера со стеклянной бутылкой в одной руке, с мрачным лицом... пустыми глазами, я умираю еще немного.

Я тянусь к сумочке и хватаю свой телефон. Мгновение спустя Оли достает свой телефон из кармана и подносит к уху. Он ничего не говорит, но я слышу его дыхание и клянусь, могу почувствовать его на своей коже, когда покалывающий холодок распространяется по мне.

— Я люблю тебя, — шепчу я.

Он не двигается, не говорит. Сердце выпрыгивает у меня из груди, и я чувствую, как будто падаю. Связь прерывается. Он кладет телефон в карман и выходит на улицу. Делая неуверенный шаг, садится на верхнюю ступеньку. Мы смотрим друг на друга, но игра в гляделки — для упертых ковбоев в вестернах. Я изголодавшаяся женщина, отчаянно желающая своего мужчину. Я перехожу расстояние, которое кажется слишком большим, между нами. Бросая сумки на ступеньки рядом с ним, я сажусь ему на колени, расположив ноги по обе стороны от его бедер. Я замечаю, что выпитая

половина «Джека Дэниэлса» озаряет блеском его глаза.

— Ты любишь меня? — он произносит слова медленно и слегка невнятно.

— Всецело, — я обнимаю его за шею.

Он хмурит брови, склоняя голову на бок.

— Почему?

— Я больше не могу выполнять невозможное, — я пожимаю плечами.

— Невозможное?

— Не любить тебя.

Он закрывает глаза и улыбается.

— Я не ожидаю, что ты скажешь это...

— Я люблю тебя, — он открывает глаза и улыбается.

— Правда. Ты не обязан это говорить.

— Я люблю тебя.

— Я серьезно.

Он смеется и кладет свой лоб мне на плечо.

— Я тоже.

— Ты пьян.

— Да, — он ухмыляется.

— Если утром ты пожалеешь, что сказал это, тогда...

Он прижимается к моим губам своими. На вкус он как «Джек Дэниэлс» и Оливер — идеальный коктейль. Отпуская меня, он соприкасается лбом со мной.

— Не отступать.

После этих двух слов я делаю единственную вещь, которую сделала бы любая девушка на моем месте: я плачу слезами радости в руках мужчины, который любит меня.

Оливер

Этим утром я пропустил восход, но это не страшно; я не хотел, чтобы эта ночь заканчивалась.

Обнаженная Вивьен в моих руках — все, что я когда-либо хотел или в чем нуждался на всю оставшуюся жизнь.

— Эй, — мне нравится ее хриплый голос по утрам.

— Доброе утро, — я перекатываюсь на нее сверху и одним плавным движением проскальзываю в нее. Ее дыхание прерывается, а томные глаза исчезают за тяжелыми веками. Я втягиваю ее вишневый сосок в рот и царапаю его зубами, она выгибает спину и стонет от удовольствия. К сожалению, это не продлится долго; я твердый, как скала, уже почти час, глядя на ее обнаженное тело. Извращенец? Вероятно, но мне плевать.

— Оли...

Я люблю, когда она стонет мое имя, от этого я вхожу в нее жестче и быстрее. Она крепко держит меня за волосы и прижимает к груди. Чем больше я дразню ее соски, тем больше она вращает бедрами и трется об меня.

— Не останавливайся, Оли, никогда не останавливайся... — она тянет мою голову к себе и захватывает мои губы, будто умирает с голоду. Ее длинные ноги обвиваются вокруг моей талии, а

ногти впиваются мне в спину.

Миллионы слов крутятся у меня в голове, но, когда я в ней, я не могу говорить, я едва могу дышать. Она уже близко, я могу сказать это по тому, как она вертит головой из стороны в сторону, будто хочет отсрочить конец, надеясь, что это продлится вечно. Я понимаю. Мое тело тоже находится в состоянии войны, чувствуя приближение. Я замедляюсь или иногда останавливаюсь, чтобы позволить ощущениям немного утихнуть, чтобы опять врезаться в нее, подводя к краю снова и снова. Боже, это ощущается так хорошо.

Я переворачиваю нас, позволяя ей быть сверху. Она пытается удержать свое тело вертикально, когда скользит на мне с закрытыми глазами, запрокинув голову назад. Я направляю ее бедра и наблюдаю за тем, как подпрыгивает ее грудь, когда она устанавливает свой собственный ритм. Я готов взорваться, только наблюдая за ней, но она толкает меня за черту неожиданно: она сжимает соски, затем проскальзывает рукой вниз, где соединяются наши тела, доводя себя до оргазма, впиваясь зубами в нижнюю губу. Я дергаю бедрами еще один раз, и все кончено. Черт! Не могу поверить, как сильно нуждался в этом.

— Ох, Оли... — она ложится мне на грудь, задыхаясь. — Я люблю тебя.

Я — ее. Она даже еще не знает меня, но я все равно ее. Неуверенные глаза находят мои, и я вижу в них вопрос, страх того, что я был слишком пьян вчера, чтобы запомнить. Я убираю спутанные волосы с ее лица.

— Я тоже тебя люблю.

Кому нужен этот восход? Она ослепляет меня улыбкой ярче, чем самые блестящие солнечные лучи. Прижимается к моим губам своими, а ее язык скользит в мой рот, пока она вращает бедрами, приводя мой член, все еще похороненный в ее теплоте, снова в готовность.

Переплетая наши пальцы, она бубнит у моего рта:

— Давай сделаем это снова.

Я похож на проклятого циркового клоуна, ожидая пока она спустится. Второй раз в кровати гарантировал постоянную ухмылку на лице сегодня, но, когда она положила руки на кафель в душевой кабине и напомнила, что я хотел трахнуть ее в душе, и это в значительной степени определило появление улыбки клоуна.

— Ммм, что это так пахнет?

Я пытаюсь сдерживать свою усмешку, когда она спускается по лестнице, эти длинные голые ноги полностью видны из-под моей футболки, а влажные черные волосы спадают вдоль спины и на плечи. Кого я обманываю? Это явно мой тип.

— Омлет, тосты с маслом, апельсиновый сок и кофе, — я отодвигаю для нее стул.

Она садится и берет меня за шею, притягивая к себе для медленного поцелуя.

— Доброе утро.

Я удираю от нее и сажусь напротив.

— Ты даже не представляешь.

— О, думаю, я представляю. Нам нужно делать это каждый день, — она делает глоток сока.

— Завтракать?

Она кусает тост и улыбается.

— Заниматься сексом, много, а затем, да, ты делаешь мне завтрак в боксерах, без футболки. — Она слизывает масло с губ, похотливый взгляд опускается на мою грудь, и она ухмыляется. — Когда я спустилась вниз и увидела тебя, выглядящего именно так, я захотела съесть завтрак с твоего обнаженного тела.

Я давлую куском, который пытаюсь проглотить.

— Все хорошо, Оли?

Прикрывая рот салфеткой, я киваю, пытаюсь прочистить горло. В мире, где парни хвастаются и делятся историями, события этого утра были бы встречены смехом и поданы в соответствии с историями о том, кто поймал большую рыбу. Таких женщин, как Вивьен, не существовало в реальном мире. Они не выглядели, как она, не вели себя, как она, и определенно не говорили как она. На самом деле, мне самому не верится. Мне кажется, что я проснусь в одиночестве в своей постели, покрытый потом, с рукой, сжатой вокруг моего члена.

— Я в порядке, — я прочищаю горло еще раз и пью сок. — Так мы ужинаем сегодня у моих родителей?

Снова эта ослепительная улыбка.

— С удовольствием, — она кусает свой омлет. — Ммм, как вкусно.

— Лучше, чем пончики «Бостон Крем»?

— Полегче, парень, не пытайся конкурировать с официальными пончиками государства, — смеется она.

— Ты же осознаешь, что пончики находятся на вершине списка самой вредной еды.

— Конечно же, я знаю. Я пытаюсь уменьшить их потребление.

— Да?

— Конечно. Посмотри на часы. Уже почти десять, а я еще не съела ни одного. Следующий вопрос, который ты должен задать — люблю ли я секс больше, чем пончики «Бостон Крем».

Вилка с омлетом останавливается на полпути к моему рту.

— И?

— Да, — подмигивает она. — Я люблю секс с тобой намного больше. Поэтому, если ты беспокоишься о моем здоровье, то, я предполагаю, тебе лучше держать меня занятой чем-то, что превосходит «Бостон Крем».

Я усмехаюсь и мысленно щипаю себя, потому что не может такого быть, чтобы она такое сказала.

— Тогда мы должны относиться к этому, как к встречам анонимных алкоголиков. Я буду твоим спонсором. Когда у тебя будет момент слабости и появится соблазн, ты звонишь мне, и я встречу с тобой.

— Ты встретишься со мной для секса?

Я киваю.

— В любое время, в любой день?

Я киваю.

— Я люблю тебя, поэтому какой бы ни была жертва, я сделаю это. Мы можем это сделать, детка. Я понимаю, что это может занять больше времени и, как большинство зависимостей, ты можешь всегда бороться с ней, но я сделаю все, что необходимо, чтобы помочь тебе пройти через это.

— Ты настоящее сокровище, Оли, — она хлопает ресницами и усмехается. — Итак, перейдем к еще

одному вопросу. Возможно, это прозвучит смешно, так как я практически и так сплю с тобой каждую ночь, но мне нужно где-то остановиться на следующие выходные. Родители Алекс приезжают перед отъездом в Европу. Обычно, я пошла бы к Каю, но так как я покончила с ним...

— Подожди. Что ты имеешь в виду под «покончила с ним»?

Она рвет последний кусок тоста на мелкие кусочки.

— Ну, после того, что он сказал тебе, и того, что он сказал мне потом, я сказала, что между нами все кончено. Я больше не могу быть его другом, — она поднимает глаза на меня, и я вижу, что они наполняются слезами, а губы растягиваются в однобокой грустной улыбке.

— Что он сказал тебе?

— Сказал, что любит меня и хочет быть со мной. Он сказал слова, которые я ждала услышать, казалось бы, вечность, — она сопит. — Но я его больше не люблю и, когда я с тобой, я сомневаюсь, любила ли я его на самом деле, потому что то, что я чувствую к тебе намного больше, чем то, что я когда-либо чувствовала ранее, — она смахивает слезы салфеткой. — Но все-таки это больно. Несмотря ни на что, он был моим другом очень долго, — она качает головой. — Все изменилось после несчастного случая.

— Какое это имеет отношение ко всему?

Она смотрит на меня своими блестящими зелеными глазами.

— Я была с Каем в ту ночь. Мы поехали отдохнуть с палаткой. Это должна была быть наша первая ночь вместе. Он украл упаковку пива из шести бутылок у родителей, я выпила одну, а он остальные пять. Было поздно, и он хотел пойти в палатку. Я сомневалась, учитывая его нетрезвое состояние. Он потянул за пуговицу моих шорт, затем попытался снять с меня рубашку. Я отступила назад, настаивая на том, чтобы он остановился. Я споткнулась и упала спиной на угли костра, которые начали разгораться. Он упал на меня сверху и пытался встать. Я не помню многого после этого, но позже мне рассказали, что люди, которые разбили палатку рядом с нами, все видели и спасли нас перед тем, как позвонить 9-1-1.

Она всхлипывает, и я спешу притянуть ее в свои объятия.

— Он проводил каждую ночь в больнице со мной, пока меня не выписали. Я обещала, что никогда не буду винить его за это, но я виню. И это не только из-за шрамов. Я виню его за то, как чувствую себя из-за них. Годом позже мы были одни в доме моих родителей, и я хотела заняться с ним сексом. Мне нужно было знать, что он все еще хочет меня. Мне нужно было чувствовать себя красивой в его глазах. — Она еще раз всхлипывает, и я разрываюсь между тем, чтобы утешить ее и вырвать сердце Кая из его груди. — Все, что я увидела в его глазах... жалость. В тот момент наши романтические отношения закончились, но, оглядываясь назад, я думаю, что в тот момент закончилась и наша дружба. Просто на протяжении последних двух лет мы это отрицали.

Обхватывая руками ее лицо, я вытираю слезы и целую ее мягкие щеки. Она снова сопит.

— Так могу я остаться на выходные... с тобой.

— Нет.

Она становится еще больше неуверенной. Я улыбаюсь.

— Ты можешь остаться навсегда.

— Что? — она морщит лоб.

— Переезжай ко мне.

— Что?

— Ты слышала меня. Переезжай ко мне, — смеюсь я.

Ее глаза бегают по моему лицу, будто она пытается разгадать загадку.

— Ты серьезно?

После этих двух слов до меня доходит. Нет, я несерьезно. Значимость моего предложения начала проникать в мое сознание. Откуда это взялось? О чем, черт возьми, я думал? Навсегда? Переехать? Дерьмо!

Широко раскрыв глаза, она задерживает дыхание... я задерживаю ее дыхание.

— Да, я серьезно.

Она обнимает меня и визжит.

Затем ее губы атакуют мои, в то время как рука скользит в мои боксеры спереди.

— «Бостон Крем», Оли, — шепчет она шаловливым соблазнительным голосом.

Ладно, в конце концов, это может сработать.

Глава 15

Сожительство

Вивьен

Я не знаю наверняка, что такое «мечта», но вполне уверена, что моя осуществляется. Предложение Оливера о переезде к нему навсегда развеяло все мои сомнения по поводу нас. Доктор Джекил не может просить кого-либо переехать к нему, если только не намеревается разоблачить мистера Хайда. Приглашение Оливера можно рассматривать как обещание — обещание поделиться со мной всем, может не сразу, но в скором времени.

— Какова половина суммы твоих затрат на аренду и коммунальные услуги?

Оливер смотрит на меня искоса, пока везет нас к его родителям.

— Зачем тебе?

— Хочу выяснить, сколько мне нужно будет зарабатывать, когда я начну учиться осенью.

— Я не арендую квартиру, — смеется он.

— Тогда какова сумма ипотечного взноса?

— Ты не будешь платить мою ипотеку, — он качает головой.

— Тогда я буду оплачивать все коммунальные платежи и покупать продукты.

— Нет.

— Оли!

— Я попросил тебя переехать ко мне, потому что хочу быть с тобой, потому что люблю тебя, — он сжимает мою ногу. — Я не искал соседку по квартире.

Я переплетаю свои пальцы с его.

— Я не собираюсь переезжать к тебе и жить за твой счет. Я хочу делать свой вклад.

— Ты можешь вернуть мне долг, когда создашь свою империю после окончания учебы.

— Я не буду жить с тобой бесплатно.

Он ухмыляется, не отрывая взгляд от дороги.

— Я уверен, что есть кое-что, чем ты могла бы оплатить свое содержание.

— Не говори, что это секс. Это заставит меня чувствовать себя проституткой.

— Ммм, нам бы этого не хотелось. Может, ты могла бы массажировать мои разболевшиеся мышцы

каждый вечер, после окончания длинного, трудоемкого рабочего дня. Голая, конечно же.

— И это не приведет к сексу? — смеюсь я.

— У меня никогда не было секса с моим массажистом.

— Приятно знать, но сколько из них были голыми, делая тебе массаж?

— Верно подмечено.

— Кроме того, я, вероятно, не буду так хороша в этом. Мне никогда не делали массаж, поэтому я не знаю, как это происходит.

— Тебе никогда не делали массаж? Никогда? — он хмурит брови.

— Нет, — я пожимаю плечами. — Я не думаю, что многие подростки посещают сеансы массажа, и потом...

— Шрамы, — он вздыхает.

— Да, шрамы. Но это не такое уж большое дело. Я сомневаюсь, что кто-то из моих родителей когда-либо делал массаж.

— Тогда это еще один пункт, который тебе следует добавить в свой список дел, после того, как ты заработаешь свои миллиарды.

— Ты же понимаешь, что весь мой замысел не из-за денег.

— Нет?

— Конечно, нет, — я закатываю глаза. — Это для того, чтобы внести изменения в жизнь таких людей, как мои родители. Люди, которые будут работать на меня, будут трудиться не больше тридцати часов в неделю. У них будет щедрая оплата, медицинская и пенсионная страховки, уход за детьми, пока они на работе. Будут также фитнес-центры, здоровое питание, перерывы на сон с целью увеличить продуктивность труда, и кто знает... может, даже массажные кресла. Людям будет нравиться работать у меня, а как результат — их энтузиазм и качество работы сделают мои компании лучшими в мире.

Усмешка Оливера просто громадная.

— Чему ты улыбаешься?

— Тебе. Когда я думаю, что ты не можешь восхитить меня еще больше, ты это делаешь. Мне нравится слушать, как ты рассказываешь о своем будущем. Ты полна вдохновения, и я не сомневаюсь, ты достигнешь всего, что задумала, даже в сто крат больше.

— Спасибо. Это для меня много значит.

Он подмигивает мне.

— А что насчет тебя? Ты собираешься до пенсии быть просто совладельцем «Ловкого самца»?

— Я не владелец, просто бедный работник. В конце концов, я оставлю эту очаровательную работу и буду двигаться дальше.

— Практикуя юриспруденцию?

— Может быть, — он пожимает плечами.

— Гм, я не видела тебя в костюме, но буду скучать по тем кожаным рабочим ботинкам.

— Ботинкам? — ухмыляется он. — Тебе нравятся мои ботинки.

Я киваю, впиваясь зубами в нижнюю губу.

— Знаешь, как некоторые мужчины любят, когда женщина на каблуках... просто в одних туфлях на каблуках? Ну, точно так же и ты для меня в тех ботинках. Я фантазирую о тебе лишь в одних

рабочих ботинках.

Он заезжает на подъездную дорожку его родителей.

— В ботинках, да? — усмехается он.

— Да, только в ботинках.

— Можно испачкать простыни.

— Мы не в постели... — я краснею, — ... по крайней мере, не в моей фантазии.

— Нет? — его брови взлетают вверх.

— Мы на заднем погрузочном дворе в «Зеленом горшке», — я качаю головой. — Я в сарафане и шлепанцах, без трусиков, а ты трахаешь меня возле грузовика твоего брата... одетый только в ботинки.

Оливер тяжело сглатывает, пока поправляет себя.

— Черт возьми, Вивьен. Я войду в дом своих родителей со стояком.

— Прости, встретимся внутри.

— Подожди! Ты оставляешь меня?

Я киваю и открываю дверь.

— Даю тебе немного личного пространства, чтобы позаботиться о себе.

— Просто дай мне минуту, и все само собой пройдет.

— Сомневаюсь в этом.

— Почему ты говоришь...

Я становлюсь задом к двери и поднимаю платье сзади.

— Потому что я не надела трусики сегодня.

— Дерьмо! Что, черт возьми...

Закрываю дверь и хохочу всю дорогу до дома.

— Вивьен! — Джеки обнимает меня.

— Джеки, рада снова вас видеть.

— Где Оливер?

— О... он все еще в машине. Ему нужно эм... отрегулировать что-то, перед тем как зайти.

— О, надеюсь, все в порядке.

— Уверена, ничего серьезного, — улыбаюсь я.

— Ну, тогда иди во двор. Хью и Ченс там.

— Могу я вам чем-то помочь?

— Нет, если ты, конечно, не хочешь порезать овощи на салат.

— С удовольствием.

Джеки ведет меня на кухню и показывает на дуршлаг с морковью, перцами и помидорами.

— Нож в верхнем ящике, а разделочная доска на островке, — она надевает свой фартук с цветочным рисунком и смешивает что-то в форме для запекания.

— Что вы делаете?

— Клубнично-ревеневый коблер.

— Ням. Я почти попробовала его вскоре после того, как познакомилась с Оливером.

— Почти? — Джеки смотрит на меня.

— Я не поужинала, а он предложил мне остатки, которые вы передали ему домой, кроме коблера. Он

съел его у меня на глазах, но предложил облизать контейнер.

— Что? Где его манеры?

— Если собираешься рассказывать историю в мое отсутствие, то не упускай важных деталей, — говорит Оливер, подходя ко мне сзади. — Я предложил ей последний кусочек, но она отказалась, а затем практически отгрызла мне руку, после того как я засунул ложку в рот.

Я бью его локтем в живот.

— Я не откусывала тебе руку.

Джеки смеется и, когда я поднимаю взгляд, вижу искорки в ее глазах, когда она наблюдает за нами и нашим игривым подшучиванием. Оливер обнимает меня и зарывается носом мне в шею, пока я продолжаю нарезать овощи.

— Ты все отрегулировал в машине? — спрашивает Джеки.

Оливер усиливает свою хватку на мне.

— Что?

— Вивьен сказала, что тебе нужно что-то отрегулировать.

— Да, она так сказала? — он щипает меня за бока, заставляя подпрыгнуть. — Да, я отрегулировал.

Я сжимаю губы в попытке скрыть усмешку, которая так и норовит сорваться.

— Думаешь, ты очень веселая, да? Просто подожди, пока я отрегулирую тебя позже, — шепчет он мне на ухо. — Я буду во дворе, — говорит он нам обеим.

— Хорошо, дорогой, — Джеки подмигивает ему.

Мы наблюдаем, как он уходит.

— Ты хорошо на него влияешь, — говорит Джеки, отправляя коблер в духовку.

— Вы так думаете?

— Я это знаю. Когда он переехал обратно в Бостон, я волновалась за него. Мальчик, которого я когда-то знала, который был полон жизни, отпускал шуточки и должен был стать успешным юристом, казалось, исчез. Он возвращается. Каждый день я вижу это все больше, и я знаю, что это из-за тебя.

Я краснею. Это Оливер был тем, кто подарил мне жизнь за прошедший месяц. Я не уверена, что сделала много для него, поэтому слова Джеки трогают меня до глубины души, но, в то же самое время, мне грустно за Оливера.

— Я знаю, что что-то значительное произошло в то время, когда он был в Портленде. Зная это, можно легко разгадать загадку. Я не спрашивала его ни о чем и не планирую. Я хочу, чтобы он рассказал мне, когда и если он будет готов. Тем не менее, я знаю, что это не покидает его мысли. Я вижу его другую сторону, это смесь злости, незащищенности и... я не знаю, может, горя?

Джеки кивает, но не отвечает. Она просто смотрит на меня, и я вижу ее внутреннюю борьбу по тому, как морщится ее лоб и по мелким морщинкам в уголках ее глаз.

— В любом случае он попросил меня переехать к нему, так что это хороший знак, правильно?

Конфликт на ее лице перерастает в полнейший шок.

— Да?

Я киваю и морщусь.

— Уже слишком поздно, но, может, мне следовало подождать, пока он сам расскажет вам.

Джеки качает головой, или может она пытается оправиться от шока.

— Нет, все нормально. Я ничего не буду говорить, пока он сам этого не сделает, — она улыбается, но улыбка вынужденная, и я начинаю чувствовать себя неудобно.

— Вот, все нарезано. Я хочу зайти в ванную перед ужином. Вам нужна еще какая-нибудь помощь?

— Спасибо, думаю, все остальное уже готово.

Оливер

— Где Вивьен?

— Она в ванной, но она там уже некоторое время. Может, тебе следует посмотреть как она, — говорит мама, проходя мимо меня, когда выносит тарелки и приборы.

— Да, так и сделаю.

Я останавливаюсь у двери и слушаю, но ничего не слышу.

— Вивьен? — стучу я.

— Да?

— Ты там в порядке?

— Да, я сейчас выйду.

— Ты плохо себя чувствуешь или что?

— Нет.

— Женские дела?

Дверь распахивается.

— Нет, у меня нет женских дел или чего-то подобного.

— Ты жалеешь, что не надела белье?

— Нет! — она закатывает глаза.

Черт! Зачем я снова затронул эту тему? Я опять твердый.

Она вздыхает.

— Я сказала твоей маме, что ты попросил меня переехать. Затем подумала, что не вправе была делиться этой новостью с ней. Ты сердисься?

Мужчины страдают как синдромом дефицита внимания, так и острым помешательством члена (ОПЧ). Последнее характеризуется невозможностью запомнить то, что было сказано в промежутке, по крайней мере, пяти минут после того, как сексуальные мысли посетили наш мозг, и если новая мысль заползает снова в течение этих пяти минут, начинается новый отсчет.

— Оливер? Ты слышал меня?

— Что? Да... нет. Тебе необходимо начать носить нижнее белье, каждый день. Ладно? — я поправляю себя, а она наблюдает за моим движением.

— Что насчет твоей мамы?

— Уверен, она его носит. Не думаю, что она относится к тому типу...

— Оли! Я говорю о том, что она знает, что я переезжаю к тебе.

— О, — я притягиваю ее к своей груди и целую в макушку. — Я собирался рассказать всем за ужином в любом случае, так что это не такая уж и проблема. А что? Что сказала моя мама?

— На самом деле ничего, но она выглядела шокированной. Я имею в виду, перед этим она сказала, что я хорошо на тебя влияю, но затем, я сказала, что ты попросил меня переехать, и все ее поведение изменилось.

— Я уверен, с ней все в порядке.

Вивьен поднимает на меня взгляд.

— А с тобой? Я чувствую, что поспешила, и мы не так давно знаем друг друга. Я бы поняла, если бы ты захотел поменять свое решение.

Черт, да, я хочу передумать. Кто бы ни захотел после временного помутнения рассудка? Логическая часть моего сознания хочет сказать ей, чтобы бежала не оглядываясь.

— Я не собираюсь менять решения, — я целую ее, и неразумная часть меня, которая попросила ее переехать, возвращается и побуждает мой ответ, основанный на ОПЧ.

— Нам лучше идти, — бубнит она возле моих губ. — Они ждут нас.

— Пусть подождут, — я посасываю ее язык и хватаю грудь одной рукой, в то время как другой поднимаю перед ее платья.

— Оли, остановись.

Я проскальзываю пальцем в ее скользкую плоть.

— Ты уверена?

Ее голова падает мне на грудь, когда она хватается руками за мои плечи.

— Да... я имею в виду нет. Я имею в виду... о... боже.

— Это означает «да»?

— Нет.. да... о... боже, — ее ногти впиваются в мою кожу даже сквозь рубашку.

Я добавляю второй палец и потираю ее маленький комочек большим пальцем. Это по-садистски с моей стороны, как по отношению к ней, так и к себе, но я не могу остановиться.

— Вы двое идете? — кричит Ченс с задней двери.

— О боже! — кричит Вивьен, когда я щипаю ее сосок сквозь платье и сильно тяну его. Отпуская, я закрываю ей рот рукой.

— Что это? — отвечает голос Ченса.

— Через минуту, — кричу я в ответ. — Ты близко? — шепчу ей на ухо.

Она сгребает в кулак мою рубашку и сглатывает, кивая головой, ее веки тяжелеют.

— Хорошо. Встретимся за обеденным столом, — я вытягиваю пальцы, целую ее и ухожу.

— Оливер! — говорит она сквозь зубы, но я не оборачиваюсь.

Как аукнется, так и откликнется.

Ченс ждет меня в дверях.

— Думаю, ты должен попросить Вивьен произнести молитву перед ужином, — говорит он приглушенным голосом.

— Что?

Он кладет руку мне на плечо, когда мы идем к столу.

— Только что мне показалось, что она очень религиозна.

— О чем ты говоришь?

— Я слышал, как она взывала к Богу.

— Ты пьян? — я отталкиваю его.

— Еще нет, но о... Боже, как мог бы быть, — его голос поднимается на пару октав.

Я смотрю на него пристально.

— Ни слова ей. Ты не должен ее смущать.

Он поднимает руки и качает головой.

— О... Боже, нет, это твоя работа.

— О чем вы говорите, мальчики? — мама садится за стол рядом с отцом.

— Ни о чем.

— Вивьен идет?

Ченс ухмыляется и фыркает, как извращенный подросток.

— Да, она кон... на пути(прим.ред. слово come в англ. языке переводится не только как движение, но и как «кончать»). — Я качаю головой в сторону Ченса.

— Вот и она, — говорит папа.

Она улыбается моим родителям и даже посылает Ченсу милый взгляд. Я? Я не получаю ничего, даже мимолетного взгляда. Вставая, я отодвигаю для нее стул.

— Ты злишься? — шепчу ей на ухо.

— Я не злюсь, я не останусь в долгу, — говорит она сквозь зубы.

Если бы у нас не было слушателей, я бы поспорил, что то, что я сделал и называется «не остаться в долгу» у нее, и что сейчас мы действительно в расчете. Конец. Финал. Точка.

— Как Кейп-Код? Думал, что вы не вернетесь до воскресенья, — Ченс знает на какие мои кнопки надавить сегодня.

— Вивьен нехорошо себя чувствовала. Думаю, ей и сейчас не очень — черт! — я хлопаю рукой по столу, заставляя стаканы и приборы звенеть.

— Оливер, что ты делаешь? — мама глядит на меня строго.

— Вообще-то, — прерывает Вивьен с фальшивой улыбкой, сжимая мои причиндалы под столом так сильно, что я сомневаюсь в их целостности, — у Оли проблема, ну, я говорю это, потому что вы его семья и тут его не осудят — это безопасная зона. Он не может испытывать эрекцию, — шепчет она, — когда в доме есть посторонние люди. Таким образом, наша романтическая вылазка не была такой уж романтической. Поэтому мы приехали домой раньше. Думаю, он нервничает или что-то в этом роде. Что вы думаете, доктор Конрад.

Она же НЕ сказала только что моей семье, что у меня эректильная дисфункция, не так ли? Мой отец смотрит на меня, и я сжимаю зубы, убирая смертельную хватку с моей промежности.

Мой отец усмехается, и я не уверен, что Ченс даже дышит, так сильно он смеется.

— Может, тебе стоит сходить к терапевту, сынок. Эректильная дисфункция может быть симптомом более серьезной проблемы.

— А Вивьен не носит белье, — слова вылетают, и я не могу их вернуть.

Ее глаза округляются, и она начинает задыхаться. Затем они угрожающе сужаются.

— Оли рассек голову оттого, что оступился, гоняясь за мной по всему дому голым, потому что хотел отшлепать меня.

Я бросаю полотенце и целую ее, держа руками лицо. Поцелуй страстный и требовательный, я не останавливаюсь, пока не чувствую, что ее тело всецело поддалось. Хохот вокруг нас подчеркивается аплодисментами.

Отпуская ее губы, я смотрю в ее гипнотические зеленые глаза, все еще удерживая ее лицо, будто мы находимся в нашем собственном маленьком пузырьке.

— Вивьен согласилась переехать ко мне, — говорю я мягким голосом.

Она улыбается и кивает.

Мы разворачиваемся вдвоем, и не знаю, наполненные слезами глаза, смотрящие на нас, от смеха или чего-то другого; но в этот момент, впервые за три года, я не вижу ее: жалость.

— Чувак! Не могу поверить, что ты украл мою девушку, — Ченс отвлекает от нас внимание. Еще больше смеха заполняет ароматный воздух летнего вечера.

— Ты все еще мой запасной вариант, — Вивьен посылает ему воздушный поцелуй.

— Ну, я рад за вас обоих, — говорит мой отец, поднимая бокал. — За Оливера и Вивьен, чтобы вы никогда не прекращали находить юмор в жизни.

Моя мама поднимает бокал одной рукой, а другой вытирает несколько слезинок. Я знаю, что это слезы счастья смешанные с несколькими слезинками грусти. Как бы она не хотела, чтобы я двигался дальше, мое прошлое еще не разрешено и может разрушить все, что у нас есть с Вивьен. Еще один самодиагноз. Это, должно быть, наследственное.

— Мы увидим вас двоих в следующие выходные или у вас другие планы относительно твоего дня рождения? — спрашивает мама.

Вивьен смотрит на меня, подняв брови.

— Когда твой день рождения?

— В пятницу, — я пожимаю плечами. — Но это не такое уж большое дело.

— Хм, — она морщит губы в одну сторону. Боже, хотел бы я прочесть ее мысли. — Ну, тогда ты мой в пятницу, но мы будем на ужине в следующую субботу.

Моя мама светится. Очевидно, что она довольна, когда Вивьен взволнованно улыбается ей.

— Отлично. Я приготовлю все, что ты любишь.

И по традиции субботнего вечера мы все садимся на стулья вокруг огня и открываем еще пиво и наполняем бокалы вином. Я могу просидеть здесь всю ночь, наблюдая, как Вивьен болтает и смеется с моей семьей, будто знает их всю жизнь. Появляется неоспоримое чувство, что она принадлежит этому месту вместе со мной, со всеми нами. Что не имеет смысла, так это душераздирающий крюк судьбы, который я сделал, чтобы добраться до нее.

— Мне нужно взять кое-что в сумочке, — она наклоняется и целует меня в уголок рта, затем идет в дом.

— Она удивительная, — моя мама кивает головой.

— Она такая, — я делаю глоток пива.

— Тебе нужно рассказать ей...

— Я знаю, — я пытаюсь контролировать резкость в своем голосе. Она всего лишь заботится обо мне, но я в слишком хорошем расположении, чтобы думать о дерьме, которое не имеет значения сегодня.

Мой телефон вибрирует, и я вытягиваю его из кармана.

Вивьен: У меня ненасытное желание съесть «Бостон Крем»!

Я: Мы уходим.

Она выходит через заднюю дверь, засовывая телефон обратно в сумочку.

— Спасибо за еще один великолепный ужин, мама, — я встаю.

— Да, это было прекрасно, — Вивьен наклоняется и обнимает каждого из моих родителей.

Ченс встает и похлопывает меня по спине.

— Вы направляетесь домой, чтобы произнести свои молитвы на ночь? — шепчет он мне на ухо.

Не могу сдержать улыбку, когда отвечаю ему подзатыльник.

— Заткнись!

— Спокойной ночи, Ченс, — Вивьен обнимает его, и он приподнимает ее над землей.

Я прочищаю горло, когда вижу, как ее платье скользит вверх по ее ногам к ее, как я знаю, а теперь и все остальные знают, голой попе.

— Расслабь яйца, брат. Я просто обнимаю ее.

Я хватаю ее и притягиваю к себе.

— Объятия закончились, брат.

Ченс умышленно подначивает меня, что я с легкостью игнорирую, кроме тех случаев, когда это касается Вивьен. Еще одно психоаналитическое открытие. Вивьен собиралась отдать свою девственность моему младшему, менее сложному и на удивление не такому испорченному брату, из-за чего я чувствую постоянную мысленную угрозу.

Когда мы идем по подъездной дорожке, она скользит рукой в задний карман моих штанов.

— Ты был сегодня несносным и, если бы я так не жаждала «Бостон Крем», я бы заставила тебя спать на диване.

Вот где все и начинается? Когда я открываю дверь для нее, она смотрит на меня своими невинными глазками, хлопая ресницами, загоня меня в ловушку. Осматривая безжизненные окрестности, освещенные отдаленными уличными фонарями, и слыша только жужжание и визг ночных существ, я вытаскиваю ее, закрываю дверь, вместо этого открываю дверь на заднее сиденье.

— Залазь.

— Что?

— Залазь.

Она осматривается, будто делая свою собственную оценку ситуации, затем проскальзывает на заднее сиденье и отодвигается на противоположную сторону, я сажусь на заднее сиденье с ней.

— Теперь, — начинаю я, расстегивая рубашку, а затем и брюки, — я покажу тебе, как выкидывать меня из моей собственной кровати еще до того, как ты фактически переехала ко мне.

Она сглатывает и ее грудь заметно поднимается при каждом тяжелом вдохе, когда она смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Теперь ты не выходишь из дома, пока я не проверю надела ли ты белье.

Она пытается сбежать через другую дверь, но моя рука двигается вверх по ее ноге и она не может двинуться дальше.

— Ты понимаешь? — я проскальзываю средним пальцем в ее очень влажную киску.

Она делает быстрый вдох.

— Ты понимаешь? — говорю я более твердым голосом, когда проскальзываю в нее еще одним пальцем.

Ее глаза закатываются, и она кивает, испуская мягкий стон.

— Хорошо. Что касается твоей реплики о «несносном», я думаю, ты говорила о себе. Ты сводишь меня с ума — ты делаешь меня сумасшедшим, веселым сумасшедшим, сексуально возбужденным сумасшедшим... просто безумно сумасшедшим. Я думаю, ты хочешь, чтобы я отшлепал тебя.

Ее глаза быстро открываются.

— Я думаю, тебе нравится видеть, как далеко ты можешь меня подтолкнуть. Каждое слово, слетающее с твоих сексуальных губ, молит, чтобы я отреагировал. Поэтому, если я сплю на диване сегодня, будь уверена, что ты будешь подо мной, а мой член будет похоронен глубоко в тебе.

Другой рукой, я поднимаю ее платье до талии, она сгибает левую ногу, позволяя обуви упасть, затем ставит ступню на сиденье. Я ужасно твердый и умираю от желания оказаться внутри. Освобождая себя от трусов, я вытягиваю пальцы и направляю свой член в нее сильным толчком.

— Оли! — я заставляю ее замолчать своим ртом, она проскальзывает руками под мою рубашку и царапает кожу на спине.

Я закончил разговор. Я всегда молчу, когда нахожусь внутри нее. Я не могу говорить, я не могу думать, и с первого дня, как я положил на нее глаз, думаю, я ждал, когда смогу, наконец, дышать.

Она — это тот самый момент, когда я падаю с неба и всплываю с глубины океана, она — это жизнь.

— О, боже, Оли, я так сильно тебя люблю!

Ее слова разжигают меня так, что я вбиваюсь в ее прекрасное тело, одурманенный ее прикосновениями, ее запахом, ее вкусом.

— Я тоже тебя люблю, братишка. Когда закончишь, я буду в своем грузовике ждать, чтобы ты дал мне выехать с подъездной дорожки.

Я замираю, это сделать легко, учитывая, что голос Ченса действует на нас, как опрокинутый ушат холодной воды. Тело Вивьен становится неподвижным, когда она зарывается лицом мне в шею.

— Убирайся, черт побери, отсюда! — я оглядываюсь, не осознавая, что забыл закрыть за собой дверь, когда Ченс поднимает руки.

— Наслаждайтесь. Я буду в грузовике, — он усмехается и идет вверх по подъездной дорожке.

— Дерьмо! — я так зол.

Вивьен начинает хихикать мне в шею, что постепенно перерастает в истерику. Я начинаю вставать.

— Что ты делаешь? — она оборачивает ногами мою талию, чтобы остановить меня.

— Что ты имеешь в виду, что я делаю? — как она может меня об этом спрашивать?

— Я не кончила.

— Мой брат только что застал нас занимающихся сексом на подъездной дорожке к дому моих родителей, а ты хочешь закончить? — не могу скрыть удивления в голосе.

— Да, хочу, — она целует меня и сжимает ноги сильнее вокруг меня.

— Нет! — я отстраняюсь. — Я не могу этого сделать. Мой брат сидит в своем грузовике и тарачится на нас в зеркало заднего вида. Черт, он, вероятно, позвонил маме и попросил бросить пакет попкорна в микроволновку, чтобы есть его во время шоу.

— Ммм, попкорн тоже звучит хорошо, — она ослабляет свою смертельную хватку вокруг моей талии.

— Ты пьяна, не так ли?

Она натягивает платье по ногам, когда я застегиваю штаны и рубашку.

— Нет, может, слегка захмелела, но не пьяна, — она открывает дверь со своей стороны, выходит и машет рукой моему брату, когда обходит машину к пассажирской двери.

Я выбираюсь с заднего сиденья и жду, когда она сядет, чтобы закрыть за ней дверь, и показываю Ченсу средний палец. Я — идиот, она — проблема, а вместе мы... несносные!

Призраки

Вивьен

В наивном мире моей молодости мне нравится верить, что Оливер переехал обратно в Кембридж, чтобы встретить меня. Эта сказка околдовывала меня, даря ощущение, что нам каким-то образом предназначено было встретиться. На самом же деле, я знаю, что что-то плохое случилось с ним, когда он был в Портленде. Я люблю его, поэтому мне легко быть терпеливой. Тем не менее, по натуре я любопытный человек, поэтому неизвестность, неважно, насколько плохой она может быть, убивает меня.

Когда мы лежим рядом друг с другом в кровати, я чувствую, как он собирается с силами сказать мне что-то, возможно все. Затем, так же быстро, как этот момент приходит, он исчезает, оставляя меня гадать «когда». Когда он расскажет мне, что находится за той чертовой запертой дверью? Когда он расскажет мне, почему мы спим на плоском матрасе без подушек? Когда он расскажет мне, почему, имея гарвардское образование, проводит весь день, играясь в грязи и работая за гроши?

— Может, тебе нужно узнать у Алекс можно ли оставить здесь твою кровать, — говорит Оливер, когда мы осматриваем мою пустую комнату, за исключением детской односпальной кровати.

— Что, если мы ее разберем и будем хранить в твоей свободной спальне?

— У меня там уже есть кровать.

— Я имею в виду еще одну.

Он напрягается, глядя на кровать, затем разворачивается и спускается вниз.

Все идет хорошо.

— Эй!

Он останавливается у подножья лестницы. Я спускаюсь и обнимаю его со спины.

— Прости.

Разворачиваясь, он проводит руками по моим волосам и смотрит на меня с такой болью, я чувствую, как слезы пробиваются в уголках моих глаз, и даже не знаю почему. Я нахожусь над пропастью, ожидая, когда мой мир начнется или закончится в то же самое время.

— Это не мое дело.

Он вздрагивает, причинить ему боль — это последнее, что я хотела сделать, но сделала. Я становлюсь на носочки и прижимаюсь к нему губами, затем жду. Он двигает ртом вместе со мной, и все, что я хочу — это чтобы он почувствовал мои яркие эмоции. Он — моя вечность, даже если я для него не более чем его «сейчас».

— Снимите комнату, — говорит Алекс, входя в дом.

— Вы рано вернулись.

Она обнимает меня.

— Да, вынуждены были привезти Кая назад. Он в полном беспорядке.

Я отхожу от нее и смотрю на Оливера, слышал ли он, что она сказала, но он слишком занят разговором с Шоном. Они оба улыбаются. Я не была уверена, как Шон отнесется к Оливеру, так как они с Каем такие хорошие друзья.

— Я больше не могу думать о Кае.

— Я знаю, — Алекс грустно улыбается мне. Она указывает на коробки у входной двери. — Когда ты написала, что переезжаешь к Оливеру, я не думала, что ты имеешь в виду эти выходные.

Я пожимаю плечами.

— В любом случае я нахожусь там все время, и у меня не так много вещей, поэтому мы решили сделать это прямо сегодня.

— Ты понимаешь, что должна рассказать своим родителям.

— Я знаю. Я должна рассказать родителям много всего, — киваю я.

— Я не предполагаю, что ты продолжишь платить мне ренту, — вздыхает Алекс.

— Мечтай. Тебе придется фактически работать с нами в «Зеленом горшке» немного чаще, чтобы твои родители не заинтересовались, почему ты вдруг стала просить больше денег.

— Да, да, ты — предатель, ты знаешь. Я приняла тебя, так как у тебя не было личной жизни и нужно было место, чтобы спрятаться на несколько лет, а ты сказала, что мне не придется беспокоиться о том, что ты будешь приводить парней или отсутствовать и не приглядывать за домом. Теперь смотри до чего ты дошла и что сделала.

Я одариваю ее кривоватой усмешкой.

— Прости.

Алекс толкает меня плечом.

— Как хочешь. Секс хорошо на тебе отражается.

В комнате повисает полная тишина и две пары мужских глаз смотрят на нас.

— На что вы вдвоем уставились? Боже! Типичные мужчины, единственный случай, когда вы не выборочно глухи, это когда упоминаются слова «секс», «киска» и «сиськи», — Алекс закатывает глаза.

— Мы слышали только «секс», детка. Мы пропустили «киска» и «сиськи»?

— Заткнись! — Алекс идет к Шону, и он инстинктивно прикрывает свои яйца. Она бьет его кулаком по руке. — Помоги Оливеру перенести эти коробки через дорогу, чтобы мы с Цветочком побыли несколько минут наедине, чтобы сравнить размеры ваших пенисов.

Оливер и Шон отводят глаза к коробкам. Их нервное смущение ощутимо.

— Я просто шучу, — смеется Алекс — Мы обе уже знаем, чей больше.

Оливер смотрит на меня дикими глазами, но все, что я могу делать — это смеяться.

— Пойдем, Цветочек, — Алекс берет меня за руку и тянет на кухню.

— Ты ужасная.

Алекс открывает бутылку вина и наполняет два бокала.

— Шон любит это.

— Нет, Шон любит тебя, он терпит твое грубое поведение.

Она делает глоток вина.

— Что насчет Оливера? Что он терпит в тебе?

— Мою ненасытную жажду к сексу.

Алекс кашляет и усмехается.

— Я знала это! Спорю, что ты настоящая шаловливая маленькая лисица.

Я глотаю вино и улыбаюсь.

— О, мой Бог, Цветочек! Ты увлекаешься извращенным дерьмом? Шон не будет работать на тебя... никогда!

— Это не просто секс, это секс с Оливером. Он меняет жизнь и сносит голову, как будто

существуешь вне своего тела.

Она качает головой и делает еще один глоток вина.

— Существуешь вне своего тела?

Я киваю и улыбаюсь, испуская мягкий вздох, когда думаю об этом.

— Таким образом, в то время пока некоторые из нас трут свой бугорок, после того как мужчинам не удалось довести дело до конца, у тебя такой секс, что ты ощущаешь, будто существуешь вне своего тела. Великолепно, Цветочек... просто великолепно. Шон должен усовершенствовать свои навыки. Может, нам следует попробовать отшлепать друг друга, как вы делаете с Оливером.

— Шшш... — я выглядываю, чтобы посмотреть, где находятся парни. — Мы этого не делали, — шепчу я. — По крайней мере, пока.

— Пока?

— Пока, — усмехаюсь я. — Это была такая шутка. Я думаю, что это и все, что будет, но не уверена.

— Да, но в этом всем есть доля правды. Мужчины — животные по своей природе. Около года назад Шон вытащил член преждевременно и кончил мне на грудь, будто чувствовал потребность поставить на мне свою метку или какое-то дерьмо в этом роде. Я сказала ему убрать всё, или он будет чувствовать вкус моей мочи в своем кофе на следующее утро.

Я давлюсь вином.

— Не-не нужно мне было этого знать, — я прочищаю горло.

— Ну, я просто рассказываю тебе, чтобы ты была готова. Один день — это дружественное похлопывание по твоей голой заднице, а на следующий он заявит к тебе с оковами, анальным расширителем и бутылочкой смазки «Восхитительная малина».

— «Восхитительная малина»...

Алекс пренебрежительно машет в воздухе рукой.

— Не спрашивай. Моя цель — это чтобы ты запомнила, что твой идеальный сексуальный жеребец является мужчиной, что означает извращенный поддон с фантазиями, которые такой молодой и неопытный маленький Цветочек просто не может себе представить.

— Анальный расширитель? — я часто моргаю.

— Ты полностью упускаешь суть, Цветочек. Не обращай внимания, давай посмотрим, закончили ли мальчики переносить твои вещи.

— Мне нужно поехать навестить родителей, — говорю я, распаковывая одежду в Оливера, в нашей гардеробной.

— Ты собираешься признаться, что не ходила на учебу два прошедших года? — Оливер вытягивает пару моих «я буду всю жизнь девственницей» хлопковых трусиков и улыбается.

Сердито прищурившись, выхватываю их у него.

— Да, и я думаю, мне следует дать им мой новый адрес и представить им моего...

— Твоего кого? — Оливер снова хватает мои трусики и подносит их к носу. Алекс права, мужчины — животные.

— Моего парня-извращенца, — я снова тяну их. — Кондиционер для белья. Они пахнут как кондиционер для белья.

Он смеется.

— Тогда давай поедem на следующей неделе.

— Нет, на следующей неделе твой день рождения, но что ты думаешь, чтобы поехать туда через выходные?

Он бросает пустую коробку к двери, затем плюхается на кровать, заложив руки за голову.

— Так даже лучше. Уверен, что твои родители захотят увидеть тебя на твой день рождения, — он подмигивает мне с улыбочкой великого умника.

— Откуда ты знаешь, когда мой день рождения?

— У меня свои источники. Когда ты собиралась мне сказать?

— Вероятно, на следующей неделе, после того, как ты собирался мне рассказать о своем.

— Я не собирался тебе рассказывать, — он пожимает плечами. — Так как это не имеет большого значения.

— Ну, тогда я собиралась рассказать через неделю после никогда. А теперь, кто тебе рассказал? — я заползаю сверху него и расстегиваю его штаны.

Наклонив подбородок вниз, он наблюдает за мной с ухмылкой.

— Возбуждена?

Я облизываю губы и киваю.

— Имя.

— Мэгги сказала мне пару недель назад. Сказала, что ты никогда мне не скажешь, — он расстегивает пуговицу на моих шортах, а затем молнию.

Я встаю с кровати и стягиваю с него шорты и трусы, затем делаю то же самое со своими шортами и трусиками.

— Никогда — слишком длинный промежуток времени, но она, возможно, была права, — я выскальзываю из своей рубашки и снимаю бюстгальтер.

Он садится и снимает рубашку, затем оглядывается на будильник.

— Ты осознаешь, что у нас был секс около двадцати пяти минут назад.

Я киваю.

— Я могу сбежать купить пончик вместо этого.

Он протягивает руку, и я принимаю ее. Притягивая меня к себе на колени, он затягивает в рот один мой сосок, пристраивая свой член к моему входу, дразня мой клитор движениями вперед-назад.

Я выгибаю спину, и он сосет сосок сильнее, царапая его зубами, когда отпускает его, затем проделывает то же самое с другой грудью. Мне нравится чувствовать, как его язык мучает мои соски.

— Заставь меня кончить... вот... так, — я закрываю глаза и позволяю ему привести меня к выносящему мозг оргазму только дразня языком соски и скользя теплой влажной головкой члена по моему клитору. — Да... Даааа! — я кричу громко и не сдерживаясь. Он начинает проскальзывать в меня, но я встаю с кровати.

— Куда ты...

Я поднимаю палец и усмехаюсь, затем иду в гардеробную. Через несколько секунд я выхожу с важным видом, одетая в черный кружевной бюстгальтер, который почти не скрывает моих сосков, и пару черных сапог, на высоких каблуках, длинной выше колена, без трусиков.

— О, святой Иисус, — дыхание Оливера становится тяжелым, когда его жадные глаза скользят по

моему телу.

Я подхожу к комоду, где произошел несчастный случай, и наклоняюсь, хватаясь руками за край.

— Чего ты ждешь? — говорю я, глядя на него через плечо.

На его лице, лишённом эмоций, появляется улыбка, а его голубые глаза находят мои. Он встает, затем, хватая меня за бедра, слегка касается своим твердым членом моего входа.

— Ты, черт побери, мечта каждого парня, ты же знаешь это, правда? — он погружается в меня и несколько фотографий его семьи вместе с его наручными часами и какой-то мелочью дребезжат на комод. Стон вырывается из его груди, когда он останавливается, погруженный глубоко во мне.

— Я хочу быть только твоей фантазией, Оли.

— Миссия выполнена, — говорит он сквозь стиснутые зубы, затем выходит и резко входит в меня снова и снова, увеличивая скорость и силу с каждым ударом.

Оливер

Зверски больно от того, как сильно я полюбил ее за последние несколько недель. Я сижу на краю кровати и наблюдаю, как она продолжает раскладывать свои вещи в шкафу и ящиках комода, которые я освободил для нее. Она снова в шортах и футболке, но у меня перед глазами она все еще в тех сапогах и кружевном бюстгальтере. Одно я знаю наверняка... я никогда не смогу взять кошелек и часы с комода, не вспомнив ее, склонившуюся над ним и спрашивающую, чего я жду.

Она не представляет, как тяжело мне было смотреть на ее спину сегодня. Те шрамы показывают, насколько сильно она отдается мне на самом деле, насколько она мне доверяет. Вивьен вся на виду, ничего не скрывает, принимает меня таким, каков я есть, и я самый счастливый ублюдок. Она заслуживает того же, и каждый раз, когда я думаю, что слова правды, моей правды, готовы сорваться, этого не происходит. Я не могу сказать их ей. Будто они приклеены к моей душе и это всего лишь вопрос времени, когда она вырвет их из меня.

— Ты страшно молчалив, мистер Конрад. Слишком много секса сегодня? — она усмехается, складывая коробки у двери, что следовало делать мне. Вместо этого я потерялся в своем собственном мире жалости к себе.

Я протягиваю руку, и она берет ее, снова отдавая мне все с полным доверием. Притягивая ее к себе между ног, я кладу щеку ей на грудь, в то время как, едва касаясь пальцами, глажу ее ноги с тыльной стороны.

— Я люблю тебя, ты же знаешь это, да?

— Знаю, — она проскальзывает пальцами мне в волосы.

— Хорошо, потому что однажды ты можешь подвергнуть сомнению мою любовь к тебе, но не нужно этого делать, — я смотрю на нее и вижу обеспокоенность, отраженную в морщинках на ее лбу.

Она передвигает руки к моему лицу, оставляя свои ладони на моих щеках.

— Хорошо.

— Неважно что, я серьезно. Обещай, что никогда не забудешь, как сильно я люблю тебя и как сильно недостойн тебя, но я эгоист, поэтому для меня невозможно отпустить тебя.

— Оли, ты пугаешь меня.

Я обнимаю ее сильнее, будто могу физически соединить с собой, чтобы ничто никогда не смогло бы нас разделить.

— Не пугайся.

Она отклоняется назад и смотрит на меня.

— Ты умираешь?

Я смеюсь.

— Мы все умираем, а когда ты не надеваешь белье, ты убиваешь меня немножечко быстрее с каждым днем.

— Я серьезно, — она закатывает глаза.

— Я тоже, — усмехаюсь я. — Но я не больше умираю, чем ты.

Она отходит назад, открывая последнюю коробку. Вытаскивая флисовое одеяло, она бросает его на кровать рядом со мной, затем она вытаскивает подушку и прижимает ее к груди. Кусая от волнения нижнюю губу, она смотрит на меня.

— Мне нравится спать головой на подушке.

Бл*дь!

Я тяжело сглатываю и медленно качаю головой.

— Я не могу.

— Она не для тебя, только для меня...

— Я не могу, — я стараюсь, чтобы злость не прокралась в мой голос.

Она делает шаг по направлению ко мне с подушкой, и я чувствую, как на коже выступают капельки пота.

— Вивьен? — я вытягиваю руку и качаю головой быстрее. Она останавливается. — Помнишь, что я только что тебе сказал?

Она кивает.

Я пытаюсь контролировать свое дыхание и выровнять голос.

— Хорошо, тогда тебе нужно избавиться от чертовой подушки до того, как я порву ее на лохмотья.

Печальное выражение на ее лице опустошает меня, но я не могу изменить того, что происходит и ненавижу себя за это. Как бы я не хотел притвориться и сделать вид, что внутренний страх не съедает меня живьем, я не могу.

Несколько слезинок падают из ее глаз, затем она разворачивается, кладет подушку обратно в коробку и несет ее вниз. Я не могу дышать, когда пот стекает по моему лицу. Я сбрасываю одежду и прыгаю в холодный душ. Раскаianie накатывает на меня быстрее, чем вода.

Я ненавижу ее. Я ненавижу ее. Я ненавижу ее.

Глава 17

Для твоего удовольствия или моего?

Оливер

Мы ходим на работу, едим, спим и даже занимаемся любовью как в первый и последний раз. Она все такая же игривая, веселая и чертовски сексуальная, будто я и не развалился на части перед ней из-за какой-то подушки. Я пытаюсь улыбаться в нужный момент и делаю вид, что участвую в наших разговорах. Я живу с женщиной, которую люблю больше, чем саму жизнь, но, все же, я несчастен.

— Ты взволнован из-за своего дня рождения завтра? — яркие глаза взирают на меня, когда мы садимся на Красную ветку метро, чтобы добраться до работы.

Качая головой, я обхватываю руками ее задницу и притягиваю ближе к себе.

— Это просто еще один день.

Она прикусывает губы. Затем шепчет мне на ухо:

— Увидим, будешь ли ты завтра к концу дня называть его «просто еще одним днем».

И... я уже твердый. Просто великолепно.

— Спасибо за стояк. Это моя остановка.

Она целует меня и усмехается.

— Люблю тебя.

— Ммм, я тебя тоже, — я разворачиваюсь, чтобы выйти из метро, и она шлепает меня по заднице. Я резко поворачиваюсь и вижу дьявольскую соблазнительницу в ее глазах, ловлю несколько смешков и ухмылок со стороны пассажиров вокруг нее. Как только схожу, и двери закрываются, я пишу ей сообщение.

Я:Расплата — суровая штука, моя любовь!

Вивьен:Надеюсь!

Мы с Ченсом начали новый проект в парке возле гавани. Это будет день непосильного физического труда: шесть тон камня и пятьдесят мешков мульча[51] нужно перевезти на тачке.

— Какие планы у Вивьен относительно твоего дня рождения?

— Она не говорит.

— Спорю, что они включают в себя кожу, хлыст и глазурь на ее кексиках.

Я вставляю лопату в кучу камней.

— Я не думаю о ней в таком ключе.

Ложь.

— Конечно же, нет. Вот почему ты не можешь даже убратся с подъездной дорожки родителей, прежде чем взять ее на заднем сиденье своей машины.

— Вот оно, — я качаю головой и поднимаю телегу за рычаги. — Я был фактически удивлен и в какой-то мере гордился тобой, когда ты не упоминал об этом целую неделю, а я думал, что наверняка ты будешь подшучивать надо мной еще в понедельник.

— Это впечатляет, не так ли? — он закидывает пару мешков мульча на плечо.

— Это впечатляло, но теперь уже нет.

— Мама с папой волнуются за тебя.

— Что в этом нового?

— Они думают, что ты все испортишь, не рассказывая ей.

— Я собираюсь рассказать ей. Всем остальным нужно просто не лезть не в свое дело.

— Когда?

Я выгружаю камни на ландшафтную бумагу.

— Когда мы вернемся от ее родителей в следующие выходные.

— Класс. Тогда ее родители будут знать в лицо парня, который разбил сердце их маленькой девочке.

— Я не собираюсь разбивать ей сердце! — вот как он давит на нужные кнопки.

— Эй, мужик, не расстраивайся. Я понимаю...

— Ты, бл*дь, не понимаешь! Никто не понимает! Тебя там не было, ты не видел того, что я!

Ченс смотрит вокруг, не слышит ли кто меня. Он ничего не говорит... до конца дня.

Вивьен

— Оли? — шепчу я, садясь на него верхом. — Ты пропустишь восход в такой важный для тебя день, детка.

Он закрывает лицо рукой. Я представляю, что он надеется, что через пятьдесят лет мы делаем то же самое, и что я все еще буду помнить этот день. Прокладывая дорожку из поцелуев по его телу и по его выпуклым мышцам пресса, я убираю руки с его лица. Он зажмуривает глаза, как непослушный маленький мальчик.

— Отлично, — я слажу с него. — Я буду на террасе, если ты передумаешь.

— Подожди!

Я улыбаюсь, и мне не нужно разворачиваться, чтобы увидеть, что он открыл глаза.

— Тебе нравится?

— Возвращайся назад.

Я разворачиваюсь, чтобы он смог увидеть мой красный кружевной «тедди»[52] спереди, нижняя часть которого представляет собой трусики-танга.

— Встретимся на террасе.

— Вивьен!

Я усмехаюсь всю дорогу до террасы. Как только я открываю дверь, его руки уже на моей голой попе, ласкают ее.

— Присаживайся, именинник.

Он садится на шезлонг и усмехается, будто я вот-вот воплощу все его желания в жизнь... и я так и делаю. Небо все еще темное, но небольшая линия света пробивается над горизонтом.

— У тебя когда-нибудь был секс, пока ты наблюдал за восходом, Оли?

Он качает головой, а его глаза неотрывно следуют за мной. Я раздвигаю его ноги, становлюсь на колени на шезлонг между ними.

— Хорошо. Я думаю, тебе сегодня исполняется тридцать лет, правильно?

Он кивает, а его рот широко открывается, когда я освобождаю его от трусов.

— Ну, тебе повезло, что у меня нет сильного рвотного рефлекса, поэтому ты просто сиди и наблюдай за восходом, пока я буду делать тебе тридцатиминутный юбилейный минет.

Его дыхание сбивается, когда я беру его в рот.

— Н-не знаю... продержусь ли... тридцать минут.

Смотрю на него вверх, пока мой язык медленно поглаживает его головку.

— Конечно же, ты не продержишься, малыш. — Я беру его в рот так быстро, как только могу, затем сосу и кружу языком вокруг, выпуская его. — Но это хорошо, я проглочу и начну все с начала.

Тридцать минут, один быстрый и два медленных оргазма спустя, Оли одевается, пока я готовлю завтрак.

— Вот, малыш, — я ставлю его тарелку, когда он садится за стол.

— Ммм, пахнет хорошо.

— Пюре, индейка и пшеничный тост. Кофе?

— Пожалуйста, — он поворачивается, когда я иду на кухню, и все еще смотрит на меня, когда я

возвращаюсь с двумя чашками кофе.

— Что? — я поднимаю бровь.

— Ты собираешься в этом идти на работу?

Я смотрю вниз на мой красный «тедди».

— Да.

Его глаза чуть ли не вылезают из орбит.

— Мэгги говорит, что бизнес немного сбавил обороты за последнее время, поэтому я подумала, что могла бы стоять перед дверью, как талисман и зазывать новых клиентов.

Его тост выпадает из руки обратно в тарелку.

— Шучу, Оли, — я смеюсь и качаю головой. — Расслабься, я просто шучу.

Он выдавливает из себя улыбку и продолжает есть.

— Ты был каким-то тихим, даже отвлеченным во время восхода. Я ожидала обратного, я имею в виду... тебе же понравилось?

Он ухмыляется, глядя в тарелку.

— Да, это было приятно и неожиданно.

Мой аппетит пропадает. Я вижу, что что-то беспокоит его. На самом деле нет ничего более унижительного, чем вырядиться в нижнее белье и сосать парню член в течение получаса, чтобы получить в итоге холодный прием и тебе сказали, что это было «приятно». Хороший фильм или ужин с друзьями — это «приятно», длительный минет, в честь дня рождения, заслуживает другого прилагательного.

Я встаю и несу свою тарелку на кухню.

— Рада, что тебе было приятно. Я иду наверх собираться на работу.

— Вивьен?

Я останавливаюсь посередине лестницы.

— Хм?

— Что-то не так?

«Я не знаю, ты мне скажи!»

— Нет. Я спущусь через несколько минут, — я разворачиваюсь и дуюсь на него по пути к гардеробной.

— Приятно. Я съела три порции твоей спермы на завтрак, а все, что ты можешь сказать, так это то, что было «приятно»! — бурчу я себе под нос, освобождаясь от этого тупого дорожущего куса чего-то непонятного, от которого все чешется.

Я никогда не хотела смешивать Оливера с категорией «типичный мужчина» до сегодняшнего дня, в его день рождения. Я даже не могу надрать ему зад за то, что он был таким равнодушным. Может, завтра. Мне интересно, каков период ожидания перед тем, как накричать на кого-то за то, что он вел себя, как идиот, в свой день рождения.

— Пойдем, — я нацепляю фальшивую улыбку, когда беру свою сумочку.

— Спасибо за завтрак. Он был невероятным! — он проскальзывает ногами в свои ботинки у входной двери.

Картофель и индейка были невероятными, а тридцатиминутный минет — приятным? Я обдумываю еще раз свои планы на него позже. Может, мы закажем еду домой, и я смогу вязать, пока он будет

отмывать пол в кухне снова. Это, вероятно, тоже приятно. Мы спускаемся по ступенькам и направляемся к Гарвардской площади.

— Я думала о том, чтобы пойти сегодня куда-нибудь, но сейчас решила, что, может, ты бы предпочел остаться дома и заказать еду домой?

Он обнимает меня рукой.

— Звучит идеально.

Конечно же, звучит идеально. Тридцать лет, должно быть, как пятьдесят по-новому. Мне следовало купить ему тапочки и кардиган на день рождения. Возможно, у меня раздутое эго, которое насмехается надо мной. Возможно, я ему уже наскучила. Может, Алекс права. Оливер хочет сделать наши отношения более пикантными, что кажется нелепым, так как они находятся все еще на стадии медового месяца. Могу предположить, что мне стоит взять несколько вещичек и испробовать их на нем сегодня вечером. У него, вероятно, было столько минетов, что я и представить себе не могу, поэтому утром была лишь растянутая версия слишком знакомой ему рутины.

— Что происходит в твоей прекрасной головке?

Ох, ничего. Просто делаю мысленную пометку, что нужно поискать в Гугле магазины секс-игрушек, когда приеду на работу.

— Ничего, совсем ничего.

Наше утро на работе очень насыщенное, по крайней мере, что касается нелегальных продаж за наличные. Мэгги и ее VIP-клиенты провели большую часть утра, обсуждая мельчайшие детали всего, что наше правительство делает не так — финансовые кампании... бла, бла, бла...

корпоративная политика... бла, бла, бла... и, конечно же, необходимость легализации марихуаны.

— Некоторые из твоих покупателей больше не выглядят больными, но все-таки продолжают приходить. Что происходит?

— Смотри, как долго я нахожусь в стадии ремиссии, — смеется Мэгги, — но я продолжаю курить косяк перед сном каждый вечер. Не критикуй, пока не попробуешь.

— Ты хочешь, чтобы я попробовала?

— Конечно! Это может быть по-настоящему сложный год для тебя, Вив. Секс, «травка» и Гарвард. Я открываю новую коробку садовых перчаток и выставляю на прилавок.

— С моей удачей, могло бы быть: секс, «травка», тюрьма и никакого Гарварда.

— Фигня, я отправлю тебе домой парочку папирос для тебя и твоего именинника сегодня. Только не курите в метро или на передних ступеньках дома, и все будет в порядке.

— Я вроде как планировала кое-что другое на сегодняшний вечер. Не знаю, стоит ли это смешивать с «травкой».

— Что это, сладкая?

Я хихикаю и качаю головой.

— Не могу поверить, что говорю это тебе, но какая разница. Я планировала приобрести кое-какие игрушки, чтобы испробовать их.

— Валяй, — она машет рукой в мою сторону. — Я все их видела... и также использовала большинство из них.

Моя челюсть падает до пола.

— Что?!

— Не будь так удивлена. До того как я начала носить шарфы и парики, я была очень даже шаловливой маленькой распутницей.

— Мэгги.

— Это правда. Спрашивай меня все, что угодно.

— Я-я... ну...

— Ты думаешь о чем-то, что доставит удовольствие тебе или ему?

— Ох... эм...

— Никогда не переоценивай мощь и удовольствие от хорошего strapon. Я бы порекомендовала набор для новичков и начала бы с маленьких размеров, если он, конечно, не имеет опыта в этой области. Может, стоит узнать у него перед тем, как покупать что-то. В таких магазинах обычно нет возврата. О, и не забудь... много смазки.

Она обкурилась? Или я? Я не могу представить, как Оливер отреагирует на сообщение, в котором я спрошу, пользовался ли он когда-либо дилдо или straponом, и, если да, то какой размер ему подойдет?

— И если ты подумываешь о чем-то менее дорогом, я могу предложить вибраторы «для ее-и-его удовольствия». И снова-таки, много смазки, особенно если ты возьмешь тот, который предназначен для точки G. Предполагаю, что Оливер достаточно хорошо «оснащен», так что твоя маленькая вагина не сможет легко принять его и вибратор в то же самое время. Но как только они оба окажутся внутри... супер! Позволь сказать тебе, это на самом деле обалденно!

О, боже! Этот разговор не происходит на самом деле. Я скоро проснусь в поту и буду истерически смеяться над этим странным сном, который вызвало мое сознание.

— Да, возможно, мы просто накуримся сегодня. Никаких возвратов и дорогих покупок, я ненавижу принимать поспешные решения, не проверив, эм... отзывы покупателей или рекомендации в женских журналах.

Мэгги протягивает мне последнюю пару перчаток и приклеивает на них ценник.

— Хорошо, но, если хочешь, я могу посмотреть, что у меня есть в подвале. Уверена, что там завалилось пару коробок с приличным ассортиментом. Могу закинуть все в посудомойку, чтобы все хорошенько вымыть, а то, что работает от батареек, почищу «Лизолом»[53].

Я усмехаюсь.

— Не нужно. Уверена, что новые — не содержат бисфенола А и фталата, кроме того нужно почитать отзывы. Поэтому... сегодня мы остановимся на «травке».

Это сумасшествие, так как в этой точке нашего разговора курение марихуаны кажется чем-то невинным, почти нормальным по сравнению со всем остальным.

— Как хочешь. Ты знаешь, где меня найти, если передумаешь.

Эм... да, этого не будет.

Глава 18

Пересекая черту

Оливер

Я никогда не относился к типу мужчин, которые ревнуют, пока Вивьен не ворвалась в мою жизнь.

Три года без секса в моем возрасте — это достаточно долго. Теперь жизнь мне предоставила этого

невероятного сексуального джина в бутылке, который воплощает в жизнь все мои фантазии.

Проблема в том, что... каждый раз, когда она берет мой член в рот, все, что я вижу — это Кай. Ее рот на нем.

— Эй, именинник! — Вивьен приветствует меня у двери восторженным объятием и длинным чувственным поцелуем. — Как прошел день?

— Не так хорошо, как это, — я снова целую ее. — Но все-таки, нормально.

— Хм, ну, у меня есть ужин — индийская кухня, и я купила торт. Я знаю, твоя мама собирается испечь для тебя завтра, поэтому я даже не пытаюсь конкурировать с ней.

Я развязываю шнурки на ботинках и снимаю их, затем стягиваю свою потную футболку.

— Я собираюсь быстро принять душ. Хочешь присоединиться ко мне?

Она смотрит на мою грудь и затем делает это — облизывает губы, будто хочет попробовать меня на вкус. Тридцатилетие уже не кажется таким плохим сегодня.

— Я бы с удовольствием, я имею в виду, я бы действительно хотела, но мы оба знаем, что тогда это не будет быстро, а ужин остынет, — она посылает мне воздушный поцелуй из кухни. — Мы сделаем это вместе позже.

Я пожимаю плечами и разворачиваюсь, медленно поднимаясь вверх, ступенька за ступенькой, при этом расстегиваю джинсы и приспускаю их на бедра, выставляя напоказ часть попы.

— Ты многое теряешь.

— Классные трусы, малыш. По крайней мере, хоть один из нас надел белье сегодня.

Я пытаюсь играть честно, но, черт возьми, если она только что не обыграла меня в моей собственной игре.

— Я говорил, что прикреплю трусики степлером к твоей заднице, если ты не начнешь их носить?

— Возможно.

Я бубню какие-то неразличимые ругательства и направляюсь в ванную, чтобы принять очень холодный душ. Океан мыслей проносится в голове, и хаос в мозгу практически вызывает тошноту. Я неудержимо влюблен в Вивьен. За такой короткий период времени она заполнила мои мысли, наложила заклятие на мое тело и заползла в самую глубокую часть моей души. День без нее казался бы целой жизнью, лишенной воздуха, вечностью без света.

Когда я натягиваю футболку через голову и пальцами расчесываю волосы, я играю словами в моей голове. Словами, которые ей нужно услышать, и она услышит — скоро. Я ухмыляюсь, но не от удовольствия, а от боли и полного неверия в садистскую иронию того, что за этим последует. Что я скажу ее родителям в следующие выходные? «Привет, я парень, который с ума сходит по вашей дочери, но как только мы отсюда уедем, я разрушу ее, потому что не похоже, что человек в возрасте двадцати двух лет, даже такой умный, как ваша дочь, может понять действительность моего прошлого». Да, это подойдет.

Вижу, как Вивьен обувает шлепанцы и вешает сумочку на плечо, когда спускаюсь вниз.

— Что ты делаешь?

Она смотрит на меня, а ее глаза красные, на щеках следы от слез.

— Мне нужно идти. Мне так жаль.

— Что не так? Что случилось?

Глаза, наполненные слезами, смотрят на меня, когда я притягиваю ее в свои объятия.

— Бэт умерла, — всхлипывает она.

— Кто такая Бэт?

— Сестра Кая.

Я напрягаюсь при упоминании его имени.

— О — она попала в... автомобильную аварию.

— Мне так жаль, — слова вылетают автоматически, потому что я чувствую ее боль и хочу забрать ее.

— Мне нужно ехать, — ее сломленный голос немного громче шепота.

— Куда?

Она отступает, вытирая щеки пальцами.

— В Хартфорд, с Каем. Я привезу его туда на машине, потому что он не в состоянии садиться за руль. Алекс и Шон приедут в воскресенье, и я вернусь назад с ними после похорон в понедельник.

— Я еду с тобой.

— Нет... Каю не нужно это... когда мы вместе, — вздыхает она.

Я стараюсь контролировать свои эмоции.

— Я думал, что между вами двумя...

— Боже! Он только что потерял свою сестру. Я была его лучшим другом целую вечность. Сейчас не время разбираться с этим! Что у тебя с ним за проблемы?

— У меня с ним проблемы? — я откидываю голову назад. — Ты серьезно? Моя проблема с ним заключается в том, что с тех пор, как мы ездили на Кейп-Код, все, что я вижу перед глазами — это его член у тебя во рту. Это все, что я видел этим утром. Это все, что я...

— О, боже! Я так и знала. Я так и знала, что что-то было не так этим утром. Невероятно! Я потратила более ста долларов на белье и сосала тебе член более тридцати минут, каждый раз глотая сперму, а все, о чем ты думал — это Кай?

Она отходит спиной ближе к входной двери, качая головой, ее лицо напряжено.

— Вив...

— Нет! Я отдала тебе всю себя. Я отдала тебе что-то, чего не было у других мужчин. Я предала шестнадцатилетнюю дружбу ради тебя. Я поделилась с тобой наиболее болезненной частью моего прошлого, а что ты дал мне?

Я едва могу дышать, когда холодная кровь течет по моим венам.

— Что случилось в Портленде? Почему ты так боишься подушек и что, ради Бога, находится за той запертой дверью наверху? — злость в ее голосе какая-то новая... неузнаваемая.

Я делаю шаг назад. Ее слова становятся отдаленным эхом.

— Ничего? Это все, что ты можешь? Тогда отлично. Я буду в Хартфорде со своим лучшим другом оплакивать потерю его сестры, сестры, о которой я думала, как о своей собственной. Поэтому, если единственные мысли, которые ты хочешь со мной разделить — это жалкая ревность к члену какого-то другого парня у меня во рту, тогда я думаю это... — она указывает пальцем между нами, — было громадной ошибкой.

Слезы стекают по ее щекам, и я ненавижу себя за это. В этот момент я осознаю, насколько я сломлен, так как ни единого слова не слетает с моих губ, когда я смотрю, как она выходит за дверь.

Вивьен

— Ты не обязана везти меня домой, — говорит Кай после получасового молчания.

— Обязана. Тебе опасно садиться за руль, когда ты так рассеян.

— У твоего парня нет проблем с тем, что ты везешь меня домой? — он не отрывает взгляд от бокового окна.

— Нет, — вру я, потому что не хочу, чтобы он знал, что произошло. К тяжелому грузу на моей душе от потери Бэт добавился еще и уход от Оливера. Мне даже не нужно было говорить об этом вслух, чтобы слезы заполнили мои глаза. Это то, что я сделала, я оставила Оливера. В тот момент я действовала на эмоциях, подстегиваемых адреналином, и реальность того, что я сказала, и чего он не сказал, до сих пор не настигла меня в полной мере.

— Шон сказал, ты переехала к нему.

— Как держатся твои родители? — я отказываюсь продолжать разговор обо мне и Оливере.

Кай поднимает плечи.

— Сара сказала, что мама в полном беспорядке, но папа еще не плакал. Я думаю, это отрицание. Старшая сестра Кая — Сара — доктор скорой помощи в Хартфорде, и она как раз работала, когда Бэт привезли в больницу. Я даже не могу представить, как это было для нее.

— А как Сара?

— Она остается сильной ради мамы и папы.

Он качает головой.

— Я просто не могу понять этого, — его голос ломается.

Я тянусь и беру его за руку. Он смотрит, сжимает ее и не отпускает, пока мы не приезжаем к его дому.

— Идешь? — спрашиваю я, когда открываю дверь.

Кай смотрит на дом, будто видит его впервые.

— Я не знаю, смогу ли выдержать и войти в дом, зная, что не услышу ее голос.

Бэт была на шесть лет младше Кая, и она была полна энергией. Я вытираю несколько слезинок.

— Я знаю, Кай.

Открывая его дверь, я предлагаю ему свою руку, и он берет ее. Я веду его через парадный вход, и его хватка на моей руке усиливается, когда мы подходим ближе.

Тишина. Я ожидала услышать его родителей или Сару, но везде темно и тихо.

— Где твои родители?

— Они остались у Сары. Папа сказал, что мама даже не может спать в доме прямо сейчас.

Я киваю и включаю свет у входа.

— Ну, уже поздно. Я позвоню тебе утром, ладно?

— Не уходи, — его глаза покраснели, а голос ослаб. — Не хочу оставаться один.

— Кай...

— Вив, мне нужен мой друг сегодня.

— Хорошо, — шепчу я и начинаю перечислять список желаний. Хотела бы я, чтобы Бэт сейчас была здесь и рассказывала нам о своем последнем увлечении. Хотела бы я, чтобы мы с Каем никогда не были больше, чем просто друзья, тогда было бы легче всегда оставаться друзьями. Хотела бы я,

чтобы Оливер был единственным, кто повел бы меня в свою спальню. Хотела бы я знать Оливера, всего его. И так как все, чего я хочу так далеко от действительности, я собираюсь продолжать и хотеть, чтобы существовали летающие единороги, иметь свой собственный частный остров у побережья Австралии и мир во всем мире.

Кай скидывает обувь и валится на свою кровать, смотря в потолок.

— Я воспользуюсь ванной.

Он кивает, не глядя на меня.

Умывшись и почистив пальцами зубы, так как не принесла свою сумку из машины, я заползаю на кровать рядом с Каем. Он поворачивается лицом ко мне. Мы смотрим, друг на друга в тишине — возможно, нам нечего сказать, но скорее всего, нам есть много чего сказать, но слова слишком болезненные.

Когда я начинаю засыпать, звонит мой телефон.

— Алло?

— Привет, — мое сердце пропускает удар от одного единственного слова, потому что оно сказано Оливером.

— Привет, — шепчу я.

— Ты спала?

— Как раз засыпала.

— Послушай, я...

— Кто это, Вив? — спрашивает Кай, снова превращая мой мир в катастрофу.

— Ты спишь с ним? — ледяной голос Оливера режет мой слух.

Я кривлюсь и тяжело сглатываю, садясь и поворачиваясь к Каю спиной.

— Его родителей нет дома, а он не хотел оставаться один, поэтому...

— Поэтому ты спишь с ним?

Я встаю и выхожу из комнаты, не оглядываясь на Кая.

— Не делай так, — шепчу я, опираясь головой на стену в коридоре.

— Не делай что? Не выходи из себя из-за того, что ты спишь со своим бывшим парнем, чтобы ему было комфортно?

— Да, Оли, я сплю с ним. Я не сосу его член или что-то такое. Я лежу рядом с ним на кровати, полностью одетая, чтобы одну ночь он не чувствовал себя абсолютно одиноким в мире.

— Ты такая наивная.

— Прости? — я никогда не ощущала разницу в возрасте между нами до настоящего момента. Он относится ко мне как к ребенку.

— Ты больше не девственница с глазами лани, а он не твой пятилетний друг, который не думает о тебе как о девушке.

— Это здесь не при чем. Это обыкновенное доказательство того, что ты мне не доверяешь. Ты знаешь, как я из-за этого чувствую себя?

Он вздыхает.

— Я тебе доверяю, Вивьен, это ему я не доверяю. Он манипулирует тобой. Ты забыла, почему разорвала с ним связь в прошлые выходные?

— Это совсем другое. Его сестра умерла.

— Да, и это ужасно. Ты отвезла его домой. Сделай ему запеканку и отправь цветы с карточкой, но, черт побери, не залазь с ним в кровать!

— Ты ведешь себя как придурок!

— Да, ну, я даже не буду говорить, кем тебя делает тот факт, что ты спишь с ним.

Я нажимаю отбой и выключаю телефон.

— Вив? — зовет Кай из спальни.

Я закрываю глаза и вытираю слезы. Я такая уставшая от боли и злости, но больше всего... я устала от мужчин.

Я ничего не слышала от Оливера два дня. Но опять же, я включала телефон только по необходимости. Он мог бы оставить мне сообщение, но он этого не сделал, а это о многом говорит. Отец Кая пришел домой, чтобы быть с ним, хотя его мама все так же оставалась у Сары. Кай интересовался, вернется ли она когда-нибудь домой. Две прошедшие ночи я провела у своих родителей, хотя Кай хотел, чтобы я оставалась с ним. Одной ночи достаточно, кроме того с ним был его отец.

— Тебе нужно привезти свою кровать домой, чтобы, когда ты приезжаешь в гости, тебе не приходилось спать на диване, — говорит Алекс, когда мы одеваемся в наши традиционные траурные платья.

Я склоняюсь к зеркалу на туалетном столике и наношу немного туши.

— Да, кстати об этом... я думаю, что перееду обратно, если ты еще не сдала мою комнату.

— Что? — Алекс повышает голос.

— Я не хотела упоминать об этом при родителях, когда вы с Шоном приехали вчера вечером, но мы с Оливером сейчас не вместе, — я собираю всю волю в кулак, чтобы не проявлять эмоции, пока накладываю макияж.

— Цветочек, что произошло?

Размазывая румяна по щекам, смотрю на ее отражение в зеркале.

— Секреты, ревность и Кай произошло.

— Я понимаю часть, относящуюся к Каю. Оливер не мог быть слишком довольным, когда ты умчалась в день его рождения со своим бывшим парнем.

— Да, именно так все и началось, но затем он позвонил, когда я была у Кая в пятницу вечером.

— И?

— И он был зол, — вздыхаю я, — и фактически намекнул, что я шлюха.

— Что? Почему?

— Потому что родители Кая были у Сары, а Кай не хотел быть один, поэтому я осталась на ночь у него.

— Так почему он разозлился от этого? Ты же с ним не спала.

— Нет, я с ним не спала, в смысле секса, но я спала рядом с ним на кровати, как друзья.

— Что за черт, Цветочек! Зачем ты это сделала?

— Что? — я поворачиваюсь к ней. — Мы ничего не делали. Он оплакивал потерю Бэт... мы оба.

— Это не подразумевает спать с ним в одной кровати. Ты только что переехала к Оливеру. Это должно что-то означать.

Я скрещиваю руки на груди.

— В чем дело? Ты ведешь себя как Оливер и оттого, что мне никто не доверяет, действительно больно.

— Цветочек... — голос Алекс становится тягучим, как мед. — Мне кажется, ты смотришь на ситуацию с неправильной стороны. Как бы ты чувствовала себя, если бы у Оливера была подруга, которая когда-то была его девушкой, а ее сестра умерла, поэтому он остался бы с ней... в ее кровати? Ты бы думала, что это нормально?

— Да, — НЕТ! Начинает самобичевание. Почему я не могла посмотреть на ситуацию его глазами?

— Цветочек... — Алекс наклоняет голову набок.

— Боже, я такая тупая, — я разворачиваюсь обратно к зеркалу. Да, так выглядят тупицы.

Алекс застегивает мне молнию на спине и поправляет мое ожерелье на шее.

— Невинная, доверяющая, может, даже немного наивная... но не тупая.

Наивная. С его уст это слетело как болезненная ложь, с её — это болезненная, правда.

— Мне нужно кое-что исправить.

Алекс кивает с грустной улыбкой, обувает свои черные туфли на каблуках и протягивает мне свою руку.

Глава 19

Миссис Конрад

Вивьен

Как так выходит, что Оливер может не раскрывать своего прошлого, позволяет мне переехать к нему, не делится тем, что находится за той запертой дверью и предотвращает все разговоры о чем-либо, доставляющем ему неудобства, и все-таки я остаюсь именно той, кто просит прощения? Я провела всю дорогу до Кембриджа, проигрывая в уме свою речь. С моей стороны будет извинение, а с его стороны будет разоблачение.

Уже после девяти вечера, когда мы приезжаем домой.

— Удачи, Цветочек, — Алекс обнимает меня. — Моя дверь всегда открыта, если он выгонит тебя.

Закатывая глаза, я смеюсь.

— Иди и закрой за собой дверь. Не беспокойся, я разберусь с этим.

Шон обнимает меня.

— Делай все, что можешь, Вив, и если ничего не поможет, снимай одежду.

В тот же самый момент, Шон хватает ртом воздух и берется за яйца, подогнув колени. Алекс придерживается строго девиза: «Пожалеешь удара между ног, испортишь парня».

— Тащи свою задницу в дом, вместо того, чтобы болтать. Цветочек не собирается снимать свою одежду, как какая-то жалкая пустышка, чтобы ее извинения выглядели более правдоподобными.

Теперь иди! — она указывает на свою красную дверь, и Шон несется, как раненое животное.

После того как он заходит, она поворачивается ко мне.

— Тебе абсолютно необходимо раздеться, но затем убедись, что ты контролируешь все. Поняла?

Воспользуйся своим горячим телом, и к утру, он будет признаваться как кардинал в комнате, полной мальчиков, прислуживающих в алтаре. Теперь иди!

Я открываю рот, а она прижимает к нему палец.

— Иди!

Таща за собой сумки вверх по лестнице, я оглядываюсь назад еще раз, прежде чем открыть дверь. Алекс показывает мне, чтобы я убиралась, поэтому я захожу в дом. В гостиной горит неяркий свет, но я не вижу и не слышу Оливера.

— Оли?

Ответа нет.

Я бросаю сумки и поднимаюсь наверх. Там Оливера нет.

Спускаясь по лестнице, я зову его снова. Ответа нет.

Нет никаких записок, и его машина стоит перед домом, но, возможно, он пошел куда-то пешком, или он может быть с Ченсом, но он обычно не оставляет свет включенным. Я прохожу мимо дверей, выходящих в патио, и замираю, когда вижу тень фигуры уголком глаза. Открывая дверь, вижу, что он развалился на стуле, спиной ко мне, свет на крыльце выключен.

— Эй, ты меня не слышал?

— Слышал.

Я выхожу на террасу. Он не смотрит на меня.

— Почему ты ничего не сказал?

— Не думаю, что нужно еще что-то сказать, — он поднимает знакомый пакет, но все так же не смотрит на меня. — Тебе нужно забрать это и все остальные свои вещи и уйти.

Я беру у него пакет.

— Ты меня выгоняешь?

Он кивает.

— Из-за горстки «травки»?

Он разворачивается с широко открытыми глазами.

— Горстки «травки»? Ты хранишь нелегальные наркотики. Я не связываюсь с травокурами! Может, ты переживаешь какой-то переходный период, но я — нет.

— Я не травокур, идиот! Я никогда этого не курила, не ела и так далее, что там еще люди с этим делают. Я принесла это домой, чтобы поделиться с тобой в твой день рождения.

Он истерически смеется.

— Поделиться? Это был подарок на мой день рождения? Ты купила мне марихуану на день рождения?

— Я не покупала это, и это не подарок. Мэгги дала мне это домой, после того как я рассказала, что ты странно себя вел в пятницу утром.

Он садится ровно и проводит руками по волосам, качая головой.

— Где Мэгги это взяла, и почему ты рассказывала ей о нас?

— Что ты имеешь в виду «где она это взяла»? Она выращивает это с тех пор, как ей впервые диагностировали рак много лет назад, отсюда и название «Зеленый горшок»! И мне нужно было с кем-то поговорить о нас, потому что я чертовски уверена, что ты не хочешь ни о чем говорить.

— Я не могу этого сделать, — он встает и проходит мимо меня.

— Ты не можешь сделать что? — я следую за ним в дом. — Ты о нас? О «травке»?

— И о том и о другом, — он стоит спиной ко мне, уперевшись руками в бедра и повесив голову.

Мне тяжело дышать. Боль в груди разрушающая.

— Я приехала домой, или сюда... — я качаю головой, — ... я думаю, у меня больше нет дома, — я

пытаюсь сдержать слезы. — Я собиралась сказать тебе, что сожалею. Между мной и Каем ничего не было, но оставаться с ним было неправильно и... наивно. Я хотела попросить тебя поделиться со мной своим прошлым, довериться мне так, как я доверяю тебе всю себя. Было так много всего, что я хотела сказать, но сейчас... я вижу, что это не имеет никакого значения.

Я больше не могу сдержать слез. Я иду к двери и поднимаю сумки, но не поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него.

— Предполагаю, что единственное извинение, которое ты хочешь услышать — это... прости, я слишком молода и глупа, я решила покурить «косяк» один раз, чтобы понять как это. Мне жаль, что не могу быть близка с тобой, чтобы ты не представлял член другого парня у меня потаскухи во рту. Мне жаль, за все те разы, когда смутила тебя, но пожалуйста, пожалуйста, не проси меня жалеть о нас, — сдавленный всхлип вырывается, когда я берусь за ручку двери. — Я за-заберу оставшиеся вещи завтра, когда ты уйдешь.

Оливер

Она ушла, а я ничего не сказал... абсолютно ничего. Мой дом снова ощущается пустым, так же как и мое сердце и моя жизнь. Я достиг такой точки в этих отношениях, что больше не знаю, кого защищаю: ее или себя. Мое сердце тяжело бьется в груди, когда я слышу стук в дверь. Она вернулась!

Я открываю.

Шлеп!

Пощечина на моей щеке больше шокирует меня, чем болит, когда я смотрю на Алекс и вижу ее сверкающий сердитый взгляд.

— Ты, бл*дь, придурок, что позволил ей уйти из твоей жизни. Надеюсь, что я буду рядом, чтобы увидеть горе на твоём жалком лице, когда замечательный парень, который достоин ее, схватит ее, а ты останешься ни с чем, — она топает назад через улицу и показывает мне средний палец перед тем, как закрыть дверь.

Дешевый мозгоправ в моей голове, который появляется в такие моменты, должно быть, отдыхает. У меня ничего нет. Мне нужно рационализировать то, что я ее недостойн, что нам двоим лучше быть порознь. Я слишком стар для нее, и она не заслуживает моего прошлого. Через месяц она пойдет в колледж, а я буду путаться со своим братом и истощать свой сберегательный счет. Лучшее в моей жизни уже закончилось, а лучшее в ее жизни только появляется на горизонте.

Я выключаю свет и падаю на кровать — мою одинокую кровать. Затем до меня доходит. Вот оно. Я — закат, а она — восход, а единственная вещь, которая разделяет нас — это темнота.

Я быстро встаю с кровати. Дерьмо! Я все испортил!

Сейчас начало двенадцатого, но я вижу свет в их окнах. Не сомневаюсь, что после того как Алекс напала на меня, фестиваль по избиению мужчин начался. Переход через улицу ощущался как нарушение линии фронта, а все чем я вооружен — это «я — тьма, а ты — мой свет». Если я не придумаю чего-то лучше этого, то могу с таким же успехом вонзить меч себе в грудь. Я уже использовал золотую стандартную фразу «я люблю тебя». Что теперь? Я хочу тебя? Ты мне нужна? Секс — восхитительный? Да, именно это.

Я стучу в дверь и молюсь, чтобы правильные слова каким-то волшебным образом добрались от

моего рта до ее ушей. Алекс открывает дверь с самодовольной улыбкой.

— Заходишь на второй раунд?

— Где она?

— Цветочек... занята. Может, зайдешь утром.

Я толкаю дверь, игнорируя ее попытки удержать.

— Оливер!

Я осматриваю нижний этаж, затем направляюсь наверх; резкий запах заполняет воздух. Открывая дверь в комнату Вивьен, меня приветствуют покрасневшие глаза и ленивая ухмылка.

— Оли, — говорит она, перед тем как затянуться еще раз «косяком», затем кашляет.

Я беру «косяк» и выкидываю в кофейную кружку на полу рядом с ее кроватью. Также рядом находятся коробка сахарного печенья, пачка чипсов и миска с фисташками. Она плюхается на кровать и закрывает глаза.

— Ты, должно быть, доволен собой, мистер Конрад, — хихикает она. — Тебе это удалось. Я — травокур. Мэгги была права... не суди, пока не попробуешь.

— Пойдем, — я поднимаю ее с кровати, взяв на руки.

— Поставь меня! Я никуда с тобой не пойду! — ее попытки ударить меня ногой и выкрутиться — слабы и жалки.

Я не планировал следовать поведению пещерного человека, но я также не планировал, что она будет под кайфом.

— Алекс! — кричит она, когда я несу ее к двери.

Алекс срывается с дивана и идет ко мне.

— Не подходи, черт возьми! — я свирепо смотрю на нее.

Она хватается ртом воздух, будто никто никогда до этого не ставил ее на место, затем она делает то, что я не ожидаю. Она открывает входную дверь и усмехается.

— Позаботься о ней.

Я останавливаюсь всего лишь на мгновение, затем киваю, когда несу уже потерявшую сознание Вивьен к себе домой.

Ей нужно принять душ и почистить зубы, чтобы избавиться от запаха марихуаны, исходящего от ее тела, но прямо сейчас мне на это плевать. Я кладу ее на кровать и снимаю всю нашу одежду. Даже тонкая нить — это слишком большое расстояние, когда я так сильно жажду почувствовать прикосновение ее кожи к моей. Я оборачиваюсь телом вокруг нее и засыпаю со спокойствием, спокойствием, который испарится утром. Тем не менее, сегодня мне просто необходимо это...
необходимы мы.

Вивьен

Я пересматриваю идею с «травкой». Неясная голова, пульсирующий мозг, а в комнате, должно быть, стоградусная температура. В комнате? Где я? Который час? Почему я не могу двигаться?

Ощущение тяжести на моей груди поднимается, когда я убираю руку, которая лежит на мне. Я голая, так же как и Оливер. Чудесно. Я знаю, что у нас не было секса; я бы это помнила. Извращенец!

Вставая с кровати и пытаясь не разбудить его, я ищу мою одежду. Одевшись, я на носочках спускаюсь вниз. Сейчас полпятого утра, поэтому мне нужно уйти до восхода солнца и

соответственно, до того, как проснется Оливер. Очевидно, нам нужно поговорить, но не голыми в его кровати. Я ищу свою обувь, но не могу найти. Когда тянусь к дверной ручке, замечаю стопку писем на столике у входа. Что привлекает мое внимание, так это обратный адрес в углу конверта, торчащего из середины стопки. Он из больницы в Портленде. Мелким шрифтом под именем написано: Психоневрологический и наркологический диспансер.

Уходи!

Я не могу. Мое любопытство превратилось в чудовищную потребность узнать о прошлом Оливера. Я открываю конверт. Сопроводительное письмо разъясняет приложенную к нему информацию: обновление контактов экстренной связи для Кэролайн Конрад.

Сделайте отметку в графе «Нет изменений», подпишите и поставьте дату, если вся информация действительна.

На следующей странице указано имя Оливера, его адрес, электронная почта, номер телефона, степень родства с пациентом.

Муж.

Комок поднимается в горле, оставляя после себя кислотный ожог, и сердце наполняется гневом, а кровь — ядом. Где-то в глубине души или в сердце я должна быть невыразимо раздавлена, но в данный момент мой мозг — извержение вулкана гнева и непостижимой ярости. Я думаю, что могла бы убить его.

Перепрыгивая через ступеньку, через секунду я уже нахожусь в его комнате... и вот тут-то все и начинается.

— У тебя, черт побери, есть ЖЕНА! — я думаю, он проснулся от испуга, но не могу сказать наверняка, так как я в неопишуемой ярости и ничего не вижу. Рамка с фотографиями, затем другая летят в его направлении. Подставка для книг, ваза, его туфли, часы — все врезается в стену, изголовье кровати и даже в него.

— Вивьен! — он спотыкается, пытаясь удержать равновесие посреди обломков, образующихся вокруг него.

Я выдергиваю ящик из комода и бросаю в его направлении, затем еще один, и еще один, пока одежда не заполняет все пространство, и он двигается ко мне.

— Нет! — кричу я, хватаясь за заднюю панель пустого комода, и опрокидываю его, чтобы преградить ему путь. Я выбегаю в коридор, срывая рамки с картинами со стен, оставляя за собой дорожку из разбитого стекла. Внизу я бегу на кухню, резко открывая дверцы шкафчика.

— Ублюдох! — я бросаюсь стаканами, тарелками, банками, кувшинами в него. — Ты, бл*дь, лгун! Как ты мог?

— Вивьен! Остановись! — рычание его голоса не может сравниться с ураганом оглушительных эмоций в моей голове.

Рюмки. Бутылки виски. Кофейные кружки.

Трах! Бах! Хрясь!

У меня заканчиваются боеприпасы, затем я поднимаю взгляд и вижу кастрюли и сковородки, висящие на подвесной стойке. Забираясь на островок, я снимаю сразу по две штуки с крючков и запускаю их в Оливера. Иногда я слышу, как они стучат, когда я не попадаю в цель, иногда слышу сильный удар и несколько бранных слов, когда попадаю. После того как последняя сковородка

запущена, я вижу, как окровавленный Оливер неуклюже двигается в мою сторону. Я оглядываюсь назад, но там нет выхода, поэтому я прыгаю из последних сил и валю его на пол.

Бух!

Темнота.

Бип... бип... бип...

Вспышки света и отдаленные звуки голосов вырывают меня из моего сна. Не могу вспомнить, где я заснула. У Алекса? У Оливера? Может, я снова обкурилась. Боже, я действительно превращаюсь в травокура.

— Цветочек?

— Ой! — я морщусь, когда пытаюсь открыть глаза, но боль в голове будто парализует мое тело целиком.

Очертания Алекса проявляются, когда я моргаю.

— Что произошло?

— Ты... упала и все такое, — она кривится.

— Упала?

— Ну, ты, вроде как, прыгнула или соскочила... с кухонной стойки у Оливера. У тебя сотрясение мозга и швы в некоторых местах, а еще множественные порезы стеклом, которое пришлось вынимать из разных частей твоего тела, особенно пострадали ступни.

Боль в моей голове, а теперь и везде, усиливается в сто раз, когда воспоминания возвращаются.

Оливер женат.

— Доктор сказал, что ты можешь утром пойти домой. Все повреждения незначительны. Их просто много, поэтому у тебя будут проблемы с передвижением приблизительно неделю. Ты, должно быть, была очень расстроена и в чистой ярости, чтобы не понимать, что так много осколков пронзили твои ступни.

— Он женат, — мой голос звучит, будто слова разрывают мое горло. Злость сменилась эмоциональной болью и... О. Мой. Бог. Это так больно. Мое зрение затуманивается слезами, которые текут по моему лицу.

— О, Цветочек. Мне так жаль, — Алекс нежно держит меня за руку и, когда я пытаюсь сжать ее, чувствую, как натягиваются бинты на коже.

Что я с собой сделала?

— Чего бы это ни стоило, но он выглядит не лучше тебя, кроме того, что у него нет сотрясения мозга. Он просидел с тобой всю ночь, может, этого и не стоило делать, но я заставила его уйти утром, перед тем как ты проснулась. Я думаю, он и его семья в комнате ожидания.

Я еще раз всхлипываю, и Алекс промокает мое лицо бумажной салфеткой.

— Я не хочу видеть их... никого из них, никогда больше.

— Хочешь, чтобы я позвонила твоим родителям?

— Нет! Они... они не поймут. Я не рассказывала им об Оливере.

— Ладно, ну, Шон скоро вернется. Я послала его за твоей одеждой, которая не испачкана кровью.

— Доброе утро, Вивьен.

Я соплю и поднимаю взгляд.

— Я — доктор Беннетт. Я только что говорил с доктором Конрад, и он сказал, что вы близкий друг их семьи, поэтому я приехал пораньше, чтобы осмотреть вас и, надеюсь, отпустить домой скорее, чтобы вы могли отдохнуть и выздороветь, — он проводит пальцем по экрану iPad, затем протягивает его медсестре и начинает осматривать меня.

— Мы не друзья.

Доктор Беннетт светит фонариком в мой левый глаз.

— Нет? Хм, простите, я, наверное, неправильно понял.

Он ослепляет меня, пихает и толкает, затем снова переключает внимание на свой iPad.

— У вас все хорошо. Если вам нужно какое-нибудь обезболивающее, то «Тайленол» или «Адвил» помогут.

Я киваю.

— Спасибо.

— Не за что. Отдыхайте.

Как только доктор Беннетт и медсестра выходят, входит Шон с сумкой.

— Эй, Вив. Я принес тебе кое-какую одежду. Оливер дал мне ключи от своей квартиры. Он в комнате ожидания и хочет тебя видеть.

Алекс помогает мне сесть с краю, свесив ноги с кровати.

— Можешь передать ему сообщение от меня?

— Конечно, — отвечает Шон.

— Скажи, пусть отваливал.

Шон смотрит на Алекса, затем снова на меня.

— Ты слышал ее... иди, — Алекс показывает головой.

— Мы можем поговорить минуту наедине? — мы втроем смотрим в сторону двери, где стоит Оливер. У него синяк под глазом, распухшая губа и швы на подбородке.

Хорошо!

— Не утруждайся, Шон, я скажу ему сама. Отвали, Оливер!

— Просто пять минут. Пожалуйста, — он заходит в комнату.

Алекс кладет руку мне на колено.

— Просто дай ему пять минут, которые он просит, а затем я заберу тебя домой. Хорошо?

Я колеблюсь. Я не хочу видеть его, и чертовски уверена, что не хочу говорить с ним, но хочу поехать домой, поэтому киваю, пытаюсь, стать на ноги.

— Мы будем сразу за дверью.

Оливер закрывает за ними дверь и подходит ближе ко мне. Я вижу его коричневые туфли и голые ноги, но не смотрю вверх.

— Вивьен...

— Я ненавижу тебя, — шепчу я.

— Я знаю.

— Осталось четыре минуты.

Он приседает, положив руки по обе стороны от меня, так что я вынуждена смотреть на него.

— Мне так сильно жа...

— Три с половиной минуты, — говорю я сквозь зубы.

Он вздыхает.

— Кэролайн все еще моя законная жена. Она страдает... тяжелой депрессией и суицидальными наклонностями. Я подал на развод более года назад, но учитывая ее душевное состояние, быстрый развод не получился. Я люблю тебя, я хочу быть с тобой и собирался рассказать тебе...

— Ты собирался рассказать мне? — смеюсь я. — Когда? Перед тем, как лишил меня девственности? Перед тем как позволил влюбиться в тебя? Перед тем как предложил переехать к тебе? КОГДА, ОЛИВЕР? — эмоциональная боль борется с физической, а злость, которую я ощущаю, делает и ту и другую более интенсивной. Я истощена и опустошена. Чувствую только слезы. Проклятые слезы... бесконечный поток слез.

Он кладет щеку на мою голую ногу, и я чувствую, что поддаюсь под его прикосновением. Это жестокая реальность, когда прикосновение, которое излечило меня, становится пламенем, которое сжигает меня.

— Время вышло, — шепчу я, затем всхлипываю, пытаюсь ровно дышать.

Медленно поворачивая голову, он трется щетиной о мои ноги, затем прижимается губами к моей коже. Я закрываю глаза, сильно сжимая веки, выпуская еще больше слез и пытаюсь сдержать дыхание, но эмоции слишком мощные. Вместо этого мое тело вздрагивает, когда мягкое болезненное хныканье вырывается против моей воли.

— Прощай, моя любовь.

Я чувствую, как он уходит, но не могу открыть глаза. Меня ослепляют слезы, эмоции... меня ослепила любовь.

Глава 20

Ремонт

Вивьен

В моем теле нет ни единой клеточки, которая не кричала бы от боли, конечно же, не больше, чем мое сердце. Я уже два дня дома после выписки из больницы и сегодня первый день, когда Алекс оставила меня одну на хозяйстве. Чувствительные раны на моих ступнях заставляют меня ковылять, как ребенка, который только учится ходить, а боль — невыносима, хотя я никому не позволяю узнать об этом. Мне не нравится такое внимание... и никогда не нравилось.

Мэгги запретила мне появляться на работе неделю минимум, поэтому будут проблемы с деньгами, но я ни ей, никому другому не говорю об этом. Еще мне нужно перенести свои вещи из дома Оливера, и хотя Алекс и Шон предлагали сделать это вместо меня, я отказалась. Гордость — неприятная штука.

Оливер должен быть на работе, поэтому я решила пойти вернуть вещи. Мне потребовалось пятнадцать минут, чтобы добраться от своей до его двери, учитывая перерывы на отдых на ступеньках и бордюрах. Последние несколько ступенек до его двери привели к тому, что некоторые порезы на моих ступнях снова открылись, поэтому я упала на колени. Сейчас было бы самое время признать поражение, отступить и попросить помощи. Это бы сделал нормальный человек в данной ситуации. Я никогда не была нормальной.

Мои наколенники для катания на роликах сейчас как раз сгодились бы, но они остались в Хартфорде, в доме моих родителей. Так как на руках и коленях у меня было меньше порезов, чем на несчастных ступнях, я выбрала вариант пройти оставшийся путь ползком. После того как открываю замок на его

двери, я кладу ключ в карман и заползаю на четвереньках в дом. Слава Богу, он прибрался после моего неистовства, так что мне не придется лавировать в зоне войны, чтобы собрать свои вещи. — Ой, — стону я, когда подползаю к лестнице. Положив голову на нижнюю ступеньку, я делаю несколько глубоких вдохов, перед тем как преодолеть всю лестницу, как раненая собака. Я взбираюсь наверх, втягивая в себя как можно больше воздуха, пот проступает у меня на лбу. Я не ожидала, что это будет похоже на марафон, но это так.

Три часа спустя, все мои вещи закинуты в три большие сумки, две из которых принадлежат Оливеру. Все мое тело пульсирует и уверена, что кровь сочится из нескольких более глубоких порезов. Я сбегая, толкая сумки головой по коридору, затем выталкиваю с верхней ступеньки, и они падают на первый этаж. Руки болят, ступни болят, колени болят, и мне все еще нужно спуститься по лестнице. Садясь на задницу, я вытягиваю ступни и скольжу вниз по ступенькам.

— Ой! Дерьмо! Ох! Черт!

БУХ!

Время выбросить белый флаг. Я не могу сделать этого. Мой телефон дома у Алекс, но, может, она придет, когда будет искать меня, вернувшись, домой. Я хватаюсь за деревянные перила и подтягиваюсь, чтобы сесть на нижнюю ступеньку. Тяжело вздохнув, открываю глаза.

Оливер.

Он сидит на диване, закинув ноги на кофейный столик и скрестив руки на груди.

— Привет, — говорит он монотонным голосом.

— Как долго ты здесь?

— Некоторое время, — отвечает он.

— Дольше, чем я?

Он кивает.

— Ты видел, как я вошла?

Он кивает, а я краснею от унижения, если это возможно в данном случае.

— Я... эм... просто забирала свои вещи.

— Вижу, — он все еще не двигается. — Тебе помочь?

— Я справлюсь.

Он кивает.

Я не могу прекратить тарашиться на него. Он выглядит хуже, чем после происшествия с «шлепаньем». Порезы и синяки украшают все его лицо.

— Не работаешь сегодня?

Он качает головой.

— Я тоже.

Он кивает.

Не могу поверить, как странно это ощущается. Он лгал мне, и я сильно разозлилась на него, но его сдержанное поведение заставляет меня чувствовать себя виноватой перед ним. Как у него всегда получается заставить меня чувствовать себя той, кому необходимо за что-то извиниться?

— Ну, я сейчас... уйду.

Он кивает.

Прекрати кивать!

Я мученица, как в одном из тех военных фильмов, где солдату с оторванной рукой и пулевыми ранениями тела и ног удается вытащить себя и еще троих мужчин с поля боя в безопасное убежище. Я встаю и пытаюсь скрыть гримасу, глядя в пол. Вероятно, я не могла бы дотащить все три сумки даже в здоровом состоянии, так почему я думаю, могу сделать это сейчас, когда даже нести вес собственного тела мучительно само по себе. Я наклоняюсь и хватаю ремешок одной сумки и поднимаю ее на плечо. От ее веса раздираются порезы на моей руке. Я втягиваю воздух через стиснутые зубы.

— Уверена, что не нужна помощь?

— Я... я справлюсь.

Я хватаю вторую сумку, и от боли перед глазами все белеет. Глаза наполняются слезами от усилий. Ладно, я плачу... но, боже, как же больно! Я делаю неуверенный шаг по направлению к третьей сумке и всхлипываю. Кашляю, пытаюсь замаскировать звуки моего страдания.

Вес на моем плече слабеет. Я поднимаю взгляд. Оливер держит мои сумки. Он ставит их на пол, затем берет меня на руки, качая головой.

— Ты упертая женщина.

— Что ты делаешь? — я пытаюсь выкрутиться из его рук, пока он несет меня наверх.

— Ты истечешь кровью у меня на полу.

Я обнимаю его руками за шею и кладу щеку на грудь, потому что, если честно... я слишком измучена, чтобы протестовать. Я слышу его собственное глухое ворчание с каждым шагом, который он делает, и только теперь до меня доходит, что у него, вероятно, тоже изранены ноги.

Он садит меня на свою кровать, и не глядя мне в глаза, хромает в ванную. Я падаю на спину и закрываю глаза, молясь, чтобы боль утихла. Кровать прогибается, когда он садится на край и берет мою ступню. Медленно разворачивает марлевую повязку. Я со свистом втягиваю воздух, когда он дотрагивается до одного из моих порезов.

— Это просто мазь, от нее не должно быть больно.

— Больно от всего, — отвечаю я скривившись и закрывая рукой лицо, чтобы спрятать малодушные слезы. Я утопаю в унижении. Снова... почему я должна себя так чувствовать?

После того как он обработал и снова наложил повязки на обе мои ступни, он ложится рядом со мной и кладет руки на грудь, переплетая пальцы. Быть рядом с ним и не с ним — это как умирать медленной смертью. Его присутствие в моей жизни ощущалось так естественно, как дыхание в моих легких. Потеря его ощущается, как потеря части самой себя, которая заставляла чувствовать меня живой. Что остается, когда часть тебя, которая чувствует все, уходит?

Оливер не мой; и никогда на самом деле не был. Обстоятельства не имеют значения. Есть женщина в больнице, в Портленде, которая носит его фамилию. Кэрлайн Конрад. Почему ты там и что произошло с тобой и Оливером?

Оливер

Непостижимо думать, что у меня нет права любить кого-то. Тем не менее, в то утро, когда я проснулся от пронзительного крика Вивьен, говорящей одно единственное слово, которое я не в состоянии был произнести — жена, я знал, что не заслуживаю любить ее. Одна проблема. Любить ее — это не выбор. Это произвольно, как биение сердца, дыхание в легких, земля, уступающая

дорогу солнцу каждое утро.

Мои чувства к Вивьен нельзя определить словами, что делает объяснение моих действий невозможным. Абсурдно думать, что идеальное прикосновение или правильный взгляд скажут все за меня, но мне нужно попытаться. Я кладу руку на кровать между нами и наши мизинцы соприкасаются.

Она не двигается.

Я передвигаю пальцы поверх ее руки, пока полностью не накрываю ее.

Она не двигается.

Вот оно. Одно прикосновение, даже хотя такое маленькое, кажется всем. Она не двигает рукой, позволяя мне касаться ее, будто слышит меня, мои слова.

— Почему? — шепчет она.

Почему, что? Почему касаюсь ее? Почему я женат? Почему не рассказал ей раньше? Почему жизнь так несправедлива? На это все один ответ.

— Я не знаю.

Ее рука сжимается в кулак под моей рукой, ее тело начинает трястись, затем она делает дрожащий вдох. Это я с ней сделал. Поворачиваясь, я притягиваю ее в свои объятия, она ломается. Ее руки сжимают в кулак перед моей рубашки.

— Я больше не хочу тебя любить, — она плачет.

— Я знаю, — я целую ее в макушку и позволяю излить на меня свои эмоции. Они больно режут, но я приветствую боль. Это напоминание о том, что то, что происходило, было реально, наша любовь была реальна, жизнь с Вивьен была реальна.

Не уверен, когда она перестала плакать или когда мы заснули в объятиях друг друга. Я проснулся, а она рядом со мной, ее голова лежит у меня на груди. Если Бог на самом деле существует, тогда мне нужно молиться, чтобы он позволил моему сердцу нашептать все несказанные эмоции. Я не знаю, что на самом деле означает «излить душу», но для этой женщины... я бы отдал последние дыхание.

— Оли? — она едва шепчет. Я кладу щеку ей на голову.

— Гм?

— Расскажи мне о Кэролайн.

Боже, боль — обезоруживает.

— Мы встретились в колледже. Поженились сразу после окончания и переехали в Портленд. Ее семья оттуда и там она выросла.

— Почему у нее депрессия, и она хочет покончить с собой?

Ком в горле вырастает до невыносимых размеров, и я чувствую, как ускоряется пульс.

— Оли?

Я пытаюсь его проглотить.

— Наш... эм... — я пытаюсь прочистить горло и побороть эмоции, которые преследуют меня так долго, — ... наш ребенок умер.

Вивьен вздыхает и смотрит на меня, прикрыв рот рукой. Я отвожу глаза к потолку и сдерживаю слезы. Не хочу сорваться... не сейчас... не перед ней.

— О боже!

Я киваю и продолжаю смотреть вверх, моргая с невероятной скоростью, борясь с проклятыми

слезами.

— Оливер, о боже! — ее руки скользят вверх и обхватывают мое лицо. Незаслуженное прикосновение почти такое же болезненное, как и слова, которые я едва могу произнести.

— Цветочек? Ты здесь? Оливер? — зовет Алекс снизу.

Я сажусь, ковыляю в ванную и закрываю за собой дверь. Облокачиваясь на дверь, провожу руками по волосам.

— Бл*дь! — я ненавижу это. Такие воспоминания не исчезают, но мне хотелось бы. Иногда я думаю, что нуждаюсь в лоботомии. Я бы с радостью отказался от хороших воспоминаний, чтобы избавиться от плохи. Я брызгаю холодной водой в лицо и возвращаюсь в спальню.

— Эй, — Алекс приветствует меня с настороженностью, написанной на ее лице, затем смотрит на Вивьен, сидящую на моей кровати. — Что происходит?

Вивьен смотрит на меня с грустной улыбкой, затем на Алекс:

— Я просто пришла забрать свои вещи. Не знала, что он здесь. Мои сумки внизу.

Алекс кивает.

— Тебе не следовало ходить так далеко.

Вивьен морщит нос.

— Знаю. Это было глупо. Нужно было дождаться тебя.

— Да, нужно было. Я отнесу твои сумки домой, а затем вернусь и помогу тебе перейти улицу.

— Я отнесу ее.

— Твои ноги... — протестует Вивьен.

— С ними все хорошо, — я поднимаю ее с кровати.

— Тогда ладно... — Алекс пожимает плечами и направляется к лестнице. — Я возьму сумки.

Я ощущаю ее пристальный взгляд на себе всю дорогу к их дому, но не встречаюсь с ним.

— Наверх или внизу?

— Оставь ее внизу, — говорит Алекс до того, как у Вивьен появляется шанс ответить.

Я опускаю ее на диван, но она не отпускает мою шею, пока я не смотрю на нее.

— Оли...

— Помнишь тот взгляд с жалостью? — шепчу я, дотягиваясь, чтобы убрать ее руки с моей шеи.

Она кивает.

— Я тоже не хочу его.

Она снова кивает.

— Я буду рядом, если тебе что-то нужно. Я не работаю до конца недели.

— Ей не понадобится, — Алекс стоит у двери, держа ее открытой, не сомневаюсь, что ждет, когда сможет захлопнуть ее за мной, как только я сделаю шаг на улицу.

Хлоп!

Как я и думал.

Сегодня Вивьен выглядела несчастной, ползая на четвереньках. Я поступил по-свински, потому что не помог ей раньше, но в то время я задавался вопросом, что более болезненно для нее — видеть меня или справляться с физической болью. Думаю, и то и другое.

Я представлял, как она курит «травку» или принимает болеутоляющие таблетки, чтобы подавить

горе. Джек[54] — мой лучший друг, когда нужно заглушить боль. Он был им на протяжении трех последних лет. Вивьен заменяла его некоторое время, но она больше недосягаема. Я знаю, что она находится сразу через дорогу, но когда наступает одиночество, она с таким же успехом может находиться на другой планете.

Звонит мой телефон, я должен уже спать, так как время близится к полуночи, но я не сплю. Я все еще на террасе, уплываю в море горя и Джека. Выходит, что я не единственный, кто не может уснуть.

Вивьен: Не могу уснуть. Думаю о том, что произошло раньше, это не жалость... просто мысли.

Я: Тоже не могу уснуть. Не знаю, что еще сказать.

Вивьен: Прости, что разнесла твой дом.

Я: Это жалость. Так как ты не просила прощения до того, как мы поговорили.

Вивьен: Ты прав. Я все еще расстроена и получаю какое-то садистское удовольствие от того, что у тебя лицо в шрамах, и ты хромаешь.

Я: Так-то лучше.

Вивьен: Теперь я не знаю, что сказать, поэтому... спокойной ночи.

Я: Спокойной ночи, моя любовь.

Я удаляю и перепечатаваю последнюю часть.

Я: Спокойной ночи, Вивьен.

Сегодня днем был не тот момент, когда прощают и забывают. Я не тупой. Мое признание дало мне отсрочку, но у меня болезненное предчувствие, что худшее еще впереди. Как только размеры произошедшего с нами на прошлой будут осознаны, она поймет насколько испорчена моя жизнь на самом деле... насколько в действительности испорчен я. И она уйдет из моей жизни навсегда.

Вивьен

Мне почти двадцать два года, и я имею в виду, что мне только двадцать два. И у меня уже такая ситуация в отношениях, которая кажется взята из кинодрамы или из художественной книги.

Серьезно! Я только что выяснила, что мужчина, с которым я представляла свою долгую жизнь, женат и у него был ребенок, который умер. Это дерьмовый эмоциональный багаж для кого угодно, не говоря уже о двадцатидвухлетней девушке, которая до недавнего времени была девственницей и никогда не была в колледже или не летала на самолете.

Мне нужно знать больше, но я не знаю почему. Нездоровое любопытство? Возможно. Изменит ли это все? Сомнительно. Не знаю, как это могло бы все изменить.

— Что происходило между вами, когда я пришла вчера? — Алекс протягивает мне чашку кофе.

— Он рассказал мне кое-что, — я делаю глоток.

— И...

— И не уверена, должна ли рассказывать тебе об этом.

— Ты не серьезно. Парень только что разбил тебе сердце. Он врал тебе... унижил тебя, но ты чувствуешь себя обязанной хранить какие-то его секреты?

Она права. Каким бы трагическим не было его прошлое, он мог бы... должен был рассказать мне до того, как наши отношения стали такими серьезными. Но я понимаю, что нужно ощущать серьезную связь, чтобы открыться кому-то о чем-то настолько личном, таком душераздирающем, таком меняющем жизнь. Я пережила это. Я понимаю.

Я сжимаю губы и киваю.

— Его секрет намного ужаснее и трагичнее моего, поэтому да, я чувствую себя обязанной сохранить его, уважать его доверие.

— Цветочек, ты удивляешь меня, но не обязательно в хорошем смысле этого слова. Я думаю, тебе потребуется некоторое время после потери девственности, чтобы понять, что от того, что тебя сломали больше, чем один раз, ты становишься более устойчивой. Перед тобой, моя дорогая, множество путей.

— Тебе следовало выбрать философию, как основное направление в учебе, — я смеюсь.

— Я просто забочусь о тебе. Ничего хорошего не может получиться с женатым мужчиной, и он об этом тоже знает. Вот почему он никогда не рассказывал тебе. Ты молода, Цветочек, ты должна повидать мир — много секса с множеством парней.

— Говорит моя моногамная подруга. Что заставляет тебя думать, что я собираюсь превратиться из девственницы в шлюху? Оливер был другим, исключением. Не могу представить себе, что буду с кем-то другим, — я вздыхаю. — Но также не могу представить, что буду с ним. Может, вернусь в «Деревню Девственниц». Там на самом деле не так уж и плохо.

— Врунишка.

Я усмехаюсь и смотрю вниз, когда улыбка меркнет.

— Я люблю его.

— Любила.

— Нет. Я все еще люблю его — всегда буду. Боль не исключает любовь.

— А любовь не исключает боль.

Я киваю и вытираю одинокую слезу.

— Хотела бы, чтобы я встретила его первой.

— До его жены?

— Да.

— Тебе тогда было бы сколько? Пятнадцать? Шестнадцать? Ты говоришь о развращении несовершеннолетних?

— Ты знаешь, что я имею в виду. Я думала, что у меня громадный багаж за спиной, но у Оливера грузовой корабль по сравнению со мной.

— Так плохо?

Я закрываю глаза и отклоняюсь назад.

— Так плохо.

Алекс согласилась работать вместо меня, пока я не встану на ноги в прямом смысле этого слова. Я хотела поехать домой на свой день рождения, но теперь пытаюсь выяснить, как физически добраться туда и как я объясню своим родителям все это.

Я ненавижу то, что не могу контролировать волнение, которое появляется, когда звонит мой телефон с сообщением от Оливера. Он сделал мне больно, и мое сердце хранит эти болезненные воспоминания, но у тела нет памяти.

Оливер: Как ты себя чувствуешь сегодня?

Я: Потрясающе... шучу, а ты?

Оливер: Будто кто-то пытался убить меня в собственном доме.

Я: Ты, вероятно, это заслужил.

Оливер: Заслужил.

Я: Обдумываю завтрашнюю поездку домой. Будет странно, если я поползу на железнодорожную станцию на четвереньках?

Оливер: Не в Бостоне, может в Хартфорде.

Я: Интересно, что мне сказать своим родителям?

Оливер: Может, правду? Обман — это ПЛОХО!

Я: Я поняла

Оливер: Почему бы тебе не взять мою машину?

Я: Не могу. Что, если с ней что-нибудь случится?

Оливер: Она застрахована... как и все в моем доме.

Я: Удар ниже пояса.

Оливер: Прости. Я думаю, что я единственный, кто разбил незаменимую вещь в тот день.

Я: ?

Оливер: Нас.

Я выхожу из раздела сообщений и отбрасываю телефон. Где, черт возьми, я нахожусь? Я люблю его. Я ненавижу его. Хочу, чтобы у меня была хоть капля самоуважения, оставаться злой на него, но он потерял ребенка. У него были определенные эмоциональные проблемы, и он все еще женат. Я разрываю все связи с ним? Можем мы быть друзьями или соседями? И еще один животрепещущий вопрос — почему он разводится со своей женой? Она потеряла ребенка. Я бы тоже, наверное, сошла с ума. В этом нет никакого смысла.

Глава 21

Голые ботинки

Оливер

Ключ. Замок. Дверь.

Я все еще не могу открыть глаза, но проскальзываю в комнату и падаю у стены, притянув колени к груди. Тут же выступает пот. Сердце бьется с бешеной скоростью, тело трясется, воспоминания врезаются глубоко в память. Это не имело смысла тогда, и не имеет его сейчас. Я просто так сильно ее ненавижу.

С каждым тяжелым вдохом я зажимаю глаза сильнее, пока не вижу Вивьен. Ее невинная улыбка и такие любящие глаза, что смотрят на меня, будто я являюсь причиной искрящейся в них жизни.

Моей жизни, они искрятся моей жизнью, а без них я не уверен, что чувствую себя живым. Мой пульс выравнивается, и я расслабляю веки, приоткрывая глаза, чтобы увидеть размытые белые очертания.

Я не могу. Нашупывая ручку двери, я стараюсь выбраться из комнаты. Я не могу дышать. Здесь нет кислорода... нет жизни.

Мне снова нужна жизнь. Мне нужна Вивьен.

Я: Я подберу тебя в восемь утра, мы остановимся, чтобы купить пончики и кофе по пути к твоим родителям.

Вивьен: ?? Я не беру тебя к своим родителям.

Я: Почему нет?

Вивьен: Эм... потому что они поинтересуются, почему я приехала со своим женатым соседом.

Я: Скажи им, потому что он безумно, дико, неопишимо влюблен в тебя. И он сделает ВСЁ, чтобы доказать это!

Я: Вивьен?

Ничего.

Я ожидаю ответа, по крайней мере, «пошел ты» или хоть что-нибудь. Стук в дверь. Что-нибудь!

— Докажи это! — Вивьен стоит, перенеся вес на внешнюю сторону своих забинтованных стоп и в тапочках.

— Как? — я пытаюсь сдерживать свою улыбку, так как ее губы перекошены от злости, а глаза прищурены с вызовом.

— Отнеси меня наверх.

Мой член становится твердым. Я, может, и слегка ранен, но это я сделать могу. Я буду идти всю ночь, если это всё, что надо. Дорогой Боже, я надеюсь, что это всё, что надо. Я поднимаю ее на руки и закрываю ногой дверь. Наклоняясь, я пытаюсь поцеловать ее, но она отворачивается.

— Еще рано.

Она играет жестко, заставляя меня заслужить всё. Вызов принят.

— Остановись, — говорит она до того, как мы добрались до спальни. — Поставь меня.

Я ставлю ее на ноги, и она делает несколько шагов назад.

— Доказывай!

Я надеюсь, что она просит меня оттрахать ее у двери, а не открывать ее, но ощущение, зарождающейся тошноты у меня в желудке, говорит мне, что я не настолько удачлив.

— Всё или ничего, Оли. Ты сказал всё. Не отступить?

Я готов к этому? Нет. Могу я отпустить ее? Нет.

Я делаю глубокий вдох и выдыхаю, медленно кивая.

— Не отступать, — я поднимаю кобальтовую вазу и вытряхиваю оттуда ключ. Вставляя его в замок, я останавливаюсь перед тем, как повернуть его. Мысль о том, что я открою ее, парализует меня настолько же, как и мысль о потере Вивьен. — Могу я попросить тебя об услуге?

Она складывает руки на груди. Я играю с удачей.

— Что?

Я упираюсь лбом в дверь и закрываю глаза.

— Ты войдешь, но, когда выйдешь, мы не будем об этом говорить, пока не вернемся от твоих родителей в конце выходных.

— Почему?

— Просто... пожалуйста, Вивьен, — я ненавижу отчаяние, звучащее в моем голосе, но это именно то, какой я есть. Прямо сейчас я в таком отчаянии.

Она кладет руку мне на спину.

— Ладно.

Я вздыхаю и поворачиваю замок.

— Наслаждайся. Я буду за дверью.

Она хмурит брови, когда я отступаю в сторону, чтобы не заглядывать в комнату, когда она откроет

дверь. Ее рука поворачивает ручку с болезненной медлительностью, будто сжимает в кулак мое сердце, сдавливая его невыносимо крепко. Я закрываю глаза и опираюсь на стену, когда она заходит внутрь и закрывает дверь.

Есть шанс, что она выйдет оттуда и скажет «не может быть», а затем оставит меня. Я — обычный парень во всех аспектах своей жизни, не считая этой комнаты. Поклонение плюшевым медведям и куклам Барби, вероятно, было бы вынести легче, чем это. Я никогда не грыз ногти, но сейчас я сгрызаю их на хрен. Как долго она уже там? Что она делает или о чем думает? Там есть окно; возможно, она уже на полпути в Хартфорд.

Дверь открывается, спасая меня от моих мыслей или, может, мучая меня ожиданием ее реакции. Не уверен, что именно.

Дерьмо! Она плакала. Грустная улыбка появляется на ее прекрасных губах, и она всхлипывает.

— Тогда в восемь утра завтра?

Я киваю.

Она протягивает руки. Морщины на лбу показывают мое замешательство.

— Отнеси меня вниз.

Мой член, который решил вздремнуть, когда она выбрала первую дверь, оживляется. Мой мозг посылает молчаливые сигналы, что он не нужен в данный момент. Я чувствую его разочарование, на самом деле чувствую, но это была маленькая победа, и я должен верить, что наше терпение будет вознаграждено... в конце концов.

— Хорошо.

Я останавливаюсь у двери.

— Я перенесу тебя через улицу.

— Неа, мне нужно ходить, даже если все еще больно.

— Но ты заставила меня нести тебя наверх.

— Мне просто нравится ощущение, когда я у тебя на руках, — она пожимает плечами. — Но мне не нужно выглядеть полностью беспомощной в глазах остальных наших соседей.

Я ставлю ее, а она оставляет руки на моей шее.

— Увидимся утром, — шепчет она и целует уголок моего рта; она не увидела ничего тревожного наверху.

— Утром... — я отпускаю ее руку, палец за пальцем, когда она делает осторожный шаг за дверь.

Вивьен

Даю себе трехдневную отсрочку от наших с Оливером проблем. Невозможно, чтобы воспоминания о его разоблачении исчезли из моего сознания, но я надеюсь, что мои родители и мой день рождения помогут отвлечься от моих мыслей. Злость ушла. На ее место пришла боль... его боль. Он подал на развод по все еще непонятным причинам, но он решил оставить ее еще до того, как встретил меня. Технически, он никогда не врал мне, он просто не рассказывал всего. И я чувствую с абсолютной уверенностью, что он хотел, но слова слишком болезненны, чтобы их произнести.

— Алекс? — я стучу в дверь ее спальни, затем начинаю открывать ее. — Я уезжаю — О боже! Мне

— ух — жаль, — я выхожу так же быстро и неожиданно, как и вошла.

Что за черт?

— Эй, Цветочек, прости за это. Я забыла, что ты уезжаешь этим утром. С днем рождения, кстати. У меня есть для тебя подарок, на столе внизу, — Алекс завязывает пояс своего красного халата и закрывает за собой дверь.

Не могу смотреть ей в глаза.

— Да, ну, так я уезжаю и... вернусь позже.

— Цветочек, не смущайся. Это ты вдохновила нас.

— Что? — я резко разворачиваюсь.

Она прикусывает нижнюю губу и кивает.

— На все эти вещи со шлепаньем. Сейчас я думаю, что это, вроде как, правильно. Поэтому мы с Шоном решили добавить остроты в нашу интимную жизнь.

Я тяжело сглатываю.

— Он надел на тебя наручники и пристегнул к изголовью кровати лицом вниз и завязал глаза.

Она машет рукой в воздухе.

— О, в этом нет ничего нового. Я думала, что ты, должно быть, услышала звук, как его рука шлепает меня по голой заднице несколько минут назад. Это, как бы, горячо.

Мои глаза отказываются моргать.

— На нем надеты кожаные штаны, ковбойская шляпа и больше ничего, — шепчу я с напряжением.

Она усмехается.

— Я знаю. Они новые. Что ты об этом думаешь?

Я трясую головой как собака, пытаюсь стереть воспоминания.

— Думаю, мне нужно убираться отсюда.

— Хорошо проведи время!

— О, да, спасибо, ты тоже... я думаю, — я волочу сумку вниз по лестнице и удивляюсь, что это не причиняет мне сильной боли. Вчера Алекс принесла домой упаковку пластырей «Вторая кожа» и они делают ходьбу намного проще.

— Не забудь свой подарок, — кричит Алекс с вершины лестницы.

Я хватаю пакет с подарком и сумочку со столешницы на кухне, затем проталкиваюсь в дверь.

— Доброе утро, именинница, — Оливер стоит сразу за дверью, держа в руке одну красную розу.

Он берет мою сумку и протягивает мне цветок, целомудренно целуя меня в щеку.

Я улыбаюсь.

— Спасибо.

— Пойдем? — он показывает на ступеньки.

Мы пересекаем улицу, и он открывает мне дверь. Коробка, завернутая в красивую цветочную бумагу и украшенная большим розовым бантом, стоит на моем сиденье.

— Оли...

Он поднимает ее и держит меня за руку, пока я сажусь, затем протягивает мне подарок и обходит машину к своей стороне.

— Готова, любовь моя?

Любовь? Я его любовь? Да, я верю, что так и есть. Я улыбаюсь и наклоняюсь. Он встречает меня на полпути.

— Я рада, что ты едешь со мной.

— Я тоже, — он целует меня и начинает отъезжать.

Я хватаю его за рубашку и притягиваю к себе. Мой язык скользит по верхней губе, и он открывает рот. Наш поцелуй углубляется, и я стону. Боже, неужели это происходит на самом деле? Будто все мое тело ожило, и я отчаянно нуждаюсь в нем, прямо сейчас! Запах его одеколона, мятное дыхание и гладко выбритое лицо сводят меня с ума. Мой мозг кричит, что еще слишком рано, но тело ссылается на решающий аргумент: это мой день рождения!

— Оли... — бормочу я ему в губы. — Нужно зайти в дом.

Он отодвигает голову назад.

— Что?

Я не могу дышать.

— Давай зайдём внутрь. Ты... мне нужен.

— Секс?

Я киваю, пытаюсь восстановить дыхание, на ощупь отстегивая ремень безопасности.

— Вау, стой... — он снова защелкивает мой ремень. — ...Что в тебя вселилось? — он садится ровно и заводит машину.

— Ничего, все просто. Мне нужно, чтобы ты был во мне, Оли.

Он усмехается и выезжает на дорогу.

— Мне нравится, когда ты такая, но ты можешь подождать пару часов, пока мы доберемся до места, не так ли?

Я сжимаю ноги вместе.

— Ты имеешь в виду пару дней. Мои родители не позволят нам спать вместе.

Он бьет по тормозам, спасибо, что сзади никто не едет. Положив руку на спинку моего сиденья, он смотрит назад и ставит машину на место со скоростью и точностью гонщика. Он отстегивает ремень и быстро шагает в мою сторону. Я также же быстро расстегиваю свой ремень, он берет меня за руку и тащит вверх по лестнице к своему дому.

Дверь захлопывается, штаны расстегиваются.

Он падает на колени и скользит руками вверх по моим голым ногам под хлопковую юбку. Зацепив пальцами мои трусики, он стягивает их вниз.

— Конечно же, теперь ты их надела, — он поднимает взгляд на меня и усмехается.

Я пробегаю пальцами по его волосам с застенчивой улыбкой на устах.

Оставляя мои трусики на полу, он снова проводит руками по моим ногам, едва касаясь их.

— Что именинница хочет?

Хочу, чтобы ты связал меня и отшлепал. Вот дерьмо! Как эта мысль проникла в мой мозг? Алекс чертовка! Теперь все, о чем я могу думать — это чтобы на меня надели наручники, пристегнули к кровати и отшлепали.

— Что это будет, Вивьен? — его голос наполнен страстью.

Я смотрю вниз на него, скривив губы в одну сторону и пытаюсь скрыть свою шаловливую усмешку.

— Скажи мне.

Слова крутятся на кончике языка, готовые сорваться. Они хотят поиграть, но я быстро вывожу их из игры и отсылаю в другую сторону.

— Просто... сделай что-то, чего не делал ни с кем другим.

Он поднимает бровь и ухмыляется.

— Но это же твой день рождения.

— Я знаю, поэтому сделай его незабываемым.

Он усмехается.

— Но поспеши... я немного... в отчаянии.

— Да?

Я киваю.

— Ну, может, мне следует сначала подарить тебе облегчение.

— Облегчение?

— Угу, — он поднимает мою левую ногу и забрасывает ее на себе на плечо. — Твои ноги в порядке?

— Да, — отвечаю я с затрудненным дыханием.

Он поднимает мою юбку до талии и очень медленно один раз проводит языком по всей моей длине.

Моя голова откидывается назад на стену.

— Да...

Он делает так снова и останавливается, когда мои бедра дергаются.

Я открываю глаза, смотрю на него вниз и хватаю за волосы.

— Предполагается, что ты подаришь мне облегчение, а не будешь удерживать меня на краю, заставляя страдать.

Глядя мне в глаза, его рот накрывает мою плоть, а язык не останавливается, пока я не чувствую себя полностью... удовлетворенной.

— Оли... — я пытаюсь держать глаза открытыми.

— Да? — он вытирает рот рукой и улыбается, когда ставит мою ногу на пол и поднимается вверх, целуя мое тело и вместе с этим поднимая мое платье. Он втягивает в рот мой сосок и это отправляет волны похоти прямо к моему лону.

Он усмехается и позволяет платью снова опуститься вниз, затем наклоняется, чтобы подобрать мои трусики.

— Вот, — он протягивает их мне. — Встретимся в машине.

— Подожди, что ты делаешь?

Он идет в кладовку.

— Это сюрприз, а теперь тащи свою сексуальную задницу в машину.

— Ладно-ладно, мой господин.

Я жду в машине, и несколько минут спустя он выходит с коричневым пакетом и кладет его в багажник.

— Что в пакете? — спрашиваю я, когда он садится в машину.

Он смеется.

— Говорю в последний раз, это сюрприз, теперь открой свой подарок. Нам нужно сделать еще две остановки перед тем, как мы покинем город.

— Ку...

— Ну-ну... — он поднимает палец. — Черт возьми, женщина! Просто пусть будет, что будет, перестань все контролировать.

Я закатываю глаза, развязывая розовую ленту, прежде чем снять подарочную упаковку. В коробке

лежит большая сумка с длинным ремешком, чтобы носить через плечо.

— Для учебы? — усмехаюсь я.

— Да. Это традиция. Я выбрал цветочный рисунок для центральной части и белый и розовый цвета для боковых. Это напоминает мне твою татуировку. Ну, и ты работаешь в теплице, а Алекс называет тебя Цветочком. Прости, но у них не было вариантов с рисунком канкабиса.

— Заткнись, — я качаю головой и смеюсь. — Она идеальная. Мне она нравится, и я без сомнения буду самой крутой первокурсницей в кампусе, — я наклоняюсь и целую его в щеку. — Ты же понимаешь, что Алекс называет меня Цветочком не из-за татуировки или работы?

— О? — он быстро искоса смотрит на меня.

— Это из-за того, что я была девственницей. Не знаю, почему она продолжает называть меня так... потому что я уже не девственница, — я смотрю на него.

Оливер продолжает смотреть на дорогу, когда его губы растягиваются в шаловливой усмешке.

— Прости. Я виню себя за это, — он сжимает мою ногу.

Я смеюсь и вырываюсь из его хватки.

— Ты и должен.

Наша первая остановка в «Данкин Донатс». А вот вторая остановка приводит меня в замешательство.

— «Зеленый горшок»? Зачем мы здесь?

— Нужно кое-что позаимствовать у Ченса, — Оливер заезжает и ставит машину сразу рядом с грузовиком Ченса. — Оставайся здесь, я сейчас вернусь, — он выходит, берет пакет из багажника и заходит внутрь. Несколько минут спустя он стучит мне в окно, пугая меня. Я рассматривала все отделения своей новой сумки и волнуюсь насчет первого дня занятий, как и в старшей школе. Он открывает мою дверь.

— Что мы... — я смотрю вниз и вижу, что на нем надеты его рабочие кожаные ботинки. — Почему ты...

— Выходи, — Оливер протягивает мне свою руку, и я беру ее. Он ведет меня к боковой стороне грузовика Ченса, которая обращена к кирпичной стене здания. Сбрасывая рубашку, он ухмыляется. Я оглядываюсь вокруг, ощущая некоторую нервозность, когда догадываюсь, что происходит. Он скидывает шорты и боксеры и выходит из них.

— Оли! — я широко раскрываю глаза. — О боже, ты же не собираешься серьезно...

Его губы обрушиваются на мои, когда он поднимает мое платье, прижимая спиной к грузовику Ченса. Я все еще без трусиков и едва успеваю перевести дух, как он входит в меня.

— О боже!

Его полнота выкачивает весь воздух из моих легких, он не дает мне и секунды, чтобы привыкнуть, и поднимает меня, позволяя упасть на него. Прижав меня своим телом к грузовику, его руки скользят к моей груди. Его большие пальцы скользят под ткань и потирают мои тугие соски.

— Ты так себе это представляла? — его дыхание обжигает мою шею, когда он покусывает и сосасывает кожу на ней.

— Да... — я стону, встречая каждое его движение, пока держусь за его голые плечи и впиваюсь пятками в его твердую мускулистую задницу. Я выгибаю спину, и он втягивает в рот мой сосок.

— Оли! — он царапает его зубами, и повторяет то же самое с другим соском.

— Жестче! — что за черт? Я только что прокричала это?

Его рот снова возвращается к моему, когда он хватается за бедра и врезается в меня, задевая наиболее чувствительную точку. Я кручу тазом в поисках идеального угла для получения удовольствия, мой клитор трется о его кожу с каждым движением его бедер.

— Ты — мое всё, — бубнит он мне в губы, поднимая мои руки над головой и переплетая наши пальцы. — Не отступать... — он ускоряет движения, — ...никогда. — Я сжимаю его руки и хнычу, не отрываясь от его рта, когда взрываются фейерверки в честь празднования самого невероятного дня рождения. Он замирает, все еще придавливая меня к грузовику. — О боже, это было... невероятно, — его тяжелое дыхание овеивает мою кожу, и моя голова падает ему на плечо.

— С днем рожденья меня, — хихикаю я.

Он отпускает меня, и я становлюсь на ноги, открывает дверь грузовика со стороны водителя.

— Вот, — в его руках упаковка салфеток. — Не думаю, что ты в ладах с серьезностью.

Я кривлюсь, немного смущаясь, беру салфетки и вытираюсь между ног. Он наклоняется, чтобы поднять свои шорты и трусы.

— Подожди.

Он поднимает взгляд.

— Просто постой так минуту, — я усмехаюсь и исследую глазами его обнаженное тело и ботинки. Упругие загоревшие на солнце мышцы, растрепанные медные волосы, яркие голубые глаза, и этот пресс... я могла бы облизать его и тем самым подарить себе еще один оргазм. Оливер такой сексуальный, что это просто нечестно.

Он склоняет голову на бок, ожидая, когда мои глаза снова встретятся с его.

— Ты закончила?

Я облизываю губы и ухмыляюсь.

— Еще нет, но закончу позже.

Он натягивает трусы и шорты.

— Ты хочешь меня только из-за моего тела. Ты понимаешь, как заставляешь меня чувствовать себя, когда смотришь на меня, как на конфетку? Я — личность, ты знаешь, у меня есть чувства.

— Ты прав. Я хочу тебя только из-за твоего тела, и если ты не прекратишь наносить шрамы на свое смазливое личико, мне придется надевать тебе на голову коричневый пакет во время секса.

— Садись в машину, пока я не отшлепал тебя по заднице, именинница.

Он только что угрожал отшлепать меня?

— Это все только разговоры, мистер Конрад, — я оглядываюсь назад, плавно садясь в машину.

Он смотрит на часы.

— У нас есть еще десять минут, мисс Грэхэм. Я думаю, этого времени более чем достаточно, чтобы сделать твою милую попку розовой.

Я останавливаюсь и смотрю на него поверх крыши машины, когда он натягивает свою рубашку, вызывая приподняв брови.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что у нас есть десять минут? Мы ограничены во времени?

— Можно и так сказать, — Оливер поднимает одну ногу и стягивает один ботинок, затем другой и закидывает их в багажник, доставая обратно свои башмаки.

— Садись... оставим телесные наказания на потом.

Я проскальзываю на сиденье и смотрю на него.

— Кто ограничивает нас во времени?

Оливер заводит машину и выезжает со стоянки.

— Ченс.

— Ты сказал Ченсу, — я хватаю ртом воздух.

Он усмехается.

— Я сказал ему, что мне нужно одолжить его грузовик на двадцать минут, не задавая вопросов, а также, что мне нужно, чтобы он задержал Мэгги внутри на эти двадцать минут.

— Ты рассказал ему зачем?

— Конечно. Я сказал, что мне нужно сделать одолжение соседке перед тем, как уеду из города с тобой.

— Но... я... когда ты успел ему позвонить?

— Боже, у тебя столько вопросов. Я позвонил ему после того, как отправил тебя в машину. Тогда же и взял свои ботинки, — он смотрит на меня. — Что?

Я качаю головой.

— Ничего. Просто я люблю тебя. Вот и все.

Он держит меня за руку, выводя большим пальцем круги на коже. Он такой красивый и его так легко любить. Я знаю, что эта же сильная рука держит мое сердце и стоит ей только дрогнуть, как он раздавит его.

— Я тоже тебя люблю, — он смотрит на меня снова. Его мягкая улыбка светится честностью и отражается в уголках глаз каждый раз, когда он смотрит на меня. Я пытаюсь представить себе вещи, которые видели эти глаза, так как они излучают эмоции тысячи жизней. Иногда все, что я вижу в глубине его голубых глаз — это океан непролитых слез и постоянная пустота, которая когда-то была наполнена чем-то... кем-то особенным.

Глава 22

Встреча с родителями

Оливер

Не знаю, кто был тот парень там в теплице. Я никогда не относил себя к эксгибиционистам.

Мужчина, которым я являюсь, находясь рядом с Вивьен, совсем не тот, который вернулся из Портленда, и даже не тот, который уехал из Бостона более трех лет назад. Изменения, происходящие во мне, едва различимы, ну... по большей мере. Кэрлайн содрогнулась бы от идеи заняться сексом в любом другом месте, кроме как в спальне или на диване. Не знаю, фантазировала ли она вообще обо мне или о сексе в целом. Если даже и фантазировала, то уверен, никогда бы мне об этом не рассказала.

Вивьен скидывает обувь и кладет ноги на приборную панель.

— Ничего?

— Что?

— Что мои ноги на приборной панели, потому что ты как-то странно посмотрел, когда я положила их туда, — она шевелит пальцами.

— Я просто смотрел на пластырь на подошве.

— «Вторая кожа». Алекс принесла домой вчера. Моя спасительница.

Я киваю.

— Мне было интересно... твоя реакция в тот день — это обычное явление? Я имею в виду, ты часто так срываешься перед лицом неприятностей?

— И под «лицом неприятностей» ты имеешь в виду выяснить, что мужчина, которому ты отдала свою девственность и которому заявила о своей любви, женат? Если это то, что ты подразумеваешь, тогда да, это моя обычная реакция — разгневаться, потерять контроль, собираться убить кого-то. Теперь ответ на твой второй вопрос, часто ли я срываюсь — нет. Поэтому не ври мне больше, держи свой член в штанах, кроме тех случаев, когда я прошу тебя, его вытащить, и никогда не надевай ковбойскую шляпу в спальне. Если ты сможешь придерживаться этих простых правил, у тебя никогда не возникнет проблем с моей терпимостью.

— Ковбойскую шляпу? Я так понимаю, ты не сторонник стиля «кантри».

— Это постыдная история, о которой я не хочу сейчас думать, — она включает радио. — Ооо, мне нравится эта песня. Готье «Somebody That I Used to Know».

Она завывает несколько строк о том, как кого-то обидели и хихикает, когда я качаю головой и меняю станцию.

— О, оставь эту. Идеально... — тем же самым голосом, что заставляет съежиться, она поет соблазнительную песню о больших воздушных шарах на день рождения.

— Эй, что не так с Кэти Перри? — кричит она плаксивым голосом, когда я снова переключаю станцию.

— Кэти великолепна. Но ты, любимая, звучишь как рожающая ослица.

— О, черт возьми! Вот дерьмо! Я тебе не верю... — она толкает меня в плечо, затем складывает руки на груди и смотрит в окно.

— Что? ТЫ только что сказала, не врать тебе, держать член в штанах и не надевать ковбойскую шляпу. Какое правило я нарушил?

— Просто заткнись, бабуля за рулем.

— Бабуля за рулем?

— Да, бабуля за рулем, нарушь правила, ради Бога. Я не хочу провести весь день в машине, слушая твои честные оскорбления.

— Это говорит девушка, которая играет с двумя палочками и клубочком пряжи весь день. Но мне нравится, когда ты нахально ведешь себя со мной. Пока ты не начинаешь бросать всякое дерьмо мне в голову, я считаю, что твоя несдержанность делает тебя чертовски горячей.

— Да, ну, остынь, чувак. Не уверена, что зоофилия законна в Коннектикуте. Иииааа!

— Я не сказал, что ты ослица, я сказал, что ты звучишь, как она, и для информации, я знаю, что это законно в Коннектикуте. Так что не удивляйся, если я попытаюсь залезть на мою любимую задницу позже.

Она пытается сохранить хмурое лицо, но не может. Мы оба разражаемся смехом. Я смотрю на нее, а она вытирает слезы и не может прекратить хихикать.

— Залезешь на свою любимую задницу? — она продолжает смеяться. — Просто великолепно. Ты назвал мое пение завыванием рожающей ослицы. Блин, Оливер, как романтично. Ты определенно знаешь, как добиться девушку.

— Стремлюсь угодить.

Поездки домой была самыми приятными, несексуальными часами в моей жизни. Мне нравятся наши легкие разговоры и игривое подшучивание. Выражение лица Вивьен меняется с каждой эмоцией, и я мог бы провести остаток жизни, считая и запоминая их. Назвать ее смышленной, сексуальной и веселой — это будет клише, но такой она и есть со мной. Неудержимая улыбка здесь, подмигивание там, скольжение кончиков ее пальцев по задней стороне моей шеи, пока я веду машину... всё это мелочи, которые складываются в лучшие моменты моей жизни.

— ПОЦЕЛУЙ, Оли, — говорит она, открывая дверь. Я наклоняюсь, чтобы попробовать вкус ее вишневых губ, а она качает головой. — Это аббревиатура, болван: «Будь проще, дурачок» (прим. — поцелуй на английском языке «KISS», что главная героиня объясняет как акроним фразы «Keep It Simple, Stupid» в переводе это звучит как «Будь проще, дурачок»). Я собираюсь рассказать им обо всем перед отъездом, но не нужно вываливать на них все сразу. Ты мой сосед. Мы встречались этим летом. Ты поклоняешься земле, по которой я хожу... только основное, малыш, придерживайся основного, — она подмигивает. Ах, вот оно. Затем улыбается. Еще одно мое любимое.

Мы встречаемся с ней спереди машины, и я подаю ей руку. Она берет ее и ведет меня к двери. Нет необходимости спорить с ней о ее маленьких указаниях. Правда в том, что я действительно поклоняюсь земле, по которой она ходит.

— Виви! — визжит ее мама, притягивая Виви в объятия. — С днем рождения, малышка.

— Спасибо, мама.

Вивьен оглядывается на меня и снова берет меня за руку, затягивая в дом.

— Мама — это Оливер... мой парень. Оливер, это моя мама — Лидия.

— Приятно с вами познакомиться, миссис Грэхэм, — я пожимаю ее руку. Она смотрит то на меня, то на Вивьен с громадной улыбкой и широко раскрытыми глазами.

— Называй меня Лидия, пожалуйста. Так значит парень, да?

— Надеюсь, — я смотрю на Вивьен, и ее щеки розовеют.

— Ты попал в переделку?

— Скорее всего, это можно расценить как вторжение в дом, — смеюсь я.

— О, дорогой! Они поймали тех, кто это сделал?

Я чувствую на себе сердитый взгляд Вивьен.

— Да, собственно говоря, да.

— Ну, надеюсь, они получат наказание по заслугам.

Вивьен кашляет, затем прочищает горло.

— Где папа?

— На работе, сладкая. Он вернется домой к ужину. Придется положить на стол на три столовых прибора больше, а не на два.

— Три? — Вивьен ведет меня к заднему крыльцу, где ее мама впускает в дом собаку.

— Розенберг! — Вивьен оставляет меня и подхватывает на руки маленький белый меховой комочек.

— Я по тебе соскучилась, — она зарывается носом в его пушистую шубку. — Оли, познакомься с Розенбергом, — она протягивает это... его мне.

— Розенберг... интересное имя.

— Она назвала его в честь основателя «Данкин Донатс». Сумасшедшая девчонка, — Лидия качает

головой. — Присаживайся, — она указывает на скамейку-качалку.

— Спасибо, — я сажусь рядом с Вивьен. — Не знал, что у тебя есть собака... собака, которую зовут Розенберг, — я ухмыляюсь ей. — Твоя одержимость пончиками хуже, чем я думал.

— Все будет хорошо, — она подмигивает. — Я прохожу курс терапии.

Мой член дергается и уже готов предоставить ей еще немного терапии.

— Ей достался такой сумасшедший обмен веществ от ее отца. Это нечестно. Я набираю вес только от мысли о еде, — Лидия с завистью смотрит на Вивьен.

— Вы, должно быть, дурачите меня, — улыбаюсь я.

Лидия краснеет, так же как и Вивьен, что я видел тысячу раз. Она не такая высокая, как Вивьен, а изгибы ее тела более выдающиеся, но у нее такие же зеленые глаза и черные волосы с несколькими прядями седины, завязанные на затылке в пучок.

— Он мне нравится, Виви.

Вивьен подтягивает ноги под себя и наклоняется ко мне.

— Да, он классный.

— Виви, что произошло с твоими ступнями?

— Ох... наступила на разбитое стекло... эм, когда помогала Оливеру убирать после вторжения.

— Да, я говорил, что уберу сам, но она не послушала.

— Можешь мне не говорить. Она упертая девчонка, но мы все равно ей гордимся. Не можем дождаться, когда увидим, как она выходит на сцену за дипломом через два года.

Вивьен прочищает горло.

— Эм, так ты так и не сказала, кто будет третьим на ужине.

— О, конечно же, Кай.

Не знаю, видит ли Лидия пар, который валит из моих ноздрей, но он там есть. Вивьен знает это. Ее тело напрягается рядом со мной.

— Ох, зачем ты пригласила Кая?

— Не могу поверить, что ты спрашиваешь у меня об этом. Он твой лучший друг. Он дома уже целую неделю или около того. И его сестра только умерла. Я упоминала, что это также твой день рождения? О, кстати говоря... пирог в духовке. Мне нужно пойти проверить.

Лидия возвращается в дом, и Розенберг соскакивает с моих ног и следует за ней.

С нервной улыбкой Вивьен садится на меня верхом лицом ко мне.

— Ты злишься?

Нет, я, бл*дь, в бешенстве!

— На кого? На тебя, когда ты не знала? На твою маму, которая не знала обо мне до сегодняшнего дня? На Кая, потому что его сестра умерла?

Она проводит губами по моей шее и целует ухо.

— Так получается, ты расстроен, но не знаешь, кого в этом винить, — шепчет она.

— Получается.

— Виви! Слезь с парня. Я воспитывала тебя лучше. Как грубо с твоей стороны вторгаться в его личное пространство, — Лидия выносит поднос с напитками.

Вивьен закатывает глаза и слазит с моих ног.

— Могу я предложить тебе выпить, Оливер? — она протягивает мне поднос.

— Да, спасибо, — я беру один из бумажных стаканчиков, наполненных красной жидкостью.

— Виви? — она предлагает ей стаканчик.

— О боже, мама! Ты сделала для нас «Кул-эйд»[55]? Мы взрослые люди, а не семилетние дети, которые отдыхают после игр.

Я делаю глоток, чтобы скрыть улыбку. Это не просто «Кул-эйд»!

— Знаю, дорогая. Просто дразню вас. Сделай глоток.

Вивьен колеблется, но затем подносит стаканчик к губам так, будто что-то выпрыгнет и укусит ее.

— Что это?

— «Кул-эйд» — коктейль. Это «Кул-эйд тропический пунш» смешанный со свежавыжатым лимонным соком и темным ромом.

Вивьен пожимает плечами.

— Ммм, неплохо.

Бесценно. Это единственное описание для этого мгновения — собака, «Кул-эйд» со спиртным, вторжение в «личное пространство» и Виви. Самое невероятное это то, что мы находимся здесь всего полчаса. Если добавить сюда ужин с моим врагом и признание Вивьен родителям о колледже, то эти выходные будут незабываемыми.

Вивьен

Семья Оливера — нормальная, я так думаю. У них изысканная манера общения, но они далеко не притязательны. Даже в тот вечер, когда мы в последний раз ужинали вместе и вели себя как парочка болтающих детей, они восприняли ситуацию с юмором и любовью. Моя семья... не такая утонченная. Меня вырастили трудолюбивые и очень любящие родители. Мы еле сводили концы с концами, но я никогда не чувствовала нужду ни в чем. Мои родители никогда не спорили из-за денег при мне. Они вообще редко спорили. Поэтому я вынуждена прощать им их чрезмерную опеку и иногда смущающее поведение.

— Вот моя именинница.

— Привет, папа, — я крепко его обнимаю, когда он заходит через заднюю дверь. Он еще один мужчина в моей жизни, рядом с которым я не чувствую себя высокой. Мой отец возвышается на шесть футов шесть дюймов (прим. пер. примерно метр и девяносто восемь сантиметров) со своей светящейся головой, которую он бреет наголо на протяжении последних десяти лет, так как начал лысеть, когда ему было тридцать пять.

Он отпускает меня, глядя мне за плечо.

— А кто твой друг?

Я отступаю назад и обнимаю Оливера за талию одной рукой.

— Это Оливер.

Оливер протягивает руку, и мой отец пожимает ее.

— Рад с вами познакомиться, мистер Грэхэм.

Мой отец, нежный зверь, улыбается.

— Называй меня Род.

Оливер кивает.

— Родни, Оливер — парень Виви, — говорит моя мама из-за стола, где расставляет тарелки для

ужина.

— Парень, да? Ну и чем занимается твой парень?

Оливер усмехается.

— Я работаю со своим братом. У него разнорабочий бизнес. В это время года мы занимаемся ландшафтной работой по большей части. Зимой он выполняет работу по уборке снега и ремонту домов.

— Мужчина, который не боится запачкать руки и, очевидно, может держать удар, — мой папа кивает в сторону лица Оливера. — Ты мне уже нравишься. Ты бы никогда не увидела, как смазливый парень, который живет немного ниже по улице, делает ручную работу или ввязывается в кулачную драку.

Мой папа никогда не был фанатом Кая. Его мнение всегда было таково, что с парнем что-то не так, если его лучший друг с детского сада — девчонка.

— К твоему сведению, у Оливера гарвардское юридическое образование.

Оливер поднимает плечи с виноватой улыбкой.

— Не используйте это против меня.

Мой отец хохочет и, проходя мимо него, похлопывает по плечу.

— Не буду. Но теперь в этом есть смысл. Виви нравятся парни в причудливых костюмах.

Я качаю головой и обеими руками обвиваю Оливера за талию.

— Ты плохо меня знаешь, папа. Как оказалось, меня привлекают парни в ботинках.

Оливер облизывает губы, и я вижу желание в его глазах и чувствую, как что-то твердое упирается мне в живот.

— Я пойду и принесу наши вещи из машины.

Я усмехаюсь, зная, что ему нужно выбраться из дома до того, как он опозорится перед моими родителями.

— Нужна помощь.

— Неа, я справлюсь.

Оливер направляется к машине, а я забираю у мамы венчики из миксера и облизываю их.

— Итак, что ты думаешь об Оливере? — я слизываю языком глазурь.

— Он красивый, это точно.

— Я знаю, — хихикаю я.

— Я думаю, не слишком ли он стар для тебя. Сколько ему?

— Только исполнилось тридцать — не слишком стар для меня.

— Я просто беспокоюсь о тебе, Виви. Я знаю, как важна для тебя твоя карьера, а Оливер в своем возрасте, вероятно, ищет себе жену и хочет детей. Это то, чего двадцатидвухлетняя студентка колледжа должна избегать.

Боже, если бы она только знала.

— Оливер не планирует жениться на мне или иметь детей, или препятствовать моей карьере.

— Ну, это тоже нехорошо. Зачем ты даром тратишь время с парнем, который не собирается жениться на тебе.

Я смеюсь и качаю головой.

— Черт, мама. Тебе сегодня не угодишь.

— Мама хочет только лучшего для тебя, — папа наклоняется и целует меня в макушку.

— Всё. Просто, чтоб вы оба знали, я никогда не была счастливее, чем с Оливером.

Задняя дверь открывается. На обоих плечах, а также в обеих руках Оливера висят сумки. Я, должно быть, перебрала с вещами.

— Давай помогу тебе с этим, — предлагает мой отец, забирая сумки у Оливера из рук.

Подарочный пакет от Алекс падает на пол. Слышен жужжащий звук, который становится громче, как... О. Мой. Бог! Вибратор выкатывается на пол.

Чтоб я умерла. Прямо здесь. Прямо сейчас.

Как только я оправляюсь от состояния позора, я наклоняюсь и запихиваю его обратно в пакет с оберточной бумагой, нащупывая выключатель.

Я пунцового цвета. Глаза мамы просто огромны, рука прикрывает рот. Оливер сжимает губы, чтобы спрятать шаловливую улыбку «не-могу-поверить-что-ты-привезла-вибратор». У папы смущенное выражение лица. Я почти уверена, что он никогда не видел вибратора.

— Ох... давай, — я забираю сумки у папы. — Мы отнесем их наверх.

Наклонив голову, я быстро выхожу из кухни.

Бросаю сумки на кушетку в моей комнате, которую мама превратила в свою швейную мастерскую. Оливер прижимается своим телом к моей спине, убирая мои волосы на одну сторону. Мягкие губы ласкают мою шею.

— Я тебя не удовлетворяю?

Я закрываю глаза и хихикаю.

— Не могу поверить, что Алекс подарила мне на день рождения вибратор.

— Так это твой первый?

— Да... ну... нет, — я снова чувствую, как мое лицо краснеет.

Он разворачивает меня к себе.

— Нет?

Я качаю головой, глядя себе под ноги.

— Ну, мы опробуем его позже.

Я резко вскидываю голову.

— Что? Мы?

— Конечно, почему бы и нет? — усмехается Оливер.

— Ну... я... я... ух! Не делала такого в доме своих родителей, — я прохожу мимо него и беру свою сумочку. — Я буду жалкой, похотливой и озабоченной к тому времени, как мы вернемся домой.

— Что? — он ухмыляется. — Ты только что сказала «похотливой».

— Да, так как... ты будешь дразнить меня все выходные своими грязными разговорчиками и разными сексуальными... — я машу рукой в воздухе, — ...штучками.

— Виви? Не забывай правила. Никаких парней в твоей комнате.

— Ради Бога, дверь же открыта! — кричу ей.

Я отправляю Алекс быстрое сообщение «что это такое, бл*дь, и спасибо», когда Оливер скользит рукой мне за спину и сжимает мою задницу.

— Я буду себя чувствовать как подросток в эти выходные, делая все тайком и стараясь не попасться,

— шепчет он мне на ухо.

— О, нет. Не будет ничего тайком — не сейчас. После происшествия с вибратором, моя мама будет в состоянии повышенного внимания. Я не удивлюсь, если она решит установить скрытые камеры по всему дому.

— Что она сделает? Накажет тебя?

— Она может, — я притворно грызу ногти с испуганным видом.

Оливер хватает меня и дарит головокружительный поцелуй. Мои пальцы впиваются в его спину, когда все попытки контролировать себя исчезают под его соблазнительным прикосновением.

— Виви? Кай здесь.

Плеск!

Нас облили холодной водой.

Я кладу руку на грудь Оливеру.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что будешь дружелюбным по отношению к Каю сегодня.

— Ты разговаривала с моей мамой? — он смеется.

— А что? — я смотрю на него.

— Потому что ты манипулируешь мной. Заранее благодаришь, чтобы я подсознательно чувствовал необходимость соответствовать твоим ожиданиям.

Я подмигиваю, а он качает головой. Я люблю этого мужчину.

Как бы я ни хотела, чтобы Оливер был здесь со мной в эти выходные, я не очень-то ожидаю ужина в честь дня рождения с ними обоими. Конечно же, мои родители понятия не имеют, что произошло за последние несколько недель, и надеюсь, так оно и будет.

— Можешь открыть дверь, Виви? — кричит мама с кухни, когда звонит дверной звонок.

— Конечно, — я протягиваю Розенберга Оливеру. Они сблизилась за последние несколько часов, но у меня не хватает мужества спросить, позволит ли он мне взять его с собой в Кембридж. Я хотела его забрать с собой, когда уезжала из дому, но для родителей Алекс собака была бы явным доказательством того, что я живу у нее.

— Привет, Кай.

— Пожалуйста. Скажи, что ты одолжила его машину, и его на самом деле нет...

— Здесь? Вот он я, — голос Оливера пугает меня. Я поворачиваюсь. Он стоит позади меня, держа на руках Розенберга.

— Оливер, — говорит Кай самодовольным голосом, проходя мимо нас на крыльцо.

Я забираю Розенберга у Оливера.

— Ты же знаешь, как сильно я тебя люблю, малыш?

Он посылает мне прекрати-льстить-мне ухмылку.

— Да, знаю, — он целует меня, и я сгребая в кулак его рубашку, чтобы продлить это немного дольше.

— Гм.

Я отпускаю Оливера.

— Твоя мама хочет видеть тебя на кухне, — говорит Кай.

Я потираю, губы между собой и киваю.

— Будь милым, — шепчу я, проходя мимо Кая.

— Что нужно, мам?

Она облокачивается на столешницу, уперев руки в бока.

— Вы с Оливером живете вместе? — могу сказать по напряженности ее шеи, что она пытается контролировать громкость своего голоса.

— Нет. Почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Потому что Кай сказал, что не часто видится с тобой с тех пор, как ты переехала к Оливеру.

Спасибо, Кай... засранец!

Я поднимаю глаза к потолку и вздыхаю с преувеличением.

— Жили некоторое время, но теперь уже нет.

— Так у тебя с ним был секс? — шепчет она, глядя на меня.

Я смеюсь. Нет, мама, мы просто спали в одной кровати, держась за руки.

— Да, у меня с ним был секс. Большая беда, я взрослая.

— Так он знает о твоей спине?

— Да, он знает о моей спине!

Она вздрагивает.

— Говори тише, Виви.

— Он любит меня, мама. Он думает, что я красивая и более того... он заставляет меня чувствовать себя красивой, как никогда раньше. Когда я с ним, я не думаю об учебе или о своем прошлом, или о детях и замужестве, — я прикусываю губы и стараюсь подавить эмоции, которые появляются только тогда, когда думаю об Оливере. — Он мое простое совершенство. Я нравлюсь себе, когда я рядом с ним.

— Ужин готов? — отец хмурит брови, высовывая голову из-за угла.

Мама кивает, все еще глядя на меня.

— Да, скажи парням, чтобы шли есть.

— Ты знаешь, я просто хочу наилучшего для тебя, Виви.

— Оливер... Оливер — вот что наилучшее для меня, — я говорю правду. Я знаю какой-то частью сердца, которая была мертва до встречи с Оливером, что он был предназначен для меня. Я просто хотела бы знать, что делать с болью его прошлого. Прошлого, которое остается частью настоящего, нашего настоящего.

— Ладно, Виви, — она вздыхает и протягивает мне блюдо дымящихся овощей. — Но ты все же не будешь спать с ним вместе под этой крышей.

Нет проблем. В любом случае мы с Оливером не так уж много спим, когда вместе.

— Хорошо, — ухмыляюсь я.

Никогда не считала себя бунтаркой, но чем больше она относится ко мне как к ребенку, тем больше я хочу затащить Оливера наверх и делать очень взрослые вещи с ним в моей комнате, куда вход мальчикам запрещен, под крышей дома моих родителей.

Мы пережили ужин без кровопролития. Мои родители расспрашивали меня об учебе под пытливыми взглядами Оливера и Кая. Думаю, если бы здесь был только Оливер, я бы рассказала им. Иногда мне кажется, что Кай ждет, когда я упаду лицом в грязь, чтобы он мог прийти мне на помощь, чтобы я

почувствовала, как нуждаюсь в нем. Но я больше не нуждаюсь.

— О боже, мам! Не нужно было ставить свечи на мой торт.

— Нет, нужно. Ты заслуживаешь загадать желание, Виви.

Мама ставит шоколадный торт с ванильной глазурью передо мной. Я смотрю на людей, сидящих за столом, которые много значат для меня, даже болтун Кай, которого я хочу убить большую часть времени. Набирая побольше воздуха, я искоса смотрю на Оливера и подмигиваю ему перед тем, как задуть все свечи и загадать... ничего. У меня уже есть все, что я могла когда-то хотеть.

Я задуваю их все на одном дыхании. Оливер кладет руку мне на ногу и наклоняется.

— С днем рождения, любимая, — он шепчет мне на ухо и целует в щеку.

— Нашей малышке двадцать два. Как быстро летит время! — папа улыбается, качая головой.

— Двадцать два... а сколько лет твоей жене, Оливер? — Кай заставляет всех замолчать.

Хватка Оливера на моей ноге становится болезненной.

— Жене? — говорит отец сквозь зубы.

— Убирайся, Кай, — злость внутри меня достигает взрывного уровня. Мне не следовало везти его домой, после смерти его сестры. Открыть Каю дверь, это все равно, что открыть ограждение для быков. Если ему позволить, он будет постоянно подавлять меня.

— Это не у Кая есть жена, Виви. Почему ты выгоняешь его?

— Ты права, мама, — я смотрю на Кая. — Это не у него есть жена. Просто Кай тот, кто напился и не понес ответственности за то, что в ночь, когда я пыталась увернуться от его приставаний, упала в горящие угли.

Мои родители смотрят на Кая, и самодовольство на его лице испаряется.

— Вив, ты поклялась, что никогда не скажешь...

— Не скажешь что, Кай? Правды?

Я могла это предсказать — он начинает плакать. Невероятно. Ему нужно было стать актером, а не медиком.

— Виви? Кай? Что происходит? — спрашивает мама, нахмутив брови.

— Правды? — Кай качает головой. — Как великодушно с твоей стороны.

Ножки стула Оливера царапают пол.

— Я думаю, ты сказал достаточно, — он встает, сжимая руки в кулаки.

— А что ты сделаешь? Снова ударишь меня? Из-за этого твоя жена угодила в психушку?

Шлеп!

— О боже! Что вы делаете? — кричит мама, пытаясь подобраться к Каю, который близок к бессознательному состоянию лежа на полу с перевернутым стулом и сочащейся из носа кровью.

Я даже не вздрогнула, потому что ожидала, что Оливер врежет ему еще при первом упоминании о его жене. Один раз было рискованно. А два уже просто глупо. Мой отец не двигается, глядя на меня. Его злость очевидна, его злость на меня — из-за моего вранья, моего «разочаровывающего» выбора мужчин.

— Родни, помоги мне его поднять, — моя мама прижимает салфетку к носу Кая.

Мой отец качает головой. Уверена, что единственная причина, по которой он помогает Каю подняться, это чтобы не отмывать пол от крови потом.

Я оглядываюсь, но не вижу Оливера.

— Оли? — я вижу, как он спускается с сумкой в руке, когда подхожу к лестнице. — Куда ты собираешься?

Он достает кошелек из кармана и протягивает мне пятидесятидолларовую купюру.

— Вот деньги на поезд.

Я не беру их.

— Что ты делаешь? Я не хочу твоих денег. Куда ты собираешься?

— Домой, — он продолжает идти.

— Я не понимаю. Ты просто оставляешь меня здесь?

— Да, — он открывает входную дверь и направляется к машине.

— Оливер, остановись!

Он забрасывает сумку на заднее сиденье, а сам садится за руль.

— Остановись! — я хватаюсь за дверь до того, как он успевает закрыть ее. — Мне очень жаль. Кай

— засранец. Но я поддерживала тебя, нас. Почему ты оставляешь и наказываешь меня?

Он кладет руки поверх руля, глядя в лобовое стекло. Его нежелание смотреть на меня отзывается болью.

— Ты рассказала ему, что я женат. Ты рассказала ему, что Кэролайн в психиатрической лечебнице!

Я подпрыгиваю от резкого звука злости в его голосе.

— Я не рассказывала, — я качаю головой и вытираю несколько скатившихся слезинок.

Теперь он смотрит прямо на меня.

— Чуть собачья! Уверен, что ты не могла дождаться, чтобы позвонить ему, после того как вышла из больницы.

— Я не вру. Я ему не рассказывала, — я продолжаю качать головой, будто это плохой сон. — Алекс, должно быть, сказала Шону, а он, вероятно, рассказал Каю, но это была не я.

— Это неважно. Это не их дело, это не твое... — он останавливается.

— Извини меня! — я делаю глубокий вдох. — Это не мое что? Дело?

Оливер закрывает глаза и качает головой.

— Как ты смеешь. Я была в проклятой больнице! Сломанная во всех смыслах этого, слова благодаря тому, что ты скрывал от меня свое прошлое. Так что, черт возьми, извини меня, что доверилась Алекс. Но не смей приглашать меня к себе в кровать и говорить, что сделаешь всё для меня, а затем разворачиваться и говорить, что это не мое дело, — я хлопаю дверью и ухожу вниз по улице, потому что я ни в коем случае не хочу возвращаться в дом к Каю и родителям.

— Вивьен!

Я продолжаю идти.

— Постой, — Оливер догоняет и встает впереди меня.

Я останавливаюсь.

— Тебе лучше сбить меня с ног, потому что ничто другое уже не сработает. Меня тошнит оттого, что все заставляют меня чувствовать себя так, будто боль в моем сердце, вызванная другими людьми, каким-то образом моя вина. Это не моя вина, что у меня израненная кожа на спине, которой я стесняюсь и из-за которой чувствую себя мутантом. Это не моя вина, что у тебя есть жена, а ты мне об этом не сказал. И это, бл*дь, не моя вина, что Кай сегодня всем рассказал!

Слышится эхо гавканья нескольких собак, разносящееся по окрестностям. Уверена, это моя вспышка

их рассердила.

— Ты права, — Оливер вздыхает, опустив взгляд, с угрюмым выражением лица.

Я жду.

Ничего.

— Нет, — я качаю головой и прохожу мимо него. — Этого недостаточно.

— Подожди, — он снова становится передо мной.

Я смотрю на его грудь, сжав челюсть.

— Я так сильно стараюсь не сожалеть о моем прошлом, каким бы ужасным оно не было. Но, когда я с тобой, это так тяжело сделать. Я позволяю себе представить жизнь, где ты всегда была моей...

жизнь, где ты видишь не свое несовершенство его глазами, а свою божественную красоту моими.

Затем я думаю о боли, которая никуда не денется... моей боли, боли Кэролайн... боли Мелани. И я

задумываюсь, стоило ли это времени. Могу ли я быть тем человеком, который не верит в

божественную миссию и ее значение? Могу ли я назвать судьбу собачьей чушью и желать, чтобы

мой ребенок никогда не появлялся на свет, потому что боль, с которой она покинула его... покинула

меня, слишком велика? Я не знаю, что делать с болью и злостью, — его голос ломается, а с ним и

мое сердце. — Ты самое лучшее, что произошло в самое худшее время. Я ощущаю себя, будто

нахожусь посреди океана, а ты мой спасательный плот, и иногда я так разочаровываюсь оттого, что

мы не достаточно быстро спаслись. Я виню тебя за это, но это только оттого, что я боюсь, что мой

груз, груз моего прошлого, потопит нас обоих.

Он берет мое лицо в свои нежные любящие руки и поднимает мою голову.

— Что, если мы тонем?

Я кладу свои руки на его и закрываю глаза из-за страдания, отразившегося на его лице.

— Что, если нет?

Я позволяю ему вернуться в Кембридж, не потому что хочу, а просто, потому что мне нужно время наедине со своими родителями.

— Юная леди, где ты... — мама останавливается, когда я закрываю входную дверь и смотрю на нее красными опухшими глазами.

— Ты можешь просто... — я вытираю слезы, — отнестись ко мне как ко взрослой хоть раз. Мне сейчас нужен друг больше, чем мама. Так что, можешь? Можешь быть и той и другой сегодня?

Мой папа обнимает и целует меня в макушку и делает то же самое с мамой перед тем, как пойти наверх. Она смотрит на меня мгновение, затем кивает и раскрывает руки для объятий. Я падаю в них и рыдаю. Все эмоции, которыми я не могу поделиться с Оливером, вытекают со слезами — страх, что мы можем утонуть; незащищенность от того, что у него есть жена и это не я; значение того, что я видела за запертой дверью.

— Ты любишь его.

Я киваю между всхлипами.

— Расскажи мне о его жене.

— Я-я не знаю. Они п-потеряли р-ребенка, и она сошла сума или как-то так.

— О, Виви... у него был ребенок?

— Дочь... Мелани, — я всхлипываю.

Она ведет меня на кухню, и я сажусь за стойку, пока она готовит нам чай.

— Он оставляет жену ради тебя?

Я качаю головой.

— Он подал на развод еще до того, как мы встретились.

— Почему?

Я делаю прерывистый вздох.

— Это все. Я не знаю и боюсь спрашивать.

— Он часто видится с ней?

— Она в Портленде. Они переехали туда после того, как закончили Гарвард.

Она протягивает мне чашку чая и садится напротив меня.

— Что произошло с Мелани? СВСМ[56]?

— Не знаю, — я пожимаю плечами. — Я не нашла в себе мужества спросить его об этом. Но у меня такое тревожное чувство, что это не СВСМ.

— Что заставляет тебя так думать?

— Не знаю, просто такое... чувство.

— Могу я дать тебе совет, как мать и как подруга?

Я киваю.

— Спрашивай, что тебе нужно и реши лучше раньше, чем позже, можешь ли ты тратить свое время и чувства на Оливера и его прошлое. Тебе осталось учиться два года, и я бы не хотела видеть как кто-то или что-то пускает под откос твои мечты.

Я кривлюсь.

— Да, кстати об этом...

Глава 23

Рваная рана

Оливер

Я предложил остаться, но она сказала мне уезжать. Отъезд казался трусостью, будто я бросаю ее посреди огромной неразберихи. Кай правильно рассчитал время. Конечно, я знаю, что нечестно винить его за то, в какое время его сестра умерла, но, тем не менее, это забрало Вивьен на мой день рождения. Его заявление о моей жене семье Вивьен в ее день рождения... непростительно. Ему, наверно, нравится, когда мой кулак впечатывается в его лицо. Боже, я надеюсь, что Вивьен слишком умная, чтобы дать ему второй шанс.

— Что ты думаешь о ее родителях? — спрашивает папа, когда мы гребем по реке сразу после восхода.

Я крихчу, когда загребаю веслами воду.

— Мне они нравятся. Они чрезмерно ее опекают, но я думаю, это нормально, так как она единственный ребенок в семье.

— Да, это и я уверен, что они чувствуют вину из-за несчастного случая с ожогами. Все родители чувствуют ответственность за то, что происходит с их детьми, даже если не способны это контролировать.

Я киваю, но не отвечаю.

— Черт! Оливер, прости, я не хотел...

— Нет, все нормально. Я... я знаю, что ты имел в виду, — я останавливаюсь на мгновение и вздыхаю. — Вероятно, мне самое время прекратить ожидать, что все будут вести себя так, будто моей жизни в Портленде не существовало. Вивьен знает частично об этом, и когда она придет домой, я собираюсь рассказать ей оставшуюся часть.

— Оливер, это... Ты говорил об этом с мамой?

Я качаю головой.

— Я доверяю Вивьен. Мне не нужно, чтобы мама говорила, как рассказать ей об этом. Это то, что я должен сделать самостоятельно.

— Что насчет Кэролайн?

Яжимаю плечами, пытаюсь отогнать от себя напряженную ненависть, которая овладевает моим телом каждый раз при упоминании ее имени.

— А что насчет нее?

— Ты все еще женат на ней. Несешь за нее ответственность.

Мы вытягиваем лодку из воды.

— Нет, не несу. Она проблема Дуга и Лили, не моя.

— Оливер...

— Бумаги подписаны, и это вопрос времени, когда они вступят в силу.

— Ты ее когда-то любил.

— Папа! Я не буду делать этого с тобой! — я бросаю весла в лодку.

Он кладет руки мне на плечи.

— Я просто хочу, чтобы ты был готов к неожиданностям. Ты — юрист. Мне не нужно рассказывать тебе, что обстоятельства могут измениться.

Уперевшись рукой в бедро, я смотрю под ноги и киваю со вздохом.

— Я знаю.

Помяни черта, он тут как тут. Когда я выхожу из душа, на моем телефоне меня ожидает сообщение. Дуг Уэлч, мой в скором времени бывший тесть, хочет поговорить со мной. У него есть просьба, но он хочет поговорить лично, будто у меня есть время лететь через всю страну по его прихоти. Не будет этого. Я удаляю сообщение.

Вивьен придет через несколько часов. Это дает мне небольшое пространство, чтобы собрать свое дерьмо в кучу. Я обещал ей ответы, и этого она ожидает. Дверь наверху должна быть открыта и мне нужно встретиться лицом к лицу со своими страхами... со своей действительностью. Проблема в том, что я не могу избавиться от звука голоса Дуга в моей голове. Каково его одолжение? Почему он думает, что нам нужно поговорить лично?

Сейчас только девять утра, но я думаю, что этот день требует исключения, поэтому беру пиво. Три пива спустя, я наливаю стакан «Джека» и поднимаюсь наверх. Переворачивая кобальтовую вазу, жду, когда выпадет ключ. Ничего. Где, черт побери, ключ? Я пытаюсь повернуть ручку, но все равно закрыто, поэтому я колочу в дверь... дверь, которую не хотел открывать, до настоящего момента. Я отхожу и бью в нее ногой, но она не поддается. Возможно, алкоголь приуменьшил мою силу или здравый смысл.

Вытягивая телефон из кармана, я звоню Ченсу.

— Полдесятого утра, воскресенье, придурок, что ты хочешь?

— Мне нужен топор.

— Ладно, Пол. Мне привезти с собой и синего бычка?[57] На кой черт тебе понадобился топор?

Я прислоняюсь к стене и сползаю вниз, смеясь.

— Смешно, ты сегодня действительно веселый.

— Боже! Ты пьян, а еще и десяти нет.

— Да, но о чем это говорит? Кое-где уже пять.

— Она снова оставила тебя?

Я допиваю последние несколько капель «Джека».

— Кто?

— Вив?

— Нет. А что?

Он посмеивается.

— Э... ничего. Буду через двадцать минут.

После того как я два раза спускался вниз наполнить свой стакан, я возвращаюсь с блестящей идеей.

Я приношу бутылку наверх. Гений... просто гений. Мое гарвардское образование полностью окупает себя.

— Эй, брат... ты где?

— В своем доме.

Ченс посмеивается, поднимаясь наверх.

— Нет, блин.

— Где он?

— Кто?

Я вздыхаю.

— Бык, придурок... я... блин, я имел в виду, топор, — я кривлю губы и искоса смотрю на дверь. —

Хотя могу поспорить, что бык выбил бы эту дверь тоже.

— Что за дверью? Чувак! У тебя замок на двери. Какого черта?

Я ударяюсь головой о стену и закрываю глаза.

— Я знаю. Я пьян. Не рассказывай маме, — смеюсь я.

— Где ключ?

— В кармане. Просто подумал, что будет веселее выбить ее топором, — думаю, что моя речь растянута, или я просто так слышу, будто всё приглушено и замедлено. Мои веки такие... очень... тяжелые.

— Оливер?

Я устал... слишком устал.

— Оливер?

— Хм?

— Что за дверью?

Слово затихает.

— Мелани.

Вивьен

Тонкое, свободное чувство парит во мне, когда я возвращаюсь в поезде в Бостон. У меня был превосходный разговор с родителями вчера. Все мои страхи на то, как они отреагируют на мой обман и хитрость, исчезли. Слова пришли ко мне без колебаний. Я увидела так много любви и понимания в их глазах, смешанного с их собственными страданиями и виной. Как бы я ни старалась убедить себя, что защищаю их, обманывая про колледж, правда в том... что я защищала себя. Я не хотела столкнуться с их разочарованием в себе из-за того, что они не зарабатывают достаточно денег, или наблюдать, как они постоянно чувствуют жалость ко мне. Слез было много, момент был болезненный, но в конце всё решилось, и я чувствую себя ближе к своим родителям, чем когда-либо. Сейчас я умираю, как хочу видеть Оливера. Я соскучилась по нему. Все, о чем я могу думать — это кожаные ботинки и его горячее обнаженное тело, прижатое ко мне. Его улыбка... Я люблю его улыбку, особенно когда она становится такой широкой, что появляются ямочки на щеках. Уверена, что, если бы могла разглядеть его сквозь мое слепое увлечение им, я бы увидела его недостатки. Может, у него есть какое-то родимое пятно, которое я не обнаружила, или вены на его руках слишком выступают. Возможно, он косолапит, но я не заметила. Оливер не может быть идеальным, я это знаю, но он идеальный для меня.

Грузовик Ченса припаркован на улице следом за машиной Оливера. Машина Алекс тоже здесь, поэтому я решаю отнести сумки домой, так как нападать на своего мужчину в присутствии его брата, должно быть, неприлично.

— Эй, Цветочек! Как прошли выходные?

Я роняю сумки на пол у лестницы.

— Что ты делаешь?

— Что ты имеешь в виду? — она смотрит на меня через плечо.

— Я имею в виду, что ты готовишь и ... — я смотрю на охлаждающую решетку, заполненную печеньем, — ... печешь.

— Да, и что?

Я беру одно из сахарных печений, рассчитанных на один укус, и кладу в рот.

— Твои родители приезжают или что-то в этом роде? — бормочу я с полным ртом.

— Нет. Просто возвращаюсь к практике. Я некоторое время не занималась кухней.

Я поднимаю одну бровь.

— Ты действуешь слишком странно, даже для тебя. Что происходит?

Она поворачивается и облизывает с пальцев сливочный соус, замедляясь, когда доходит до безымянного пальца левой руки.

— О боже! — я хватаю ее руку, тарашась на громадный бриллиант огранки «принцесса».

— Я выхожу замуж!

Я не могу оторвать глаз от гигантского камня.

— Да, выходишь. Святое дерьмо, где Шон взял на такое деньги?

— НА самом деле это из ожерелья, которое его дед подарил бабушке. Шон вставил камень в платиновое кольцо. Тебе нравится?

Я притягиваю ее в объятия.

— Это невероятно. Я так счастлива за тебя.

— Хорошо, надеюсь, ты будешь чувствовать себя так же, когда я скажу, что у тебя есть шесть месяцев, чтобы спланировать лучший девичник, подружка невесты.

— Что, я?

Она закатывает глаза и разворачивается назад к плите.

— Конечно же, ты.

— Почему так скоро? Ты беременна? Я знала, что тот наряд, что был на нем в тот день, приведет тебя к неприятностям.

— Да, Цветочек. Я забеременела в пятницу. В субботу он съездил в Джерси, чтобы взять бриллиант, изготовил кольцо по размеру в воскресенье и сделал предложение сразу после того, как я пописала на тест сегодня утром, — смеется она. — Нет, я не беременна. Его старший брат приедет из Африки на неделю на Рождество. Помнишь, я говорила, что Дилан в Корпусе мира?

— Да, помню.

— В любом случае Шон решил, что хочет воспользоваться редкой возможностью, когда вся его семья здесь, поэтому сделал предложение.

— Так ты не беременна?

Она снова смеется.

— Нет, Цветочек. Я не беременна. Но тебе лучше быть милой с соседом, потому что, как только я перееду к Шону... — она разворачивается и лукаво улыбается, — ...официально, тогда мои родители будут продавать эту квартиру.

— Кстати, говоря о соседе. Что, черт возьми, это был за подарок на день рождения?

— Ах, это роскошная версия той модели, что я дарила тебе сразу после того, как ты переехала сюда. У меня тоже такой есть. Разве он не поразительный?

— Ну, я не знаю. Как только он выпал на пол из пакета перед моими родителями и Оливером, я вроде как потеряла интерес к тому, чтобы испытать его.

— Не может быть!

— Может... это было стыдно. У меня лучший секс в моей жизни, так почему ты решила, что он мне может понадобиться?

Алекс хохочет.

— Цветочек, во-первых, у тебя был единственный секс в твоей жизни, поэтому технически он как лучший, так и худший. Во-вторых, его можно использовать как приложение ко всем причудам, что вы с соседом уже исполняли.

Я кусаю шелушащуюся кожу на нижней губе.

— Это то, что Оливер тоже упоминал. Так как это работает? Я пользуюсь им у Оливера на глазах?

Он использует его на мне? Я использую его на нем?

— Да, да и да. Вы занимаетесь анальным сексом?

— Что? — задыхаюсь я.

Она пожимает плечами, сливая воду с пасты.

— Это был просто вопрос.

— Анальный секс со мной или с ним... или... ох, не обращай внимания. Ни то, ни другое. Как ты могла меня спросить об этом?

— Не осуждай, пока не попробуешь. Может, вам нужно посмотреть гей-порно. Это горячо, то есть

ГОРЯЧО. Ты можешь передумать.

— Ты точно племянница Мэгги. Твои родители тоже таким занимаются?

— Ооо, фу, гадость! Зачем ты это сказала? Теперь, когда я буду видеть их, это все о чем я буду думать.

Да, как я представляю ее привязанной к кровати, и Шона в кожаных штанах в ковбойской шляпе.

— Думать о чем? Как твоя мама в страпоне? «Раздвинь их Марк. Ты был непослушным мальчиком»

— «Жестче, Анабель!»

— Прекрати, — Алекс зажмуривает глаза и вставляет пальцы в уши, топая ногами.

Я смеюсь.

— Это за то, что не закрыла дверь, перед тем как занялась родео, — я краду еще одно печенье. — Я собираюсь разобрать сумки, а затем пойду к Оливеру.

— Я собираюсь блевать, а затем сделать добровольную лоботомию! — она швыряет в меня липкий кусочек спагетти, когда я направляюсь к лестнице.

Я скачу вниз по ступенькам перед домом. Порезы? Какие порезы? Укол разочарования настигает меня, когда вижу, что грузовик Ченса все еще здесь. Может, он поймет намек и уйдет, когда увидит меня, пускающую слюнки на его брата.

— Эй?

Ничего.

Я слышу голоса, когда приближаюсь к лестнице. Они становятся более четкими, пока я поднимаюсь на носочках.

— Думаю, тебе нужно прекратить пить.

— Почему?

— Ну, как только ты отключаешься, веселье заканчивается.

— Я не отключился... я задремал.

— Ты отключился.

— Откуда ты знаешь? Ты тоже пьян, — хохочет Оливер.

— Я не пьян.

— Ты сломал свой топор в моей двери.

— Ну, ладно, немного пьян.

— Виивьен скоро будет здесь. Тебе нужно идти.

— Ты должен позволить ей уйти. Ты сломлен и разобьешь ей сердце.

— Ты прав...

— Он прав? — я поворачиваю из-за угла, пугая их обоих. — Я правильно расслышала? — моя челюсть сжимается, когда я, прищурившись, смотрю на него. — Я думала, мы это уже обсудили! Перестань вести себя со мной как придурок. Или ты хочешь быть со мной, или нет. Но я сыта тем, что ты ведешь себя как страдалец, который хочет оставить меня, даже если это убьет тебя, потому что ты думаешь, что так лучше для меня. Либо ты со мной, либо нет. Так как?

Он пытается встать, но падает назад на задницу. Ченс смеется.

— Что смешного, черт возьми? Что не так с вами обоими? Почему вы оба сидите в коридоре, напившись в хлам в середине дня? — я смотрю налево на дверь. В ней торчит топор со сломанной

рукояткой. Я вытаскиваю ключ из кармана и трясущ им перед ними. — Кажется менее разрушительным, чем топор, не думаете?

Оливер подходит, чтобы схватить его, но я убираю его.

— Почему мой ключ у тебя?

— Я положила его себе в карман в тот день и забыла, что он там. Сейчас он у меня, потому что я планировала вернуть его. Теперь ответь мне.

Он зажмуривает глаза и качает головой, будто это поможет ему протрезветь.

— В чем был вопрос?

— Ух! Ты со мной или отпускаешь меня? Почему вы оба пьяны? И что, черт возьми, означает подушка с фотографией твоей дочери на ней посреди пустой комнаты? — я указываю на дверь.

Ченс смотрит на Оливера.

— Брат, ты хранишь по...

— Убирайся! — Оливер скрипит сквозь зубы.

— Это так бля...

— УБИРАЙСЯ!

Ченс встает на ноги и, спотыкаясь, идет к лестнице.

— Не смей садиться за руль, — говорю Ченсу, не отводя взгляда от Оливера.

— Я вызову такси, — отвечает он, спускаясь по ступенькам.

Оливер опускает голову и трет виски.

— Моя голова убивает меня. Так что выбери один.

— Что?

— Выбери один вопрос, который имеет самое большое значение прямо сейчас.

Я становлюсь на колени между его согнутых ног. Он смотрит на меня с душераздирающими эмоциями, затаившимися в его остекленевших голубых глазах.

— Ты позволишь мне уйти? — шепчу я с таким страхом, что его ответ будет мне пощечиной.

— Никогда.

— Тогда ладно, — киваю я. Вздыхая с отчаянным облегчением, мы обнимаемся, будто цепляемся за жизнь.

Спина кричит в протесте, а температура тела достигает точки кипения. Мы все еще находимся в коридоре. Тело Оливера наполовину обернуто вокруг меня, а его голова лежит на моей груди. Не знаю, как долго мы спали, надеюсь, достаточно долго, чтобы алкоголь испарился из его крови.

— Оли? — шепчу я, проводя пальцами по его волосам.

Он что-то бубнит.

— Оли, проснись.

Он приподнимает голову, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что выбрала меня.

Я улыбаюсь.

— Думаю, все было наоборот.

— Нет, когда ты выбрала нас, а не мое прошлое... ты выбрала меня.

— Я всегда буду выбирать тебя. Не отступать, помни.

— Не отступать, — он усмехается и перекатывает меня, чтобы я оказалась сверху него. — Ты не позволила мне закончить ранее, — я закрываю глаза, когда его губы трутся о мои. — Мне следовало позволить тебе уйти, но ты стала моим восходом. Я нуждаюсь в тебе, когда темнота угрожает накрыть меня.

— Когда это?

— Всегда.

Ох, Оли...

Наши лица так близко, как только можно, но не соприкасаются.

— Ты тарачишься на мои веснушки, — я трюсь своим носом о его.

— Потому что они такие чертовски классные.

— Заткнись. Ямочки классные. А веснушки — пятнистые, хаотичные и неряшливые.

— Неряшливые? — он смеется.

— Да, прямо как я сейчас: неряшливая и потная. Мне нужно принять душ.

— Ванна?

Я усмехаюсь и киваю.

Мы наполняем ванну... чересчур, благодаря тому, что мы не в состоянии держать руки при себе, когда голые.

— У нас будет полно уборки к тому времени, как выберемся отсюда, — говорю я, опускаясь в воду между его ног. Я люблю его глубокую ванну на ножках.

— Мы добавим это к списку неряшливости с твоими веснушками.

— Ха-ха-ха! — я ложусь спиной ему на грудь и скольжу пальцами по его ногам.

— Так как прошли выходные?

— Великолепно, на самом деле. Я чувствую себя свободной. Болезненный груз вранья родителям снят. Они плохо себя чувствуют, потому что я думала, что должна защитить их от правды, но они не разозлились.

— А твой виновный в нарушении супружеской неверности парень?

— Они думают, что мы оба сумасшедшие, но они принимают это, — смеюсь я.

— Принимают это?

— Да, а что?

— Как много ты им рассказала?

— Я рассказала им, что твоя жена психически не здорова, потому что ваш ребенок умер. Это трагедия, и я уверена, что ты не хочешь, чтобы об этом знал весь мир, но они мои родители, и мне нужно было объяснить им ситуацию.

Он не отвечает.

— Ты сердишься?

Он обнимает меня и целует в макушку.

— Нет... не сержусь.

Спустя двадцать минут мы молчим, и температура воды опускается настолько, что вызывает мурашки по коже, и мы выходим. Я оборачиваю полотенце вокруг тела и расчесываю волосы, пока

Оливер идет в спальню.

— Ты ужасно тих, — говорю я, хватая одну из его футболок из комода и надевая ее.

Он сидит на краю кровати в одних трусах, повесив голову.

— Я работал допоздна... много. Быть младшим юристом в фирме означает, что тебе приходится долго работать. Мы оба об этом знали, когда я получил должность. Причина, по которой я искал работу в Портленде, это чтобы ее родители были рядом и помогали, когда родится ребенок.

Он рассказывает мне всё, а я не могу пошевелиться. Я хочу сесть рядом с ним, держать его за руку... хоть что-то, но я замерла перед комодом, в шаге от него, полностью парализованная.

— Схватки начались в пять утра за две недели до указанного срока. Закончилось тем, что ей сделали кесарево сечение. Мелани была крошечной, но такой... — его голос ломается, — ...сильной, — он качает головой. — Боже, она была такой сильной. Кэролайн тяжело выздоравливала, но ее мама оставалась с нами, чтобы помогать. Партнеры на фирме настаивали, чтобы я сделал недельный перерыв и работал дома. Я думал, что у нас все хорошо, что мы уставшие и истощенные, но у нас все хорошо.

В комнате повисает тишина. Не знаю, ищет ли он подходящие слова или собирается с духом.

Заставляя свое тело собраться с собственным духом, я подхожу ближе и становлюсь на колени у кровати, положив голову ему на колени. Его рука двигается к моим волосам, он зарывается в них пальцами и медленно поглаживает.

— Я вышел на работу, но ее родители приходили помогать каждый день на протяжении последующих пары месяцев. Они заставляли ее принимать душ, ходить на прогулку, даже отправляли по поручениям, чтобы иметь перерыв. Один день она моет пол на кухне, а на следующий не хочет вылезать из кровати. Ее доктор сказал, что это послеродовая депрессия, распространенное явление. Ее мама думала, что у нее начинаются галлюцинации, но я никогда за ней такого не замечал. Но опять же, меня не было дома большую часть времени. Мелани обычно спала к тому времени, как я возвращался домой, поэтому единственное взаимодействие с ней у меня было, когда она просыпалась ночью, но даже тогда Кэролайн обычно вставала. Она едва спала.

Он смеется, но этот смех наполнен болью или даже злостью.

— Это не была послеродовая депрессия, это был послеродовой психоз. Ты знаешь, что он проявляется у одного процента женщин? И даже в этом случае менее пяти процентов из этого одного имеют суицидальные или... — он сглатывает и делает глубокий вдох.

Я не могу пошевелиться... не могу дышать. Я знаю, к чему он клонит. Это самое ужасное чувство, которое я когда-либо ощущала в своей жизни. Это хуже, чем проснуться в больнице с ожогами третьей степени. Это хуже, чем услышать о прошлом Шона с сексуальным изнасилованием. Это даже хуже, чем новость о смерти сестры Кая. Я моргаю, и начинают литься слезы. Они свободно катятся по моему лицу на ноги Оливеру.

— Менее пяти процентов из... Одного. Гребаного. Процента. Ее родители уехали навестить ее брата в Салем, на один вечер. Я убедился, что успею домой на ужин. Купил еды и цветы. Это должен был быть наш особый вечер вместе, только мы втроем.

Его слезы падают на мою щеку. Я смотрю на него, и боль на его лице такая, будто кто-то рвет его на части, а он не может их остановить.

Я качаю головой.

— Не надо, — мне нужно его остановить.

— Было тихо... слишком тихо. Поэтому я пошел в нашу спальню.

— Оли, остановись, — я всхлипываю и беру в руки его заплаканное лицо. — Пожалуйста.

Он смотрит будто сквозь меня, даже не замечая меня.

— Их там не было. Я думал... я думал, может, она в ванной. Пол... так много крови... она была безжизненной.

— Оли... не делай этого, — плачу я.

— Я позвонил 9-1-1 и вышел назад в коридор, чтобы открыть переднюю дверь. Вот тогда я их и увидел, — еще больше слез катится из его остекленевших глаз. — Ее ножки... они были синие, — надлом в его голосе и единственный всхлип... как нож в сердце.

Моя голова падает ему на грудь, и я рыдаю. Он кладет свои руки поверх моих, которые все еще находятся на его щеках.

— Она была в своей кровати с подушкой на голове, — он еще раз удушающее всхлипывает.

Я заползаю ему на колени и прижимаюсь своими влажными губами к его.

— Хватит, Оли! Хватит, — бормочу я сквозь всхлипы у его губ.

Он кивает, прижимая меня крепче в своих объятиях, и мы соприкасаемся лбами.

Глава 24

Голые в Бостоне

Оливер

Я рассказал Вивьен ту версию истории, где Кэролайн представляется монстром. Но существует еще одна версия, где монстром являюсь и я. Та, которую я никому никогда не рассказывал. Это версия включает мои мысли в ту ночь... мои сожаления. Я сожалел, что позвонил 9-1-1, потому что Мелани была уже мертва, а Кэролайн все еще жива. Монстр.

Уже почти полночь. Мы оба то засыпали, то просыпались, но никогда не покидали объятий друг друга. Самая невероятная женщина в мире нашла меня... меня! Однажды я могу проснуться и обнаружить, что на самом деле она всего лишь сон. Но сейчас я цепляюсь за нее, как за спасательный трос.

— Ты скучаешь по Розенбергу?

Я люблю ее... я, бл*дь, люблю ее больше, чем когда-либо думал, что так может любить человек. Мы не сказали и слова на протяжении шести часов, с тех пор как я закончил переживать свое прошлое, надеюсь в последний раз. И она спрашивает меня о чем-то таком случайном и земном, как о своей собаке.

— Не могу сказать, что много о нем думал.

Она водит ногтями по моей груди повторяющимся рисунком.

— Ммм, я думаю, ты ему действительно понравился.

— Ммм, думаю, мне нужно будет поехать навестить его снова.

— Да, или, может, он мог бы приехать сюда... погостить.

— Э... да, конечно... я думаю.

— Правда? — она смотрит на меня, положив подбородок на мою грудь.

Я пожимаю плечами.

— Конечно. Почему бы и нет?

— Спасибо, малыш, — она наклоняется и целует меня. — Я голодная.

Я ухмыляюсь.

— Уже за полночь.

— Ну, все, что знает мой живот — это то, что мы пропустили ужин, — она выбирается из кровати и смотрит через плечо.

— Ты идешь?

— Ты серьезно?

— Мистер Конрад, я всегда серьезна, когда дело касается еды, — ее голос становится тише, когда она направляется к лестнице.

— У меня немного еды в доме, — я догоняю ее внизу.

— Мне нужно побежать через улицу и посмотреть, что Алекс оставила для меня. Она готовила вкуснейшую пасту со сливочным соусом, и весь дом пах сахарным печеньем, за которое можно умереть.

— И ты оставила это всё ради меня?

Она открывает холодильник.

— Знаю, о чем я только думала? Блин, Оли, немного было преувеличением. У тебя нет ничего, — она открывает буфет и берет почти пустую банку арахисового масла и пакет с хлебом. Она вытягивает хлеб. — Обманщик...

— Я заполню кухню только для тебя завтра, — я убираю волосы с ее шеи и целую нежную кожу.

— Где твои тарелки? — спрашивает она, открывая и закрывая дверцы пустых шкафчиков.

Я делаю шаг назад и запрыгиваю на кухонный островок, положив руки на колени.

— Странно, что ты об этом спрашиваешь. У меня не было возможности заменить их со времени вторжения в дом.

Она поворачивается ко мне, слизывая масло с ножа.

— Оли...

Я качаю головой и тянусь к ее руке, притягивая ее к себе между ног.

— Не надо. Я не хочу, чтобы ты сожалела или чувствовала себя плохо, или извинялась. Мне следовало рассказать тебе задолго до того, как ты узнала.

— Но...

Я прижимаю палец к ее губам. Ее глаза наполняются слезами.

— Никаких но. Ты не должна мне все спускать с рук только потому, что я поделился с тобой всем. Я люблю тебя, Вивьен, и я знал это задолго до того, как сказал. Поэтому мне следовало рассказать тогда. Мне следовало рассказать тебе все.

Она кивает, пока я вытираю несколько слезинок, скатившихся по ее щекам.

— Позволь мне сказать это один раз, Оли. Мне нужно, чтобы ты это услышал. Ладно?

Я слышу отчаяние в ее голосе.

— Ладно.

Она медленно вздыхает, кладет нож и берет мои руки в свои.

— То, что произошло с твоей семьей невообразимо. Я все еще не могу это осмыслить. Но у тебя есть некоторые проблемы, которые не исчезнут, если их просто игнорировать.

Я отвожу взгляд и закрываю глаза.

— Ты должен справиться с тем, что за той дверью. Я не могу иметь с тобой дело, когда ты переполнен этой болью, Оли. Люди живут с болью, но это не боль. Это пытка. И, в конце концов, она разрушит тебя.

Она сжимает мои руки, и я открываю глаза.

— Поэтому пополни запасы на кухне, — она делает шаг назад и берет свой бутерброд. — Кстати, мне нравятся масло с кусочками арахиса, а это кремообразное дерьмо — безвкусное.

Мы улыбаемся вдвоем.

— Мы встретимся с тобой утром и позавтракаем, и я позволю тебе пригласить меня на ужин. Если тебе повезет, то я буду спать с тобой в выходные, но я не перееду обратно к тебе и не возьму обязательство за наше будущее, пока та дверь не будет открыта, а стены не будут перекрашены в желтый цвет. Я хочу, чтобы моя кровать стояла там и письменный стол, чтобы учиться. И когда я буду приходить в кровать с тобой, в нашу кровать, я хочу лежать на подушке, после того как мы один раз занялись любовью, и ты оттрахал меня дважды, — она подмигивает. — Мне нужен Оли, в которого я влюбилась. Парень, который купил мне мой первый купальник-бикини и подарил мне мой первый оргазм — парень, который позволил мне облизать крем с пончика с его...

— Вивьен! — я поправляюсь. — Я понял, — мое тело в замешательстве. Она говорит о моем прошлом и советует собрать свое дерьмо в кучу или у нас нет шанса, но в то же самое время ест, и мой член знает, что когда я вижу, как она ест, это все равно, что смотреть порно.

— Прости, малыш. Но ты понял, что я пыталась сказать, да?

— Да, понял, — я хватаю ее за талию и откусываю ее бутерброд. — Мне нужно взять себя в руки и тебе нравится слизывать еду с моего тела, — бормочу я с полным ртом.

Вивьен хихикает.

— Это твои слова, не мои, но очень близко, — она скармливает мне последний кусочек. — Нужно захватить пару печенек, перед тем как пойти спать.

— У меня нет никаких печенек.

— Я говорю о сахарном печенье, которое сделала Алекс, — она хватается за руку и стягивает со столешницы.

— Она, вероятно, спит.

— Под цветком есть ключ.

— Я в трусах, а на тебе нет ничего, кроме моей футболки.

— Брось, Оли. Не будь таким занудой. Это на противоположной стороне улицы, и кто увидит нас в такое время? — она открывает дверь.

— Так сознательные люди считаются занудами? — я следую за ней на улицу.

— Есть сознательные, а есть скучные и нудные. Поживи немного, Оли, — мы смотрим по сторонам и перебегаем через улицу. — Ее машины нет. Она, должно быть, уехала к Шону после ужина.

Я наблюдаю, не появились ли машины, пока она заглядывает под кадку с цветком.

— Хм... его здесь нет. Блин! Уверена, что ковбой Шон забыл положить его на место, после того как последний раз пользовался им. Идиот! — она пытается открыть дверь, но она заперта.

— Сделаем печенье завтра, любимая. Давай... на улице немного прохладно стоять в одних трусах.

— Отлично! — она дуется, пока я тяну ее назад через дорогу.

— Может, нам нужно подняться наверх и провести заместительную терапию пончиков, но назовем

ее заместительной терапией печени сегодня, — я оглядываюсь на нее и ухмыляюсь, дергая за ручку двери.

— Можно, — она продолжает дуться. Наверное, то было какое-то невероятное печенье. Впервые с тех пор как мы вместе, она относится к сексу как к нерегулярному утешительному призу.

— Что за черт? — я трясусь и тяну за ручку двери. — Ты заперла дверь?

— Ты закрывал ее, — она качает головой.

— Проклятье! — я бью кулаком в дверь.

— Просто воспользуйся запасным ключом.

— Я отдал запасной ключ тебе, — я пытаюсь сохранить спокойствие в голосе, но это нелегко.

— Ну, тогда зачем ты запер дверь?

— Я не запирал. Ченс, наверное, повернул замок, когда уходил, а я не проверил, перед тем как мы решили пожить немного.

— О, так теперь это моя вина? — она упирает руки в бедра.

Я качаю головой.

— Нет, просто... неважно. Нам нужно выяснить, что теперь делать.

— Ну, уже за полночь, поэтому мы не можем поехать на метро.

Я копирую ее позу и наклоняюсь к ней, чтобы наши глаза были на одном уровне.

— Правда? Ты думаешь, мы не можем поехать на метро, потому что оно закрыто? Нет, хм, дай подумать... потому что мы практически голые?

Она смотрит вниз на свою футболку, или, лучше сказать, мою футболку.

— Она не короче некоторых моих платьев.

— На тебе нет белья.

Она посылает мне взгляд «ну-так-и-что». Я смотрю на небо и качаю головой, затем опять смотрю на нее.

— Она белая, а твои соски — нет и... неважно в любом случае! Ты можешь бродить по городу в коротких платьях и без белья, но я никуда не пойду в одних трусах.

— Все еще не понимаю, каким образом это моя вина.

Я хватаю ее за руку и веду вниз по лестнице.

— Не стоит спорить по этому поводу. Это ничего не меняет.

— Куда мы идем?

— К Ченсу. Если ты, конечно, не знаешь кого-то, кто живет ближе.

— Но к нему идти почти тридцать минут.

— Сорок, если мы будем избегать людных улиц и угадай что? Мы будем избегать людных улиц.

— Мои пластыри «вторая кожа» никогда не выдержат прогулку босиком по асфальту и булыжникам.

— Кому ты говоришь. Мои тоже... о, правильно, только у одного из нас есть маленькие приятные пластыри на порезах.

— Малыш, я улавливаю нотку сарказма в твоем голосе.

— Правда?

Она вытягивает свою руку из моей и останавливается, скрестив руки на груди.

— Я не сделаю больше ни шагу, пока ты не извинишься за свою сварливость.

Одно я знаю наверняка: эта женщина проявляет каждую эмоцию, которую может проявлять человек.

Я раскидываю руки в стороны.

— Посмотри на нас! Мы в одном шаге от ареста за появление на улице в непристойном виде, а ты хочешь, чтобы я извинился за свою сварливость?

Она кивает.

Я тру руками лицо и рычу.

— Отлично! Я прошу прощения за то, что не счастлив от этой ситуации. Я постараюсь наслаждаться этой неторопливой прогулкой к дому моего брата в белье немного больше. Довольна?

Она берет меня за руку, и мы продолжаем идти.

— Тебе нужно поработать над своими извинениями.

Я думаю, что чувствую вкус крови оттого, что так сильно прикусил язык.

— Если бы у нас были деньги. Думаешь, какой-нибудь из ресторанов «Данкин Донатс», который находится поблизости, открыт всю ночь?

Смех вибрирует у меня в груди. Я не могу сдержаться.

— У меня нет никаких причин знать, открыт ли он в такое время. Хотя я бы удивился, если бы один из множественной сети не был бы открыт круглосуточно. В любом случае зачем нам нужно столько их? Два возле железнодорожной станции на расстоянии двадцати ярдов (прим. пер. — примерно восемнадцать метров). Я просто не понимаю этого.

— Большинство «Данкин Донатс» — франшизы. И по контракту, если ты открываешь один, то должен открыть еще один в течение года. Но причина, по которой они могут это делать и держаться на плаву — это концепция скопления бизнеса. Географически сконцентрированная группа или скопление бизнеса, который удовлетворяет похожие потребности на рынке. Как пример, это когда ты видишь «Макдональдс» и «Бургер Кинг» рядом друг с другом. Это не для того, чтобы у покупателей был большой выбор, а из-за спроса на бургеры и картошку фри — он достаточный, для того чтобы и те и другие существовали. Поэтому, из-за громадного спроса на кофе, почему бы «Данкин Донатс» не быть на каждом углу? Более сконцентрированное расположение означает удобство, меньшие очереди и более счастливые посетители. Если они готовы поделиться своими клиентами с кофейнями в начале квартала или на противоположной стороне улицы, так почему бы не держать все в одних руках и не открыть еще одно кафе «Данкин Донатс»? Это называется передача продаж. Да. Она зацикленная фанатка бизнеса. Когда я думаю, что она сдалась, она переходит к скоплению бизнеса.

— Я впечатлен и на удивление заведен немного. Как тогда, когда вернулся с гребли, а ты читала раздел бизнеса в газете в очках в черной оправе. Мне нравится, когда ты выглядишь как «трахни-меня» школьница или шаловливая учительница.

— Классно, Оли. Надеюсь, что мой профессор экономики возбудится, так же как ты, от моего графика сдержанной денежно-кредитной политики. Это должно гарантировать мне «отлично».

— Бл*дь! Прекрати, Вивьен. — я поправляюсь.

— Вот блин! Это на самом деле тебя завело?

— Ум — сексуален, — я пожимаю плечами.

— Хочешь сделать это в переулке? — она показывает головой на темный переулок справа от нас.

— Нет, я не хочу делать этого в переулке.

Она тянет меня за руку, заставляя остановиться.

— Ты уверен в этом? — она усмехается, глядя на выпуклость в моих трусах.

Мой член пытается вырваться на свободу.

— Это просто потому, что мы говорим об этом.

Хватая меня за руку, она прижимает ее между своих ног.

— Так ты не хочешь засунуть это сюда?

Я сглатываю. Сердце бешено стучит в груди. Конечно, я хочу похоронить себя в ней. Я ненавижу, когда мой член не понимает, что это неподходящее время. Я вырываю руку.

— Мы не будем этого делать.

— Ладно, веди нас со своим железным стержнем...

— Ты пытаешься заманить меня в ловушку, но это не сработает, — я продолжаю идти вперед, пытаясь заставить свой член просто... вздремнуть или притвориться мертвым. Вижу свет приближающихся к нам фар.

— Дерьмо! Прячься! — я тяну ее назад и в переулок.

— Ну... так как мы уже здесь.

— Нет, — я выглядываю из-за угла, держа Вивьен позади, и смотрю, есть ли другие машины.

Она проскальзывает пальцем под резинку моих трусов и тянет меня назад.

— Просто быстрый перепихон.

— Нет, — я шлепаю ее по руке.

— Минет?

— Что? Нет!

— Подрочить.

— Нет, — я тяну ее за руку, чтобы продолжить путь, но она вырывает ее.

— Ты мог бы сделать мне куннилингус.

— Вивьен Грэхэм! Пойдем!

Она закатывает глаза и дует губки, но следует за мной.

— Так, скоро придется заменить тебя моим новым вибратором.

Вивьен

Одна из сторон, которую я люблю в Оливере — это его зрелость. Одна из сторон, которую я ненавижу в нем... его зрелость. Да ладно, сейчас час ночи. Кто может увидеть нас в темном переулке? Боже ты мой, он продолжает идти по улицам Бостона в белье, как модель «Дизель» и ожидает, что я удержусь от покупки? Мы в двух кварталах от дома Ченса, и он запретил мне прикасаться к нему, даже держать его за руку, вероятно, потому что я пытаюсь потерять ей свои девичьи места, чтобы соблазнить его.

— У меня болят ступни, Оли.

— Мы почти на месте.

— Я не могу сделать это.

— Конечно, можешь.

— Тебе придется нести меня, малыш.

Он останавливается и разворачивается. Я в нескольких футах от него, плечи повисли, спина сгорбилась — абсолютно «щенячий» взгляд.

— Отлично, но веди себя хорошо.

Я прячу свой восторг, показывая только маленькую благодарную улыбку.

— Спасибо, малыш, — я запрыгиваю ему на спину и вынуждена прикусить нижнюю губу, чтобы сдержать стон удовольствия, когда моя голая влажная киска трется о его плоть. Он должен чувствовать это. Я не просто влажная и липкая, я как чертова «Слип энд слайд»[58].

Его длинные шаги превращаются в ритм. Трение. Освобождение. Трение. Освобождение.

— О боже...

— Что?

Моя голова падает на его плечо.

— Ничего, — говорю я, задыхаясь. Пытаюсь держать свое тело спокойно, позволяя ему делать всю работу... неумышленно дразнить. Но больше всего я хочу врезаться в него бедрами. Я никогда не была так возбуждена. Я представляю себе нас в мой день рождения, как он врезается в меня снова и снова возле грузовика Ченса.

— Да, — слово вырывается прежде, чем я могу остановить его.

— Да, что?

— Я вижу его д-дом. Мы почти на м-месте.

— Думаешь, ты сможешь уже идти?

— Нет! Еще... я имею в виду... продолжай идти.

— Что, черт возьми, происходит с тобой? — он отпускает мои ноги, и я почти плачу, когда становлюсь на ноги.

— У тебя пот выступил на лбу. Почему ты вспотела? Это же я нес тебя, а не наоборот.

Я сжимаю ноги вместе.

— Тебе нужно в туалет?

Я кривлюсь и качаю головой.

— Я уже почти... а теперь ты оставил меня неудовлетворенной и...

— Почти? — он подходит ближе, разминая спину. — Ты получала удовольствие на мне?

Я кривлюсь еще больше, когда тепло приливает к коже, и я краснею.

Он потирает пальцы между собой. Это ужасно неудобно.

— Ну... ты кончила?

Я качаю головой.

— Была близка к этому?

Я киваю.

Он разворачивается.

— Тогда запрыгивай обратно.

— Что? Нет... не может быть. Я не собираюсь просто запрыгнуть на тебя и висеть у тебя за спиной всю оставшуюся часть пути.

Оливер пожимает плечами.

— Делай, как хочешь. Я просто пытался помочь, — ехидная ухмылка играет на его лице.

Я направляю на него свой самый сердитый взгляд.

— Если бы ты действительно хотел мне помочь, ты бы оставил меня с исцарапанной спиной от кирпичной стены в переулке и с удовлетворенным влагалищем.

— О, с ума сойти, только не это снова. Я сделаю это, как только мы доберемся домой.

Договорились?

Зачем так нервничать...

Я прохожу мимо него.

— Подумай снова, дружище! Ты не будешь этого делать, пока я не буду готова. А этого не случится в скором времени!

Случится, в скором времени.

Промчавшись остаток пути по безлюдной аллее, Оливер останавливается прямо передо мной. Я отхожу вправо, и он отходит вправо. Я отхожу влево, он отходит влево. Наконец, я отталкиваю его.

— Что ты делаешь?

— Не нужно, чтоб мой брат видел тебя в этом, — он стучит в дверь.

— Тут темно, Оли. Если он не выльет на меня ведро воды, я не думаю, что у тебя есть причины волноваться.

Оливер снова стучит, в этот раз немного громче.

— Чувак! Что случилось? — Ченс выглядит как медведь, вылезший из берлоги после длинной зимы. Медведь с обернутой вокруг талии простыней. — Где твоя одежда, братишка?

— Длинная история, поэтому не спрашивай, но у нас захлопнулась дверь. Мне нужно, чтобы ты взял ключ от моей квартиры и отвез нас домой.

— Ну, я бы отвез, только мой грузовик все еще припаркован на улице перед твоим домом, идиот. Я думал, ты подберешь меня завтра утром по пути на работу. Не помнишь? Мы слишком много выпили? Я поехал на такси. Вы вдвоем пришли сюда пешком? — Ченс смотрит на меня, кажется, слишком долго, и Оливер пытается прикрыть меня от его взгляда.

— Да, у нас не было другого выбора. Алекс уехала, а также запасной ключ к их квартире. Очевидно, что при нас нет телефонов, поэтому нам пришлось прийти сюда пешком.

— Почему ты не взял мой грузовик? Было бы быстрее и менее... показательно.

— У меня нет ключей от него, — Оливер отталкивает его в сторону, хватая меня за руку и заводит в дом. Он бросает мне одеяло с дивана. — Прикройся, — говорит он одними губами.

Я закатываю глаза и заворачиваюсь в одеяло.

Ченс закрывает дверь.

— Ключи в грузовике, под ковриком, где я обычно и храню их.

— Ты не запираешь грузовик? — спрашиваю я.

Оливер роняет голову.

— Он никогда не запирает его... идиот.

— Я идиот? Я думаю, что мой брат, который знает, что мой грузовик всегда не заперт, а ключ лежит под ковриком, идиот, из-за того, что волок свою девушку полуголой по улицам Бостона среди ночи.

— У кого-то сегодня путаница в голове, — бубню я.

Оливер резко вскидывает голову.

— Ты все еще пытаешься свалить это на меня?

Я ухмыляюсь ему со значением «если принимаешь на свой счет — значит, есть основания» и склоняю голову на бок.

— Эй, Оли... я голодная. Эй, Оли... пойдём и возьмем немного печенья. Эй, Оли... нам не нужно

одеваться. Эй, Оли... не будь таким занудой. Кто увидит нас в такое время? — Оливер копирует меня высоким голосом.

Ченс смеется.

— Я иду обратно в кровать. Вы можете занять гостевую спальню, или в кладовке есть одеяла, если твою задницу выпихнут на диван, братишка.

— Спасибо, Ченс, — я улыбаюсь, но Оли игнорирует нас обоих.

— Я собираюсь пойти в ванную, а затем ложусь в кровать.

Оливер выхватывает у меня одеяло, оборачивает его вокруг себя, сжав губы в линию, и ложится на диван, не говоря ни слова. Да, он раздражен.

— Ты можешь спать в гостевой спальне со мной.

Он ничего не говорит. Ясно, то, что он спит на диване — это мое наказание, а не его. Я сердитая поднимаюсь по лестнице, пользуюсь ванной и забираюсь в одинокую постель.

Мой испорченный мозг не позволяет мне уснуть. Не могу не думать об Оливере внизу, сердитом на меня. Затем воспоминания о том, как начался наш вечер, начинают воспроизводиться заново в моей голове. Кэролайн убила Мелани... Задушила ее подушкой... которая теперь лежит в той запертой комнате. Я помню боль в его глазах, ощущение его слез на моей щеке, и я все еще слышу эхо его всхлипываний. И сейчас, я иду к нему.

Внизу тихо. Не могу сказать, спит он или нет. Я прохожу на носочках через гостиную к дивану. Как раз когда я начинаю размышлять, стоит ли мне сказать что-то или похлопать его по плечу, он поднимает руку, удерживая одеяло — приглашая меня к себе. Комната тускло освещена светом из аквариума, отражая тени в его глазах. Мы смотрим, друг на друга, мое тело лежит на нем.

Он раскрывает губы, и я думаю, что он хочет что-то сказать, но вместо этого он целует меня.

Спичка. Чирк. Пламя.

Он садится, не отрываясь от моих губ, пока не снимает с меня футболку. Я стону от прикосновения его рта к моей груди, выгибая спину к нему. Он хватает в кулак мои волосы и сильно тянет их, нападая на каждый дюйм моей кожи от груди к губам. Я путаюсь пальцами в его волосах и врезаюсь тазом в него. Смутные воспоминания о моих намерениях отказать ему в целях наказания меркнут и становятся забвением, когда он кладет меня на диван и снимает свои трусы. Он не ждет. Зверь, живущий в Оливере, берет над ним верх. Толкая правое колено моей ноги к плечу, он проникает в меня. Мы оба стонем.

Он останавливается, глядя на меня с такой напряженностью, затем выходит и вбивается в меня снова и снова. Я хочу, чтобы эти ощущения продлились, но мое тело отчаянно ищет освобождения, и я ничего не могу сделать, чтобы остановить это. Я кусаю нижнюю губу до крови и мотаю головой из стороны в сторону, заставляя себя продержаться еще хоть чуть-чуть. Оли берет мою руку и засовывает мои пальцы себе в рот, посасывая их и обводя языком. Затем передвигает мою руку между нами. Я вывожу пальцами, мокрыми от его слюны, круги на своем клиторе. Закрывая глаза, представляю, будто это его язык. Он ускоряется, и мои пальцы двигаются быстрее. Его губы находят мои, и мы вдвоем падаем за черту, наши стоны заглушены и захвачены глубоким поцелуем.

— Я люблю тебя... просто так... всецело.

Его слова уносят меня в другое измерение, где весь мир нас не может достать. Это наш мир, где

время останавливается, где мы вместе растем и соединяемся, наша любовь закручивается во что-то такое красивое.

— Моя любовь к тебе, Оли, не имеет глубины. Она естественная и вечная, — шепчу я со слезами на глазах. Эмоциональное влияние этой ночи проявляется в данный момент, и бесконечная любовь, которую я испытываю к Оливеру — она непреодолима.

Блаженство... это все, что я вижу в его мягкой милой улыбке. Мы заворачиваемся в одеяло и засыпаем. Наши путь друг к другу был жестоким и неумолимым, но я бы прошла его снова, если бы это означало, что в конце я окажусь в его объятиях.

Глава 25

Уезжай

Оливер

Розенберг приехал погостить две недели назад... и он все еще здесь. Родители Вивьен собирались уехать из города на выходные, чтобы отметить свою годовщину. Я предложил отвезти Розенберга обратно в Хартфорд, но Вивьен не хотела, чтобы я ехал без нее, а она было слишком занята, чтоб поехать. Но она была достаточно добра, оставив Розенберга со мной, чтобы составить компанию. Какая забота!

Когда она не работает в теплице, то помогает Алекс и ее маме планировать свадьбу. Не могу не заинтересоваться, мечтает ли Вивьен о белом платье и о «пока смерть не разлучит нас». В моей жизни все еще присутствуют демоны, спрятанные за той дверью, которая все также закрыта. Отсюда и причина, по которой Вивьен тут не живет.

Потом эти непрерывные звонки и сообщения от Дуга, где он просит меня приехать в Портленд. По большей части я отправляю их на голосовую почту, но в последнее время я отвечаю ему просто, чтобы сказать, чтобы он больше не звонил и обрываю разговор. Его настойчивость и отчаянный тон просьб давят на уже существующий узел в моем животе. Мне кажется, что он как бомба с часовым механизмом, готовая разрушить мою жизнь, как пыталась сделать его дочь.

— Розенберг? Оли? — зовет Вивьен в тот самый момент, когда я достаю лазанью из духовки. Этот комок шерсти стоит на ступень выше меня — это жалко и унижительно.

— Он на диване, лижет свои яйца.

Она подходит ко мне сзади и проскальзывает руками под мою рубашку.

— А ты?

— Я не могу так наклониться. Пытался на днях, в надежде, что ты полюбишь меня так же как собачонку, но просто не могу дотянуться.

Она хихикает, прижимаясь губами к моей спине.

— Я имею в виду, что ты делаешь?

— Готовлю ужин.

Она проводит ногтями вниз по моей груди, когда я нарезаю французский хлеб.

— Я вижу это, дурачок. Просто так много еды для нас двоих.

— Я знаю, но у нас будет компания.

— О, кто?

— Твои родители. Они забирают Розенберга сегодня домой, так как ты была слишком занята, чтобы поехать со мной и отвезти его.

Я смотрю через плечо, чтобы увидеть выражение ее лица. Широко раскрытые глаза и открытый рот... так, как я и ожидал.

— Ты звонил им? Из-за Розенберга?

— Я позвонил им узнать, не хотели бы они поужинать с нами. Я просто предположил, что они заберут Розенберга домой с собой. Почему бы и нет?

— Я... ну... просто...

Я разворачиваюсь и опираюсь на столешницу, скрестив руки на груди.

— Кажется, ты заикаешься. Ты хочешь мне что-то сказать?

Она тяжело вздыхает.

— Розенберг — моя собака. Я собиралась забрать его с собой, когда переезжала в Кембридж, но не могла держать его у Алекс, так как не живу там, так сказать, и мои родители последние два года постоянно спрашивали, когда я собираюсь забрать его. Папа угрожал отправить его в местный приют, и я не думаю, что он действительно поступил бы так, но иногда я в этом не уверена.

Это для меня не новость. Когда мы забирали Розенберга две недели назад, у меня было ощущение, что он не вернется домой. Две тридцатифунтовые (прим. пер. — около тринадцати с половиной килограмм) упаковки собачьего корма и все три его маленькие кроватки, и большая корзина, наполненная его игрушками — все это заполнило мою машину. Не говоря уже о том, что везде были предупреждающие знаки, я не такой тупой, как Вивьен, очевидно, думает.

— Так он остается здесь?

Она кивает.

— На неопределенное время?

Еще раз кивает.

— Так ты живешь с Алекс, а Розенберг — со мной?

Пожимает плечами. Пауза. И наконец... еще раз кивает.

Я разворачиваюсь назад и начинаю резать латук на салат.

— Ну, тогда хорошо, что это мои родители приходят на ужин, а не твои.

— Оливер Конрад! — ее голос визжит за моей спиной. — Ты развел меня, разыграл, просто чтобы посмотреть, как я буду находиться в неловком положении.

— Вот это да, это, должно быть, досадно, когда кто-то тебя разводит. Даже не могу себе представить, как это.

Вивьен шлепает меня по заднице.

— Черт возьми, женщина! Ты так и напрашиваешься, — я кладу нож и кидаюсь к ней. Она визжит и бежит в гостиную. Единственная вещь, которая разделяет нас — это диван с ее меховым комком на нем.

— Это была просто шутка. Я играла.

Ее мольба о снисходительности обращена к глухому.

— Я знаю. Я люблю шутки и тоже люблю играть.

Глаза Вивьен бегают справа налево. Это веселая игра в кошки-мышки. Я играю с ней, потому что она даже не представляет, что я мог бы перепрыгнуть через диван и прижать ее к полу, и она не успеет и глазом моргнуть.

— У тебя горит хлеб!

Я оглядываюсь назад, а она стремглав бежит к входу. Я у нее на хвосте, коря себя за то, что был таким доверчивым и попался в ее ловушку со сгоревшим хлебом.

— Оли! — кричит она как раз тогда, когда звонит дверной звонок. Прыгая к двери, она открывает ее и просачивается на улицу, прячась за моими, ничего не подозревающими, родителями. Они смотрят друг на друга, затем на меня.

— Мышка в доме?

— Не мышка! Оливер пытается отшлепать меня.

О, ради Бога! Почему она постоянно делится этой информацией с моими родителями?

— Оливер, — папа склоняет голову в сторону, а мама сжимает губы, чтобы не выдать улыбку.

Они заходят внутрь, все еще закрывая Вивьен от меня.

— Это странное поведение, если учесть, что мы никогда не били тебя, когда ты был ребенком, — моя мама обнимает Вивьен одной рукой.

Я украдкой гляжу на усмехающуюся Вивьен, которая прильнула к моей матери.

— Мне нужно закончить с ужином. Угощайтесь вином или пивом.

— Когда ты приобрел собаку? — спрашивает папа.

— Я не приобретал. И вообще, я не уверен, почему она здесь. Своего рода поселенец, я думаю.

— Розенберг — моя собака, — Вивьен подхватывает его и зарывается носом в его шерсть. — Он приехал в гости, и когда я увидела, как он сразу же понравился Оливеру, я не отважилась отвезти его назад к родителям.

Папа кладет руку мне на плечо, пока я режу лазанью.

— Странно, я и не подозревал, что ты любишь собак.

Я гляжу на него искоса.

— Странно, но я тоже.

Я не знаю, понимает ли мой отец, что значит быть мужчиной под контролем женщины, но знает он это или нет, улыбается он именно так.

Ужин заполнен легким разговором, хорошей едой — благодаря мне — и сексуальными взглядами между мной и Вивьен. Подшучивание — это наша прелюдия. Чем нахальней она становится, тем больше я хочу толкнуть ее на столешницу, широко раздвинуть ноги и врываться в ее тело, пока она не будет кричать мое имя. По крайней мере, эта фантазия держит меня в полу возбужденном состоянии на протяжении всего ужина.

— Спасибо, что принесли клубнично-ревеневый коблер. Он мой любимый, — Вивьен подмигивает моей маме, когда кусает и медленно и соблазнительно протягивает ложку между губами. Теперь я полностью возбужден.

— Когда начинаются занятия? — папа меняет тему разговора, вероятно, потому, что ее чувственное обращение с ложкой не осталось незамеченным. В конце концов, он тоже мужчина.

— Десять дней, и я жду с нетерпением!

— У нее уже сумка собрана, — я сжимаю ее ногу под столом.

— Что я могу сказать? Мне всегда нравились занятия. Я получала грамоту за идеальное посещение в конце года. Я была президентом школьного парламента, в студенческом совете, участвовала в издании ежегодной книги школы, и все сборы средств, которые я помогала организовывать, собирали больше всего денег.

— Я влюбился в финансового чудика.

Вивьен толкает меня локтем, и мои родители смеются.

— Я не чудик... — она пожимает плечами и берет ещё кусочек коблера, — ... ладно, может, немного и чудик.

— Ну, мы с нетерпением ожидаем твоего расцвета, — моя мама тянется через стол и сжимает руку Вивьен.

Могу сказать по опыту. Наблюдать как моя девушка, известная как Цветочек, расцветает в моем присутствии — меняет всю жизнь.

Вивьен

Четыре дня. У меня кружится голова в предвкушении. Алекс и Шон думают, что я сумасшедшая, но они наслаждаются студенческой жизнью уже два года. Они как сотрудники «Диснейленда», для которых это всего лишь работа. А я как пятилетка, ожидающая в очереди у ворот, когда откроется «Волшебное Королевство».

— Как продвигается подготовка к девичнику? — спрашивает Шон, лежа на полу с Розенбергом, уютно устроившемся на его груди.

— А что? Ты завидуешь, что у Алекс будет отпадная вечеринка, в то время как Кай, в лучшем случае, заплатит грязной стриптизерше, которая по возрасту будет годиться тебе в матери, чтобы она трясла своим сморщенным декольте у тебя перед лицом, пока на заднем плане будет проигрываться порно, и обеспечит тебя и твоих друзей теплым пивом из кега?

Я бы хотела сказать, что мы с Каем миримся из-за того, что стали свидетелем и свидетельницей, но это не так. Это превратилось в «Войну роз»[59] — Свадебная версия а до свадьбы осталось пять месяцев.

— К твоему сведению, мы едем в Атлантик-Сити.

— Да... это еще не значит, что все будет классно.

— Мне нужно ралучить вас двоих? — кричит Алекс с кухни. Она согласилась испечь свое печенье и банановый хлеб у Оливера, чтобы мы смогли наслаждаться ароматом весь вечер. Честно говоря, это странная просьба, но Алекс привыкла к моим ушлым идеям.

— Когда придет Оливер?

— Скоро, поэтому заканчивай и убирайся.

— Я тоже тебя люблю, Цветочек.

Ладно, это все не только из-за аромата свежей выпечки. Я хотела, чтобы Оливер подумал, что я умею готовить.

— Сколько мне оставить?

— Все. Если ты оставишь шесть печенюшек и полбуханки хлеба, это будет неправдоподобно.

— И Оливер поймает тебя на хитрости? — ухмыляется Шон.

— Я не мошенничаю и не краду... я просто делаю себя более привлекательной на один вечер. Все время готовит он, и я абсолютно уверена, что он и его семья думают, что мне не хватает навыков ведения домашнего хозяйства...

— Потому что тебе не хватает, — смеется Алекс.

— Потому что я не тратила попусту время в школе, выбирая легкомысленные предметы, типа

домоводства и так далее.

— Я думаю, сейчас этот предмет называется «Семейная и потребительская наука».

— Заткнись, Шон, — мы с Алекс выкрикиваем одновременно.

— Я училась готовить не в школе.

— Я знаю, Алекс, тебя учила мама. У моей мамы не было времени учить меня, когда я была младше.

— Вот поэтому я здесь для тебя, Цветочек, — Алекс обнимает меня и снимает фартук. — Оставляю тебе беспорядок, чтобы все было более правдоподобно.

— Спасибо, буду должна тебе беспорядок... для разнообразия.

— Правда, — Алекс шлет мне воздушный поцелуй, когда они с Шоном уходят.

Я не спеша убираю на кухне и, как и планировалось, входит Оливер, когда я перемыла уже половину посуды.

— Ого! Что-то очень вкусно пахнет, — он стягивает свои ботинки и моет руки в ванной в коридоре.

— Ты грязнуля, — усмехаюсь я, глядя на его порванные джинсы, покрытые грязью, и серую футболку, которая теперь похожа больше на графитовую.

— Так и есть. Мы сегодня тяжело поработали, — он целует меня в щеку и хватает печенье с охладительной решетки. — Ммм... как вкусно.

— Нравится?

— Да, почему нет? Они восхитительные!

Я прикусываю губу, удерживаясь, чтоб не сильно широко улыбаться. Оливер прижимается телом к моей спине, скользя руками по моим бедрам вперед и сжимая в кулак юбку, когда поднимает ее вверх по моим ногам.

— Тебе нужно в душ, малыш. Ты весь потный и грязный.

— Ммм... может, когда ты закончишь с тарелками, сможешь помыть и меня.

— Может, тебе следует подумать о том, чтобы вознаградить пекаря.

Он целует меня в шею и прижимается своей эрекцией ко мне сильнее.

— Думаю, Шону это не понравится.

— Что? — я хватаю полотенце и разворачиваюсь.

Оливер уже раздел меня глазами, и мое тело ощущается голым под его голодным взглядом. Он становится передо мной на колени и скользит руками по моим голым ногам.

— Какое отношение это имеет к Шону?

Он опускает мои трусики вниз, облизывая губы. Я уже влажная, но я также хочу ответа.

— Ну, ты сказала, что мне следует вознаградить пекаря, и по тону твоего голоса, я понял, что это что-то неприличное. Я представил, что Шон сильно рассердится, если я попытаюсь сделать что-то подобное с Алекс, — он начинает поднимать мою юбку вверх.

Я хватаю его за руки.

— Почему ты думаешь, что это Алекс — пекарь?

Он смеется и целует мою руку, пробегая языком до запястья.

— Потому что она написала мне, что у меня дерьмовые противни.

— Черт бы ее побрал!

Оливер ухмыляется.

— Но я ставлю тебе «Е».[60]

Я смотрю на него, но он продолжает двигаться вверх по моим ногам.

— Или вместо «Е», могу поставить тебе «О», — его рот накрывает мою плоть, а язык дразнит клитор.

— О боже... — я закрываю глаза и хватаю его за волосы.

«О» намного лучше, чем «Е». Если это похоже на то, будто я сноб гласных звуков, то пусть так и будет. Я получила свою тяжело заработанную «О» на кухне, а Оливер свою — в душе. Печенье и банановый хлеб, вероятно, не настолько необходимы. Последнее время Оливер возвращается домой в полной готовности и страстно желает пожираться мной, едва сказав мне «привет». Я не жалею, но я бы хотела, чтобы он вложил некоторую часть энергии и любви в себя.

Он все еще не упоминал и не пытался иметь дело с комнатой наверху. Я также об этом не упоминала. Я пытаюсь позволить сделать ему это в свое время. По-видимому, мое обещание переехать обратно к нему, когда он справится с этим, не является стимулом, как я надеялась. Разочарована? Очень.

— Нам нужно поужинать, пока мы не впадем в диабетическую кому, — предлагает Оливер, когда мы заканчиваем первую буханку бананового хлеба.

— Ну, я так устала от того, что пекла весь день... — я подмигиваю и усмехаюсь, — ...так может нам следует пойти куда-нибудь.

— Индийский ресторан?

— Ты читаешь мои мысли, мистер Конрад.

— Обувайся. Я пойду, накину рубашку, — он целует меня и направляется наверх.

— Пока, Розенберг. Будь хорошим мальчиком, — я целую его и засовываю ноги в свои розовые «Nike».

Звонит дверной звонок, как раз когда я перекидываю ремешок сумки через плечо.

Я открываю дверь и вижу мужчину и женщину, возможно, им около пятидесяти пяти, которые разглядывают меня с загадочными лицами. Она приглаживает свои золотисто-каштановые волосы, будто это нервная привычка. Он морщит лоб, что можно расценивать только как замешательство.

— Чем могу помочь?

Они смотрят друг на друга, затем снова на меня.

— Оливер Конрад здесь живет? — спрашивает он.

— Да, он наверху. Могу я сказать, кто к нему пришел?

— Что, черт возьми, вы здесь делаете?

Мое тело напрягается, и жуткие мурашки бегут по позвоночнику от льда в голосе Оливера.

— Мы просто хотим поговорить, Оливер, — говорит женщина мягким дрожащим голосом.

— Мне нечего сказать.

— Нам есть что, — отвечает мужчина.

Кажется невероятным, но мне стало еще больше не по себе.

— Вы, должно быть, Вивьен?

Я смотрю на женщину и киваю, когда Оливер обнимает меня собственническим жестом.

— Вы извините меня, но я в неведении.

— Простите, Джеки рассказала мне о вас. Она сказала, что вы с Оливером действительно счастливы вместе.

— Э, да, так и есть, — если мама Оливера рассказала этой леди о нас, то я предполагаю, что она родственница или друг семьи.

— Я — Лили, а это мой муж — Дуг. Мы родители Кэролайн.

Оливер прижимает меня сильнее. Не знаю, хочет ли он удержать меня или сам держится за меня.

— О, я думала, вы живете в Портленде.

— Так и есть. Мы прилетели сюда, чтобы поговорить с Оливером.

Я гляжу на Оливера. Желваки ходят на его скулах, когда он удерживает свой смертельный взгляд на них.

— Ну, входите, — я отступаю назад, чувствуя легкое сопротивление тела Оливера.

— Спасибо, — они проходят в гостиную.

— Я буду... — я показываю головой в направлении дома Алекс, — ... там, если понадобится.

— Думаю, будет лучше, если вы останетесь, — говорит Дуг, сидя на диване. — Теперь это и вас касается.

Оливер качает головой и слегка подталкивает меня к двери.

— Может, мне все-таки стоит остаться?

— Нет.

— Оли...

— Что бы они ни сказали, тебе это не нужно слышать.

— Нам нужно, чтобы ты вернулся в Портленд, — голос Дуга заставляет все тело Оливера затрястись от злости.

— Думаю, я остаюсь, — я шепчу и прохожу мимо Оливера, чтобы сесть на пуф, примыкающий к дивану, где уже сидят Лили и Дуг.

Оливер неуклюже заходит в комнату и садится рядом со мной. В нем бурлит ярость, и я уверена, что мое решение остаться не помогает в этой ситуации. Он берет меня за руку. Я крепко сжимаю ее в надежде, что та небольшая сила, которая осталась у меня, после слов Дуга, передастся Оливеру. У меня странное ощущение, что она ему понадобится больше, чем мне.

— Кэролайн спрашивала о тебе, — продолжает Дуг. — Лили и я пытались объяснить, что ты подал на развод, но она находится в стадии отрицания. Затем мы сказали ей, что ты вернулся обратно сюда, и с тех пор она снова пытается покончить с собой. Она говорит, что если потеряет и тебя тоже, то ей больше незачем жить.

Хотела бы я прочесть мысли Оливера. Мы никогда не обсуждали его чувств по отношению к Кэролайн. Что он чувствует, услышав это? Я помню тот вечер, когда он разбил свой телефон и теперь задаюсь вопросом, был ли это звонок от нее, что вывел его из себя.

— Вы же понимаете, что она, вероятно, никогда не выйдет из этого заведения, верно?

— Да, мы знаем, это длительный процесс, Оливер, но мы ее родители, а ты ее...

— Никто. Я никто для нее. Муж, только по закону, но это ненадолго.

Дуг кивает, а Лили вытирает слезы.

— Перед тем, как ты уехал, ей начали уменьшать дозу медикаментов. Доктора были настроены оптимистично по поводу того, что она может выздороветь через время. Теперь она... — глаза Дуга наполняются слезами, — ... она оболочка, пустой сосуд и... мы просто хотим вернуть свою дочь.

Оливер отпускает мою руку, затем ставит локти на колени, повесив голову на руки.

— Не знаю, какое отношение это имеет ко мне.

— Ты ей нужен! — сдерживаемые эмоции Лили вырываются отчаянной мольбой.

Дуг притягивает ее в свои объятия и поглаживает по спине.

— Мы думаем, она вернется к нормальной жизни, по крайней мере, станет дочерью, которую мы помним, если ты будешь там. Если она будет думать, что ты не обвиняешь ее, она найдет силы пройти терапию снова и начнет общаться с другими людьми. Она найдет... силы и желание жить.

— Я не могу... я... не сделаю этого.

— Оливер, пожалуйста! Как только ей станет лучше, мы сможем объяснить ей, что ваш брак закончился, и она будет более сильной, чтобы выдержать это, если ты будешь немного ближе к ней, вместо того, чтобы просто обвинять ее. Ты не можешь сделать этого для нее? Для нас? Для...

Мелани?

Я чувствую, как ярость Оливера вырывается наружу еще до того, как он начинает говорить.

— Убирайтесь нахрен отсюда! Не смейте просить меня помогать Кэролайн во имя моей мертвой дочери! Она задушила ее подушкой! Вы понимаете это? Двухмесячный ребенок убит собственной матерью! Почему, ради всего святого, я должен пытаться помочь Кэролайн сейчас, когда она не хотел помогать ей тогда?

Слова Оливера как безжалостная пощечина Лили и Дугу. Их лица искажает болезненная гримаса.

Оливер встает и меряет комнату шагами, упершись руками в бедра.

— В тот день, когда я нашел ее... самое большое мое сожаление — это то, что я позвонил 9-1-1. Вы не знаете, как сильно я хотел взять нож, который был в ее окровавленной обмякшей руке и воткнуть его в ее беспощадное сердце.

Лили всхлипывает, Дуг помогает ей подняться. Он открывает входную дверь и поворачивается.

— Я тебя просто не узнаю, Оливер. Ты не тот любящий мужчина, за которого вышла замуж наша Кэролайн, — Дуг переводит свой взгляд на меня. — Удачи, Вивьен. Она вам понадобится.

Оливер

Вивьен сидит на стуле, держа Розенберга на руках. Я не понимаю, почему она все еще здесь. Я признал то, чего никогда не осознавал — я хотел, чтобы Кэролайн умерла. Даже более того. Я не хотел просто стоять и смотреть, как она истекает кровью. Я хотел убить ее.

Она встает. Вот оно, прощание, которое отправит меня напрямик в мой собственный ад, из которого я только начал выбираться. Я прижимаю ладонь к груди, чтобы удержать сердце, которое собирается выпрыгнуть; оно знает, что она — это ритм в котором оно бьется.

Я закрываю глаза, когда она подходит к двери, где стою я. Из всех мысленных изображений Вивьен, которые останутся со мной навсегда, то, как она выходит из моей двери... из моей жизни — не может быть одним из них.

Ее рука на моей щеке, такая нежная, что разрывает меня на части.

— Я пойду выгулять Розенберга. Затем мы пойдем и поужинаем. Ладно, малыш?

Я открываю свои наполненные слезами глаза и делаю дрожащий вздох, такой отчаянный, что мои легкие переживают физическое воспоминание дня, когда я родился.

Она вытирает большим пальцем слезы у меня под глазами, а ее губы растягиваются в жесткой болезненной улыбке.

— Вивьен... — я пытаюсь проглотить эмоции.

— Оли... — она склоняет голову набок — ...не отступать. Помнишь?

Я парализован ее голосом. Я знаю, что если пошевелюсь, то проснусь, поэтому стою спокойно — и молюсь, чтобы это мгновение длилось вечно.

— Пойдем, Розенберг, — ее голос затихает, когда она выходит на улицу.

Я останавливаю песнопения в своей голове. Это всегда одно и то же. Ты не заслуживаешь ее. Ты не заслуживаешь ее...

И заменяю это слом, повторяющимся снова и снова. Спасибо! Спасибо!

— Готов, малыш? — она ставит Розенберга на пол и берет сумочку.

Я не могу прекратить глазеть на нее. Это ненормально. Часть меня чувствует, будто я вижу ее впервые. А другая часть — будто я знаю ее всю свою жизнь, эту часть я называю своим сердцем.

— Я готов, — я протягиваю руку, и так же уверенно как утреннее солнце поглощает тьму, она берет ее.

— Оли? — ее ангельский голосок будит меня. Я целую ее в макушку, которая лежит у меня на груди.

— Думаю, тебе нужно поехать в Портленд.

Я вскакиваю и включаю свет. Мы сидим лицом к лицу.

— Что ты на это скажешь? — она смотрит вниз и обводит пальцем рисунок на простыне. — Я думаю, тебе нужно покончить с этим.

— Мне нужно, чтобы мой бракоразводный процесс закончился.

Она смотрит на меня.

— Это что-то большее.

— Нет, — я выключаю свет и падаю на спину, закрыв глаза рукой.

Она тянется через меня и снова включает свет.

— Да. Оли, ты потерял ребенка, и хочешь ты в это верить или нет, ты потерял свою жену в тот же день.

— Я... — Она прикладывает палец к моим губам.

— Не потому, что ты хотел, чтобы она умерла, а потому, что в тот момент Кэролайн, на которой ты женился, была потеряна навсегда. Я знаю тебя, Оли. Ты бы не женился на ней, если бы не любил. А когда люди теряют того, кого любят, это ранит. Ты не можешь отпустить боль, пока не позволишь себе почувствовать ее сначала. Я знаю, это ужасно и невероятно, но тебе нужно познать это. Тебе нужно прочувствовать это. Я не думаю, что ты можешь сделать это здесь, в тысячи миль, на другом краю страны от Кэролайн и напоминаний... воспоминаний о Мелани.

Я вздыхаю, положив руку ей на ногу.

— Если я поеду, что будет с нами?

Она наклоняется и целует меня, ее губы такие мягкие, ее прикосновения такие до боли знакомые.

— Мы будем безнадежно влюблены и отчаянно скучать друг по другу.

Я усмехаюсь.

— Я действительно скучаю по тебе, — я перекатываюсь на нее и беру ее тело, будто оно предназначено для моих прикосновений, моей любви, моей вечности.

Нас разделяют километры

Вивьен

Три дня назад я сказала Оливеру, что ему нужно поехать в Портленд. Он обсудил это со своей семьей, и они согласились, что это именно то, что ему необходимо сделать. Два дня назад он принял решения ехать. Вчера я сломалась в руках Алекс и призналась, что сожалею о том, что сказала ему уезжать. Сегодня он уезжает.

— Хочу, чтобы ты переехала ко мне.

Я смеюсь, вытирая полотенцем волосы.

— Ты сегодня уезжаешь. Не думаю, что теперь это имеет значение.

Оли застегивает молнию на своем чемодане и протягивает руку. Он ведет меня по коридору, останавливаясь перед дверью.

— Ченс приедет на неделе и поставит новую дверь.

— О чем ты говоришь... — я хмурю брови, когда Оливер открывает дверь.

Желтые.

Стены — желтые с темно-серым, занавески — в белую полоску. У одной стены стоит письменный стол, книжные полки — у противоположной, а моя кровать посередине с новым цветочным покрывалом и... подушки, много декоративных подушек.

— Оли... — я вхожу в комнату и медленно кручусь вокруг себя, — ... когда ты... не могу поверить...

Он притягивает меня в свои объятия и улыбается.

— Не знаю, как долго пробуду в Портленде, но знаю, что быть так далеко от тебя — это будто мое сердце живет за пределами моего тела. Единственное, что поможет мне пережить это — знать, что ты тут, в нашем доме, ждешь моего возвращения.

Он проводит губами по моим струящимся слезам.

— Ты будешь здесь?

Не уезжай!

— Да, я буду здесь, — я обнимаю его, цепляясь за этого мужчину, которого люблю всем своим существом, и немного умирая внутри.

— От этой комнаты я ожидаю великих свершений, — он осыпает мой нос и щеки поцелуями, будто пытается поцеловать каждую мою веснушку. — Много часов учебы, только отличные оценки, несколько неприличных видео, которые ты мне пришлешь...

— Мистер Конрад, никогда!

Он сжимает мою задницу.

— Я думаю, да, и я надеюсь... действительно надеюсь, что ты это сделаешь.

— Нам нужно идти.

Оливер смотрит на свои часы.

— Боюсь, ты права.

Оливер везет нас в «Логан Интернэшнл»[61]. У меня медленно накапливаются эмоции, которые угрожают испортить наше прощание.

Соберись. Соберись.

Он вытаскивает чемоданы из багажника и протягивает мне свои ключи с ухмылкой.

— Я знаю, не разбить ее, — я протягиваю руку.

— Я собирался сказать, не убей себя или кого-то другого.

— Ха-ха-ха.

Он кладет ключи мне в руку и держит ее. Наши глаза встречаются.

— Я собираюсь уладить всё и вернуться к тебе как можно скорее.

Я киваю, так как не могу говорить. Он берет мое лицо в свои руки и целует меня. Наши языки трутся друг о друга, а губы двигаются синхронно. Последнее объятие следует за длинным прощальным поцелуем.

Соберись. Соберись.

— Потом поговорим.

Я киваю, задерживая дыхание, переполненное эмоциями.

Мы обмениваемся последней грустной улыбкой перед тем, как он разворачивается и направляется к дверям. Я сажусь на водительское сиденье и завожу машину. Мой желудок скручивает от тошноты, а сердце кажется тяжелым и тугим, будто его душат. Я кладу руки на руль, опускаю на них голову и плачу. Дверь открывается, и я делаю испуганный вдох, поднимая голову.

Оливер. Он качает головой и наклоняется, притягивая меня в свои объятия. Я всхлипываю. Это выглядит ужасно, но я не могу больше сдерживаться.

— Поплачь, любимая, поплачь, — он шепчет мне на ухо, глядя меня по волосам.

— Т-так б-больно.

— Шшш... знаю. Мне тоже.

Он не торопит меня, будто ему не нужно успеть на самолет, и он даже игнорирует случайные сигналы машин, звучащие позади нас. Любовь Оливера — терпелива, и поэтому его отъезд еще труднее пережить.

Он вытирает мои слезы, когда я шмыгаю носом.

— Не прячь от меня своих чувств, никогда. Ладно?

— Л-лад-дно, — я беру в сумочке носовые платки и вытираю нос. — Почему ты в-вернулся.

— Потому, что чувствовал, что тебе необходимо еще одно последнее объятие, — он улыбается.

Мои губы растягиваются в жесткой болезненной улыбке. Его слова выдавили еще несколько слезинок из моих распухших красных глаз.

— Вивьен, я люблю тебя больше, чем ты можешь себе представить за миллионы жизней. Никогда не забывай об этом, хорошо?

— Я тоже тебя люблю, Оли.

— Больше, чем «Бостон Крем»?

— Да, — я смеюсь и целую его.

— Больше, чем коблер моей мамы?

— Да, — и еще раз целую.

— Больше, чем Розенберга?

— Ты давишь на меня.

— Вот моя девочка. Сладкая и нахальная, прямо как мне нравится, — он целует мой лоб и встает. —

Передавай привет меховому комочку от меня.

Я закатываю глаза, когда он закрывает дверь. Он прижимает ладони к окну, и я делаю то же самое. Одна последняя грустная улыбка. Я вижу непролитые слезы, что блестят в его глазах, когда он поворачивается и уходит.

— Пока, Оли, — выдавливаю я, когда смотрю в зеркало заднего вида и наблюдаю, как он исчезает за стеклянными дверьми.

Оливер никогда точно не говорил, сколько он пробудет в Портленде, а я никогда не спрашивала. Я знала, что он может только предположить, а я не хотела разочаровываться, если это займет больше времени. Измерять время неделями, вероятно, нереалистично, месяцами — более вероятно, а все, что больше — слишком больно об этом думать прямо сейчас.

Я знаю, что Алекс, возможно, ждет меня. Предполагалось, что мы встретимся с группой, которая будет играть у них на свадьбе. Но мне нужно несколько минут наедине... я не знаю — поскучать еще чуть-чуть по Оливеру.

— Розенберг, — зову я, открывая дверь. Снимая обувь, поднимаю голову.

— Что... происходит? — мои родители здесь, а также Алекс, Шон и Мэгги. — Это вторжение?

— Больше похоже на предупреждение, — мама обнимает меня.

— Да, Оливер позвонил вчера и спросил, можем ли мы все быть здесь для тебя после того, как он уедет, — Алекс берет меня за руку и одаривает такой знакомой грустной улыбкой, и так будет сегодня целый день. — Думаю, он не хотел, чтобы ты пряталась в кладовке, свернувшись калачиком на полу, одетая в его футболку и зарывшись носом в его старую толстовку, которая хранит его запах. Все смеются над комментарием Алекс.

— Не думаю, что вам стоит об этом беспокоиться, — смеюсь я.

Им определенно стоит об этом беспокоиться. Это под пунктом три в моем списке «когда Оливер уедет от меня» — сразу после «помыть голову его шампунем» и «тереться о простынь на его стороне кровати».

— Приятно знать, но мы всё равно ведем тебя в город на весь день, — говорит Мэгги.

— В город?

— Да. Оливер доберется до Портленда не ранее чем через восемь часов, поэтому, пока ты ждешь его звонка, мы отправимся на экскурсию по Бостону, как кучка туристов.

— Музей «Чайной вечеринки»[62] и Тропа Свободы[63], — говорит папа.

— Канноли «У Майка» и тур на земноводном автобусе, — подхватывает Шон.

— Может, мы пройдемся до Ньюбери-стрит и сделаем кое-какие покупки к школе — поздравление от моих родителей, — Алекс слегка усмехается и показывает черную карту Американ Экспресс.

— Я не знаю... завтра начинаются занятия и мне не совсем хочется...

— У нас есть четкие указания от Оливера... и оставаться здесь — не одно из них, даже если нам придется тащить тебя, — Шон подмигивает мне, слегка усмехаясь. Большую часть времени, мы деремся, как родные брат и сестра. Я знаю, что ему бы очень понравилось таскать меня за волосы по Бостону.

— Отлично.

Изнуренная. Единственное слово, подходящее для описания моего душевного и физического

состояния. Как и было обещано, мы прошли все туристические маршруты и увидели так много всего в Бостоне, сколько смогли за один день. Если бы я не думала всё время об Оливере, это был бы великолепный день. Хотя я прожила здесь более двух лет, я никогда везде не была и не знала его богатой истории. Мы закончили наш день ужином в домике родителей Оливера. Находясь рядом с ними, я чувствовала себя ближе к нему. Также это вызывало противоположные эмоции. Я представляла, что мы будем вместе, когда наши родители впервые встретятся. Кажется, они поладили, а наши мамы даже обменялись адресами электронной почты и номерами телефонов, чтобы оставаться на связи, больше похоже на то, чтобы следить за своими детьми.

Дом тих и пуст без Оливера. Я рада, что Розенберг здесь, чтобы составить мне компанию. Я не на полу в кладовке, но я одета в футболку Оли, уютно устроилась вместе с Розенбергом на его стороне кровати и жду его звонка. Завтра будет мой первый день в колледже. Надеюсь, это отвлечет меня от мыслей об Оливере, а не наоборот.

Мой телефон вибрирует, и я отвечаю с рвением трогательной девушки-подростка.

— Оли?

— Привет, куколка.

Всё мое тело растекается по простыням от звука его голоса.

— Только спустился с самолета и жду своего багажа. Как прошел твой день? Что-нибудь захватывающее произошло?

— Нет. После того, как я тебя высадила, я приехала домой и свернулась калачиком на полу в кладовке, завернувшись в твою одежду, и плакала, пока не заснула. Вообще-то, я только что проснулась.

— Что? Ты имеешь в виду, что никто...

— Да, малыш. Теперь я официально являюсь экспертом во всех достопримечательностях Бостона. У меня десять пакетов одежды из самых дорогих магазинов на Ньюбери-стрит, что гарантирует мне, что завтра я буду одета лучше всех первокурсников в кампусе, если, конечно, влезу во все это после ужина, который твоя мама приготовила для всех сегодня.

— Я просто не хотел, чтобы ты...

— Оли?

— Да?

— Спасибо. Это самая заботливая вещь, которую кто-либо когда-нибудь для меня делал.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. Если это возможно, то я люблю тебя даже больше, чем сегодня утром.

— Я скучаю по тебе. Мне требуются все усилия, чтобы не пойти сейчас к кассе и не купить билет домой, к тебе, а все остальное послать к черту.

— Ты заставишь меня снова плакать, поэтому просто прекрати.

— Прости.

— Я никогда не спрашивала. Где ты остановишься, пока будешь там?

— Так как я понятия не имею, как долго здесь пробуду, пока остановлюсь у родителей Кэрролайн, — он вздыхает.

— О... это... значит... я имею в виду, это хорошая идея? Ты выдержишь все время находиться рядом с ними?

— Они оба работают, поэтому мы будем встречаться только по вечерам и выходным.
Что-то грызет меня. Ревность была бы смешной в этой ситуации. Это ощущение небезопасности. Может, это просто неуверенность. Я не уверена насчёт того, что чувствую по поводу погружения Оливера в свое прошлое. И в это мгновение, сегодня вечером, я не хочу об этом говорить.

— Розенберг уже забил твою сторону кровати.

— Да? Ну, пусть лучше этот комок шерсти не сильно располагается. Я не буду тебя делить ни с кем, когда вернусь домой.

— Это... в том случае, если ты сможешь разорвать мою любовную связь с высшим образованием. Оливер ухмыляется.

— Ты такой чудик. Сексуальный, но, тем не менее, чудик.

— Ты просто ревнуешь, потому что я всегда любила занятия, в отличие от других детей, которые так нервничали, что мочили штанишки в школьном автобусе, — я прикусываю губу, чтобы удержаться от смеха.

— Удар ниже пояса. Смотрю, моя мама разговорилась. К сведению, мне было шесть, я слишком много выпил, а водитель автобуса наехал на громадную выбоину.

Я хихикаю.

— А что насчет твоего первого дня занятий каратэ? Твоя мама сказала, что ребенок, стоящий рядом с тобой поскользнулся в луже, которую ты сделал, и выбил себе передний зуб, когда упал лицом на стопку досок за твоей спиной.

— Всё! Я запрещаю тебе видиться с моей мамой когда-либо снова.

— Слишком поздно. Она уже включила меня в список ВИП-гостей субботнего ужина.

— Просто... великолепно, — его голос приглушен, и я могу представить себе, как он потирает рукой лицо в расстройстве. — Мой багаж уже здесь, и уже поздно, тебе лучше хорошо отдохнуть, завтра для тебя великий день.

— Ты прав, малыш. Мы можем продолжить обсуждение твоего недержания мочи позже.

— Нет. Эта тема закрыта. На замок. Никогда не будет обсуждаться снова.

Я продолжаю смеяться.

— Мне нравится слушать про маленького Оливера. Я тогда не так отчаянно скучаю по тебе.

— Если скучаешь, звони мне. Мы даже можем организовать видеочат, но ради Бога, не говори с моей мамой обо мне.

— Оли?

— Да?

— Я люблю тебя, и спасибо за сегодняшний день.

— Не за что. Я тоже тебя люблю. Веди себя хорошо завтра.

— Я буду, — усмехаюсь я.

Не могу спать. Розенберг храпит, я скучаю по Оли и переживаю, что будильник не сработает, из-за чего я могу опоздать в первый день занятий. После длительного душа и высушив свои непослушные волосы, надев святое-дерьмо-какие-дорогие джинсы «True Religion» и футболку без рукавов «Guess», я наношу немного макияжа и перехватываю немного «пищи для мозга». Оли гордился бы мной. Я съела два яйца на цельнозерновом тосте и выпила свежавыжатый апельсиновый сок.

Мне нравится моя новая сумка, в которую я положила все свои любимые вещи: остро заточенные карандаши, тетради на спирали, папки и новый iPad мини от Джеки и Хью. Поцелуй Розенбергу, глубокий вдох, и я открываю дверь в свое новое приключение.

— Скажи «чиизз», Цветочек! — Алекс, все еще одетая в банный халат, стоит у подножья ступенек, делая фотографию за фотографией.

— Что ты делаешь?

— Делаю снимки моей девочки в ее первый день в колледже.

— Почему ты не одета?

— Ради Бога. Только первокурсники-заучки посещают занятия с восьми часов.

Я показываю ей язык.

— Как знаешь.

— У тебя есть яблочки для твоих профессоров?

Я продолжаю идти и показываю ей средний палец.

— Я тоже тебя люблю, Цветочек. О! И не прикасайся к туфле Джона Гарварда или какой-либо другой его части.

— Да, да... Я знаю, что происходит ночью.

Туристы любят фотографироваться с памятником Джону Гарварду. Его левая туфля затертая и блестящая оттого, что так много людей трогают и трут ее на удачу. Студенты, проходящие мимо, съезживаются и смеются, потому что знают, что происходит ночью: студенты, зачастую, пьяные, мочатся на нее. Кай и Шон так делали... больше чем один раз, и догадываюсь, что Алекс тоже.

Пока я иду к кампусу по тенистым улицам, вдоль которых растут деревья, и по булыжным тротуарам, я чувствую происходящие перемены. Занятия занимают мои мысли и отвлекают от Оли, ну... как бы облегчая боль от тоски по нему. Я уверена, что, сколько буду жить, Оли всегда будет в моих мыслях.

Я получила четыре сообщения от Оли сегодня:

Как все проходит, всезнайка?

Что на тебе надето? Надеюсь, что-то сексуальное. Можешь соврать, если это не так.

Избегай памятника Джону Гарварду.

Думаю, нам следует заняться сексом между стеллажами с книгами, когда я вернусь домой.

Ладно, наверное, еще одна традиция или обряд посвящения, кроме порчи Джона Гарварда, это секс между рядами полок в Библиотеке Гарварда. Да, я не представляю себе, как мисс Идеальная

Посещаемость/Президент Студенческого Совета присоединится к этой элитной группе студентов. Но теперь я задаюсь вопросом, принадлежит ли Оливер к этой группе.

Я:Почти дома, соскучилась по Розенбергу... и по тебе, конечно же. Нет сексу между стеллажами.

Может, пописаю на Джона Гарварда. Разве хоть один человек действительно достоин, чтобы быть идеализированным до такой степени, что ему воздвигают памятник?

Оливер:Даже не буду упоминать, что ты скучаешь по собачонке больше, чем по мне. Я заставлю тебя передумать насчет секса между стеллажами. И, если ты собираешься помочиться на Джона, возьми собачонку с собой. Он тебе покажет, как это делается. Кстати, как твоему адвокату, мне не следует смотреть сквозь пальцы на такое поведение.

Я:Моему АДВОКАТУ? Пребывание в Портленде уже помогло тебе. Мне следует начистить твои туфли и выгладить рубашки к твоему возвращению? Нет необходимости брать с собой Розенберга. Я и сама справлюсь. Твердое НЕТ сексу между стеллажами, я не передумаю.

Оливер:Без комментариев. Справишься сама? Между стеллажами будет что-то твердое для тебя, когда я вернусь домой, но это не НЕТ.

Я:Дома.

Оливер:...

Не уверена, что означает это многоточие. Я отпираю дверь и только начинаю звать Розенберга, когда дыхание спирает в легких, и слова замирают на губах. Весь нижний этаж заполнен букетами белых и темно-красных роз. И еще до того, как мне удастся пошевелиться, я слышу щелчок камеры.

— Алекс! — она усмехается и делает еще фотографии. — Ты...

— Нет-нет... Я просто ловлю момент. Это все Оливер.

Положив сумку, я вытягиваю одну розу из вазы и нюхаю ее.

Щелк. Щелк. Щелк.

— Как ты сюда вошла?

— У меня есть ключ, который я храню под цветком у входа вместе с нашим. Это Оливер предложил. Я понимаю, зачем мне нужен ключ, но это предложение хранить его под нашим цветком довольно странное.

Я усмехаюсь. Алекс еще не слышала эту историю.

Мой телефон вибрирует. Это Оливер и он прислал мне фотографию в сообщении.

Оливер:Новая заставка для моего телефона.

На фотографии я нюхаю розу. Та, что Алекс только что сделала.

— Ты отсылаешь фотографии Оливеру?

Она еще несколько раз щелкает меня.

— Да, это именно то, для чего меня наняли.

Я:Зачем ты нанял Алекс фотографировать каждое мое движение?

Оливер:Тоска по твоим прикосновениям практически невыносима. Тоска по всему остальному тоже убила бы меня. Люблю тебя.

Я:Плачу... люблю тебя больше!

Оливер:Хорошая попытка, но это невозможно. Позвони мне позже, когда будешь одна.

Я:Лааадно?!

— Как прошли занятия? Есть симпатичные парни? — Алекс падает на диван и накручивает на палец прядь волос.

— Последнее, что я слышала, ты — помолвлена, а я... — я показываю на окружающие нас розы, являющиеся проявлением смущающей романтики.

— Я не спрашиваю, назначила ли ты свидание с ними на выходные, я спросила, есть ли симпатичные парни в твоих группах. Знаешь... есть вероятность того, что лекция станет скучной, тогда ты сможешь раздеть горячего парня, сидящего перед тобой, глазами и грязными мыслями.

Я бросаю в нее розу, которую ранее вытащила из вазы.

— Для начала, передо мной никто не сидит. Я вынуждена сидеть в первом ряду, чтобы записать все на диктофон. И ты видела Оли, он... — я вздыхаю, — ... идеальный.

— Мне нравится, что твое определение идеального — это парень, который намного старше тебя с запутанным прошлым и женой в психушке.

— Я сочувствую ей, — я сажусь на пол рядом с Алекс, скрестив ноги. — Это делает меня сумасшедшей?

— Ты сочувствуешь ей из-за того, что она сделала или из-за того, где находится?

— И из-за того и из-за другого. Это не ее выбор потерять разум. Ты можешь себе представить, как это не иметь возможности контролировать свои мысли или различить реальность и иллюзию? Она больна, действительно больна, и...

— Оливер оставил ее?

Я киваю.

— Проблема в том, что даже если я не могу себе представить это, я понимаю, почему она сделала так. Я также понимаю, почему Оливер так ее презирает, но это заставляет меня задуматься, где пары пересекают эту черту. Я имею в виду... когда вы с Шоном будете жениться, будете ли клясться в любви друг другу «в болезни и здравии»?

— Нет, абсолютно нет. Наши клятвы будут больше похожи на прочтение гипотетического брачного договора. «Обещаю любить тебя во времена острой, не устойчивой к антибиотикам болезни и здравии, пока ты не попытаешься превратиться в мужика с пивным пузом и сиськами». Его клятвы будут похожими, но вместо пивного пуза и сисек будут обвисшие сиськи и крылья на руках.

— Что означает, что ты тоже влюблена в испорченного мужчину, который неистово любит тебя?

— В основном — да.

Глава 27

Безумие

Оливер

Я никогда не представлял себе возвращение в Портленд. Но и никогда не представлял, что вернусь в Бостон. Когда мы с Кэролайн переехали сюда, я влюбился во все здесь: людей, живописный вид, горы, и в то, что поездка к побережью Тихого океана занимала менее двух часов. У нас был великолепный дом, у меня была многообещающая работа, и мы готовились стать семьей — начать наше будущее.

Теперь вид уже не такой захватывающий, и я думаю, что теперь предпочитаю бостонскую гавань тихоокеанским прибрежным пляжам. Город ощущается слишком перенаселенным, я не узнаю людей. С тех пор, как я встретил Вивьен, все, что находится за пределами ее ослепительной ауры, кажется скучным и тусклым.

Сегодня я ходил повидаться с Кэролайн. Психиатрические лечебницы должны быть олицетворением скуки. Если пациент попадает сюда, не будучи по-настоящему сумасшедшим, то он вскоре им станет. Здесь царит абсолютная тишина, за исключением случайных взрывов, с которыми справляются умелые руки со шприцом, наполненным волшебным спи-пока-не-будешь-готов-выбросить-это-дерьмо-из-головы ядом. Любая деятельность планируется с тщательностью военного режима. Есть очень короткий промежуток времени для посещений, особенно для Кэролайн, и сегодня не было никаких прорывов, по крайней мере, пока я там был. Она была накачена успокоительным, то засыпая, то просыпаясь, первые полчаса. Затем они принесли ее обед с пластиковыми приборами — это обычное явление для пациентов со склонностью к суицидам. Она не

ела и не говорила — ни слова. Я пришел, чтобы показать, что приехал, но, кажется, мое присутствие не вдохновило ее. Я ушел, чувствуя злость и сожаление о том, что приехал сюда, а прошел только один день.

Час спустя, позвонила медсестра и сказала, что Кэролайн съела весь обед после моего ухода, после того как медсестра сказала, что я приду завтра только если она поест. По-видимому, она не ела три дня, поэтому теперь я святой чудотворец. Чертовски невероятно. Делай что хочешь, ешь, постепенно отходи от медикаментов, признай, что ты испорчена и встреться лицом к лицу с последствиями.

Затем прими, что между нами все кончено и позволь мне убраться от тебя к чертям.

Злость, которая сидит во мне, зверская. На некоторое время я подумал, что она утихает, но увидев ее сегодня, я осознал, что это всего лишь время и расстояние заглушали мои болезненные эмоции. Я не узнал ее, и не потому, что она выглядела ужасно из-за лекарств, недостатка солнца и того, что вырвала себе половину волос. Это из-за ее глаз. В них не было жизни. Будто ее тело — это сосуд, в котором бьется сердце, но его покинула душа. Я думаю, что так и бывает, когда ты кого-то лишаешь жизни. Может, так происходит перед тем, как ты лишаешь их жизни. Все хорошее в тебе покидает тебя, а потом не остается ничего, кроме человеческой машины, которая действует безэмоционально. В лучшем случае ее достаточно реабилитируют, чтобы она не хотела убить себя или кого-то еще, но я не верю, что она когда-нибудь сможет любить или испытывать настоящие чувства по отношению к другому человеку.

Я остановился у Дуга и Лили на цокольном этаже дома с отдельным входом. Одна из причин, по которой я согласился остановиться здесь — это то, что здесь есть отдельная кухня и ванная, так что я могу избегать их большую часть времени. Они, конечно же, были в приподнятом настроении из-за звонка медсестры и смотрели на меня взглядом «мы же тебе говорили» слишком много раз. А теперь я жду звонка Вивьен с нетерпением и разочарованием. У меня уже зависимость от нее и мне нужно услышать ее мягкий голос, наполненный сексуальным возбуждением, который заставляет меня твердеть каждый раз, когда она говорит «Оли» или «малыш».

Я: Ты уже одна?

Я жду несколько минут и, когда уже готов отправить еще одно сообщение, мой телефон звонит.

— Ты убиваешь меня.

— Я тоже по тебе скучаю, малыш.

И... я твердый.

— Так как прошел твой первый день?

— Невероятно. Если не считать, что я нажала на «паузу» вместо «записи» на диктофоне во время занятия по математике.

— Ты записывала занятие по математике?

— Нет. Ты что, не слушаешь? Я пыталась, но не записала.

Я ухмыляюсь.

— Я это и имел в виду. Ты пыталась записать занятие по математике?

— Да, Алекс! Я записываю все свои занятия, — говорит она с насмешливым раздражением.

— Когда у тебя есть время прослушивать их снова?

— Ох... пока я сплю.

— Что на тебе надето?

— Что?

— У тебя был невероятный день, ты подтвердила свой статус заучки, достаточно любезностей, теперь, что на тебе надето?

— Твоя футболка.

— Хм... в конце гардеробной находятся мои рубашки. Надень одну и подними волосы, надень свои очки в черной оправе и тащи свой лэптоп в кровать и включай скайп.

— Зачем...

— Просто сделай так.

— Э... ладно.

Я стягиваю свои брюки и рубашку и ложусь на кровать. Несколько минут спустя, ее изображение появляется на экране. От одного взгляда я твердый как скала и могу сказать, что это не продлится долго.

Ее улыбка яркая и широкая.

— Я хочу поцеловать экран.

— Я тоже. Расстегивай рубашку.

Она переставляет компьютер с ног на кровать и ставит его между расставленными ногами.

Идеально! Ее язык проскальзывает между губами и облизывает их, когда она расстегивает последнюю пуговицу. Обольстительные глаза смотрят на экран через сексуальные очки, и несколько прядей свисают, выбившись из пучка на голове.

— Нравится?

Я скольжу рукой вниз к своим боксерам и обхватываю рукой свою эрекцию. Ее взгляд следует за моей рукой, и она смотрит на меня широко раскрытыми от удивления глазами

— Покажи мне свою грудь.

Она снова переводит взгляд на экран. Я стягиваю боксеры, чтобы предоставить ей лучший вид. Я вижу ее грудь, почти ощущаю, как твердеют ее соски, и, определенно, ощущаю вкус блестящей сладости между ее ног. С легкой нерешительностью Вивьен отодвигает мою рубашку по бокам, пока ее дерзкие груди с твердыми сосками не становятся полностью обнажены.

Я сглатываю и облизываю губы, скользя рукой по своей эрекции.

— Вивьен, как бы ты хотела, чтобы я касался тебя?

Она опускает подбородок на грудь и смотрит на себя. Затем яркие изумруды вглядываются в меня поверх черной оправы. Я вынужден замедлить движения своей руки. Видение передо мной — это эпизод порно с профессором из колледжа.

Вивьен подносит руку к животу, затем продвигается вверх, к груди, трогая себя будто впервые. Она смотрит вниз и сжимает ее, обводя большим пальцем сосок. Ладно, я думал, что это хорошая идея, но я ошибался. Я хочу пробраться сквозь экран и поглотить ее. Это отстой... на самом деле отстой.

Другая ее рука проделывает то же самое и, когда я вижу, как ее глаза закрываются, и она снова пытается их открыть, я сжимаю свою руку и стону от муки и удовольствия одновременно. Она сгибает ноги в коленях и расставляет их еще шире.

Моя рука ускоряется.

— Видишь что-то, что тебе нравится, мистер Конрад?

— Бл*дь, Вивьен!

— Я скучаю по твоим губам здесь, — она скользит рукой вниз живота и между ног. — Ммм... — стонет она и закрывает глаза.

Я уже так близко.

— И я скучаю по твоему языку здесь, — она прижимает два пальца к клитору и медленно обводит его кругами. — О, Оли... — каждое слово — протяжное и с придыханием.

Я снова замедляюсь и пытаюсь сдержаться, но это убивает меня. Я закрываю глаза, позволяя напряжению ослабнуть слегка, но ее мягкие вздохи и стоны не дают передохнуть.

— Оли, не останавливайся.

Я открываю глаза и вижу Вивьен, которая одной рукой сжимает грудь и тянет сосок, а другая ее рука до сих пор находится внизу живота. Два ее пальца попеременно быстро сменяют друг друга.

— О-Оли... о, боже... Оливер! — она кричит мое имя, когда ее голова откидывается назад, а колени сжимаются вместе.

Потребовалось еще пару скольжений, чтобы я тоже кончил — мышцы живота напряжены, зубы впиваются в нижнюю губу.

Боже, я обожаю технологии, даже если ненавижу скучать по ней.

Дни переходят в недели, и я начинаю интересоваться, существует ли время. Что-нибудь меняется, или я застрял в заточении, где Вивьен занята учебой и работой несколько часов в неделю в «Зеленом горшке», пока я пытаюсь, с малым успехом, подвести Кэролайн к... чему? Вот в чем дело. Я понятия не имею, черт возьми. Ей, возможно, никогда не станет лучше. Я думаю, что Дуг и Лили хватаются за что-то, что является лишь иллюзией — выдают желаемое за действительное, а не реальность.

Мне нужно работать, но не только из-за денег. Мне нужно чувствовать, что я делаю какой-то вклад, делаю что-то большее, чем просто наблюдаю за Кэролайн, когда она ест ужин каждый вечер, монотонно повторяя, что любит меня. Да, это новое достижение. Она любит меня. Это смешно, невероятно, но по большей части жалко. С тех пор, как я здесь, это единственные три слова, которые она мне сказала. Я думаю, что это из-за лекарств, но кто знает, и кого это волнует? Не меня.

Ее доктор собирается внести изменения в лечение и вернуться к терапии, так как она показала улучшения и больше не намеревается себя убить. Я не доктор, но где он увидел «улучшения», мне не понятно. Улучшением было бы позволить ей совершить попытку суицида и покончить со всем этим.

Ей не нужно переводить даром воздух, для которого другие люди найдут лучшее применение.

Очевидно, что монстр во мне все еще жив.

Посещение «Стерджен, Уоллес и Фэй» — юридической фирмы, в которой я раньше работал — не было моим планом. К сожалению, планы изменились. Валери Уоллес должна родить двойню в следующем месяце, а другие партнеры и я планировали взять на себя ее рабочую нагрузку, пока она находится в декрете. Уверен, что мой уход сделал нагрузку Стерджена и Фэй намного тяжелее.

— О, мой Бог! Оливер! — Саманта, секретарь приемной, кричит, когда я вхожу в ее офис. Она идет вразвалку в своей узкой юбке и на каблуках, чтобы обнять меня. Ей перевалило за пятьдесят прошедшей весной, и, несмотря на то, что она проводит много времени в солярии и курит, не скажешь, будто ей за семьдесят.

— Привет, Саманта.

— Что ты здесь делаешь?

— Надеялся поговорить с Брайсом. Он все еще выделяет полчаса после ланча, чтобы вздремнуть?

— О, дорогой... ты же знаешь, что это всего лишь слухи.

Я смеюсь.

— Нет, это то, что я видел — не слухи. Я вошел в его кабинет более чем один раз, и видел, как он горбился и пускал слюну на свой галстук.

— Ну, Синди сказала, что у него апноэ сна, поэтому я уверена, что он просто вымотан им.

Я смотрю на свои часы.

— Так ты меня задерживаешь или позволишь прокрасться к нему?

Она выгоняет меня в коридор.

— Иди, но если он спросит, меня не было на месте, когда ты пришел.

— Договорились.

Брайс Стерджен — юрист в третьем поколении. Его дед практиковал, пока ему не исполнилось восемьдесят два, но его отец рано ушел на пенсию, в шестьдесят три, после того, как три раза обещал. Брайс и его сестра-близнец, Валери Уоллес, унаследовали семейную практику семь лет назад и взяли своего друга из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, закончившего юридический факультет, Митчелла Фэй.

— Тук-тук-тук, вытирай слюну и прячь порно.

— Оливер Конрад, что, черт возьми, ты делаешь в городе, — Брайс отставляет свой наполовину съеденный сэндвич в коробку, встает, вытирая рот, и протягивает руку.

Я пожимаю его руку и сажусь напротив него.

— Хотел бы сказать, что люблюсь достопримечательностями, но, к сожалению, не поэтому я здесь.

Я осматриваю его кабинет.

— Ты нашел еще одного сосунка из Лиги Плюща, как я, чтобы работал на тебя?

Брайс, Валери и Митчелл никогда не старались скрыть тот факт, что они взяли меня на работу из-за моего Гарвардского диплома. Брайс сказал, что он будет хорошо смотреться на стене и придаст уверенности потенциальным новым клиентам. Мне просто нужна была работа и сформированная клиентская база. Тогда мы подходили друг другу.

— Неа, такие выпускники, как ты не любят шататься по Восточному побережью. Большинство из твоего поколения просто кучка мамочкиных сынков с трастовым фондом.

— Ну, меня не уведомили о моем. Вот почему я здесь.

— О?

— Я пробуду в городе некоторое время. К сожалению, я думаю, это продлится дольше, чем я изначально ожидал. Родители Кэролайн хотят, чтобы я оставался здесь, пока ей не станет... лучше, или вроде того.

— Лучше? Ты же понимаешь...

Я поднимаю руку.

— Тебе не нужно мне говорить. Я полностью осознаю ее шансы когда-нибудь выбраться оттуда или иметь что-то, напоминающее нормальную жизнь я делаю это для Дуга и Лили и... я думаю, для своего собственного удовлетворения или что-то такое, — я тру руками лицо. — Я не знаю.

— Так тебе нужна работа?

— Не работа. Я не останусь здесь. Просто подработка. Мне нужно что-то, чтобы не сойти с ума и кое-какой доход, пока мой волшебный трастовый фонд не обнаружится, что тоже было бы неплохо. Брайс усмехается и толкает мне папку файлов.

— Вот. Валери здесь всего пару часов в день, а потом она вынуждена идти домой, чтобы поднять свои отекавшие ноги. Как ты знаешь, у нее много клиентов-женщин, которые готовы перепрыгнуть через себя, чтобы работать с тобой — в прямом и переносном смысле слова.

Я беру один из файлов и открываю его.

— Я начну со следующего понедельника, если тебя устроит. Мне нужно съездить домой и упаковать свои костюмы и блестящие туфли.

— Да, слышал сплетню, что ты помогаешь своему брату со всяким садоводческим дерьмом. Я встаю.

— Да, это слоган его бизнеса. «Мы садим всякое дерьмо».

Брайс достает свой сэндвич и кладет ноги на стол.

— Жду с нетерпением.

Я качаю головой.

— Увидимся в понедельник.

Как и ожидалось, мои новости не были восприняты Дугом и Лили хорошо.

— Ты не можешь уехать. Она только стала приходить в себя, — говорит Лили.

— Это всего на выходные. Я скажу ей, что уезжаю на пару дней и затем вернусь.

Я начинаю спускаться по лестнице, уставший от этого спора с ними.

— Она не поймет, — кричит Дуг мне вслед.

— Тогда, вероятно, она не заметит, что я уехал на два чертовых дня!

Каждый день я задаюсь вопросом, что я делаю. Я выяснил после того, как Кэролайн признали недееспособной, что Лили боролась с депрессией всю свою взрослую жизнь и даже принимала медикаменты от этого. Генетический фактор присутствовал здесь. Это было бы полезно знать, когда женился на своей беременной жене. Поэтому естественно, что Лили сверхчувствительна ко... всему. Мне нужно быть осторожным не только с Кэролайн, но и с Лили также. Я надеюсь, что смогу завершить то, что предполагается я должен завершить здесь, и уберусь отсюда до того, как сорвусь из-за одной или другой.

Я размышлял позвонить ли родителям и сообщить, что я буду дома в эти выходные, но я хотел сделать сюрприз Вивьен, и, если быть честным, моей маме нельзя в этом доверять. Плохая особенность как для психотерапевта, но думаю, что в своей профессиональной жизни, она придерживается клятвы и сохраняет информацию в строгой конфиденциальности. Может, мне следует нанять ее и рассказать свои детские секреты, затем я смогу предъявить ей иск о нарушении конфиденциальности каждый раз, когда она рассказывает Вивьен о слабом мочевом пузыре, который был у меня в детстве.

Я думаю позвонить Алекс. Она очень защищает Вивьен, и мы с ней обменялись несколькими суровыми словами с тех пор, как стало известно о Кэролайн, но Алекс была так любезна отправить мне фото Вивьен и убедиться, что все мои сюрпризы на самом деле будут сюрпризами. Я думаю, что мне удалось вымолить, украсть и доползти до ее расположения снова.

- Говори быстро. Я иду на занятия.
- Алекс, мне нужна услуга.
- Большой сюрприз. Что на этот раз?
- Я возвращаюсь домой в эти выходные...
- О, мой Бог! Вивьен с ума сойдет. Она так скучает по тебе и...
- Алекс!
- Да?
- Я приезжаю домой только на выходные. Я улетаю обратно вечером в воскресенье.
- О.. это отстойно.
- Кому ты говоришь. В любом случае ты единственная, кто знает о моем приезде, и я бы хотел, чтобы все так и осталось. Но мне нужно, чтобы ты убедилась, что она будет дома в пятницу вечером. Это разрушит мой сюрприз, если мне придется искать ее, когда я доберусь домой.
- С этим не должно быть проблем. Она никуда не ходит, кроме как на работу к Мэгги по субботам. Говорю же, что она абсолютная заучка. Она учится все время. На днях она получила первую «четверку» и съела дюжину пончиков «Бостон Крем» ... за один присест.
- Я смеюсь.
- Она рассказала мне о «четверке», но не упомянула о пончиках.
- Конечно, она не упомянула, — хохочет Алекс.
- Отпускаю тебя. Большое спасибо. Я действительно ценю все то, что ты сделала.
- Ты же знаешь, что я делаю это для Цветочка.
- Я знаю, ей повезло, что у нее есть ты. Пока, Алекс.

Глава 28

Сюрприз

Вивьен

Мне нравится учеба. Если бы деньги не были проблемой, я бы сделала карьеру в этой области. Но прямо сейчас, без них, я бы распалась на части, сильно скучая по Оливеру. Мы переписываемся и созваниваемся по телефону каждый день, а по выходным у нас секс по скайпу. Оливер пытался привлечь меня к этому занятию среди недели, но он, видно, забыл требования колледжа. Хотя, вероятно, он был таким же студентом, как Алекс или Шон, которые учатся ради степени, а не ради знаний.

Я подружилась с несколькими людьми, хорошими, с теми, которые сидят на первом ряду и записывают все лекции. Некоторые из них приглашали меня присоединиться к ним в одном из местных баров в «ночь открытого микрофона»[64]. Я любезно отклоняла их приглашения до сегодняшнего дня. Выходные — одинокое время для меня, даже несмотря на то, как усердно я учусь. Все равно остается много времени, чтобы скучать по Оливеру, особенно проживая в его доме и засыпая в его кровати. Поэтому я приняла их приглашение и планирую выпить слишком много вина, пописать на Джонни Г. по пути домой, сделать пьяный звонок Оливеру, чтобы узнать, не хочет ли он устроить шоу с раздеванием по скайпу.

Понадобится больше, чем просто несколько бокалов, чтобы я поднялась на сцену. Оливер разрушил для меня караоке своим комментарием о «рожающей ослице» под песню Кэти Перри. Это было жестоко, особенно учитывая то, как сильно я люблю петь. Я переживу это... в конце концов.

— Цветочек?

— Наверху, — зову я из ванной, размышляя, как мне уложить волосы: наверх или оставить внизу.

— Вау, посмотри на себя! Горячее свидание?

Я усмехаюсь, вытягивая заколки из волос, чтобы снова заколоть ими волосы.

— Вряд ли. Ты будешь так мной гордиться. Я иду с несколькими друзьями на вечер «открытого микрофона» сегодня.

Алекс вздыхает.

— Правда?

— Да, — я наношу блеск для губ и растираю его губами.

— Не думаю, что это очень хорошая идея.

— Что? Ты неделями мне рассказывала, чтобы я выбралась из дому и повеселилась... «распустила волосы». Смотри, — я указываю на свои волосы, — волосы распущены, и я собираюсь повеселиться.

— Шон придет, я приготовлю ужин, затем посмотрим фильм. Я надеялась, что ты присоединишься к нам.

Приподняв бровь, я ухмыляюсь.

— Правда?

— Да, конечно.

— Хм, караоке с моими новыми не обремененными парой друзьями или ужин и кино с моей подругой и ее женихом, где я буду третьим лишним, и который, без сомнения, закончится тем, что вы будете приставать друг к другу на протяжении всего фильма? Без обид, я выбираю караоке.

— Что мне сделать, чтобы ты осталась?

— В чем проблема? Есть угроза взрыва, о которой я не знаю?

— Нет.

— У тебя какое-то предчувствие по поводу сегодняшнего вечера?

— Не совсем, — она кривится и надувает губы.

— Тогда я иду, и ты ничего не сможешь сделать, чтобы остановить меня.

Я беру свои черные туфли на каблуках.

— Не могу поверить, что ты это надела.

Я смотрю на свое красное платье без бретелек, которое доходит мне до колен.

— А что? Плохо выгляжу?

— Нет, ты выглядишь как чертова модель. Я удивилась, когда ты купила его, так как оно оставляет открытым часть твоей спины.

Я поворачиваюсь и смотрю на свою спину в зеркало. Верхние ветки достигают плеч, на них видны красные и розовые бутоны, даже при распущенных волосах. Я пожимаю плечами.

— Мне плевать. Оливер считает меня красивой и с тех пор, как он в моей жизни... я тоже начинаю в это верить.

Думаю, у Алекс на глаза навернулись слезы, но она хорошо их прячет, моргнув быстро несколько раз.

— Иди сюда, — она раскрывает руки для объятий, и я обнимаю ее в ответ. — Цветочек, ты самая красивая девушка, которую я знаю... внутри и снаружи. Иди и повеселись.

— Спасибо, Алекс.

— В какой бар вы идете?

— Не знаю. Челси еще не прислала мне информацию.

— Ну, напиши мне, когда узнаешь. Знаешь, на тот случай, если нам придется забирать твою пьяную задницу.

— Спасибо, мамочка, я напишу.

Все вчетвером мы нашли столик близко впереди, сразу возле сцены. У Челси, Фелиции и Тесс есть фальшивые удостоверения личности; я никогда не задумывалась о том, что мои новые друзья-первокурсники на два года младше меня и еще не достигли того возраста, когда могут покупать спиртное на законных основаниях.

— Твоя тату невероятная, — Тесс убирает волосы с моей спины.

— Спасибо.

— Должно быть, это чертовски больно. Я чуть с ума не сошла, пока сделала маленькую бабочку на плече, — говорит Фелиция.

— Потребовалось несколько сеансов, чтобы выполнить ее. Боль была не такой уж сильной, — я умалчиваю о том, что причина, послужившая нанесению татуировки, была настоящей болью.

— Выпьем? — встает Челси.

— «Виски Сауэл».

— «Лемон Дроп».

Челси смотрит на меня.

— «Сэм Адамс», спасибо, — я протягиваю ей десятку.

— Ооо, ставлю на парня с волнистыми черными волосами за столиком позади нас, — Фелиция шепчет, наклонившись к нам, после чего хихикает.

— А я уже положила глаз на парня у сцены с кепкой, одетой козырьком назад, — Тесс смотрит на него и закусывает губу.

— Видишь кого-то, кто тебе нравится, Вив?

— Не совсем, — я не рассказывала им об Оливере. Не знаю, как объяснить нашу нынешнюю ситуацию.

— Не совсем что? — Челси протягивает нам наши напитки.

— Мы пытаемся найти парня для Вив. Тесс и я уже наметили своих жертв, — Фелиция указывает Челси на двух парней.

— Мило, — Челси кивает головой. — Я пока подожду. Через несколько часов здесь будет полно народу. Думаю, мой парень еще не пришел.

— Может, он придет с парнем Вив, — смеются Тесс и Фелиция.

Я попиваю свое пиво на протяжении следующего часа. То, что я самая старшая в нашей компании, также заставляет меня чувствовать ответственность. Челси спела один раз, но Тесс и Фелиция все еще решают, что они хотят спеть. Я слишком трезва, чтобы даже посмотреть в плейлист.

— Вив? — кричит Тесс, перекрикивая музыку. — Ты должна попасть в список. Поспеши выбрать песню.

Я вздыхаю, глядя на свою пустую бутылку пива.

— Ладно, — я иду еще за одним пивом, ладно — двумя, и ставлю свое имя в список. К тому

времени, как я возвращаюсь за столик, трое парней пододвинули стулья и присоединились к нашей группе.

— Вив, это Майк, Ланс и Трой, — представляет нас Челси.

Все парни выглядят вежливыми, поэтому я сажусь и начинаю свою вторую бутылку пива, когда рев толпы взрывается с началом следующего выступления. Мои новые друзья флиртуют, пока я занята своей бутылкой пива. К третьей бутылке чувствую уверенный гул и решаю сбежать, так как скоро назовут мое имя.

Телефон вибрирует в сумочке. Я предполагаю, что это Алекс проверяет меня, несмотря на то, что я отослала ей мое местонахождение ранее. Это сообщение.

Оливер: Эй, детка. Чем собираешься заняться сегодня вечером?

Я сосредотачиваюсь на экране и медленно печатаю... Моя сноровка немного замедлена.

Я: Привет, малыш! В баре с друзьями.

Оливер: В баре? Каком баре?

Я: С людьми, алкоголем и музыкой. Ржу не могу!

Оливер: Надеюсь, без караоке.

Я: Не смешно, и, возможно, да.

Оливер: Да, смешно! Хочешь секс-переписку?

Я: Не сейчас... когда буду дома.

Оливер: Ты мне отказываешь?

— С кем ты переписываешься, Вив? — хихикает Челси. — Со своим вымышленным парнем? — небольшое студенческое сборище, собравшееся за нашим столом, раздражается смехом. Да, я холостячка.

— Ага, со своим вымышленным парнем, — хихикаю я, так как все кажется смешным после трех бутылок пива.

Я: Должна идти. Скоро буду!

Я кладу телефон обратно в сумочку и пытаюсь не думать об Оливере и его шаловливых сообщениях, по которым скучаю.

— Думаю, ты следующая, Вив! — визжит Тесс.

Я начинаю подниматься, когда ведущий подходит к микрофону, но он не объявляет меня. Он объявляет какого-то парня. Конрад Розенберг. Невероятное имя, думаю я, когда сажусь обратно.

— Эй, я думала, что ты сейчас должна выйти? — спрашивает Фелиция.

Я пожимаю плечами.

— Какой-то придурок, вероятно, сунул ведущему двадцатку, чтобы втиснуться передо мной.

Начинает играть фортепьяно и голос вступает с первым аккордом.

— Рон Поуп «A Drop in the Ocean». Люблю эту песню! — Тесс прыгает на своем стуле.

Моя голова немного неясная, но голос знаком. Я украдкой смотрю, кто поет, но они стоят за углом сцены и все, что я вижу — это тень.

— Святое дерьмо! — говорит Челси.

— Забываю! — все трое моих новых подруг восклицают, когда исполнитель выходит на свет.

Думаю, я могу лишиться чувств. Я не видела его почти восемь недель, и вот он здесь. Не могу поверить, что он здесь! К черту песню, моих друзей, толпу, я встаю.

— Нет, он мой, — проталкиваясь сквозь толпу, я прокладываю дорогу к сцене.

Оливер смотрит на меня все время, продолжая петь. Мои глаза наполняются слезами, когда я подхожу ближе. Чувствую себя женой военного, бегущей к своему мужу, когда он выходит из самолета. Знаю, что наше время, проведенное порознь, несравнимо с этим, но восемь недель без него казались вечностью. Я почти добралась, он протягивает микрофон ведущему, пока музыка продолжает играть.

— Оли... — я падаю в его объятия и обнимаю его со всей силы, а он поднимает меня.

Слезы текут. Губы соединяются.

Толпа взрывается сумасшедшими аплодисментами со свистом.

— Привет, красотка, — он ставит меня на ноги и вытирает мои слезы.

— Ты вернулся.

— Поехали домой, — он улыбается. — Я не буду делить тебя с кем-то сегодня, — он сходит со сцены и протягивает руку.

Я беру ее и следую за ним сквозь толпу. Когда мы проходим наш столик, я тяну его, чтобы он остановился. Хватая сумочку со стула, я усмехаюсь тому, как мои друзья сидят, разинув рот и с завистью улыбаются мне.

— Объясню в понедельник, — подмигиваю девочкам и следую за Оливером. — Почему ты не сказал, что приезжаешь? — я хватаю в кулак его рубашку и притягиваю к себе, когда мы выходим на улицу.

Он целует меня, и этот поцелуй заставляет меня забыть обо всем, зажигая звезды и взрывая фейерверки — все сразу. Я ненавижу те три квартала, что отделяют нас от дома, а конкретно, от нашей кровати.

— И испортить сюрприз? — он трет свой носом о мой.

— Не могу поверить, что ты сделал это там. Оли, ты на самом деле можешь петь.

Он переплетает наши пальцы и ведет меня по тротуару.

— Ну, один из нас должен уметь.

— О боже! Я думала, ты исполнял мне серенаду, сделал грандиозный романтический жест. А ты сделал это, чтобы помешать мне петь! — я бью его по руке кулаком.

— Я исполнял серенаду для тебя, — ухмыляется он. — То, что мы ушли до того, как у тебя выдался шанс спеть, просто счастливое совпадение.

Я вытаскиваю свою руку из его и топаю вперед.

— Мисс Грэхэм, если вы не перестанете вилять своей сексуальной попой, как маятником, в этом платье и туфлях, я возьму вас прямо на аллее и покажу, насколько отчаянно я хочу вас прямо сейчас. Мои внутренности тают от его слов, и я надеюсь, что доказательство того не начинает стекать по моим ногам, так как сегодня ночь «свободная от трусиков» для меня. Я не хотела, чтобы они стояли у меня на пути, если появится возможность посвящения первокурсников, то есть, если придется пописать.

— Простите, Конрад Розенберг, ваши угрозы должны быть более вероятными.

— Ты немного пьяна, Вивьен? Кажется, ты идешь не совсем ровно.

— Я просто притворно самоуверенно и химически расслаблена, — я смеюсь своей собственной шутке. Она была хороша, по крайней мере, после тех трех бутылок пива, мне она показалась

смешной.

— Иии! — пишу я, когда он хватает меня за талию и затягивает на аллею.

Оливер прижимает меня к стене своим телом, его теплое дыхание касается моего лица. Плотская нужда в его напряженных глазах и жестких губах испаряет весь юмор между нами. Сильные руки скользят вниз по моим рукам и обхватывают мою попу. Он сжимает ее и резко дергает меня на себя. Его эрекция упирается в мой живот.

— Оли...

Он прижимается к моему рту своим, и наши языки исследуют друг друга решительными ударами. Мои руки тянут пуговицу его джинсов, пока она не расстегивается. Затем следует молния, и моя рука массирует и поглаживает его через трусы, он вращает тазом в такт моим движениям. Он стонет мне в рот с глубоким напряжением.

Его руки хватают мое платье, задирая его одним рывком. Я мурлычу в диком ожидании. Он хватается за подол моего платья и задирает его еще раз, полностью обнажая меня от талии вниз. Я жду, что он будет ругать меня за отсутствие трусиков, но он этого не делает. Его правая рука убирает мою от своей эрекции. Он высвобождается из трусов и левой рукой оборачивает мою ногу вокруг своей талии и врезается в меня.

— О, боже! — я кричу, моя голова падает назад, когда его внедрение растягивает ту часть меня, которая забыла его возможности.

Оли кладет руки мне на затылок и притягивает к своим губам, заглушая мои крики. Я хватаю его за волосы, удерживая его с такой потребностью и испуская всхлипы. Я так по нему соскучилась, что его прикосновения почти болезненные. Наши тела изголодались и не могут быть еще ближе — не могут найти освобождение достаточно быстро. Он движется во мне со скоростью и уверенностью скаковой лошади, добегающей последний круг. Его толчок вверх совпадает с моим толчком вниз, увеличивая удовольствие, разливающееся по моему телу. Движение рта замедляется, колено ноги, на которой я стою, подгибается, и он впивается всеми своими пальцами мне в ноги, толкаясь в меня последний раз и прижимая к стене.

— Вот, черт... это... было... — его голова падает мне на плечо, в то время как его легкие ищут кислород. Он прокладывает дорожку легких поцелуев вверх по моей шее, останавливаясь у уха. — Я соскучился по тебе, как пончики скучают по кофе.

Я смеюсь, обнимая его за шею.

— Я соскучилась по тебе больше, как арахисовое масло скучает по желе или горячий шоколад по зефиру.

Он берет мою вторую ногу и также оборачивает вокруг своей талии, снова целует меня не спеша, смакуя момент.

— Моя любовь... — Оли смотрит на меня нежным взглядом, расплываясь в улыбке. — Я соскучился по тебе, как сердце скучает по своим ударам.

Оливер

Черные волосы веером разметались по подушке. Никогда не представлял, что смогу снова полюбить подушки. Я ошибался. Вивьен волшебным образом делает все... лучше. Двадцать четыре часа назад я был в трех тысячах миль от нее и был несчастен. Сейчас я — это я. Оливер, который любит греблю

и ужинать с друзьями и семьей. Я мальчишка, который мечтал играть за «Ред Сокс» с тех пор, как получил в подарок свою первую бейсбольную перчатку. Я парень, который хочет позвонить своим приятелям по колледжу и пригласить их сыграть в баскетбол в парке. Этот Оливер хочет держаться за женщину, которая рядом с ним, вечно.

Я провожу пальцем по ее тату, так как она спит на животе. Затем я целую каждую гроздь бутонов, которые, как я знаю, прячут ее шрамы. Но я их не вижу и не чувствую. Для меня стало невозможным видеть что-либо, кроме красивой, сияющей женщины.

— Доброе утро, малыш, — она перекачивается ко мне и теперь ее спина прижата к моей груди.

Я обнимаю ее и целую в макушку.

— Это самое лучшее утро.

Она вырисовывает круги на моей руке своими ноготками.

— Могу я тебя кое о чем спросить?

— Ты только что это сделала, — смеюсь я.

— Я серьезно.

— Да. Ты можешь спросить меня о чем угодно.

Она медлит. Я чувствую тяжесть ее вопроса еще до того, как она озвучивает его.

— Почему у тебя больше не может быть детей?

Я выпускаю вдох, который задержал.

— Потому что я сделал кое-какую дерьмовую глупость, после того, что произошло.

— Как наркотики?

— Продал все, что можно было продать, сжег, что нельзя продать, как например, наш свадебный альбом и все остальные наши фотографии, кроме одной.

— Фотографии с Мелани?

Я киваю и целую ее плечо.

— Так ты говоришь, что все тепло от сгорания нанесло вред твоей сперме, как например, джакузи или что-то такое?

— Нет, — я ухмыляюсь. — Это правда, что касается потери ребенка: это самая большая утрата. В то время я знал наверняка только одно — я никогда не хотел пережить это снова. Поэтому сделал вазэктомию.

— Ты жалеешь об этом?

— Я жалею о том, что принял поспешные решения в то время, даже если не все из них были неправильными.

Она поворачивается в моих руках, чтобы быть лицом ко мне.

— Вазэктомия была неправильным решением?

Я позволил себе утонуть в ее глазах, потому что знал, что каким-то образом все ответы, которые мне когда-либо будут нужны, находятся здесь.

— Да, если ты хочешь иметь со мной детей.

— А ты хочешь иметь со мной детей?

Я целую ее в лоб.

— Я хочу тебя, и нет ничего, что бы я не сделал для тебя.

— Это не ответ.

Из моих легких выкачали весь воздух, вот что она со мной делает — обнажает меня, выставляет напоказ все мои слабости, берет часть меня, которую я отдаю с неохотой.

— Я не могу себе представить, что захочу когда-нибудь иметь детей снова, так как не могу смотреть на младенцев и не видеть Мелани. Но единственная вещь, которая кажется еще более невозможной — это жизнь без тебя.

Она целует меня, пробуждая все мое тело. Я должен напомнить одной определенной части, что это серьезный момент и его не призывали к действию, несмотря на смешанные сигналы, проносающиеся у меня в уме.

— Я люблю тебя и так рада, что ты дома, — она зарывается носом мне в шею. — Ммм, это была медленная пытка, но я не хотела ничего говорить. Я не хотела, чтобы ты чувствовал себя противоречиво. Но теперь, когда ты дома, я могу сказать это... — она прокладывает поцелуи вниз по моей груди, — ... я была несчастна, — ее язык дразнит мой пресс. — Боже, как я по тебе соскучилась.

Мой член твердеет от ее прикосновения. Она поглаживает его несколько раз с усмешкой, полной желания на ее лице, глядя прямо мне в глаза.

— Вивьен... — мне нужно рассказать ей.

— Гм? — она садится на меня сверху.

— Мне нужно... — мои мысли начинают уплывать, когда она направляет мою руку к своей груди, — ... сказать тебе... — я сжимаю ее дерзкие груди руками, обводя кругами соски, — ... кое-что, — мои слова не более чем напряженный шепот.

Она садится на мой член с мягким стоном.

— Что, малыш.... Ммм... — она закрывает глаза, когда я полностью заполняю ее.

— Ничего.... Ничего.

Я признаюсь, я такой типичный парень. Секс превосходит всё. Несколько раз, когда мне удавалось противостоять ее соблазну, можно описать только как захват моего мозга инопланетянами. Мне стоило позвонить и рассказать ей о своих планах. Сюрприз, хоть и бесценный, не стоит той боли, которую я собираюсь ей причинить.

— Куда ты собираешься?

Она одевается и стягивает волосы сзади.

— Я сегодня работаю, но только до часу.

— Но я только приехал. — Что за черт! Я выгляжу как плаксивый ребенок.

— Я знаю, я наверстаю с тобой это время позже и завтра, и на следующий день, и на следующий...

— она подмигивает и посылает мне воздушный поцелуй.

Я сажусь в кровати, пробегая пальцами по волосам, и вздыхаю.

— Вивьен, я не сказал.

Она выглядывает из-за угла с зубной щеткой во рту.

— Что ты имеешь в виду? — бубнит она с полным ртом пены от зубной пасты.

Я натягиваю шорты и становлюсь у входа в ванную.

— Я тут только на выходные. Мне нужно взять кое-какие вещи... Завтра я снова уезжаю.

Она застывает со щеткой во рту и смотрит с озадаченным выражением на мое отражение в зеркале.

— Прости, я хотел сделать тебе сюрприз. Мне следовало позвонить и рассказать все, перед тем, как я вернулся домой.

Она опускает глаза на раковину. Сплевывает и бросает зубную щетку в стакан.

— Ладно, тогда увидимся позже, — она протискивается мимо меня, не глядя в глаза.

Я хватаю ее за руку.

— Вивьен...

Она вырывается.

— Нет, все нормально. Может, мы можем пойти куда-нибудь поужинать. А теперь мне нужно идти.

Поговорим позже.

Я спускаюсь за ней по лестнице.

— Вивьен, подожди! — я закрываю входную дверь сразу после того, как она ее открыла. —

Пожалуйста, не делай так.

Она стучается лбом о дверь, и ее всхлипы заполняют воздух.

— Мне так жаль, — я разворачиваю ее и притягиваю в свои объятия. Она не обнимает меня в ответ.

Вместо этого, она прикрывает руками лицо.

Злость внутри меня подпитывается ее слезами. Кэролайн потеряна, и, может быть, я тоже. Я загнан в тупик.

— Мне ж-жаль, — она отодвигается и качает головой, вытирая слезы. — Тебе это не нужно.

Я разворачиваюсь и делаю несколько шагов, поставив руки на бедра.

— Черт возьми! Прекрати извиняться. Это не твоя вина. Это я, все я! Моя чертова жизнь высасывает все из тебя. Хотел бы я ... — я смотрю в потолок, выпуская раздраженный вздох. — Хотел бы я просто отпустить.

Она кусает свою дрожащую нижнюю губу и тяжело сглатывает.

— Мне нужно идти.

Моя голова падает, плечи поникли, дверь закрывается с хлопком.

Вивьен

Когда не сезон, «Зеленый горшок» закрывается в полдень в субботу. Большую часть дней мы с Мэгги остаемся до часу, убирая и болтая.

— Колись, Вив.

— Колоться насчет чего? — спрашиваю я, занося с улицы культивированные хризантемы.

— Ты опоздала сегодня утром, пришла с опухшими глазами и до сих пор дуешься.

— Оливер вернулся.

— Дорогая, это же великолепно... не так ли?

— Завтра он снова уезжает.

Она штампует обратную сторону чеков.

— Ну, по крайней мере, он приехал навестить тебя, правильно?

— Он приехал взять кое-какие вещи, — хмурюсь я. — Что касается «навестить» — это как чаевые, если можно так выразиться.

— Он приехал, чтобы увидеть тебя, Вив. Нет ничего такого, чего бы он не мог купить в Портленде, кроме тебя.

— Ты так думаешь?

Она протягивает мне руку. Я раскисаю.

— Иди сюда, — она обнимает меня. — Я знаю это. Он любит тебя, и нахождение вдали от тебя убивает его. Кроме того, я так тобой гордилась два прошедших месяца. Ты великолепно занимаешься в колледже, все еще находишь время, чтобы помогать мне и, до сегодняшнего дня, я не видела, чтобы тебе недоставало веселья.

Я отступаю назад и оттягиваю нижнюю губу, кривляясь.

— Да, но это была вроде как игра на публику. Я достаточно организована, поэтому учеба и работа — это легко, а что касается веселья — не так уж. По правде говоря, внутри я была несчастна. Жизнь без Оливера — нудная и безжизненная. Я свечусь, когда он здесь. Я чувствую себя уверенной рядом с ним и красивой в его глазах, — я смеюсь. — Я знаю, это звучит так жалостливо. Мне не нужно испытывать потребность в мужчине, чтобы ощущать все это.

— Ты права, тебе не нужно испытывать потребность в мужчине, Вивьен. Но жизнь с ними намного веселее, это уж точно.

Мы обе смеемся.

— Спасибо, Мэгги. Ты королева убеждения.

Глава 29

Для тебя

Вивьен

С болью приходит уязвимость, и прямо сейчас, когда Оливер везет нас в дом своих родителей, я ощущаю невероятную глубину и того и другого. Между нами стена неловкости, которая ощущается непроходимой. Ни один из нас не знает, что сказать или сделать. Будто мы выжидаем время в тишине, чтобы еще раз попрощаться.

Его слова этим утром медленно распространяются, как яд: «Хотел бы я просто отпустить».

Отпустить что? Меня?

Оливер захлопывает дверь машины и идет ко мне. Я выхожу до того, как он подходит к двери. Он останавливается и вздыхает, будто мой отказ принять его рыцарский жест — это пощечина.

Слишком плохо.

Он предлагает свою руку — вот это я принимаю. Я всегда это принимаю, даже, когда на ней надета перчатка страданий и боли.

Оливер останавливается, прежде чем открыть входную дверь, и обхватывает мое лицо руками.

— Я выбираю тебя. Я люблю тебя. Не имеет значения, что произойдет, ты должна это знать. Если ты не хочешь, чтобы я уезжал, тогда просто скажи, и я останусь. Это тебя я люблю, все, что имеет значение — это ты.

Я киваю на откровенность его слов. Я никогда не поддавала сомнению любовь Оливера ко мне.

Невозможно сделать выбор. Мы пообещали друг другу несколько месяцев назад — не отступать. Я жду, когда он поймет, что он больше, чем совокупность событий прошлого. Я жду, когда он закроет свои шрамы татуировкой чего-то красивого, и не будет бояться показывать ее всему миру. Я хочу дать ему то, что он дал мне, но я не знаю как, и это убивает меня.

Его губы прикасаются к моим, и клянусь, что могу почувствовать всю тяжесть его сердца по тому, как они прижимаются ко мне.

— Пойдем, — я улыбаюсь и киваю в сторону двери.

Он ждет, разыскивая что-то глазами. Уверенность? Я провожу большим пальцем по его нижней губе, на которой остался след моего блеска для губ.

— Я слышу запах гриля, малыш, и умираю с голоду. Пойдем уже.

Он улыбается мне, показывая обе ямочки на щеках, и открывает входную дверь.

— Вивьен! — Джеки отбрасывает в сторону свой фартук и притягивает в свои крепкие объятия.

— Ради Бога, я не могу победить, — Оливер качает головой. — Меня не было восемь недель, а ты «Вивьен!», будто не видела ее на прошлой неделе.

Джеки усмехается, отпуская меня.

— Иди сюда, маленький мальчик.

Он дарит ей полуулыбку, когда она обнимает его. Затем пытается свирепо посмотреть на меня, но терпит ужасный провал.

— Ты вместе со своим псом вселила в меня комплекс.

— Сынок, рад видеть тебя, — Хью заходит в дом и обнимает Оливера, первым, надеюсь, подпитывая его эго.

— Вивьен, — он обнимает меня и целует в щеку.

— Где Ченс? — спрашивает Оливер.

— Он побежал на «быстрое свидание» перед ужином, — Джеки машет в воздухе рукой. — Этот парень никогда не угомонится.

Оливер и я смотрим друг на друга. Нам обоим интересно, понимает ли она, что «быстрое свидание»

— это кодовое название для секса.

— Он просто не нашел такую девушку, как Вивьен, — Хью протягивает Оливеру пиво.

— Ну, не говори ему об этом. Он скажет, что забил ее до того, как появился я и украл ее у него, — Оливер делает глоток пива. — Это все, что я слышал на протяжении всего лета.

Все смеются.

— Как он справляется с бизнесом? — спрашивает Оливер.

Джеки, Хью и я смотрим, друг на друга и усмехаемся.

— Ты не слышал? — Хью приподнимает бровь.

— Слышал что?

— Он нанял кое-кого на работу на неполный рабочий день.

— Это великолепно.

Мы все снова усмехаемся. Оливер смотрит на нас.

— Я что-то упускаю.

— Ронни молода, но у нее достаточно опыта, так как ее семья занималась строительным и столярно-отделочным бизнесом. Как раз то, что искал Ченс на осенне-зимний период, когда такие работы более востребованы, — Хью усмехается, ожидая, хотим ли я или Джеки закончить эту историю.

— Ченс нанял Ронни по электронной почте. Резюме Ронни было слишком хорошим, чтобы упустить его. Оно, вероятно, даже лучше, чем у Ченса, — ухмыляется Джеки.

— Так... в чем дело? Он[65] настоящий мудака или что?

Мы смеемся неумышленному юмору, выходящему из вопроса Оливера. Хью и Джеки смотрят на меня, будто дарят все удовольствие разоблачения мне.

Я делаю глоток вина.

— В этом все и дело, малыш. У Ронни, известной так же, как Вероника, нет члена(прим.ред. dick с англ. переводится как член, мудака).

У Оливера отвисает челюсть.

— Не может быть!

Мы смеемся.

— О, да, конечно может, — я киваю и хихикаю.

Улыбка Оливера становится шире.

— Блин! Не могу поверить, что пропустил все это. Так вы с ней встречались? Какая она?

— Мы еще не встречались с ней, но Мэгги ее видела. Вероника выполняла кое-какую работу для нее в «Зеленом горшке». Мэгги сказала, что она очень привлекательная, умная и остроумная, что выбивало Ченса из колеи всякий раз, когда он приходил проверить ее работу.

Оливер уставился на меня с извращенной улыбкой. Я могу видеть, как колесики вращаются в его голове, без сомнения стряпая большую порцию дерьма, которое он будет выдавать понемногу Ченсу весь вечер.

Ченс звонит и говорит, что пропускает ужин, но чтобы ему оставили десерт. Это зашифрованное послание о том, что девушка, с которой у него сегодня свидание, предложила ему «выход на бис».

— Так как долго ты здесь пробудешь? — спрашивает Хью.

Я знаю, что Оливер поддерживал связь с ними с тех пор, как уехал, поэтому разговор о Портленде сводился к минимуму.

— Я улетаю завтра, — он не сводит глаз с отца, а я тем временем перевожу взгляд с тарелки на него и обратно.

— Будешь дома на праздники? — продолжает Хью.

Джеки смотрит на него сурово, чтобы он прекратил и воздержался от подобных разговоров. Я не знаю, оттого ли это, что она женщина, мать или психотерапевт, но у нее есть чутье, когда разговор становится неудобным. Хью не отвечает на ее взгляд.

— Еще не уверен, — я чувствую, как Оливер переводит взгляд на меня, но все еще не поднимаю глаз.

— Ну, я просто рад слышать, что ты снова будешь использовать свои знания. Работа с твоим братом — это не карьера.

Стол вибрирует, и я знаю, что это стопа Джеки встретилась с голенью Хью. То, как его лицо сморщилось, подтверждает это. Я рискую взглянуть на Джеки краем глаза, и она вежливо улыбается мне «пожалуйста, дорогая».

— Как твои родители, Вивьен? — Джеки набирает ложку карамелизированного пюре.

— Хорошо. Мой отец перешел работать в большую компанию. Работа четыре дня в неделю по десять часов в день, свободные выходные, и зарплата лучше.

Оливер поднимает голову.

— Когда это произошло? Ты мне не рассказывала.

— На прошлой неделе, — я пожимаю плечами. — Я пыталась тебе позвонить, но ты не отвечал. А когда перезвонил, мы... ну..., — я широко раскрываю глаза и прочищаю горло.

Глаза Оливера становятся такими же, как и у меня, когда он понимает, о чем я говорю, а Джеки пытается подавить свою понимающую улыбку. Становится неудобно. Время сменить тему разговора.

— Эй, эй, эй! — Ченс входит через дверь в столовую с нахальной ухмылкой и... о Боже! Молния на его штанах не застегнута и я боюсь пялиться слишком долго, чтобы убедиться в этом, но думаю, он без белья.

— Здравствуй, дорогой. Я как раз собиралась нести пирог, — Джеки обнимает его по пути на кухню. Ладно, значит, она не заметила.

— Рад видеть тебя, брат, — Ченс похлопывает Оливера по плечу.

— Я тоже, мужик.

Ченс идет вокруг стола ко мне.

— Вив, рад видеть тебя, как всегда, — в своей обычной манере, Ченс берет мою руку и целует, ухмыляясь сердитому Оливеру.

Я, тем не менее, не обращаю внимания на глупый поцелуй. Ченс стоит возле меня с открытой областью паха в нескольких дюймах от моего лица, разговаривая с Хью о новом грузовике, который он ищет, чтобы купить. Я таращусь на Оливера, пока он не переводит на меня взгляд. Кивая головой в сторону Ченса, я широко раскрываю глаза. Оливер смотрит на меня, затем быстро смотрит на Ченса и снова переводит взгляд на меня. Я увеличиваю движения головой и сигналы выражением лица. Он смотрит на Ченса снова и вздрагивает.

— О, мужик! Застегни штаны, Ченс. Это отвратительно. Убери это от Вивьен.

Ченс смотрит вниз и смеется, застегивая молнию.

— Извините, спешил сюда после... — он смотрит на Хью и прочищает горло, — ... свидания.

Хью прикрывает рот кулаком и прочищает горло.

— Присаживайся, сынок. И в следующий раз пощади нас всех и взгляни на себя в зеркало перед тем, как присоединиться к нам за ужином.

— Как дела в Портленде? — присаживаясь, спрашивает Ченс.

Джеки снова спасает ситуацию, так как приносит пирог.

— Расскажи Оливеру о Ронни.

Ченс ворчит, когда Оливер начинает смеяться.

— Ты заменил меня женщиной, а?

— Я едва ли могу назвать ее женщиной. Она, в основном, мужчина, утративший свой пенис.

Все смеются, кроме Ченса.

— Я слышал, что она достаточно привлекательная, — говорит Оливер.

— Я не заметил, — Ченс откусывает кусок пирога.

— Чушь! Мужик... — Оливер качает головой, — ... она, должно быть, что-то. Я никогда не видел, чтобы ты так реагировал раньше.

Ченс машет вилкой в воздухе.

— Я никак не реагирую. Вообще, мне уже следовало ее уволить.

— За что? — спрашивает Оливер.

— За неподчинение.

Я кашляю.

— Звучит так, будто Ченс альфа-самец.

— Ты бы хотела выяснить? — он играет бровями.

— Ты бы хотел пойти на следующее свидание со всеми своими зубами? — говорит Оливер, сжав зубы.

— Достаточно, мальчики. Мне бы хотелось знать, что произошло с почтительными молодыми людьми, которых мы воспитали.

Хью встает, глядя на свой телефон.

— Ну, если найдешь их, дорогая, дай мне знать, — улыбается он. — Мне нужно ехать в больницу.

Оливер и Ченс провожают отца, а я тем временем помогаю Джеки убрать со стола.

— Ты знаешь, если тебе когда-нибудь нужно будет поговорить, то я готова выслушать, — Джеки берет у меня тарелки и ставит их в раковину.

— Спасибо, — я моргаю, чтобы остановить наворачивающиеся слезы. Целый день я чувствовала, что вот-вот расплачусь. Мои эмоции съедают меня живьем. — Я просто хотела бы ему помочь, вот и все.

— Ох, дорогая, ты помогаешь. Хотела бы я, чтобы ты это поняла. Он бы не поехал обратно в Портленд, если бы не встретил тебя.

Я поднимаю взгляд и смеюсь, потому что сейчас это не слишком успокаивает.

Она берет меня за руки и сжимает их.

— Я знаю, что это тяжело для тебя, но верь мне, когда я говорю, что Оливер найдет дорогу назад к тебе. Даже если он этого не осознает, это именно то, что он делает.

Я качаю головой и проглатываю эмоции.

— Просто это все кажется как один и тот же а по кругу.

— Так и есть, и я надеюсь и молюсь от всего сердца, чтобы у вас обоих хватило всего, чтобы пережить это. Не только любви, а также и дружбы, и уважения. Вы смеетесь и заигрываете друг с другом, и страсти между вами достаточно, чтобы заставить маму, как я, покраснеть.

Мы обе улыбаемся.

— Разговоры помогают, и, если ты вдруг не слышала, я — достаточно хороший слушатель.

Я улыбаюсь и обнимаю ее.

— Спасибо, я вспомню об этом, когда меня снова настигнут моменты грусти.

— Звони в любое время, ладно?

Я киваю.

— Что здесь происходит? — спрашивает Ченс, когда они с Оливером возвращаются в дом.

— Женские разговоры, — отвечает Джеки.

Я провожу пальцами в уголках глаз и вижу понимание на лице Оливера.

— Мы уезжаем, мама, — он обнимает ее.

— Счастливого пути, Оливер.

Ченс тоже обнимает его.

— Сообщи, когда вернешься и будешь работать со мной. Я уволю женщину.

— Неа... слишком весело слышать, как она не дает тебе спуска.

Ченс бормочет что-то себе под нос.

Оливер протягивает руку.

— Пойдем?

— Пойдем.

Оливер

Боль в ее глазах наполняет меня виной. Еще большей виной. Клянусь, я уже утопаю в ней. Мелани, Кэролайн, ее родители, мои родители, Вивьен... это подавляет меня со всех сторон.

Мы кормим Розенберга и идем наверх. Между нами грусть, которую тяжело игнорировать. Я скучаю по ее смеху. Я получил умеренную версию его сегодня вечером, но он был не такой, как я его помню. Вивьен, в которую я влюбился, милая и нахальная с беззаботным отношением и страстью к пончикам. Я не видел, как она ест пончики на протяжении нескольких месяцев. Может, я ее слишком утомляю. У каждого есть точка преломления. Я боюсь, что Вивьен была такая отзывчивая или податливая со мной, что она может сломаться, и это было бы так неуловимо, что я бы этого даже не заметил, пока не было бы слишком поздно.

— Мне нужно в душ, — ее голос едва слышен, когда она проходит мимо меня в гардеробную, неся халат.

— Составить компанию?

— Неважно.

Моя голова падает — черт, все мое тело резко опускается. Когда что-либо между нами было неважно? Я сбрасываю рубашку и снимаю штаны и трусы.

Пар из душа выходит, когда я открываю дверь. Красные глаза смотрят на меня сквозь чернильно-черные волосы.

— Я все еще могу видеть твои слезы.

Ее красивое лицо искривляется, будто нож пронзает ее тело.

— Я не хочу снова прощаться, — всхлип вырывается из ее горла вместе с последним словом.

— Я останусь, — я притягиваю ее в свои объятия и позволяю воде смывать мои собственные слезы. Эта женщина — это все в этом мире, который, как я был убежден, не заполнен ничем. Может, так и есть. Может, по отдельности мы ничто, а вместе — все. Это на самом деле сумасшествие, думать, что в мире с населением более семи миллиардов людей, существует вероятность того, что мы не предназначены были жить по отдельности — что, возможно, просто возможно, мы нуждаемся друг в друге?

— Оли... — она поднимает взгляд на меня и прижимает свои ладони к моему лицу, — ... люби меня. Я закрываю глаза и накрываю ее руки своими. И затем... люблю ее.

Мои губы устремляются к ее, как магниты. Она — это все, что я когда-либо пробовал. Мои руки тают на изгибе ее груди, пока она не выгибает спину. Ее кожа — это все, что я когда-либо ощущал.

— Оли... — она шепчет мое имя. Это всё, что я когда-либо слышал.

Я провожу своими руками, за ними следуют губы, совершая медленное путешествие вниз по ее телу — чувствуя, пробуя, запоминая. Становясь на колени, я притягиваю ее к себе, и она медленно и мучительно отдается мне.

— Люби меня, — ее мягкие слова эхом отдаются в ушах, когда она оборачивается всем своим телом вокруг меня.

Я не в ладах сам с собой. Мое тело хочет двигаться вместе с ее, отдавая и принимая удовольствие, подобное которому я никогда раньше не ощущал, и никогда больше не узнаю. Мое сердце... хочет

сохранить ее невинное совершенство... навсегда.

Она двигается против меня, ее тело молит о нашем идеальном удовольствии, и мое тело выигрывает у сердца. Я пробую ее губы, посасываю ее сладкий язык и массирую ее груди.

— Посмотри на меня, Вивьен.

Она открывает глаза, вода течет между нами, несколько капель цепляются за ее длинные ресницы.

Когда я вхожу в нее, глубже с каждым разом, ее вишневые губы раскрываются и язык скользит вдоль нижней губы. Наше теплое дыхание смешивается.

Веки Вивьен тяжелеют, когда я тру ее клитор.

— Оставайся со мной, детка.

Она открывает их снова.

— Оли...

Мне это необходимо. Мне нужно увидеть что-то еще, кроме боли в глазах этой женщины. Мне нужно видеть страсть, любовь, жизнь... нас.

Хватая ее бедра, рык исходит из глубины моей груди, и я вхожу в нее так глубоко, что, клянусь, теряю рассудок и могу никогда его уже не обрести. Каждый мускул напрягается, когда я замираю, изливаясь в нее. Истощенный, я кладу свой лоб на ее. Мы обмениваемся слабыми улыбками, перед тем как наши тяжелые веки закрываются.

Вивьен растянулась на животе по диагонали моей кровати, обнаженная, удовлетворенная и моя. До этого момента я не осознавал, что задерживал дыхание в течение восьми недель. Как мне это удалось? Как можно жить без дыхания? Как я мог жить без нее?

Я обводил пальцем ее тату так много раз в свете луны, что, думаю, мог бы воссоздать ее с закрытыми глазами. Ее веселая и остроумная индивидуальность вызывает неожиданную улыбку на моем лице, когда я наедине. Ее красота — самая яркая звезда на моем небосклоне. А секс — неопишуемый. Но это... обводя бутоны цветов и считая веснушки, я на небесах. Вивьен — мои небеса.

— Задумываешься, как я выглядела до всех тех чернил и отвратительных шрамов, которые они скрывают?

— Шшш... — я целую ее плечо. — Два часа ночи. Спи.

Она перекачивается на свою сторону и целует мою грудь.

— Это нормально. Иногда я пытаюсь представить, каким был Оливер до Кэролайн.

Я накручиваю прядь ее длинных волос на палец.

— И?

— И не могу. Что заставляет меня думать, что я бы не была частью той жизни, — она кладет ладонь мне на грудь в области сердца, расставив пальцы. — Поэтому, я больше об этом не думаю, потому что жизнь без Оливера Конрада — не жизнь вообще.

Я проглатываю удушающее чувство в горле. Когда Вивьен открывает душу и делится своей уязвимостью, будто тиски сжимают мою грудь. Она не представляет себе, как я неистово нуждаюсь в том, чтобы защитить ее. Что невыносимо для меня, так это чувство, когда я ощущаю, что наибольшая опасность для нее — это я сам и мое прошлое.

Я пытаюсь поднять настроение.

— Ну, я никогда не пытался представить тебя до меня. Вероятно, потому что я все еще просыпаюсь

каждое утро и задаюсь вопросом, не приснилась ли ты мне. И когда я понимаю, что ты моя действительность, то чувствую, будто выигрываю в лотерею каждый чертов день моей жизни.

Она хихикает.

— Лотерею? Пфф... Ты, должно быть, имеешь в виду скретч-карту[66]

— Нет, я говорю о единственном победителе Мега Миллионов... каждый день.

Она проводит подушечками пальцев по волосам на моей груди, едва касаясь.

— Оли?

— Хм?

— Помнишь, когда ты пришёл в «Зеленый горшок» и тебе нужно было еще немного растений в тот день, когда мы были очень заняты?

— Да.

— Помнишь, какой длинной была очередь, и я позволила тебе подойти и получить то, что ты хочешь вне очереди?

— Да.

— Помнишь, я сказала тогда, что ты у меня в долгу?

Я ухмыляюсь.

— Да, помню.

Она смотрит на меня пронизывающим взглядом. Я могу ощущать ее тяжкие мысли, которые стали преградой между нами.

— Возвращайся в Портленд.

Я качаю головой еще до того, как она сказала последнее слово.

— Я сказал, что остаюсь.

— Тебе необходимо вернуться.

— Вивьен, нет, я не хочу возвращаться туда. Кэролайн не нуждается во мне, просто так думают ее родители. Но, правда в том, что они бредят, так же как и она.

— Оливер, тебе нужно вернуться ради себя.

— Что это значит? Ты поговорила с моей мамой?

— Ты мне должен.

Я хватаю себя за волосы, а затем тру руками лицо, смеясь саркастически.

— Я должен тебе? Правда? Ты приравниваешь обслуживание вне очереди и мое возвращение в Ад?

Нет, я не поеду. Вчера утром, да, я собирался. Даже вчера вечером, дома у моих родителей я планировал ехать. Но я видел боль в твоих глазах, Вивьен. Черт, сейчас темно, но я все еще могу видеть эту чертову боль в твоих глазах! Я не еду. Точка.

Она перекачивается на меня сверху, наши лица находятся на расстоянии вдоха друг от друга.

— Оли, разве ты не видишь? Боль, которую ты видишь в моих глазах, за тебя, а не из-за тебя. Садись на самолет завтра, но не для Кэролайн или ее родителей, и не из-за своей работы, а для себя, Оли. И если ты не можешь этого сделать, — она моргает, и ее слезы падают мне на щеку, — тогда сделай это для меня.

Я не хочу ехать. Когда я сказал, что остаюсь, это было в такой же мере для меня, как и для нее. Но, когда мужчина любит женщину так, как этот конкретный мужчина любит эту конкретную женщину, нет ничего, чего я не сделал бы для нее. До передней линии фронта, до края земли, до моего

последнего вдоха... вот как далеко я могу пойти ради нее.

— Для тебя, любимая, только для тебя.

Глава 30

Ага

Вивьен

Еще один понедельник, еще один день учебы, еще один день, когда я скучаю по Оливеру. Прошло шесть недель с тех пор, как он сел на самолет до Портленда, шесть недель с тех пор, как мы занимались любовью, пока солнце не показалось над горизонтом, шесть недель с тех пор, как он успокаивал меня, пока я не заснула в его объятиях, и шесть недель с тех пор, как он оставил меня спящей в нашей кровати и вышел за дверь, не попрощавшись.

После того как он согласился вернуться, ради меня, у меня было еще две просьбы. Одна — заниматься со мной любовью, пока мы не впадем в поистокитальную кому, а вторая — уйти не прощаясь. Тоска по нему — как тупая боль; когда я учусь или сплю, я ее не замечаю. Но прощание... это медленная, жестокая пытка.

Мы разговариваем и обмениваемся сообщениями каждый день, даже если это быстрое «я люблю тебя». Оливер работает на протяжении дня и навещает Кэролайн вечерами. Ее прогресс медленный, но заметный. Оливеру удалось поговорить с ней о том, чем ее кормят, или о шоу, что транслируют больничные телевизоры. Никто не говорил о Мелани или о событиях, что привели к тому трагическому дню.

Я все также хожу к родителям Оливера каждую субботу, иногда мои родители приезжают, чтобы присоединиться к нам. Пока Хью на гребле в воскресенье утром, Джеки приходит ко мне на кофе. Это то время, когда мы разговариваем по душам. Она предполагает, что Кэролайн обсуждает смерть Мелани с доктором во время индивидуальных сеансов, а на групповых — говорит о своей борьбе с депрессией. Оливер все еще отказывается посещать специалиста или даже поговорить с Джеки об этом. Я боюсь, что он начнет ускользать от меня и всех остальных, если не предпримет что-то.

— Мама хочет, чтобы я разослала приглашения на свадьбу почтой, но ты не дала мне адрес Оливера в Портленде.

— Просто пошли ему домой. Я перескажу ему подробности, — я откладываю меню. У Алекс и меня перерыв между занятиями по понедельникам как раз во время ланча. Я планировала использовать это время для учебы, но она настояла, чтобы мы потратили его на планирование свадьбы за бургерами и картошкой фри... ладно, и салатом для нее. Хотя к этому времени уже почти ничего не нужно было планировать.

— Мама думает, что это невежливо, так как он живет в Портленде.

— Ну, он все еще оплачивает ипотеку здесь, и я надеюсь на Бога, что он все еще считает его своим домом, — я шлепаю ее по руке. — Почему ты заказываешь салат, а затем крадешь половину моей картошки? Просто возьми себе картошку.

— Не могу. Должна влезть в свое свадебное платье.

— Так что... в моей картошке нет калорий?

— Ага. Они влияют только на того, кто заказал ее, — она останавливается, половина картошки все еще торчит у нее изо рта.

— Дерьмо! Посмотри на себя, Цветочек. Ты сторонник вредной еды с костлявой задницей. Все во

вселенной должно быть сбалансировано. Поэтому, если ты не поправишься от этой картошки, тогда... — она вытягивает картошку изо рта, — ... черт возьми! Я не влезу в свое платье, и в этом будет твоя вина!

— Моя вина?

— Да, ты ужасно на меня влияешь. Тебя убьет, если ты закажешь салат хоть раз? Худые люди тоже умирают, ты знаешь?

— Я ем салат.

— Когда? — она тычет ножом в салат, будто пронзает рыбу.

— Почти каждый день, — смеюсь я. — Когда ты не доедаешь свой, потому что съедаешь слишком много моей картошки.

Она морщит нос и кривляется мне. Я хихикаю и откусываю большой кусок гамбургера, кетчуп и масло каплют на мою тарелку.

Она хватает телефон и фотографирует.

— Что за черт? — протестую я с полным ртом.

— Все вы знаменитости забываете, что папарацци просто ждут, чтобы застать вас в неловкий момент.

— Ты до сих пор отправляешь фотографии Оливеру?

— Сейчас — да, — ухмыляется она.

Когда я просматриваю список литературы того, что необходимо прочитать на этой неделе, получаю сообщение от Оливера. Я ожидала звонка или даже более того, связи по скайпу.

Оливер: Ужинаю с Брайсом и Митчеллом. Поговорим завтра.

Я: Я не буду спать, позвони, когда закончишь.

Оливер: По вашему времени будет уже поздно. Завтра. Спокойной ночи, любимая.

И... я сдуваюсь, как проколотый воздушный шарик. Это всего лишь на один вечер, я знаю это. Хотя в последнее время наши телефонные разговоры стали короче, обычно из-за родителей Кэролайн или одного из клиентов Оливера. Наши сообщения стали менее содержательными, а по скайпу мы не общались уже несколько недель. На следующей неделе День благодарения, а Оливер все еще не купил билет на самолет.

У меня не было оснований злиться на него или жалеть себя. Оливер в Портленде, потому что я сказала ему ехать. Я представляла себе, что он будет разбираться в проблемах с Кэролайн и ее семьей, или посещать могилу Мелани. Наивная, но обнадеживающая часть меня осмелилась представить себе, что он также обратится за помощью для себя. Но что я точно не представляла, так это ужин с партнерами, ланч с клиентами и все меньше и меньше общения со мной.

Я: Люблю тебя <3

Жду.

Еще жду.

Жду с нетерпением.

Нервничаю.

Схожу с ума!

Читаю еще две главы, затем проверяю телефон. Ничего. Чищу зубы и умываюсь. Ничего. Затем, как

только я забираюсь в кровать с Розенбергом и заданием по английскому, телефон вибрирует.

Оливер: Ага.

Ага? АГА! Его ответ на «я люблю тебя» — ага?

Я зла... действительно зла. Проводя пальцем по экрану телефона, я размышляю над тем, позвонить ли Алекс, но я знаю, что сегодня она у Шона. Затем решаю позвонить Джеки. Она сказала, что я могу звонить в любое время и по любому поводу. Но что я скажу? «Эй, простите, что разбудила вас, но Оливер сказал: «ага».

Да, она, вероятно, начнет думать, что это сумасшествие в каком-то роде.

Этим утром я нуждаюсь в дополнительной порции кофе. Мне действительно нужно относиться ко сну как к жизненно важной части для моего тела. Может, мне удастся нагнать упущенное во время праздников. Да, как раз, разбираясь с невестой и девичником. Звучит, будто я вдоволь выплусь. Я вывожу Розенберга на прогулку еще раз, перед тем как отправиться на занятия. Хватая сумку, замечая, что не увидела сообщение от Оливера этим утром.

Оливер: Доброе утро! Встречаю рассвет и думаю о тебе.

Уф! Я игнорирую его сообщение, пока не определюсь какое у меня настроение: всепрощающее и веселое или злопамятное и ворчливое. Выходя за дверь с сумкой на плече и термокружкой в ее боковом кармане, решаю, что оно где-то между этими полярными позициями.

Я: Хорошо.

Моя ухмылка показывает мое внутреннее удовлетворение.

Оливер: Ты на занятиях?

Я: Неа.

Оливер: С тобой все хорошо?

И вот тут настает момент расплаты...

Я: Ага.

Телефон звонит.

— Привет, — отвечаю я наиболее дипломатичным голосом, который мне удастся изобразить.

— Я сделал что-то не так?

Мое молчание отвечает за меня.

— Предполагается, что я знаю, что я сделал?

Я смотрю вперед. Мой корпус приблизительно в пятидесяти ярдах от меня, поэтому я могу либо соврать и повести себя как малолетка: прервать звонок и сердиться весь день или выложить все как есть.

— Я расстроилась, когда вчера вечером не состоялся наш разговор, с чем я могу смириться. Но затем ты сказал: «ага».

— Ага?

— Ага.

— Ты сказала мне «ага» сегодня утром.

— Потому что ты сказал мне так вчера вечером, — вздыхаю я. — Я ответила тебе тем же.

— Когда я сказал «ага» тебе вчера вечером? И чего ты пытаешься добиться таким образом? — я слышу раздражение в его голосе.

— Я сказала, что люблю тебя, а ты ответил: «ага». Я пытаюсь донести до тебя, что никто не хочет, чтобы ему отвечали: «ага»!

— Это просто неформальное слово в значении «да»!

— Ну, это был неправильный ответ, Оливер! «Я люблю тебя» — это утверждение, а не вопрос, бл*дь! — я кривлюсь, понимая, что люди смотрят на меня. На самом деле я не такая девушка, которая употребляет слова на букву «Б» в публичных местах. Сворачивая на траву, я прячусь за стволом большого дерева.

— Вивьен, мне... жаль. Это было как раз в разгар ужина, и я пытался переписываться с тобой, отвечая на вопросы Брайса и Митчелла. Я не хотел...

— Стой, — я тяжело выдыхаю. — Это не твоя вина. Я слишком остро отреагировала. В последнее время я подвержена стрессу и я просто... — я очень хочу сказать то, что чувствую, «я скучаю по тебе», но не говорю. — Прости. Мне нужно бежать на занятия.

— Вивьен?

— Гм?

— Я люблю тебя.

Я усмехаюсь и закатываю глаза, чувствуя себя неловко, смехотворно и, не смотря на мое ученое окружение, слегка туповатой.

— Ага.

Оливер неожиданно смеется, и это стирает все напряжение между нами, которое воцарилось за последние пять минут.

В пять тридцать послышался стук в дверь. Это разносчик из моего любимого индийского ресторана, подарок от Оливера. Часом позже снова раздался стук в дверь: разносчик цветов. Я кладу их на столешницу и читаю карточку.

Я читал, что пятнадцать роз символизируют «я действительно очень сожалею, пожалуйста, прости меня». Поэтому я прислал тебе восемнадцать, потому что три означают «Я люблю тебя». ~ Оливер
После того как прошла первоначальная эйфория «О, я самая счастливая девушка», я осуждаю себя за детское отношение, ненадежность, поведение девушки-подростка. Ему стоит задуматься, не меняет ли он одну полностью нестабильную женщину на другую. Я молю Бога, чтобы он не рассказывал никому о нашем споре и своей необходимости извиняться. Я могу себе представить этот разговор.

— Эй, Оливер, к чему такой широкий жест?

— Я написал Вивьен слово «ага».

Если уже это не говорит о первых звончках сумасшествия, тогда я не знаю, что может на это указывать.

Я знаю, что он вероятно с Кэролайн, но не могу устоять, чтобы не отправить короткое сообщение.

Я: Я не достойна.

Я удивлена его немедленным ответом.

Оливер: Расскажи мне об этом. Я только что получил фотографию. Тебе придется серьезно объясниться!

Я задерживаю дыхание, в то время как голова кружится от замешательства.

Я: Какую фотографию?

Оливер:Поговорим позже.

Я не могу думать ни о чем другом после его странного ответа. Фотография... какая фотография? Я была в баре еще несколько раз вместе с Челси, Фелицией и Тесс, и мы все делали глупые фотографии на свои телефоны, но я никогда не была с другим парнем или делала что-то такое, что могло бы расстроить Оли.

Время тянется, пока я снова и снова перечитываю одну и ту же страницу книги. Наконец, как приостановление исполнения приговора, мой телефон вибрирует. Оли прислал мне фотографию... ту фотографию. Затем он звонит.

— О боже! Ты засранец, я думала, ты злишься.

— Я злюсь.

Я перевожу звонок на громкую связь и смотрю на фото, которое Алекс сделала вчера во время ланча

— то, на котором я выгляжу как бешеное животное, нападающее на гамбургер. Он был таким вкусным, но даже я морщусь, глядя на то, как кетчуп и масло капаят с него.

— Ты же осознаешь, что мой отец — кардиолог, да? Если это выйдет наружу, то это позор для нашей семьи.

Я смеюсь, и даже если он не может меня видеть, мое лицо краснеет.

— Я думаю, это был бургер с индейкой.

— Вивьен.

— По крайней мере, я его заказывала, но если подумать, официант мог перепутать мой заказ, и у меня не было времени, чтобы ждать, пока он исправит это...

— Любимая, ты не умеешь врать как положено.

Я смеюсь.

— Ты меня спрашивала о Дне благодарения. Боюсь, что не смогу приехать домой. Мне действительно очень жаль.

Он только что украл улыбку, которую вызвал на моем лице десять секунд назад.

— Почему?

— Дуг и Лили думают, что мое отсутствие на праздники негативно отразится на Кэролайн, да и на работе нагрузка больше, чем я ожидал.

— Как у тебя дела, Оли?

— У меня? Отлично, а что? — замешательство в его голосе удручающее. — Я имею в виду, что иногда разочаровывает то, что приходится ждать, когда у Кэролайн наступит заметное улучшение. Ее родители говорят, что видят его, даже доктора говорят, что она идет на поправку, но я этого не замечаю. Мне просто интересно, сколько времени это займет.

— Сколько времени займет, что?

— Чтобы она поняла.

— Поняла, что?

Я слышу разочарование в его вздохе.

— Чтобы она поняла последствия того, что она сделала и что ей нужно отпустить меня!

Мое тело замерло. Его ледяной голос содержит столько горечи и неприкрытой злости.

— Прости... я не хотел...

— Оливер, все хорошо.

— Не хорошо. Причина, по которой я здесь — это чтобы защитить тебя от всего этого дерьма. Вот почему я никогда об этом не упоминаю.

— Но если ты хочешь поговорить об этом...

— Нет! Я не хочу говорить и не нуждаюсь в этом разговоре. Я просто... я просто нуждаюсь в тебе. Мне нужно, чтобы ты рассказала о том, как прошел твой день и о Розенберге, о свадебных планах, которые сводят тебя с ума. Это жизнь, которую я хочу и, если у меня не может быть ее прямо сейчас, по крайней мере, я хочу представить себе ее, даже если совсем на чуть-чуть каждый вечер по телефону с тобой.

Я вытираю слезы, которые он не может видеть. Он не хочет моей жалости. Я понимаю. Тоже была в таком положении. Но Оливер застрял. Он в этой темной дыре и не может найти из нее выход. И не имеет значения, сколько рук помощи протянуто, чтобы вытащить его на свет, потому что он не может их видеть. Поэтому я делаю все, что могу. Я даю ему просвет в жизнь, которую он ищет.

— Не думаю, что для моего инструктора по английскому языку он родной. Я имею в виду, действительно? Разве это не должно быть одним из основных требований? Розенберг действительно полюбил твои старые беговые кроссовки. Как такое возможно? Разве у собак не сильно развитый нюх, чувствительный к запахам?

Оли смеется и, если бы между нами не было тысяч миль, я бы могла поклясться, что он смеется сквозь слезы.

— Алекс — типичная брайдзилла[67], ее может превзойти только ее мама, у которой поведение страдающей свадебным обсессивно-компульсивным расстройством. Кстати, если ты придерживаешься этикета, то ты должен знать также, что твое приглашение прислано тебе домой, сюда.

Я делаю паузу. Он не отвечает.

— Ты же будешь на свадьбе, да?

— Я буду. Ни за что не пропущу, чтобы увидеть тебя разодетую в пух и прах.

— Ну, мистер Конрад, чувства взаимны. Ты улетел со всеми своими сексуальными костюмами. Я до сих пор не видела тебя одетого в один из них. Мне интересно, смогут ли они заменить мою фантазию о кожаных ботинках.

— Фантазию? Ты не можешь назвать это фантазией, так как ты уже пережила это. И, насколько я помню, я сделал эту фантазию реальностью, — его голос опускается до уровня сексуальности «трахни меня снова у грузовика», и мне приходится сжать ноги.

— Да, ты, определенно, это сделал. Спокойной ночи, Оли. Я люблю тебя.

— Но мы только начали.

— Вот именно. Если мы сейчас не закончим, я никогда не прочитаю эту главу.

— Тогда холодный душ. Спокойной ночи.

Глава 31

Секс по телефону

Оливер

Я в аду и никому не могу рассказать об этом. Поэтому, если мне не удастся выбраться, я надеюсь, что Вивьен знает, как далеко я готов пойти за ней. Время, проведенное с Кэролайн, ничего не улучшает, только подпитывает мою ненависть к ней. Как она может быть такой эгоцентричной? Она

отказывается делать какой-либо прогресс только из-за того, чтобы ей уделяли внимание. Вероятно, она знает, что я уеду, как только ее состояние снова стабилизируется, что означает, что я не стимулирую ее улучшения, как думают ее родители.

Работа — единственная вещь, которая спасает меня сейчас. Но даже она начинает меня раздражать. Слишком много людей знают о моем прошлом. Это, конечно, не то, что передают по национальным новостям, но все-таки это было большое событие, чтобы не заметить. У меня есть клиенты со своими собственными проблемами, которые считают, что час времени со мной, за который они платят четыреста долларов, должен быть использован, чтобы утешать своего уязвленного адвоката. Если бы я не знал, то подумал бы, что Брайс и Митчелл дают мне клиентов только женского пола, чтобы посмотреть, не сломаюсь ли я.

Сегодня, в день, когда у большинства людей выходной, и они выражают свою благодарность, я с Кэролайн, Дугом и Лили. Ничто не сравнится с Днем благодарения, проведенном в больнице для душевнобольных. Кэролайн выглядит довольной из-за того, что я здесь, а в свою очередь и Дуг с Лили тоже.

— Как мама и папа? — спрашивает Кэролайн.

Я смотрю на Дуга и Лили, а затем снова на нее. У нее, должно быть, ухудшение состояния, она снова бредит, потому что не может узнать своих собственных родителей.

Она смотрит на меня.

— Оливер, твои родители, я спросила, как они.

Мои пальцы впиваются в подлокотник кресла, а челюсть сжимается. Я привык к людям, которые заманивают меня в ловушку. Я пережил это благодаря своей работе. Черт, я давал советы своим клиентам, как оставаться спокойными при даче свидетельских показаний во время перекрестного допроса, но все те знания и самоконтроль потеряны. Не могу применить их в тот самый момент, когда больше всего в них нуждаюсь.

— Мама и папа? — говорю я сквозь зубы.

— Оливер... — Дуг встает.

Я поднимаю руку, чтобы остановить его.

— Когда ты подарила им внучку, моя мама сказала, что ты можешь их так называть.

— Оливер, — говорит Лили с отчаянной мольбой в голосе.

Я игнорирую ее.

— Но я чертовски уверен, что ты утратила эту привилегию, когда задушила их внучку проклятой подушкой!

Моя грудь тяжело поднимается от презрения, когда я нависаю над ней. Кэролайн подтягивает ноги к груди и кричит, нарушая тишину, которую я вызвал среди других пациентов и посетителей. Кровь, пульсирующая в моих ушах — оглушающая.

Меня вывел какой-то парень в белой форме, но я не сопротивлялся. Фактически, когда мы достигаем первого этажа, я выбегаю из здания. Автоматические двери открываются, когда я подхожу к ним, и прохладный осенний ветерок приветствует меня. Мои легкие втягивают воздух с жадной маратонца, когда я сгибаюсь, поставив руки на колени.

Я так сильно ее ненавижу.

Это была ошибка эпического масштаба. Я должен был быть в Бостоне, сидеть за обеденным столом со своей семьей... с Вивьен. Вместо этого, я виляю между машинами по дороге к дому Дуга и Лили на арендованной машине. Почему я не перевез свою машину сюда? Ах, да, правильно, не предполагалось же, что я пробуду здесь так долго!

Остаться с ними больше не вариант. Мне нужно убраться оттуда к чертовой матери. Я пакую свои вещи и еду в отель продолжительного пребывания. Что я действительно хочу, так это купить билет обратно в Бостон и сказать Портленду «прощай» навсегда. Мне не нужно ничего, кроме как забраться в кровать с Вивьен и предать забвению весь остальной мир. Тем не менее, все, что я собираюсь сделать, это пробыть здесь достаточно времени, чтобы убедиться, что Брайс и Митчелл могут справиться со всеми клиентами, которых я взял на себя вместо Валери, которой нужно побыть в декрете дольше.

— Эй, счастливого Дня благодарения! — просто звук ее голоса делает все лучше.

— И тебе счастливого Дня благодарения. Мне действительно нужно было услышать твой голос.

— Всё в порядке?

Я падаю на спину на гостиничной кровати и закрываю глаза.

— Теперь да.

— Я думала, ты все еще в больнице.

— У нее был не очень хороший день, поэтому я ушел раньше, — я чувствую себя трусливой задницей из-за того, что обманываю. Я не знаю, как поеду домой и скажу Вивьен, что все это время, что я провел вдали от нее, было потрачено впустую.

— Это плохо. Я надеялась, ради тебя, что ей сегодня будет получше.

— Твои родители приехали?

— Да, наши мамы на кухне творят волшебство. Я только что поставила пироги в духовку.

— Ты печешь пироги?

— Спасибо за вотум доверия, малыш. Да, я сделала тыквенный пирог и пирог с орехами пекан.

— Они пекутся или разогреваются?

— Пекутся, идиот. Твоя мама помогла мне сделать идеальную корочку, а моя мама контролировала процесс наполнения начинкой. Так что, если таймер на духовке сработает вовремя, у меня будут фотографии, которые я отправлю тебе и Алекс, чтобы похвастаться.

— Я впечатлен и так расстроен, что меня там нет.

— Я тоже. Мы все по тебе соскучились и ждем не дождемся, чтобы увидеть тебя.

Больно дышать. Боже, как я соскучился по ней. Наш первый День благодарения вместе мы празднуем отдельно.

— Я тоже по тебе соскучился. Ченс ведет себя хорошо? Он полностью одет?

— Он ведет себя очень хорошо, потому что он привел гостя, — она смеется.

— Что? На День благодарения?

— Ронни.

— Не может быть!

— Да, может. Ты же знаешь, что он нанял ее на работу по электронной почте. Ну, это потому что ее семья живет в Огайо. Она собирается домой на Рождество, но решила остаться в Бостоне на День благодарения, поэтому Ченс пригласил ее.

— Как всё проходит?

— Я бы сказала, что потребуется что-то серьезнее, чем электрический нож для нарезки мяса, чтобы разрезать сексуальное напряжение.

— Что?

— Я серьезно. Я вроде как возбуждена только оттого, что нахожусь рядом с ними.

— Бл*дь! Вивьен! Тебя кто-то слышит?

Мне приходится поправить себя, так как мысль о том, что она возбуждена, делает меня твердым как сталь.

Она хихикает.

— Нет, я проскользнула в гостевую спальню, чтобы уединиться и потому, что телевизор работал слишком громко.

— Таааак... ты одна?

— Угу.

— И возбуждена?

— Угу.

Я чертова катастрофа. У меня в голове каша. Я только что соврал человеку, которому поклялся никогда не врать снова, но, несмотря на все это, я все еще парень и мне нужно это.

— Закрой дверь.

— Уже.

— Боже, я люблю тебя.

— На мне надет светло-розовый кружевной бюстгальтер пуш-ап и соответствующие трусики-стринги.

Святой, святой Иисус. Мне даже не пришлось спрашивать, что на ней надето. Не помню, чтобы видел ее когда-либо такой возбужденной, а дерьмовая часть состоит в том, что я фактически не вижу ее. Черт возьми!

— Что надето поверх этого?

— Ничего, малыш. Я сняла свитер и джинсы, пока мы говорили о пирогах.

Ох, блин, это не происходит на самом деле. Я расстегиваю свои джинсы и спускаю их достаточно низко, чтобы освободить свой член.

— Оли... я такая влажная для тебя.

Я провожу рукой несколько раз по члену. Она даже не дает мне возможности что-то сказать. Все что я могу — это закрыть глаза и представить себе ее голое тело, сидящее на мне сверху, неустанно скачущее на мне, забирающее весь контроль, прямо так, как она уже делает это.

— Оближи губы, Оли. Ты можешь почувствовать мой вкус? О боже. Я могу видеть тебя, малыш. Я могу видеть, как твоя голова располагается между моих ног. Какая я на вкус?

— Сладкая, ты всегда такая сладкая. Где твои руки?

Ее дыхание медленное и тяжелое.

— На моей груди. Я сжимаю и... о... о боже... щипаю соски. Я люблю, когда ты щипаешь и царапаешь их зубами. — Я слышу ее стон. — Это как... выстрел удовольствия прямиком в мою киску. Я двигаю рукой сильнее и быстрее вокруг моего члена, обводя большим пальцем головку несколько раз.

— Ты делаешь меня таким твердым. Я хочу похоронить себя в твоей теплой, влажной киске.

— Оли... о боже!

— Ты можешь чувствовать меня?

— Да.

— Твои ноги широко расставлены для меня?

— Да.

— Твои пальцы влажные?

— Т-такие влажные, — она задыхается.

— Теперь выгаци их и обведи свой клитор.

— Ооо... дааа...

Я сгребая в кулак простынь другой рукой.

— Кончай. Сейчас.

— Я-я... я к-кончаю! О боже!

Я толкаюсь себе в руку и позволяю своему возбуждению пролиться на рубашку.

— О, дерьмо... черт... — я задыхаюсь, когда сердце начинает выпрыгивать из груди. Голова откидывается назад, когда дыхание замедляется.

— Вивьен? Ты здесь, дорогая?

Бл*дь, ничто не может меня так быстро вернуть к действительности, как голос моей матери.

— Эм... да. Я здесь.

— Ты в порядке, дорогая? Мне показалось, что ты что-то кричала.

— Эм... нет. Я эм... смеялась. Я разговариваю с Оливером.

— О, ну, тогда открой дверь. Я хочу поговорить с ним.

Если эта женщина любит меня, она не откроет дверь...

— О боже, ты хорошо себя чувствуешь? Выглядишь так, будто у тебя жар. У тебя даже испарина на лбу.

Убейте меня сейчас же. Мои родители оба врачи, закончившие Гарвард. Моей маме не понадобится много времени, чтобы диагностировать Вивьен острый случай горячки от секса по телефону.

— Оли, твоя мама хочет поговорить с тобой.

— Ты включила громкую связь?

— Нет.

— Хорошо. Хорошего вам ужина, пришли мне фотографии своих пирогов и знай, что я не кончал так сильно уже на протяжении нескольких месяцев. Люблю тебя.

— Тоже тебя люблю, Оли, — она хихикает.

— Оливер?

— Привет, мама.

— Ты приедешь домой на Рождество, дорогой?

— Еще не уверен. Пытаюсь свернуть все дела здесь и не хочу пропустить свадьбу Алекс и Шона, поэтому не хочу давать каких-либо обещаний сейчас.

— Что ты имеешь в виду «свернуть все дела»?

— Я имею в виду, убедиться, что Брайс и Митчелл могут закончить все, что я не смогу до того, как поеду домой.

— А Кэролайн?

— С ней всё в порядке, — еще одна ложь, но уже своей маме. Я бы сказал, что я прокладываю короткий путь в ад сегодня, но так как я уже там, какое это на самом деле имеет значение?

— В порядке? Правда?

— Тебе лучше, чем кому-либо, известно, что она никогда не станет прежней снова, но ее доктора думают, что ей лучше, поэтому моя работа здесь окончена.

— А ты?

— Какое значение имеет, что думаю я? — я вздыхаю. — Доктора — эксперты.

— Оливер, я не спрашиваю, что ты думаешь. Я спрашиваю как ты. У тебя есть какой-то прогресс?

— Это не я нахожусь в больнице для душевнобольных.

— Оливер...

— Да. Я отлично, великолепно, невероятно. Я буду дома к свадьбе, поэтому жизнь не может быть еще лучше.

— Ты ходил на могилу Мелани?

— Да, — ложь.

— И?

— И она все еще мертва.

— Оливер!

Я хватаю себя за волосы.

— Прости. Мне просто не нужно это от тебя.

— Я люблю тебя, Оливер. Я хочу, чтобы мой сын вернулся. Он нашел невероятную девушку, и я бы хотела видеть его «долго и счастливо». Поэтому не трать там время попусту. Делай, что нужно, чтобы ты мог приехать домой.

Делать, что нужно? Тупая психологическая чушь.

— Ага, — я кривлюсь, после того, как слово слетает с моих губ. Пожалуйста, пусть она отреагирует на мое «ага» лучше, чем Вивьен.

— Счастливого Дня благодарения, Оливер. Я тебя люблю.

— Тебе тоже. Передавай всем от меня привет.

— Передам.

Я отбрасываю телефон в сторону. Да, конечно, счастливого Дня благодарения. Это был действительно приятный день. Свидетельство лучшей части которого — на моей рубашке. Остальная же часть... Кэролайн — я все еще ненавижу ее.

Вивьен

Мне разбивает сердце то, что Оливер ощущает необходимость лгать мне и Джеки. Что он не знает, так это то, что Лили звонила Джеки после того, как его вывели из больницы. Должно быть, это был какой-то материнский инстинкт; она волновалась за него и хотела, чтобы мы знали, что случилось. Она звонила во второй раз, когда добралась домой и обнаружила, что он и все его вещи исчезли. Это было примерно за десять минут до того, как он позвонил мне. Смешно, что он ни о чем из этого не упомянул. Таким образом, мы теперь знаем, что он сломался и больше не живет у Лили и Дуга. Что мы не знаем, так это где он остановился и что происходит у него в голове.

Секс по телефону не был запланированным, и, честно говоря, я не думала, что он заинтересуется после того, что произошло. Но я училась, как сумасшедшая, а Оливер был так занят, мое тело нуждалось в освобождении. Затем Ченс объявился вместе с Ронни, и я застала их целующимися и лапающими друг друга в коридоре. Не в смысле «у нас был секс, но мы просто возимся здесь, лапая друг друга», а в смысле «ты чертовски расстраивала меня на протяжении нескольких месяцев, и я до смерти хочу трахнуть тебя впервые». Он прижал ее к стене в стиле «ты под арестом» и терся своей промежностью о ее задницу, массируя тем временем ее киску через ткань джинсов. Они не видели и мне стыдно признаться, что я пряталась за фикусом и наблюдала за тем, как он подарил ей оргазм, но это правда. Поэтому, когда Оли позвонил, я была вся разгоряченная и озабоченная и уже на грани своего собственного оргазма.

— Эти пироги выглядят восхитительно! — Джеки улыбается, разрезая их.

Я сделала примерно дюжину фотографий, потому что она права, они действительно выглядят... ну, будто кто-то другой их приготовил.

— Оливер сказал, когда будет дома? — спрашивает Ченс.

Я качаю головой.

— Наверняка к свадьбе Алекс и Шоа, — отвечает Джеки к моему удивлению.

— Он так сказал? — я оборачиваюсь, глядя на нее.

— Да, — она кивает.

— А что насчет Рождества? — спрашивает моя мама.

— Он постарается... — она смотрит на меня с грустной улыбкой, — но это прозвучало не так убедительно, как я надеялась.

Мое настроение упало, и я уверена, что все это заметили.

— Может, тебе стоит полететь в Портленд, как только закончатся твои занятия, — предлагает Ченс.

Джеки и Хью сердито смотрят на него.

— Что? — он делает глоток воды. — Оливер лучшая версия самого себя, когда он рядом с Вивьен, и, возможно, ему необходимо небольшое напоминание о том, что он упускает.

— Он сам должен найти то, что я не могу ему дать.

Джеки кивает с болью в глазах.

— Завершение.

Я киваю в ответ.

— Кому какое дело? В любом случае поезжай и сделай ему сюрприз. Он должен неистово скучать по тебе.

— Я не могу себе этого позволить, — я смотрю вниз на свой пирог из орехов пекан.

Рука моего папы накрывает мою.

— Да, ты можешь.

Я поднимаю на него взгляд, а он подмигивает мне.

— Считай, что это наш с мамой подарок тебе на Рождество.

Мои родители так много лет боролись в финансовом плане. Я хочу отклонить его предложение, как делала много раз раньше, но не могу. Да, я умираю, как хочу видеть Оливера, но прямо сейчас я знаю, как много для папы значит это, и только по этой причине я принимаю его подарок.

— Спасибо, — я обнимаю его со слезами на глазах, а затем наклоняюсь в другую сторону и обнимаю

маму.

Я смотрю на Джеки и вижу тревогу на ее лице. Она беспокоится об эмоциональном состоянии Оливера и переживает обо мне, находящейся в Портленде в непосредственной близости к источнику его боли.

— Я поняла, — я улыбаюсь ей.

Она кивает в ответ, но едва заметно.

Глава 32

Шлепок

Вивьен

Дни от Дня благодарения до моих зимних каникул пролетают быстро. Когда я не на занятиях или не учусь, то помогаю приручить невесту. Как Алекс удается посещать занятия и готовиться к свадьбе в то же самое время — вне моего понимания.

— Ты же вернешься к моему девичнику, правда?

— Да, — смеюсь я, — по крайней мере, так указано в моем обратном билете.

— И он все еще не знает, что ты приезжаешь?

Я бросаю сложенные джинсы в чемодан.

— Нет, если ты, конечно, не разболтала или не посылаешь ему фотографии того, как я собираюсь.

— Тогда как ты собираешься найти его, если он до сих пор не признался, что больше не живет у родителей Кэролайн.

— Мой план — объявиться у него на работе.

Алекс протягивает мне свитера.

— А если его там не будет, каков твой запасной план?

— Я разворачиваюсь и лечу обратно в Бостон.

— Что?

— Шучу, — я смеюсь. — У меня нет запасного плана. Если его там не будет, я что-нибудь придумаю. Может, баннер на самолете, который будет летать по городу, с надписью «Оливер Конрад, ты где?».

Алекс ухмыляется.

— Класс, Цветочек, так и сделай.

Я застегиваю чемодан и стягиваю его с кровати.

— Не оставляй свои кроссовки там, где Розенберг может до них достать.

— Не забудь свое удостоверение личности, — Алекс следует за мной вниз по ступенькам.

— Не забывай проверять крыльцо на наличие корреспонденции.

— Не забудь вернуться к моему девичнику.

Я надеваю пальто и беру сумочку, Алекс делает то же самое.

— Не забудь, что убивать жениха в ярости — это показатель плохих манер.

Алекс держит дверь открытой для меня, когда я целую Розенберга на прощание.

— И не забудь отдать Розенбергу подарок на Рождество от меня.

Она закрывает за нами дверь.

— Не забывай, как странно то, что ты относишься к этому клубку шерсти как к человеческому существу, по моему мнению.

Путешествие за два дня до Рождества — это сумасшествие. Показаться без предупреждения в новом городе — еще большее сумасшествие. Я надеюсь, что где бы Оливер ни остановился, там найдется комната для меня — я не бронировала номер в отеле. По дороге к его работе в такси мои нервы сдают. Как бы невероятно это ни было, но что, если он не будет счастлив видеть меня? Может, он действительно занят и мое появление не будет приятным сюрпризом, как я представляю себе. Ну, и существует еще предположение Алекс: его там нет, и я не смогу найти его.

После того как я рассчиталась с таксистом, я качу свой чемодан к входу в серое здание. Я нахожу «Стерджен, Уоллес и Фэй», 22 этаж. Когда двери лифта открываются, пожилая леди с рыжими с проседью волосами и пожелтевшими зубами приветливо улыбается мне.

— Добро пожаловать в «Стерджен, Уоллес и Фей», чем могу помочь?

— Я Вивьен Грэхэм, я здесь, чтобы увидеть Оливера Конрада.

Она смотрит на монитор компьютера, скривив губы в сторону.

— У меня не назначена встреча. Я очень близкий друг и приехала, чтобы сделать ему сюрприз.

Мой комментарий вызывает беглый осмотр и еще одну вежливую улыбку.

— Мне жаль, но мистера Конрада нет в офисе, и я не знаю, вернется ли он сегодня. У него встреча с клиентом за пределами офиса в час дня.

Я киваю, барабанив ногтями по стойке. Бам! Каков мой план Б?

— У вас есть номер его мобильного?

— Да, — вздыхаю я, — ... просто я хотела, чтобы мой приезд был сюрпризом.

Она перекладывает несколько бумаг на столе.

— Я так понимаю, что вы и мистер Конрад близки?

— Да, — я усмехаюсь, — можно так сказать. — Румянец заливает мою шею.

Она поднимает на меня свои голубые глаза.

— В смысле... действительно близки?

Я оглядываюсь, чтобы посмотреть, не слушает ли наш разговор еще кто-то, затем снова смотрю на нее, сузив глаза.

— Да, действительно близки. А что?

Она прочищает горло.

— Ну, если бы я была на вашем месте, то попросила бы воспользоваться кабинетом мистера Конрада, чтобы позвонить или что-то в этом роде, — теперь она осматривает комнату и понижает голос, наклоняясь ко мне. — Затем бы заперла дверь, опустила шторы и сфотографировала себя, чтобы отослать ему фото, — она подмигивает. — Ну, вы знаете... такое, что будто говорит: «Иди сюда».

Мои глаза расширяются. Не знаю, нужно ли мне обидеться на ее непрофессиональное поведение или поблагодарить за то, что на самом деле казалось блестящей идеей.

Она снова садится и печатает.

— Но это то, что я бы сделала.

Мое тело остается стоять неподвижно, как статуя, может, минуту, а, может, и пять. Наконец, я делаю глубокий вдох для храбрости.

— Я не запомнила, как вас зовут.

— Саманта, — улыбается она.

Я протягиваю руку, и она изысканно ее пожимает.

— Ну, Саманта, я могу воспользоваться кабинетом мистера Конрада, чтобы сделать личный звонок? Она встает и усмехается.

— Конечно. Следуйте за мной.

После того как я проверила замок и опустила все жалюзи на окнах, выходящих в холл, я осмотрела его офис. Два кожаных коричневых кресла, стол из красного дерева, его стул и несколько стеллажей для папок. Я подхожу к большому окну, из которого открывается вид на город. Это невероятный вид на Портленд, включая и реку Уилламетт. Здание на противоположной стороне улицы с затемненными стеклами, так что можно только догадываться, может ли кто-то увидеть, что происходит здесь. Я рискну.

Оливер опрятный парень, так что мне не понадобилось много времени, чтобы расчистить место на его столе. Я снимаю свои джинсы и свитер, затем ложусь на бок, положив голову на одну руку, а другой, удерживая телефон на расстоянии, делаю несколько снимков. Они не очень плохие, хотелось бы, чтобы они были сделаны с большего расстояния, но думаю, что просить Саманту об этом, должно быть, слишком, даже если моя интуиция подсказывает, что она сделала бы это.

Я выбираю наилучший снимок — щель между грудой, трусики-танго, язык облизывает верхнюю губу, и достаточно стола в кадре, чтобы он понял, что это его стол. Затем я посылаю сообщение.

Я: Эй, малыш. Как дела?

Оливер: Покупаю поздний ланч. Только что закончилась встреча. Что ты делаешь?

Я посылаю фотографию с сообщением «Ничего. Просто жду, когда мой адвокат вернется в свой офис».

Оливер: Что за черт?

Мне следовало просто быть милой и ждать, когда он доберется сюда, но в чем тогда прикол?

Я: Здесь холодно. Мои соски такие твердые. Может, я просто потру их.

Я жду несколько минут.

Я: У меня никогда не было секса на столе. Думаешь, мне следует лечь на спину, раздвинув ноги, или перегнуться через край, выставив попку?

Прошло всего несколько минут, но я слышу его голос за дверью.

— Брайса и Митчелла сегодня нет?

— Да, мистер Конрад.

— Тогда ты можешь уйти пораньше, Саманта.

— Вы уверены?

Я хихикаю, зная, что она просто дразнит его.

— Абсолютно. Хороших праздников.

— Вам тоже, мистер Конрад.

Дверная ручка трясется, затем я слышу, как его ключ проскальзывает в замок.

— Веселого Рождества, мистер Конрад, — приветствую я его своим самым сексуальным голосом.

Он ухмыляется, в то время как его глаза внимательно рассматривают мое практически голое тело, растянувшееся на столе. Оливер в костюме — это самопроизвольный оргазм. О. Мой. Бог! Он двигается ко мне, будто крадется. Я тяжело сглатываю. Отвалите кожаные рабочие ботинки, вы

навсегда будете заменены этим изображением. Нет ничего сексуальнее, чем парень, ослабляющий свой галстук с хищным взглядом.

— Простите, я опоздал, мисс Грэхэм. Я не знал, что наша встреча добавлена в мой график, — он снимает пиджак, галстук и рубашку с рассчитанным терпением. Он дразнит меня... соблазняет меня, и он, черт возьми, знает об этом. — Но я рад, что вы дождались и теперь, когда я здесь... — он тянет меня за ногу, заставляя встать. Проводя пальцем по припухлости моей груди, он снова ухмыляется, затем расстегивает ремень и молнию на штанах, — ... мы можем начать расследование.

Я поднимаю на него взгляд, мое тело покалывает, сердце бешено колотится. Он кладет руки мне на плечи и разворачивает лицом к столу. Кладет ладонь мне на спину, наклоняет меня вперед, пока я не перегибаюсь через край стола, облокотившись на локти.

Я слышу звон пряжки ремня, когда его штаны падают на пол. Я извиваюсь, когда он стягивает мои трусики. Глядя на него через плечо, я усмехаюсь, но его лицо как камень.

Он становится между моих ног, заставляя меня поставить их шире. Я напрягаюсь, когда его рука касается оголенной кожи моей попки.

Он выводит небольшие круги.

— Скажите, мисс Грэхэм, вы были хорошей или непослушной в этом году?

Я не осознаю, что затаила дыхание, пока не услышала свой ответ, прозвучавший как робкий писк.

— Послушной.

Шлепок!

— Дерьмо! — я кричу, когда мой мозг начинает понимать, что произошло. Святое дерьмо! Он только что шлепнул меня! Это было сильно, но не больно, а моя реакция была из-за шока, а не из-за ощущений.

— Теперь видишь... — он трет область, которую только что ударил, — ... я не согласен.

Оглядываясь назад, я вспоминаю несколько случаев, которые относят тебя к списку непослушных.

— Оли...

— Сейчас, сейчас... — я закрываю глаза, когда чувствую его губы на своей спине. — В свете праздничной атмосферы, я все еще собираюсь исполнить твоё желание.

— Каааа-кооо-е?

Он врезается в меня и замирает.

— Я, — шепчет он мне на ухо.

И затем все и начинается: шлепки нашей кожи друг о друга, тяжелое дыхание и отчаянные стоны, скрип стола, и, в конце концов, мой громкий крик экстаза.

— Не могу поверить, что ты шлепнул меня, — бубню я Оливеру в губы между поцелуями, пока мы поднимаемся в лифте в его гостиничный номер.

— Не могу поверить, что тебе это так сильно понравилось.

— Что? — я толкаю его в грудь, а он ухмыляется.

— Тебе понравилось, — он пожимает плечами. — Я наблюдал за твоим лицом, когда делал это и после первых пяти секунд шока, я увидел, как уголки твоих сексуальных маленьких губ растянулись в улыбке.

— Это была гримаса, идиот! Уголки губ человека поднимаются также, когда он кривится, а не

только когда улыбается. Боже, ты садист.

Двери лифта открываются, и я выхожу, намеренно оставляя Оливера позади с моим чемоданом.

— Налево, — говорит Оливер, когда я подхожу к Т-образному пересечению холла.

Я поворачиваю налево, как я уже знала, хотя, конечно же, я не знала.

— Назад, — он говорит с ухмылкой, когда вставляет ключ в дверь номера, который я прошла десять шагов назад.

Я останавливаюсь и вздыхаю, затем разворачиваюсь и, дуясь, возвращаюсь к двери, которую Оли придерживает открытой для меня.

— Тебе это понравилось, — шепчет он, с поддразниванием в свих словах, когда я прохожу в комнату.

— Заткнись! Мне не понравилось.

Он сгребает меня, заставляя запищать, затем бросает на кровать и садится верхом.

— Так что привело вас на Западное побережье, мисс Грэхэм?

У нас был секс на его рабочем столе, затем мы оделись, забрались в его кресло, занялись сексом в кресле, оделись, затем лапали друг друга как подростки по дороге в отель. Чего мы не сделали, так это не поговорили... ни о чем.

— Секс. Я прилетела из-за секса, — я смотрю на воображаемые часы на моем запястье. — Я улетаю обратно через час.

— Острячка, да? — он удерживает мои руки у меня над головой и целует меня.

— Боже... я соскучилась по тебе, — вот я и сказала это. Я скучаю по нему, все время — каждый час, каждую минуту, каждую секунду. Как теперь я скажу ему, чтобы уладил все свои дела и возвращался домой ко мне?

— Ну, уже нет. Ты украла мой сюрприз, появившись здесь, — он играет бровями. — Не жалуюсь. Я возвращаюсь домой за день до свадьбы... насовсем.

Я пытаюсь скрыть внутреннюю грусть за внешней улыбкой. Оливер не знает, что мне уже известно о его планах по возвращению домой. Он также не знает, что мне разбивает сердце тот факт, что все время его пребывания здесь, в Портленде, прошло зря.

— Ну, скажи что-нибудь!

Я открываю рот, затем закрываю.

— Это невероятно!

— Вивьен, любимая... — он качает головой, — ... помни, что ты не можешь хорошо врать. Мама рассказала тебе, не так ли?

Я кривлюсь и киваю. Оли падает на кровать рядом со мной.

— Боже! Типичный мозгоправ. Они хранят твои секреты, только если ты им платишь.

— Мозгоправ? — я смеюсь. — Ты говоришь о своей маме.

— Ну, либо она не умеет хранить секреты, либо ты гипнотизируешь людей своими очаровательными глазами, пока они не расскажут тебе все свои секреты, — он поворачивается на бок лицом ко мне. — Я так много раз терялся в них, что это возможно, поэтому я оправдаю ее за недостатком улик.

— Как хочешь, — я осматриваю гостиничный номер и раздумываю, смогу ли произнести следующее утверждение более правдоподобно.

— Так почему все-таки номер в отеле?

— О, к Дугу и Лили приезжают родственники на праздники и, так как я собираюсь уезжать скоро в любом случае, я решил снять номер в отеле.

Я не знаю хороший ли Оли врун или нет. Я знала правду до того, как спросила, поэтому не могу сказать наверняка.

— Ну, нам повезло, — я перекатываюсь на него сверху и дергаю за галстук, который свободно болтается у него на шее. — Мне нравится, когда ты в галстук. Я обдумываю план на мой следующий день рождения, только галстук и ботинки... в общественном месте, конечно же.

— Ты хочешь, чтоб меня арестовали?

— О, Оли... — я расстегиваю пуговицы на его рубашке. — Ты такая загадка, весь такой консервативный и в одну минуту «у нас не будет секса в общественном месте», а в следующую ты уже трахаешь меня в переулке или перегибаешь на своем рабочем столе и шлепаешь. Я думаю, ты плохой мальчик по своей природе и скучный по воспитанию.

— Скучный? — он проскальзывает руками под мою рубашку и расстегивает бюстгальтер.

— Да, ты вырос среди денег и манер — скучно.

Он смеется, садясь и снимая мою рубашку.

— Думаю, что попытаюсь быть менее скучным, — наклоняясь, он втягивает мой сосок в рот и кусает его, сильно!

Глава 33

Сломленный

Оливер

То, что Вивьен проделала весь этот путь, чтобы повидаться со мной — лучший подарок. Когда мы вместе, мир снова становится идеальным. Не имеет значение, что мы не с нашими семьями или то, что мы просыпаемся в гостиничном номере в рождественское утро. Она — это все, что мне нужно.

— Так, из-за того, что я завтра улетаю, мы останемся в кровати на весь день? — спрашивает Вивьен, пока кормит меня долькой апельсина — это часть Рождественского обслуживания номеров.

— Мы пробыли здесь на протяжении последних двух дней. Меня это устраивает, — усмехаюсь я, облизывая сок с ее пальцев.

— В котором часу ты прибываешь в Бостон в пятницу?

Я «случайно» капаю греческим йогуртом на ее сосок. Она закатывает глаза, когда я облизываю его.

— В пять по бостонскому времени.

— Так ты успеваешь на репетицию?

— Должен, если рейс не задержат.

Она кивает и смотрит на меня с напряжением на лице, будто пытается что-то выяснить.

— Ты сегодня навещаешь Кэролайн?

Ее вопрос застает меня врасплох.

— Нет.

Я ощущаю ее осуждающий взгляд на себе, поэтому сосредотачиваюсь на тосте, который намазываю маслом до идеального состояния.

— Ты можешь пойти, я могу подождать тебя здесь.

— Нет необходимости.

— Когда ты в последний раз навещал ее?

Я пожимаю плечами, желая, чтобы она оставила этот разговор.

— Некоторое время тому назад.

— Так ей уже лучше?

— Она в психиатрической лечебнице с депрессией в анамнезе и принимает миллион лекарств. Это только, кажется, что будет все хорошо, Вивьен, — я закрываю глаза и вздыхаю. — Прости... — я ненавижу нервирующее ощущение злости, которое подавляет мое сопротивление.

Она кладет свою руку на мою в успокаивающем жесте. Я открываю глаза и смотрю на нее. Я ненавижу врать ей. Я ненавижу Кэролайн за то, что поставила меня в такое положение. Почему она просто не может поправиться и отпустить меня или прекратить чертовые попытки самоубийства.

— Я не видел ее со Дня благодарения.

— Почему?

Что за черт?

— Что ты имеешь в виду «почему»? — я только что сказал ей, что не видел Кэролайн со Дня благодарения, а ее реакция «почему»?

Глаза Вивьен расширяются из-за моего повышенного тона.

— Ты, должна быть, шокирована или зла, но это не так. Ты знала, не так ли?

— Оли...

— Не Олькай мне, Вивьен. Ты знала, не так ли?

Она качает головой.

— Кто сказал тебе? Родители Кэролайн звонили тебе? Моя мама выяснила? Она сказала тебе, не так ли?

Она продолжает качать головой.

— Скажи мне! — я сбрасываю поднос с едой с кровати, тарелки и стаканы разбиваются о стену и пол. Вивьен закрывает рот руками, и слезы... чертовы слезы жалости катятся из ее глаз.

— Почему? Почему ты не сказала мне? Почему ты не сказала мне приехать домой?

— Ты был не готов.

— Что, черт возьми, это означает? — я встаю, натягиваю штаны и меряю шагами пол, потирая ноющие вески. — Готов к чему? — мой голос ломается.

Она становится на колени на кровати, прижимая простынь к груди.

— Готов справиться со своим прошлым. Оли... ты хранишь подушку, которой... — она не может этого произнести. Конечно же, она не может. Это слишком болезненно.

Я качаю головой. Такое ощущение, будто целый мир обрушивается на меня. Что я сделал? Я жертва.

Она убила Мелани и оставила меня ни с чем. Почему все думают, что это у меня проблемы? Я ненавижу ее... она оборачивает всех, кого я люблю, против меня, заставляя меня казаться сумасшедшим.

— Она убила ее, не я.

— Оливер...

— Нет, она убила ее. Я был на работе... — я качаю головой. — Меня там не было.

— Оливер...

— Она сделала это. Она забрала у меня все. Боже... я так сильно ее ненавижу!

— Оливер, прекрати!

Я протягиваю руку, чтобы удержать ее от прикосновения ко мне.

— Нет. Почему так происходит? Почему все обвиняют меня?

— Оливер, пожалуйста... — я слышу всхлипы Вивьен, но не чувствую ее. Я ничего не чувствую.

— Что это значит? — я сильно зажмуриваю глаза. — Скажи мне! Что это значит? — я открываю глаза и вижу, как Вивьен тянется к телефону. Ни в коем случае. Она не позвонит никому, пока не скажет мне. Я хватаю ее телефон и бросаю в стену, разбивая экран. Она дрожит как листок. В чем ее проблема? Никто не заставляет ее чувствовать себя сумасшедшей. Никто не говорит ей справиться со своим прошлым.

— Оли...

Я хватаю ее за плечи и трясусь.

— Моя жена задушила мою новорожденную дочь чертовой подушкой! Это мое прошлое, я не могу его изменить! Так не могла бы ты, пожалуйста, сказать мне. Что, бл*дь, ты имеешь в виду, когда говоришь о «справиться со своим прошлым»? Как, ради Бога, мне это сделать?

Она плачет.

Я вижу это, но отказываюсь слышать.

Она умоляет меня отпустить.

Я не делаю этого.

И затем она обрушивается на меня два простых слова.

— Прости ее.

Я отпускаю ее и отступаю назад. Такое ощущение, что она выстрелила мне в сердце.

— Это не ее вина. Она была больна, — всхлипывает Вивьен.

Я смотрю в знакомые глаза, но не вижу ее на самом деле. Голос... я слышу ее голос, но чувствую онемение, полное онемение.

Вивьен

Я думаю, я сломала его. Оливер пережил невообразимое, но я никогда не думала о нем, как о сломленном — до этого момента. Его глаза смотрят на меня, но взгляд проходит насквозь. Я хочу забраться к нему на руки и обнимать, но я напугана. Он показал мне ту сторону себя, которую я не видела раньше, и не уверена, что он узнает меня или даже себя прямо сейчас.

Я осторожно передвигаюсь к краю кровати и становлюсь на пол, придерживая простынь, обернутую вокруг своего тела. Он в нескольких футах от меня опустился на стену.

— Ты сам сказал, Оли — менее одной десятой процента. Это была трагедия. Это все была... ужасная трагедия.

Все его тело застыло как камень, лишненное каких-либо эмоций. Хотела бы я хоть украдкой заглянуть в его мысли сейчас. Я вытираю глаза и жду. Я не хочу, чтобы этот мучительный момент был нашим первым Рождеством вместе, но время проходит. Оливер готовится покинуть Портленд с той же ненавистью и негодованием, которые он держал в себе на протяжении многих лет. Наносящие вред эмоции, которые держали его в заложниках на протяжении этих лет, угрожают поглотить и всю оставшуюся его жизнь.

Это то, что происходит с человеком, когда он кого-то ненавидит. Это вирус, который проникает в его жизнь и удерживает всех, кто дорог, затем по одному отрывает их, пока он не остается одиноким,

пустым, и мертвым внутри. Ненависть подпитывает негодование, и происходят убийства. Она беспринципна и будет высасывать из человека жизнь, пока от него не останется пустая оболочка. Будет именно так... если позволить этому случиться.

Я не могу больше наблюдать, как Оливер становится жертвой всего этого. Моя любовь к нему слишком сильна. Я пожертвую нами, чтобы спасти его.

— Оливер?

Он, наконец, моргает, и я вижу, что он узнает меня, когда его взгляд фокусируется, но выражение лица остается безжизненным.

— Уезжай домой.

Его слова сотрясают все мои внутренности, но я не позволяю ему видеть это. Я проглатываю каждую эмоцию, которая угрожает вырваться на поверхность, когда я одеваюсь. «Он вернется к тебе». Слова Джеки проносятся у меня в голове, но не приносят мне удовлетворения. Глядя на него сейчас, я не уверена, что он когда-нибудь вернется хоть к кому-нибудь из нас.

Я собираю свои вещи и закрываю чемодан. Оливер даже не шелохнулся. Я ставлю чемодан и сумочку у двери и собираю свой разбитый телефон. Затем я сгибаюсь перед ним.

Он закрывает глаза.

— Я буду ждать тебя дома, — я наклоняюсь и прижимаюсь губами к его лбу. — Но только уже навсегда, — я прижимаю ладонь к его щеке и тянусь губами к уху. — Не отступать, Оли.

Я нахожу дешевый отель возле аэропорта, чтобы переночевать. К счастью, мой телефон все еще работает, хотя экран треснул и разошелся зубчатыми линиями на мелкие кусочки. Сегодня Рождество, поэтому я представляю себе, что моя семья и семья Оливера наслаждается времяпрепровождением со своими любимыми людьми. Несмотря на то, насколько мое сердце нуждается в утешении, а разум в убеждении, я не звоню никому. Один день ничего не изменит, кроме как разрушит чей-то другой день. Достаточно моего и Оливера.

Я не сдаюсь. Я никогда бы не смогла этого сделать. Он попросил меня уйти, и я дала ему пространство. Моя любовь принадлежит ему — она безусловная, терпеливая, и ожидающая его возвращения домой. Иногда единственный способ удержать кого-то — это отпустить его. Я не о чем не сожалею. Трагическую смерть Мелани нельзя стереть, это нельзя забыть, это нельзя игнорировать. Он похоронил ее крошечное тельце и дал ей короткое, но не менее жизненно важное завершение. Теперь ему необходимо сделать то же самое для себя. Оливеру нужно похоронить свою злость и ненависть. Прощение — это отпущение, а отпущение болезненно. Это не то, что мы делаем для других; это то, что мы делаем для себя.

Я натягиваю на лицо маску клоуна. Алекс выходит замуж через три дня, и я не позволю ей видеть, насколько я подавлена внутри. Джеки и Хью единственные, кто знает о том, что произошло на Рождество в Портленде с Оливером. Как его родителям, им необходимо было знать, что он достиг дна, и я больше не могу ему помочь. Вчера Джеки села на самолет в Портленд... я надеюсь, что она сможет.

— Ты не сделала ничего неправильного, как заказ педикюра и ужин в каком-то семейном ресторане у залива, не так ли, Цветочек? — Алекс смотрит искоса на мое отражение в зеркале, когда я завиваю ей волосы.

— Да, поэтому на пригласительных написано, что нужно прийти в маскарадных костюмах, — я закатываю глаза.

— Там будет обнаженный парень? Лучше бы был, это было моим единственным условием.

— На мальчишнике Шона сегодня вечером будет обнаженная девица?

— Не могу поверить, что ты спрашиваешь об этом, — смеется Алекс. — Всем заправляет Кай... я уверена, что там будет более чем одна обнаженная девица.

— И это беспокоит тебя? — я закалываю несколько завитых прядей, пока она красит ресницы.

— Черт, нет. Там стриптизерши, а не проститутки.

Я поднимаю бровь и ухмыляюсь.

— Ну... ладно, ты никогда не знаешь, что вытворит Кай, но я доверяю Шону.

— Ты и должна. Он обожает тебя.

— Вау, это можно рассматривать как одобрение, учитывая, сколько дерьма вы преподносите друг другу.

— Это все в шутку, — я пожимаю плечами. — Теперь надевай платье и маску.

— Не могу поверить, что ты заставила всех надеть маски. Это будет так весело!

Мы надели свои платья для вечеринки. Платье Алекс — светло-розовое кружевное и атласное, а маска-бабочка лазерной резки — белая. У всех остальных девушек маски черные. Мое платье золотое, без бретелек, шифоновое с короткой юбкой, волосы подняты вверх, выставляя напоказ верхнюю часть моей тату. Но кого это волнует? Я никогда снова не посмотрю на себя так: я всегда буду видеть себя глазами Оливера — красивой.

— О боже... посмотри на себя! — другие девушки в автобусе, одетые в коктейльные платья и черные маски приветствуют будущую невесту восторженными визгами.

Я делаю глубокий вдох. Я могу это сделать. Может, сегодняшний вечер это именно то, что мне нужно, чтобы забыть об Оливере, даже если всего на несколько часов.

— Спасибо вам всем за то, что прочитали свои пригласительные! — я обвожу взглядом восемь девушек с не накрашенными губами, затем поднимаю сумку с помадами и пускаю ее по кругу. — У каждой будет разный цвет, и не пытайтесь найти что-то нежное и элегантное. Они все вызывающе яркие и дикие.

Еще больше визга, хлопанья в ладоши и подпрыгивания следует за этим, когда мы добавляем завершающий штрих к нашим горячим, сексуальным и «вот идут проблемы» образам на сегодняшний вечер. Я могу сделать это... могу забыть об Оливере.

Я не могу этого сделать. Я не могу прекратить думать об Оливере. Даже после трех бутылок пива и четырех шотов, все, что я вижу — это он. Автобус привозит нас в клуб в театральном районе и голая задница, трясущаяся в шести дюймах от моего лица — Оливера. Поэтому я делаю единственную вещь, которую могу... я шлепаю по ней.

— А теперь кто в списке непослушных? — хихикаю я.

Его трясущиеся ягодицы резко останавливаются. Затем он поворачивается и смотрит на меня с широко раскрытыми глазами от шока. Я поправляю маску, думая, что это она мешает мне ясно видеть, но это не так. Я ошиблась. Парень... мистер Трясущиеся Булочки — не Оливер.

— Мисс? — парень в черном костюме хлопает меня по плечу.

Я поднимаю глаза.

— Я должен вас попросить воздержаться от подобного взаимодействия с исполнителями. Если вы хотите заплатить за что-то, где можно касаться руками, я могу организовать частную комнату. Я смотрю на мистера Трясущиеся Булочки. Он усмехается и подмигивает мне.

— Я... эм... хорошо. Простите.

— О боже! — Алекс садится мне на колени, обнимая меня за шею. — Ты шлепнула его! — она закрывает глаза и смеется.

Ночь продолжается в том же духе. Мой мозг заполнен алкоголем и Оливером... небезопасная комбинация, к сожалению граждан Бостона, которые сталкиваются с нашей буйной группой. Мы оставляем наши отпечатки — отпечатки губ — везде на пути: двери, зеркала, столы, кабинки, диджеи, стриптизеры, и ничего не подозревающие зрители.

К тому времени, как автобус высаживает последнюю подружку невесты, перед тем как отвезти нас домой, уже пробило три часа утра.

— Самый. Лучший. Девичник! — Алекс наклоняется ко мне, когда автобус подъезжает к нашему дому. Она пытается держать глаза открытыми, когда ее язык заплетается, произнося слова нечленораздельно.

Я целую ее в лоб, оставляя фиолетовый отпечаток рядом с восьмью другими разноцветными губами на ее лице, затем фотографирую ее.

— Я рада, что тебе было весело. Теперь... пора спать.

Мы обе вываливаемся из автобуса, хихикая, и называем это ночью или утром.

Глава 34

Прощение

Оливер

Долбанное похмелье! Мне следовало уже привыкнуть к пульсирующей головной боли и вкусу обезьяньего дерьма во рту.

До своего переезда в Портленд три года назад, последний раз, когда я был так пьян — был мой первый год в колледже. После возвращения в Кембридж, я даже не могу сосчитать, сколько раз чувствовал себя как сейчас.

— Добро пожаловать.

Я пытаюсь продрать глаза. Веки ощущаются как наждачная бумага на зрачках.

— Шторы.

— Неа, они останутся открытыми, дорогой.

— Мам? — я сажусь и тру виски.

Она протягивает мне стакан воды.

— Я должна быть расстроена, что ты пил последние два дня, но если бы ты был при памяти, ты бы, возможно, не рассказал мне, где остановился.

— Ты звонила? — я делаю глоток воды. Блин, мой рот ощущается, как дерьмо.

— Тридцать два раза. В тридцать первый раз ты сказал мне номер своей комнаты. В тридцать второй название отеля с условием, что я, цитирую: «От***усь».

Я кривлюсь.

— Конечно же, в Портленде не один отель «Хилтон», поэтому, после нескольких ошибочных

визитов и странных взглядов, когда я стучала в нужный номер не того отеля, я наконец нашла тебя. К счастью, я постучала в твою дверь за пять минут до того, как ты отключился. В противном случае, я бы позвонила в соответствующие органы, подумав, что мой сын может причинить себе вред.

— Почему ты здесь? — я, наконец, смотрю ей в глаза.

— Потому что боюсь, что ты причинишь себе вред, — она складывает руки на коленях.

— Боже, я не склонен к самоубийству, — я качаю головой.

— Это не то, о чем я говорю, — она встает и подходит к кровати, проводя рукой по моим волосам. — Ты потеряешь еще одного человека в своей жизни, которого очень любишь. И это разрушит тебя, после чего ты уже не сможешь оправиться, если ты не поймешь этого вскоре. Я давала тебе три года, чтобы разобраться с этим, а ты так и не сделал этого. Я хотела, чтобы ты вернулся домой к нам, но не чтобы убежал, Оливер. А чтобы двигаться дальше.

— Я не могу... Я не знаю, что делать, — несмотря на то, что она моя мама, я ненавижу эти тупые слезы, застилающие мои глаза, и то, что она видит меня таким.

— Нет, ты знаешь.

— Она убила моего ребенка, — я делаю дрожащий вдох, но больше не могу сдержать его. Всклип вырывается из меня, и она притягивает меня к себе так, как делала в детстве. Вот как я себя чувствую, как потерянный ребенок.

— Она убила и своего ребенка тоже, так как она больна, Оливер, так больна. Кэролайн не видела Мелани. Ее сознание не позволяло ей видеть что-либо, кроме боли. Она положила конец боли.

— О... боже! От этого так больно, — я всхлипываю от мучительной агонии, разрывающей каждую часть моего тела.

— Я знаю, что это так, дорогой, я знаю... — она качает меня в своих руках, и так много мыслей и эмоций, которые я не позволял себе обдумывать и ощущать, врываются в мое сердце как шаровой таран.

Я встретил Кэролайн Сью Уэлч в книжном магазине кампуса. Она работала за прилавком и меня сразу же привлекли ее кудрявые светлые волосы и карие глаза. Я стоял за тремя людьми в очереди, а она продолжала украдкой смотреть на меня, помогая другим покупателям. Она была невинна и кокетлива. А я был молод и возбужден. Когда подошла моя очередь, она дала мне свой адрес и номер телефона, на случай, если у меня будут какие-нибудь вопросы об «Истории моей жизни» Клэренса Дэрроу, книге, которую я приобрел. Неделей позже я позвонил ей и пригласил на ужин. Под «Маргариту» и гуакамоле я выяснил, что она никогда не читала «Историю моей жизни» Клэренса Дэрроу.

У меня миллион прекрасных воспоминаний о Кэролайн. Все любили ее, включая меня. Но она ушла, и я не знаю, куда или что забрало ее у меня. Женщина, находящаяся передо мной — незнакомка в теле моей Кэролайн. Я задаюсь вопросом, когда я ее потерял, или пыталась ли она мне рассказать. Я не видел сигналов? Не слышал ее увядающего голоса?

— Что ты хочешь, Оливер? — ее карие глаза — единственная часть ее тела, которая напоминает мне о том дне в книжном магазине. Ей двадцать семь лет, но ее истощенное тело выглядит на тридцать лет старше.

— Прости.

Она наклоняет голову.

— Что ты имеешь в виду?

Я борюсь с эмоциями, живущими во мне последние три года, которые застряли у меня в груди и поднимаются по горлу, угрожая прервать мое дыхание.

— Я не знал... я не видел этого. Доктора говорили, что это нормально, но я должен был заметить. Мужчина должен знать, когда его жена ускользает. Я слишком много работал. Меня не было дома достаточное количество времени, — я смахиваю случайную слезу.

Она смотрит вдаль, на миллион миль за окном, с ничего не выражающим лицом. Я даже не уверен, что она слышит меня. Может, она никогда не услышит. Я начинаю вставать. Это кажется бесполезной тратой времени. Моя Кэролайн ушла.

Я иду к двери, и тут до меня доходит. Это последний раз, когда я вижу Кэролайн. Я поворачиваюсь.

Она все еще смотрит в окно.

— Кэролайн?

Она поворачивается. Я чувствую, как моя нижняя губа начинает дрожать, когда я моргаю, чтобы сдержать слезы.

— Я прощаю тебя.

Такие знакомые карие глаза наполняются слезами, но я уйду до того, как они смогут пролиться.

Я не знаю, смогу ли когда-либо передать благодарность, которую испытываю к маме. Только сейчас, когда мы ожидаем посадки на самолет в Бостон, влияние ее любви на протяжении последних трех лет доходит до меня. Она тот, кто исправляет, и как мама и как психотерапевт, хотя она и отступила и позволила мне распадаться на части последние три года. Может, она знала, что это то, что мне нужно, а, может, и нет. В любом случае для этого нужна невероятная сила и любовь, чтобы оставаться в стороне.

— Как ты можешь быть такой тихой? — я спрашиваю, сидя рядом с ней в терминале.

Она тянется и берет меня за руку.

— Мне больше нечего сказать. Я благоговею перед твоим мужеством. Ты оставил Кэролайн с миром и должным образом попрощался с Мелани. Оливер, дорогой мой, ты приехал в Портленд жертвой, а покидаешь его оставшимся в живых, — она сжимает мою руку и улыбается.

— Ты думаешь, я первый, кто оставляет подушку у могилы?

— Возможно, — она смеется.

— Ты знаешь, енот или еще кто-то утащит ее.

— Вероятно, — она пожимает плечами. — А птицы и белки растащат цветы.

Я киваю.

— Как ты догадалась привезти ее?

— Ты отдал ее мне вместо того, чтобы выбросить, поэтому я знала, что ты доверяешь мне в решении того, что делать. Честно говоря, я не знала, что делать, пока Вивьен не вернулась из Портленда.

Я смотрю на нее мгновение, затем вздыхаю.

— Это не соизмеримо с тем, что ты сделала, но сейчас это все, что я могу придумать, чтобы сказать, поэтому... спасибо.

Мама улыбается, а ее глаза наполняются слезами.

— Пожалуйста, — она дотрагивается до уголков глаз и вздыхает. — Разве это не удивительно, что плачущая вишня у ее могилы, наконец, зацвела этой весной?

Я улыбаюсь, думая о Вивьен и о бутонах вишни, разбросанных чернилами по ее спине.

— Да, некоторые вещи просто... удивительны.

После того, как мы садимся на самолет и взлетаем, я чувствую себя... свободным. Мое сознание расслабляется при моих любимых мыслях... о Вивьен. Я был жесток с ней и вел себя отвратительно, и в крайней мере непростительно. И если она все еще ждет меня, это будет чудо, но она и является для меня именно... чудом.

Глава 35

Блаженство

Вивьен

Прогноз погоды предвещал снег, но Алекс взывала к милости «большого парня», просила прощения за все свои вспышки капризной невесты, только бы он подарил ей солнечный день. И ее желание было исполнено. Церемония в церкви была идеальной. Алекс выглядела как принцесса, которая вышла прямо из диснеевской сказки, а Шон расположил меня к себе, когда заплакал во время произнесения клятв.

Все собираются у церкви в этот солнечный, но достаточно холодный декабрьский день, чтобы осыпать счастливую пару лепестками роз. Они отъезжают в «Ролс Ройсе» и толпа, которая продолжит веселиться на свадьбе, следует в длинный лимузин.

— Ты выглядишь изумительно, — говорит Кай, когда нас зажали так сильно, что я почти сидела у него на коленях.

— Спасибо, — бормочу я, не глядя на него.

— Кай, ты выглядишь убийственно красивым в этом костюме и галстуке, — Кай пародирует высоким голосом.

Я не хочу улыбаться, потому что утомлена притворством за последние два дня, но эта реплика вызывает невольную улыбку.

— Что это? Настоящая улыбка... Вау! Означает ли это, что мы можем объявить перемирие и прекращение огня на сегодняшний вечер?

— Я думаю, что мы прекратили огонь еще с репетиции свадьбы вчера вечером. Иначе ты был бы мертв.

Другой шафер разливает и передает шампанское. Кай протягивает мне бокал.

— Не увлекайся, Вив. Мне ненавистна мысль, что придется воспользоваться твоим состоянием опьянения позднее.

— Ты — придурок.

— Просто шучу. Ты раньше понимала шутки.

— Ты раньше был моим другом.

— Ай.

Правильно, ай. Я никогда не могла представить себе, что мы с Каем не будем присутствовать в жизни друг друга. Моя ошибка была в том, что я влюбилась в него. Его ошибка, — что он не отпускал меня. Теперь все это ощущается так, будто нас оторвали друг от друга обстоятельства, а раны слишком рваные и свежие, чтобы вылечиться и быть прежними снова. Кажется, именно это

произошло с нами за последние два года в физическом и эмоциональном плане.

— Ну, старый друг, ты не возражаешь встать с моих коленей? — Кай говорит с почтением, когда водитель открывает заднюю дверь.

Я собираю длинную юбку своего кружевного платья цвета золотого металлика и выхожу из лимузина. Ледяной декабрьский ветер режет кожу, когда я пытаюсь удержать накидку на плечах. Мы входим в парадный зал и едем лифтом до самого захватывающего вида бостонского горизонта.

Массивная стеклянная стена загораживает большие круглые столы с белыми льняными скатертями, букеты роз украшают центры столов и мерцающие свечи — все это расположено на полу из красного дерева. Я даже не хочу вникать, какая цифра в долларовом эквиваленте стоит за этой свадьбой.

— Пойдем? — Кай предлагает мне свою руку, когда мы направляемся к главному столу.

Я принимаю его предложение, и мы следуем за всеми остальными гостями. Тут, должно быть, около пятисот или более людей. Не думаю, что знаю хотя бы один процент из них. Мне, определенно, понадобится больше, чем один бокал шампанского, который я выпила еще в лимузине, чтобы встать перед всеми этими незнакомцами и произнести тост.

Объявляют появление Алекс и Шона, толпа аплодирует и свистит, когда они входят в парадный зал. Группа начинает играть, в то время как разносят обед. Я умираю с голоду, но нервозность не позволяет мне есть. Я смотрю на море людей в надежде найти знакомое лицо, чтобы смотреть на него во время своей речи.

Никого.

Может, я буду просто смотреть на Алекс... тоже не подходит. Я обещала ей не плакать, а это не сработает, если я буду все время смотреть на нее. Я бы хотела, чтобы Оливер был здесь. Он успокаивает мои нервы и придает мне уверенности одним взглядом. Скучать по Оливеру тяжело, но не знать, увижу ли я его когда-нибудь снова — подобно медленной смерти. Последние два дня у меня было непреодолимое искушение позвонить ему, но я не могу. Он вернется ко мне, когда будет готов.

Боже... я надеюсь, что этот день настанет.

Я не написала свою речь, и когда подходит моя очередь, я уже начинаю об этом жалеть.

— Теперь мы послушаем подружку невесты, Вивьен Грэхэм.

Я встаю, когда мне протягивают микрофон. Да, я, должно быть, сейчас отключусь, определенно недостаточно алкоголя.

— Привет. — Толпа замолкает. — Приблизительно месяц назад я обдумывала эту великую речь, которая подвела бы итог наших двухлетних взаимоотношений, и она включала в себя все причины, по которым Шон самый счастливый парень в мире, потому что дал тебе свою фамилию, — Шон улыбается мне и целует Алекс в щеку. — Но последние события в моей жизни заставили меня передумать по поводу того, что я хочу сказать вам обоим, итак... — я делаю нервный глоток шампанского и делаю вдох для решительности.

— Я надеюсь, что каждый день у вас будет захватывать дыхание друг от друга. Я надеюсь, что каждый поцелуй будет начинаться как первый, а заканчиваться как последний. Я надеюсь, что вы всегда будете видеть лучшее в себе, отражаясь в глазах друг друга, — я смотрю на Алекс, когда мои собственные эмоции проникают в мои мысли. — Но больше всего я надеюсь, что вы будете просыпаться каждое утро рядом друг с другом, потому что в мире нет другого места, где бы вам

хотелось быть, а не потому, что вам некуда идти. Желая, чтобы вы были домом друг для друга. Я поднимаю свой бокал, группа начинает играть, когда слышатся аплодисменты, и звон бокалов отдается эхом в воздухе. Алекс и Шон разрезают торт и танцуют свой первый танец. Несмотря на мои предположения избежать свадебных танцев, утверждая, что это неоригинально, у меня ничего не вышло и мне пришлось еще раз покинуть зону комфорта и танцевать с Каем.

— Думаешь, мы сможем когда-нибудь снова стать друзьями? — спрашивает он, когда группа играет «Maybe I'm Amazed».

— Я не знаю, понимаем ли мы, как быть друзьями, — я пожимаю плечами. — Ничто не вечно.

— Такое клише, — он качает головой.

— Да, ну, клише — это термин, который используют, когда не хотят признавать правду.

— Так Оливер не твой «долго и счастливо»? Ты не хочешь, чтобы это длилось вечно?

— В данный момент Оливер приземляет меня. Когда я с ним, я не думаю о завтрашнем дне или о следующей неделе, и наверняка уж не думаю о вечности. Я не пытаюсь измерить свою любовь к нему или наше время, проведенное вместе. Я просто хочу быть с ним и, если вместе с этим проходит время, то пусть так и будет.

— А я не приземляю тебя? — спрашивает Кай, когда песня подходит к концу.

Я дарю ему грустную улыбку, когда он отпускает мою талию.

— Нет. Я всегда чувствовала себя, будто парю на десять футов над землей, готовая упасть и, надеясь, что ты заметишь меня... надеясь, что ты поймаешь меня. Но этого никогда не происходило.

— Вив, я... — Кай кривится и качает головой, когда его голос стихает.

— Кай?

Он медленно поднимает на меня взгляд.

— Несмотря ни на что... я прощаю тебе, всё.

Рот Кая открывается. Он кивает, а я разворачиваюсь и ухожу с танцпола. Я делаю дрожащий вдох и моргаю, чтобы скрыть слезы. Прощение вдыхает жизнь в ослабленную душу.

Спиртное льется рекой, играет звездная группа, а из зала открывается лучший вид на Бостон — все это мое на следующие три часа. Мне уже следовало бы чувствовать легкое опьянение и отрываться на танцполе с другими подружками невесты. Но вместо этого я сижу за главным столом, одна, гоня вилкой крошки торта и думая об Оливере. Я не слышала ничего от него или Джеки с тех пор, как она улетела в Портленд. Алекс поглощала каждую минуту моего времени до настоящего момента. Я беру телефон из сумочки, но нет никаких пропущенных звонков или сообщений. Поэтому я делаю то, что сделала бы любая другая одинокая девушка на моем месте... беру еще один кусок торта.

Начинает говорить солист группы:

— Следующая песня — специальная заявка, посвященная кому-то, кто все еще ест торт.

Я застываю с вилкой во рту, пробегая взглядом по залу. Я единственная, кто все еще ест торт?

Затем начинает играть музыка: Рон Поуп «A Drop in the Ocean».

— Да, ты знаешь... — по коже бегут мурашки и волосы встают дыбом, когда он шепчет слова мне в шею, — ... ты — мой рай.

Я не осознавала, сколько слез хранила для него — до этого момента.

— Ты здесь, — шепчу я, медленно поворачивая голову.

Оливер протягивает руку, и, конечно же... я беру ее.

— Я здесь для тебя. Боже, мне так жаль... — он притягивает меня в свои объятия.

— Нет. Не извиняйся, — я качаю головой и цепляюсь за него.

Я так сильно пытаюсь контролировать эмоции, что взрываюсь внутри, не в состоянии больше сдерживаться из-за необходимости действовать правильно по отношению к Оливеру. Это мой эгоистичный момент. Просто не могу сдерживаться ни секунды.

— Я... я не знала... вернешься ли ты.

Он отклоняется и смотрит на меня, вытирая слезы с моего лица кончиками больших пальцев.

— Мне нужно было кое-что отпустить. Но не тебя. Тебя — никогда.

Я улыбаюсь, и он тоже... две ямочки. Но затем моя улыбка гаснет.

Оливер берет в руки мое лицо.

— Что такое?

Я кривлюсь от понимания его слов.

— Ты... простил?

Он прижимается к моим губам своими, заставляя меня замолчать, удерживая меня. Когда он меня отпускает, он склоняется лбом к моему и кивает.

Мы прощаемся с Алекс и Шоном, которые настаивают, чтобы мы — «два голубка» — убирались отсюда. Я чувствую укол вины оттого, что подружка невесты покидает свадьбу раньше жениха и невесты. Но я нуждаюсь в Оливере прямо сейчас.

— Кстати, на тебе это платье выглядит красивым.

Я хихикаю и качаю головой.

— Даже несмотря на размазанную спереди глазурь, — он смотрит через плечо с ухмылкой.

— Что? — я останавливаюсь и смотрю на себя. — Черт возьми! — я тру шоколадную глазурь большим пальцем, но от этого все становится только хуже.

Оливер ухмыляется.

— Не беспокойся об этом. Ты недолго будешь оставаться в нем.

Мои внутренности согреваются, пока мы маневрируем в море людей и столов к выходу. Я пользуюсь возможностью рассмотреть своего сексуального мужчину в костюме, но взгляд останавливается, прикованный к его... кожаным рабочим ботинкам.

— Оливер?

— Да? — говорит он, оборачиваясь назад.

— Что с ботинками?

— Терпение... и ты все увидишь.

— Я не работал некоторое время. Как ты думаешь, я выгляжу дряблым? — спрашивает Оливер.

Глядя через плечо, я прикусываю нижнюю губу и качаю головой.

— Галстук повязан ровно?

Я киваю с громадной улыбкой, мое тело кричит, чтобы он прекратил дразниться.

— Что насчет моей задницы? Эти ботинки заставляют мою задницу выглядеть большой? — Оливер разворачивается и сжимает ягодичные мышцы для меня.

Я начинаю пускать слюнки.

— Оливер!

— Да, любимая?

— Сейчас же!

Он усмехается, заползая на кровать.

— А что ты думаешь об этом? — приподнимая мои бедра, он скользит своей эрекцией между моих ног, дразня мой клитор.

Я на коленях, наклонена вперед, руки пристегнуты наручниками к изголовью кровати; наручники были в моей сумочке подружки невесты — подарок от Алекс.

— Ух, ничего особенного. Ах!

Оливер вбивается в меня и тянет за волосы. Кто этот парень?

Когда он двигается в установленном ритме, отпускает мои волосы и хватает меня за бедра, дотягиваясь одной рукой к клитору.

Наручники хоть и покрыты мехом, врезаются в кожу. Это боль и удовольствие одновременно. Это эротично и сексуально. Это требовательно и игриво... Это я и Оливер — непредсказуемые, разрушенные и неразделимые.

Кожа к коже, сердце к сердцу, в его объятьях — мой дом. Все, что я буду делать в своей жизни — это выполнять ежедневную работу, чтобы потом вернуться к Оливеру.

— Оли?

— Гм? — его грудь вибрирует под моим ухом, когда наши уставшие тела пытаются найти отдых во сне.

— Зачем ты хранил подушку?

Любящие пальцы пробегают по моей спине.

— Я хотел сохранить ее последний вздох.

Эпилог

Оливер

5 лет спустя

Что происходит, когда бизнес-чудик из Гарварда встречается инженерного чудика из Массачусетского технологического института в «Данкин Донатс»? «Распустившиеся цветы».

До того, как Вивьен и ее подруга из МТИ получили свои дипломы, они обе стали миллионерами.

«Распустившиеся цветы» — это так называемые коконы для сна, пережившие коренные изменения.

Они оснащены лечебным освещением, распылителями эфирных масел для стимулирования работы шишковидной железы, музыкой, белым шумом или звуками природы, возможностью использовать массажное кресло, и крышкой, которая является виртуальным экраном с возможностью выбора

декорации. Все настолько реалистично, что даже люди, страдающие клаустрофобией, могут свободно ими пользоваться. Пятнадцать минут, проведенные в «Распустившемся цветке», приравниваются к часам физической релаксации. Они проникли во все большие города, сейчас очень распространены в зданиях корпораций, фитнес-центрах и психиатрических лечебницах.

После окончания университета год назад, Вивьен расширила свою корпорацию здоровья —

«Нераспустившийся цветок», другими проектами, кроме «Распустившегося цветка». Теперь, когда

марихуана законна во всех пятидесяти штатах, она наняла команду докторов и группу ученых,

чтобы возглавить проект «Зеленый горшок». Они проводят долгосрочные исследования, выясняя все

преимущества использования марихуаны в целях здравоохранения, включая влияние канабиса на угнетение воспалительных процессов и предотвращение появления шрамов после сильных ожогов. Что касается меня... мне удалось проспать всю дорогу к вершинам. У генерального директора «Нераспустившегося цветка» пристрастие к парням в галстуках и рабочих ботинках, поэтому теперь я возглавляю их юридический отдел. Мой офис находится рядом с офисом леди-босс, эти кабинеты соединены между собой общей дверью. Мы находим время для частных встреч каждый день, и иногда наши неотложные нужды требуют двух встреч, чтобы решить проблему.

У нас нетрадиционная история любви. Она не выйдет за меня замуж, потому что хочет, чтобы я знал, что она вместе со мной, потому что таков ее выбор, каждый день, несмотря ни на что. Я не прекращаю делать ей предложения, потому что хочу, чтобы она знала, что если брак — это наивысший символ обязательств и любви, я никогда не прекращу хотеть ее — всю ее — навечно. Только мы вдвоем понимаем, насколько это будет разрушительно, если я перестану делать ей предложения, или если она ответит мне «да». Каждый день мы разделяем сумасшедшую любовь, чокнутые эмоции и незабываемую страсть. Мы — это самое лучшее, что когда-либо случилось с нами.

Вивьен

Итак, я не являюсь следующим изобретателем «Амазона», а «Данкин Донатс» я все еще храню бессмертную верность, но теперь у меня великолепная работа и подчиненные, которым нравится работать со мной — как я и обещала, у них четырехдневная рабочая неделя и три выходных. Я делаю это все для собственного удовлетворения, зная, что создаю что-то отличное от других. Деньги значения не имеют, несмотря на то, что мой бухгалтер каждый раз закатывает глаза на мою просьбу повысить работникам зарплату. Деньги и вещи не изменили меня. Я все та же простая девушка, которая безумно влюбилась в парня, изменившего все.

Я не выйду за него замуж... Могла бы, но зачем? Мы не планируем иметь детей — это наше табу. Хотя, после моего утверждения, что я останусь девственницей до конца жизни, я стала немного более сдержанной в использовании слова «никогда». Каким-то образом с Оливером все кажется возможным в моей жизни. А пока, мы балуем двух ребятишек Ченса и Ронни и полугодовалую дочь Алекс и Шона.

Мне нравится представлять всем Оливера как моего парня, так же, как и нравится показывать свою тату, водить машину так быстро, что мочевого пузыря Оливера обдумывает возможность возвращения к поведению в более молодые годы. Может быть, я — бунтарь, а, может, просто не конформист. В любом случае это не имеет значения. Нет других двоих людей, которые могут любить друг друга более неистово, чем мы с Оливером.

— Не могу поверить, что ты делаешь это? — я улыбаюсь, глядя на Оливера без рубашки.

— Я? А как насчет тебя?

— Я профессионал, а ты — девственник.

— Колет, шиплет, жжет... — усмехается он.

— Мне следовало никогда тебе об этом не рассказывать, — ухмыляюсь я.

Он закончил раньше меня.

— Дай-ка посмотреть.

Он поднимает руку, чтобы я могла увидеть вытатуированную черными чернилами надпись сбоку вдоль торса.

Не отступать

— Что думаешь?

— Идеально.

— Правда?

— Абсолютно. Я буду видеть ее каждый раз, когда буду прижиматься к тебе под руку.

Когда со мной закончили, Оливер смотрит на мою поясницу. Теперь это официально. У меня появился один распустившийся цветок вишни. Рядом с цветком в форме буквы «О» расположились буквы «Л» и «И» — Оли. Он вздыхает.

— Выходи за меня?

— Неа.

Мы смеемся, а мастер тату смотрит на нас с довольной улыбкой.

Раньше я думала, что время останавливается, когда мы вместе. Он боялся оглядываться назад, а я боялась смотреть вперед. Теперь я понимаю, что на протяжении всех тех идеальных моментов, когда время, казалось, замирает, мы излечивались и росли, любили и учились в свете сердец друг друга...

Наши две души были как нераспустившиеся цветы.

Примечания

1

Пол Ревир (англ. Paul Revere, 1734—1818) — американский ремесленник, серебряных дел мастер во втором поколении. Один из самых прославленных героев Американской революции. Родился в Бостоне.

2

Вильям Розенберг — американский предприниматель, основал компанию Dunkin' Donuts, которая производила пончики, и сеть кафетериев. В последствие компания развилась в самую большую сеть кафе, где продавалась также выпечка. Родился в Бостоне

3

Надпись над воротами возле библиотеки Уайденера в Гарвардском Университете.

4

Итальянские пирожные в виде твердых трубочек, заполненных подслащенной сыром рик отта, часто содержат орехи, цитрусовые, или кусочки шоколада.

5

Массачусетский Технологический Институт.

6

Данкин Донатс — международная сеть кофеен с пончиками.

7

Эдвард Кристофер Ширан (Edward Christopher Sheeran; род. 17 февраля 1991) — английский автор-исполнитель. Первый коммерческий успех пришёл к нему в июне 2011 года благодаря синглу «The A Team», занявшему третье место в британском чарте. 7 октября 2014 года был выпущен клип на песню «Thinking Out Loud».

8

Сэмюэль Адамс – торговая марка пива, которое производится Бостонской Пивоварней, названного в честь американского революционного патриота.

9

Густой темно-коричневый сироп, получаемый из нерафинированного сахара в процессе переработки

10

Телевизионная программа в США, популярная в 1950-х – начале 1960-х годов, о мальчике, которого звали Бивер Кливер и его семье, которые жили в обычном пригороде.

11

Транспортное управление залива Массачусетс.

12

Пирожок (англ.)

13

Профессиональная американская футбольная команда.

14

Коблер - это пирог, на дне которого сочные, ароматные фрукты, а сверху тесто, похожее на булочки.

15

Штат на северо-западе США.

16

Штат на северо-западе США.

17

Мангольд - вид свеклы с широкими белыми стеблями, которые можно готовить и употреблять в пищу, только без зеленых листьев

18

Netflix - американская компания, поставщик фильмов и сериалов на основе потокового мультимедиа

19

Адвил - обезболивающее и жаропонижающее средство на основе ибупрофена.

20

«J.P. Licks» - лучшее заведение в Бостоне, где подают домашнее мороженое, замороженный йогурт и свежееобжаренный кофе.

21

Amazon.com, Inc. — американская компания, крупнейшая в мире по обороту среди продающих товары и услуги через Интернет и один из первых интернет-сервисов, ориентированных на продажу реальных товаров массового спроса.

22

Джеффри Престон «Джефф» Бэзос — американский предприниматель. Глава и основатель интернет-компании Amazon.com, основатель и владелец аэрокосмической компании Blue Origin и владелец издательского дома The Washington Post.

23

LivingSocial - онлайн маркет, который позволяет клиентам покупать и обмениваться товарами и услугами.

24

Nestle Crunch - название шоколадной плитки, сделанной из молочного шоколада с хрустящим рисом.

25

Godiva - название торговой марки, производящей шоколад премиум класса и сопутствующих продуктов.

26

Форт Нокс - военная база США, находится почти в центре военного городка Форт-Нокс в 30 милях к юго-западу от Луисвилла, штат Кентукки и занимает площадь в 44 000 га.

27

Тони - популярное название премии, ежегодно присуждаемой за достижения в области американского театра, включая музыкальный театр.

28

Маркетинговый термин для обозначения внедорожников.

29

Кентуккском Дерби - лошадиные бега, которые проводятся ежегодно в Луисвилле, штат Кентукки, США, в первую субботу мая, в рамках двухнедельного фестиваля.

30

Янки - Профессиональный бейсбольный клуб, базирующийся в одном из пяти районов города Нью-Йорка Бронксе.

31

Ranera - торговая сеть в США, занимающаяся продажей хлебобулочных изделий, сэндвичей и салатов.

32

CharlieCard - электронный проездной билет для оплаты проезда в метро и в автобусе в пределах Транспортного управления залива Массачусетс.

33

7-Eleven - оператор крупнейшей сети небольших магазинов в 18 странах под управлением Seven-Eleven Japan Co., Ltd, действующий главным образом на основании франчайзинга.

34

Бостон Ред Сокс — профессиональная бейсбольная команда, базирующаяся в Бостоне, штат Массачусетс. Выступающий в Восточном дивизионе Американской лиги Главной лиге бейсбола.

35

California king-sized bed – размером 178см*208см

36

Адирондак - простое грубое деревянное кресло, которое используют на улице. Обычно изготавливается из одиннадцати плоских деревянных досок, представляет собой прямые спинку и сидение с широкими подлокотниками.

37

Эстроген - общее собирательное название подкласса стероидных женских половых гормонов.

38

Влажная мечта - эротическая фантазия, связанная с непроизвольной эякуляцией спермы

39

Гарвард Кримсон - спортивная команда из Гарвардского университета

40

Солджерс Филд роуд - главный бульвар в Бостоне, проходящий через весь город.

41

Ньюбэри-стрит - наиболее очаровательная улица Бостона, где сосредоточены салоны, бутики и рестораны.

42

Черная – карта - карта Американ Экспрес Центурион, известная как Черная Карта, является платежной картой, которая выдается владельцам платиновых карт, отвечающим определенным требованиям. Эта карта предоставляет доступ к различным предметам роскоши, и определенная часть потраченной суммы возвращается на карту в виде бонусов.

43

День независимости США.

44

«Носить сердце на рукаве» означает открыто выражать свои чувства. Фразеологизм восходит к тем временам, когда рыцарь перед турниром прикреплял на рукав эмблему или шарф цветов герба дамы своего сердца (первое письменное упоминание этого выражения встречается в трагедии Шекспира «Отелло», акт 1, сцена 1).

45

Кейп-Код - полуостров на северо-востоке США в 120 км от Бостона, самая восточная точка штата Массачусетс.

46

Детская игровая песенка:

[Name] and [Name] [Имя] и [Имя]

sitting in a tree, сидят на дереве,

K-I-S-S-I-N-G. Целуются.

First comes love, Сначала любовь,

then comes marriage, Затем свадьба,

then comes baby Затем ребенок

in a baby carriage! В детской колясочке.

47

Детская игровая песенка:

[Name] and [Name] [Имя] и [Имя]

sitting in a tree, сидят на дереве,

K-I-S-S-I-N-G. Целуются.

First comes love, Сначала любовь,

then comes marriage, Затем свадьба,

then comes baby Затем ребенок

in a baby carriage! В детской колясочке.

48

Комплекс Кеннеди состоит из трех домов, расположенных на шести акрах (24000 м2) земли на

побережье вдоль Нантакен Саунд на Кейп-Код, Массачусетс, США. Когда-то эти дома принадлежали семье бизнесмена и политического деятеля Джозефа Кеннеди.

49

«Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» — повесть шотландского писателя Роберта Стивенсона. В Лондоне происходят странные события — некий демонический человек по имени Эдвард Хайд, внушающий необъяснимое отвращение всякому, кто с ним общается, делает ряд отвратительных проступков, бессмысленных и жестоких. Выясняется, что он каким-то образом тесно связан с уважаемым в обществе доктором Генри Джекилом. Хайд временами появляется у него дома, и слугам дано распоряжение выполнять все его просьбы. Более того, доктор пишет завещание, в котором в случае своей смерти или исчезновения оставляет всё Хайду.

Однажды доктор Джекил запирается в своем кабинете, отказываясь показываться на глаза, общаясь с домашними неестественным голосом. Предполагают, что преступный Хайд убил доктора и не в силах покинуть дом доктора, выдает себя за убитого.

В найденном посмертном письме, полученном Аттерсоном, доктор Джекил признается, что пришёл к научному открытию, заключающемуся в том, что в человеческой психике существуют одновременно несколько аспектов одной и той же личности, а человек, как таковой есть продукт одновременного совмещённого действия всех этих личностей. В результате не до конца удавшегося научного эксперимента он смог найти способ своему отрицательному «я» временно занимать главенствующее положение. Мистер Хайд, делающий чудовищные злодеяния, — это тот же доктор Джекил, в котором его злое начало получало власть и Джекил мог спокойно грешить в этой оболочке. Однако доктор перестал контролировать процесс своего превращения в Хайда, что и привело доктора к отчаянию и гибели.

50

Джек Дэниэлс — вид виски.

51

Материал (например, гниющие листья, кора или компост), который рассыпают вокруг или по всему участку земли, чтобы обогатить или изолировать почву.

52

Предмет одежды, покрывающий торс и промежность, пошитый в виде цельного изделия, похож на цельный купальник или комбидресс.

53

Название торговой марки, производящей чистящие и дезинфицирующие средства.

54

Виски «Джек Дэниэлс»

55

Порошок, который добавляют в воду или другую жидкость, чтобы приготовить безалкогольный напиток с разными фруктовыми вкусами.

56

Синдром внезапной смерти младенца.

57

Пол Баньен и синий бычок – название двух больших статуй американских народных героев Пола

Баньяна и его быка, которые находятся в Бимиджи, Миннесота.

58

Длинная полоска тонкого пластика, по бокам которого расположены трубки во всю длину. Трубки могут быть присоединены к обычному садовому шлангу. Вода проходит по трубкам и вытекает из маленьких отверстий, разбрызгивая ее на скользящую поверхность. Тогда она становится очень скользкой, что позволяет прыгнуть на нее и скользить по всей длине.

59

Война роз – компьютерная игра, которая переносит игрока в XV век, во времена гражданской войны в Англии, вошедшей в историю как Война Алой и Белой розы. Игроку придется встать на одну из сторон двух враждующих группировок: Плантагенетов — Ланкастеров и Йорков .

60

В США, как правило, используется шкала из пяти буквенных обозначений: «A», «B», «C», «D» и «F». «A» — высшая оценка, «F» (от англ. failure) — низшая, означающая неудовлетворительный результат. Эти обозначения соответствуют первым буквам латинского алфавита в алфавитном же порядке, за исключением буквы «E». Такая система была введена в 1897 году в колледже Маунт-Холиоук (англ.)русск. (штат Массачусетс) и первоначально содержала пять первых букв латинского алфавита от A до E. Годом позже руководство колледжа заменило «E» на «F»

61

Международный аэропорт в Бостоне.

62

Воссоздание известного в Америке исторического протеста в полном масштабе в виде корабля, содержащего музейные экспонаты.

63

Исторический пеший маршрут в Бостоне.

64

Шоу, где посетители могут выйти к микрофону и выступить, записавшись заранее у администратора. Участники зачастую выступают с поэтическими, разговорными, музыкальными и комедийными номерами.

65

В английском языке отсутствует категория рода, поэтому из разговора Оливер не понимает, что Ронни – это девушка. – прим. пер.

66

Скретч-карта — карта из картона или пластика с нанесённой на ней (под защитным непрозрачным и стирающимся слоем) некой секретной информацией.

67

Брайдзилла - невеста, слишком зацикленная на своей свадьбе, к которой относится как к важнейшему событию в истории человечества